

Барнаби Роджерсон

**ДОМ,
РАЗДЕЛИВШИЙСЯ
В СЕБЕ**

Сунниты, шииты и становление Ближнего Востока

Оглавление

Введение	4
Часть первая. Истоки суннитско-шиитского раскола.....	12
Глава 1. Дом, ещё не знавший раскола	14
Глава 2. Под защитой Медины	19
Глава 3. Женщины дома	27
Глава 4. Имам Али: совершенный человек ислама	34
Глава 5. Последнее откровение и Гадир Хум.....	41
Глава 6. Смерть Пророка	44
Глава 7. Праведные халифы и сподвижники Али.....	53
Глава 8. Хусейн в Кербеле	62
Часть вторая. Средневековые халифаты.....	72
Глава 9. Омейяды и Аббасиды	73
Глава 10. Триумф шиитов.....	81
Глава 11. Три тюркские империи	86
Часть третья. Возникновение трёх держав: Турции, Персии и Саудовской Аравии	94
Глава 12. Османы и Сефевиды: столкновение соседей.....	95
Глава 13. Укрепление Ирана.....	102
Глава 14. Выход третьей силы: ваххабитская Аравия	105
Часть четвёртая. Колониальная ночь, 1830–1979.....	113
Глава 15. Дурное правление Персией.....	115
Глава 16. Королевство	125
Глава 17. Турецкая Республика	135
Часть пятая. Революции 1979 года: Ближний Восток преобразается	146
Глава 18. Революция в Иране	148
Глава 19. Мятеж в Мекке	166
Глава 20. Афганские джихадисты	177
Глава 21. Новые османы	183
Часть шестая. Поля сражений XXI века: Сирия, Ирак и Йемен	196
Глава 22. Сирия: расколотый перекрёсток	198
Глава 23. Ирак на чаше весов	224

Глава 24. Два Йемена	249
Часть седьмая. Враг моего врага: Египет, Израиль, США и Катар	266
Глава 25. Некогда лидер: Египет	268
Глава 26. Израиль и антиишиитские союзы.....	276
Глава 27. Америка на Ближнем Востоке	282
Глава 28. Изолированный эмират: Катар.....	287
Часть восьмая. Дальние рубежи: Пакистан, Азербайджан, Чечня и Новый шёлковый путь Китая	292
Глава 29. Пакистан: оплот суннизма.....	293
Глава 30. Мусульманский Кавказ: Азербайджан и Чечня.....	299
Глава 31. Новый Шёлковый путь: Китай и Ближний Восток.....	304
После Газы	308

Введение

«Если бы твой Господь захотел, то Он сделал бы человечество единой общиной верующих. Однако они не перестают вступать в противоречия...».

Коран, 11:118

Ближний Восток обладает и несметными нефтяными богатствами, и глубокой приверженностью традиционной религии. Казалось бы, это должно было принести региону мир и процветание. Однако современный Ближний Восток вновь и вновь сотрясали войны, вторжения, государственные перевороты, кровопролитные пограничные столкновения, гражданские распри и тайные операции. Сегодня мишенью мог стать аятолла, выходящий из мечети в Ираке, завтра — учёный на улице Тегерана, затем — врач и его малолетний сын в Карачи или лагерь беженцев близ Кветты. Время от времени грохот подступает и к Европе: взрываются бомбы в Стамбуле или Москве, воют сирены на улицах Брюсселя, Парижа или Лондона.

Четыре ближневосточных конфликта XX века — 1948–1949, 1956, 1967 и 1973 годов — были непосредственно связаны с Израилем. Однако с тех пор ни одна война уже не велась за само существование этого государства. И всё же на протяжении последних 50 лет военные действия на Ближнем Востоке не прекращались — и нередко казалось, что в их основе лежит древний внутренний раскол ислама на суннизм и шиизм.

Стороннему наблюдателю может показаться, что ожесточённая окопная бойня 8-летней ирано-иракской войны (1980–1988), гражданские войны в Ираке (2013–2017) и Сирии (2011–2019) подпитывались различиями между 2 крупнейшими течениями ислама. Сотни тысяч людей погибли в межконфессиональных войнах, которые вооружённые суннитские и шиитские формирования вели в самом сердце региона — в городах Сирии и Ирака. Пока я писал эту книгу, в исламском мире полыхали ещё 5 конфликтов: в Газе, Афганистане, на побережье Ливии, в Йемене и в Курдских горах. Не угасли ещё и тлеющие угли вражды в Алжире, Ливане и Белуджистане, не говоря уже о расколотом Судане и рухнувшем Сомали.

Причин у этих конфликтов множество, и только йеменский имеет отчётливо выраженные межконфессиональные корни. Но, несмотря на разговоры о столкновении цивилизаций, ни в одном из нынешних конфликтов исламские режимы не сражаются с западными государствами: мусульманский солдат воюет с мусульманским солдатом. На Ближнем Востоке живёт 5% человечества,

однако за время жизни нынешнего поколения регион дал миру 58% всех беженцев и 68% погибших в боевых действиях. Эти цифры относятся к периоду до вторжения в Украину. Сказанное, конечно, не означает, что некоторые из этих конфликтов не были разожжены вмешательством Запада.

После американского вторжения в Ирак миллионы людей были вынуждены покинуть свои дома. Одни бежали, спасаясь от нескончаемого насилия; других намеренно запугивали резнёй в соседних деревнях или публичными казнями представителей определённой конфессии, которых выявляли в автобусах по удостоверениям личности на дорожных блокпостах. Трагическим примером такой целенаправленной межконфессиональной ненависти стала бойня 2 марта 2004 года, когда по шиитским общинам, собравшимся в Кербеле и Багдаде на поминовение Ашуры, ударили 9 начинённых взрывчаткой автомобилей и миномётный огонь. Погибли 178 человек, ещё 500 были искалечены.

Точное число жертв этих кровавых войн между соседскими вооружёнными группировками, вероятно, никогда не станет известно: масштабы внутреннего перемещения населения были огромны. Во время гражданской войны 2 миллиона иракцев бежали из страны, ещё 2,5 миллиона превратились в перемещённых лиц внутри неё. Особенно уязвимыми оказались общины, где сунниты и шииты веками жили бок о бок. Многие из них больше не существуют: более слабое меньшинство было изгнано. Самarra фактически очищена от шиитов, которых вытеснили на юг, тогда как суннитов изгнали из Басры, заставив искать убежища на севере. Багдад лежит непосредственно на линии межконфессионального разлома и был поделён район за районом.

Особенно яростно борьба за территорию — с рэккетом, соперничеством между группировками и их связями с политическими партиями — бушевала в Ираке в 2006–2008 годах. Затем, с возвышением ИГИЛ в 2014–2017 годах, она разгорелась вновь, охватив Ирак и Сирию. Новые разрушения постигли общины в Афганистане, Саудовской Аравии, Йемене и Пакистане.

Что же питает эти разрушительные кровопролития? Действительно ли религиозное разделение на суннитов и шиитов составляет самую суть происходящего — или оно лишь покров, под которым разворачивается иная борьба за власть: соперничество государств и политических идеологий? Какую роль играют в этих конфликтах география и климат, становящийся всё более суровым?

Мы лишь начинаем понимать, насколько тесно человеческая история следует за графиками климатических изменений, и для Ближнего Востока это особенно справедливо. «Арабскую весну» — волну антиправительственных выступлений, которая в начале 2010-х годов привела к вооружённым восстаниям, — наряду со стремлением к политическим переменам

подстёгивали и экономические обстоятельства. Вербовщики ИГИЛ, несомненно, нашли благодатную почву в сельскохозяйственных деревнях, где засуха, вызванная изменением климата, лишила людей средств к существованию. И короли Иордании, и президенты Египта предсказывали, что следующая череда войн разразится уже не из-за веры, а из-за воды.

На первый взгляд современный Ближний Восток легко разделить на 2 противостоящих лагеря, основанных на различных толкованиях мусульманской веры и отдельных традициях. С одной стороны — суннитская Саудовская Аравия, которой правят арабские короли в куфиях; с другой — шиитский Иран под властью аятолл в чёрных тюрбанах. Плечом к плечу с Саудовской Аравией стоят государства Персидского залива, в меньшей степени поддерживаемые такими суннитскими арабскими странами, как Египет и Иордания. США и Израиль поддерживают этот союз, хотя их приверженность, разумеется, не является ни мусульманской, ни арабской и руководствуются они собственными интересами. Шиитский лагерь на Ближнем Востоке возглавляет Исламская Республика Иран, опирающаяся на союзников в Ираке, Сирии, Южном Ливане и Северном Йемене. Этот блок поддерживают Россия и Китай.

Но картина этим не исчерпывается. Существует и 3-й, менее сплочённый лагерь, объединяющий такие независимо мыслящие мусульманские государства, как Оман, Катар и Турецкая Республика. Нельзя не учитывать и влияние международных организаций — например, «Братьев-мусульман», а прежде них панарабской светской партии Баас.

Разобраться в этой дьявольски сложной ситуации нелегко, но возможно. Первая задача тех из нас, кто живёт на Западе и не принадлежит ни к одной из сторон, — постараться понять всех участников и научиться слушать как людей, так и историю. Нам нужно услышать рассказы, питающие воображение мусульманского мира, и, возможно, даже ощутить часть заключённой в них эмоциональной силы. По меньшей мере мы должны знать достаточно, чтобы требовать ответа от собственных политиков, поскольку их вмешательства — даже продиктованные благими намерениями — нередко приводили к обратным результатам.

При всей значимости суннитско-шиитского разделения Ближний Восток пересекают столь же глубокие, а возможно, и ещё более прочные линии этнического и языкового размежевания — соперничество 3 идентичностей: арабской, тюркской и иранской. Турция, Аравия и Иран на протяжении веков оставались 3 господствующими силами региона. Каждая обладает несокрушимым чувством собственной самобытности и гордится тем, что она — тюркская, арабская или иранская. За каждой стоят свой древний язык, свой народ, тысячелетняя история и традиции.

Численность населения этих 3 миров также приблизительно одинакова: в Турции живёт около 72 миллионов человек, в Иране — 80 миллионов, на Аравийском полуострове — 78 миллионов, если учитывать трудовых мигрантов, многие из которых являются мусульманами из Египта, Пакистана, Сирии и Йемена.

Нередко полагают, что эти 3 этнические общности соответствуют суннитско-шиитскому разделению и точно укладываются в границы современных национальных государств. Иран, таким образом, персоязычный и шиитский, Турция — тюркоязычная и суннитская, а Саудовская Аравия — арабоязычная и ультрасуннитская. Но стоит копнуть глубже, и мы обнаружим множество поразительных противоречий, встречающихся почти в каждой главе этой книги. Именно там, где вера или этническая принадлежность вступает в противоречие с большинством населения страны, возникают самые напряжённые точки современного Ближнего Востока. И слишком часто они совпадают с месторождениями нефти.

Турция — сильное национальное государство, гордящееся тем, что стало последним звеном в длинной цепи тюркских империй, веками защищавших ислам. Турецкая Республика — осиротевшая наследница прежней Османской империи, которая 500 лет правила Ближним Востоком и Балканами. Границы современной Турции — лишь бледная тень границ былой империи, но страна полна решимости удержать каждую пядь сохранившейся территории. Её правители яростно противятся отделению юго-восточной трети государства и созданию независимого Курдистана. В этом заключается главная причина столь глубокого вовлечения Турции в недавнюю гражданскую войну в Сирии: сирийских курдов, стойко сражавшихся против ИГИЛ, считают тесно связанными с движением за независимость турецкого Курдистана. Кроме того, Турция давно стремится вернуть себе прежнее положение ведущей силы Ближнего Востока.

Саудовская Аравия, в XVIII веке породившая воинствующую фундаменталистскую разновидность суннитского ислама — ваххабизм, — издавна стремилась объединить Аравию. Саудовский эмират дважды был близок к осуществлению этой цели, причём ещё до открытия первой капли нефти, но оба раза его останавливала военная мощь внешних держав.

Саудиты также опасаются влияния собственного меньшинства: в их восточной провинции Эль-Хаса, где сосредоточены все нефтяные месторождения, проживает многочисленное шиитское население. Эти арабы-шииты составляют угнетённое меньшинство в суннитском королевстве. Это отчасти объясняет враждебность саудовской монархии к растущему влиянию шиитской Исламской Республики Иран.

До Иранской революции 1979 года не существовало ни одного мусульманского государства, управляемого в соответствии с шиитской традицией. Но после 1979 года саудиты наблюдали за возникновением на Ближнем Востоке шиитского полумесяца, состоящего из Ирана и его союзников. Сначала в него вошли Южный Ливан и Сирия, затем он значительно расширился после прихода к власти в Ираке шиитского правительства. Последними союзниками Ирана стали зейдиты Северного Йемена, что привело к поддерживаемой Саудовской Аравией войне против шиитского движения хуситов.

Иран не всегда считал себя частью Ближнего Востока. Он гордится своей древней самобытной культурой, её особыми связями с Центральной Азией и осознаёт свою роль одного из ведущих интеллектуальных центров мировой культуры. На его землях возникло немало великих империй, и современное иранское государство — лишь тень былого величия. Однако и у него есть своё уязвимое место. Если бы Хузестан, арабоязычная провинция на юго-западе страны, когда-нибудь отделился от Ирана, его благосостоянию был бы нанесён сокрушительный удар. В этническом, культурном и языковом отношении Хузестан является арабским, а не иранским, хотя исповедует ту же шиитскую веру, что и остальной Иран. И вновь именно здесь сосредоточена большая часть нефтяных богатств. Хузестан был причиной, желанной добычей и полем сражений чрезвычайно разрушительной ирано-иракской войны 1980–1988 годов.

Одна из центральных мыслей этой книги состоит в том, что обстановка на Ближнем Востоке останется напряжённой, поскольку Турция, Саудовская Аравия и Иран прибегают к дипломатии не только ради победы, но и ради спасения от внутреннего распада. Для них эта борьба — вопрос самого существования.

Даже если бы однажды ночью весь Ближний Восток решил отказаться от всякой религии и закрыть нефтяные месторождения, на следующее утро напряжённость никуда бы не исчезла — из-за древнего соперничества между тюрками, арабами и иранцами. Как мы увидим, оно утихало лишь тогда, когда в конце XIX — начале XX века западный империализм поставил под угрозу уничтожения весь политический уклад Ближнего Востока. В тот период древняя вражда ненадолго отступила перед борьбой не на жизнь, а на смерть за независимость от агрессивных колониальных держав — России, Великобритании и Франции.

У напряжённости на Ближнем Востоке не может быть одного простого объяснения. Каждую страну, а порой каждую провинцию и каждый город необходимо понимать в свете их собственной истории, надежд, страхов и

устремлений. И хотя нефтяные месторождения занимают столь важное место в расчётах современного мира, на самом Ближнем Востоке они не изменили сущности происходящего, а лишь пополнили арсеналы. Основные черты суннитской Саудовской Аравии и шиитского Ирана — равно как и их извечное соперничество — сложились за много веков до продажи первой бочки нефти.

Ещё одна задача этой книги — не просто предсказать геополитические очертания будущего, но и исследовать власть прошлого. Чтобы понять огромную эмоциональную силу верности суннизму и шиизму, нам прежде всего необходимо услышать истории, известные каждому мусульманину. Нельзя скользнуть по эпохе зарождения ислама, словно перед нами какая-то легенда Тёмных веков. Всякий, кто бывал на Ближнем Востоке, знает: основатели ислама и сегодня необычайно живы в воображении мусульман. Члены семьи пророка Мухаммада по-прежнему находят отклик в коллективной памяти и суннитов, и шиитов, давая всем мусульманам героев и злодеев, на которых они равняются, прокладывая свой жизненный путь.

Мекка и Медина VII века н. э. — I века хиджры — обладают для каждого верующего неодолимой притягательностью. Тем из нас, кто вырос на Западе, очень трудно постичь, с какой страстью прошлое сопрягается с настоящим в исламском мире. Это одно из самых глубоких и неожиданных различий между Западом и Востоком. Во время путешествий по мусульманскому миру я повсюду встречал историю как живой рассказ, тогда как на Западе мы обладаем роскошью жить настоящим, не испытывая настоятельной потребности хранить память о мучениках, героях и погребённых цивилизациях.

Важно также помнить: то, что разделяет суннитов и шиитов, гораздо менее существенно, нежели то, что их объединяет. Все мусульмане читают один и тот же Коран, почитают одного и того же пророка Мухаммада, одинаково молятся, постятся и совершают паломничество в Мекку. Во всех важнейших внешних проявлениях веры они почти неразличимы. Их духовные представления также очень близки, поскольку на протяжении большей части истории исламского мира им правили люди, не отвечавшие ни шиитскому, ни суннитскому идеалу «законной власти».

Шииты верят, что ещё до того, как Пророк был погребён, мусульманская община лишилась законного, назначенного Богом духовного руководства, которое направило бы её по пути действенного и всеобъемлющего сострадания. Сунниты судят не столь сурово, однако и они полагают, что власть истинно благочестивых мусульман просуществовала менее 30 лет после смерти Пророка. Они почитают правление лишь первых 4 халифов — Абу Бакра, Умара, Усмана и Али. Большинство современных суннитских учёных считает, что истинный ислам существовал только при поколении, обучавшемся у самого

Пророка, — его «сподвижниках». Через 3 поколения эта священная эпоха благочестивых предшественников — салафов — угасла.

Очень важно понять: ни один серьёзный мусульманский учёный, будь то шиит или суннит, не считает правителей исламского мира после смерти Али в 661 году истинно законными. Стороннему наблюдателю все династии мусульманских халифов представляются одновременно политическими и духовными вождями, но внутри самих исламских общин их воспринимали иначе. На протяжении истории политическая власть нередко пыталась облачиться в мантию суннитского или шиитского духовного авторитета, но редко добивалась в этом продолжительного успеха.

«Султаны» — всего лишь люди, обладающие властью; именно они господствовали в исламском мире начиная с 661 года. Лишь немногие из них снискали уважение как военные предводители своей общины. Но подлинными и неизменно почитаемыми героями исламского общества — как шиитского, так и суннитского — на протяжении последних 1400 лет были «шейхи»: кроткие учёные и почтенные старцы, страдавшие за свою веру. Они не стремились к должностям и власти, но постепенно заслуживали уважение общины благочестием, скромностью жизни и принципиальностью своего учения.

Шиитские и суннитские мыслители вот уже 1400 лет ведут непрерывный диалог. На страницах этой книги я расскажу о нескольких случаях, когда шиитская интеллектуальная традиция была близка к тому, чтобы занять место рядом с 4 школами суннитского права. Мысль о таком единстве — о 5 правовых школах — выдвигали многие мусульманские учителя, особенно посвятившие жизнь общеисламскому единству.

Самым очевидным связующим звеном здесь является Джафар ас-Садик — «Правдивый», который был одновременно 6-м имамом шиитов и потомком Абу Бакра, 1-го суннитского халифа. При жизни (702–765) Джафар отказался принять официальную политическую должность от аббасидского халифа — не говоря уже о том, чтобы оспаривать его право на халифат. Он предпочёл служить мусульманской общине как простой учёный, хотя и окружённый огромным почтением.

Как мы увидим, власть султанов — буквально «обладающих властью» — сохраняется и по сей день. Западные политики, стремящиеся найти человека, с которым можно разговаривать и заключать сделки, часто называют таких правителей «умеренными мусульманами». Но в каждом поколении им бросали вызов принципиальные учёные-шейхи, требовавшие править в соответствии с недвусмысленной справедливостью мусульманской веры.

Этот диалог султана и шейха лежит в самой сердцевине жизни любой исламской общины — суннитской или шиитской, суфийской или салафитской.

Именно он придаёт изучению мусульманских цивилизаций неиссякаемую увлекательность: непрерывный поиск совершенного прошлого, когда Дом ещё не был расколот, когда пророк Мухаммад вёл, наставлял и вдохновлял первую общину. Если всё это хоть немного вас заинтересовало — читайте дальше.

Часть первая

Истоки суннитско-шиитского раскола

Для всех мусульман — и суннитов, и шиитов, последователей самых разных традиций, от ваххабизма до суфийского мистицизма, — всё восходит к дому пророка Мухаммада в Медине VII века. В Медине Пророк провёл последние 10 лет своей жизни, с 622 по 632 год. Каждый мусульманин почитает эту эпоху как образец праведного духовного правления.

Чтобы понять последующие разделения, необходимо знать историческую реальность жизни Пророка, ощутить силу рассказов, которые мусульмане слышат с рождения, и узнать о роковых событиях, помешавших Али — двоюродному брату и зятю Пророка — быть признанным законным главой общины. Эти повествования очертили границы и задали строй религиозному сознанию, сохраняющемуся уже 1400 лет.

Все мусульмане верят, что пророк Мухаммад был смертным человеком. Осиротев в детстве, он был вынужден зарабатывать себе на жизнь в доме дяди: сначала пас овец, а затем сопровождал караваны верблюдов. Дядя Мухаммада был одним из родовых шейхов влиятельного племенного союза купцов — курайшитов, которые в тот период арабской истории господствовали на пустынном торговом пути, соединявшем Йемен с торговыми городами Сирии. Поэтому Мухаммад, хотя и бедный и неграмотный, принадлежал к признанному и влиятельному племени, средоточием которого была Мекка — торговый город и важнейшее святилище языческой Аравии.

Мухаммад от природы тяготел к благочестию и духовным исканиям. Однако дар пророчества, превративший его в провозвестника Слова Божьего, впервые снизошёл на него в устрашающем откровении, когда ему исполнилось 40 лет. Следующие 12 лет он продолжал жить в Мекке. Когда преследования его самого и его последователей усилились, они переселились в безопасную Медину, жители которой уже согласились защищать мусульман и признать Мухаммада своим судьёй.

Именно там Мухаммад завершил цикл откровений, позднее собранных в Коран, который при его жизни существовал преимущественно в устной форме. Все мусульмане признают один и тот же Коран; все изучают и почитают решения, суждения и изречения Пророка, впоследствии собранные последующими поколениями в виде хадисов.

Лишь к концу жизни Пророка становятся заметны первые едва различимые расхождения между шиитами и суннитами. Самым очевидным из них был спор

о том, кому надлежит унаследовать руководство общиной после его смерти. Шииты верят, что Али продолжил бы духовное развитие мусульманской общины. Под деятельным руководством династии святых имамов она всё больше посвящала бы себя заботе о бедных и страждущих и следованию идеалу священной бедности. Сунниты направляют свои силы на воссоздание верований и обычаев ранней мусульманской общины, какой она была при Пророке и его «праведных преемниках» — первых 4 халифов.

Глава 1

Дом, ещё не знавший раскола

Медина (622–632)

С 622 по 632 год пророк Мухаммад жил в оазисе Медины. Это был единственный период его жизни, когда он обладал политической властью, — эпоха, воспринимаемая как время идеальной общины. Она началась, когда ему было 52 года, и завершилась с его смертью в возрасте 63 лет.

Домом Пророку служил обнесённый стеной двор. В одном его конце находилось помещение для молитвы — нехитрое сооружение из балок и пальмовых стволов, опиравшихся на прочную каменную стену; в другом стояло несколько хижин. В каждой жила одна из жён Мухаммада, а лёгкие занавеси отчасти скрывали их жилища друг от друга. У самого Пророка собственной комнаты не было, и каждую ночь он проводил у одной из жён.

Дом жил необычайно оживлённой жизнью. Он одновременно служил мечетью, семейным жилищем, общественной кухней, иногда больницей, кладовой и местом собраний. По-видимому, пищу готовили и сообща, и по отдельности, поэтому вокруг постоянно сновали люди, приносившие воду, дрова и продукты. В часы общей молитвы двор мог быть переполнен, как базар, хотя правила таких собраний отличались удивительной свободой. После молитвы люди оставались, чтобы посоветоваться с Пророком о личной беде или духовном затруднении, обратиться с прошением либо поведать тревожный сон. Гостям предписывалось лишь одно: поев, отправляться домой и не тревожить хозяев во время послеполуденного отдыха.

Эти обычаи и поныне определяют мусульманское гостеприимство: гостя непременно накормят — будь то на роскошной свадьбе во дворце султана или за чашкой чая в простом бедуинском шатре. Дом-мечеть остаётся образцом для всех мусульман. Это Дом, ещё не знавший раскола, где политика, религия, друзья и семья соединялись под руководством пророка Мухаммада.

Я часто размышлял об этом доме. Мне виделся не безупречно белый архитектурный прообраз первой мечети, а шумное жилище, полное повседневного беспорядка большой семьи. Там громоздились тюки и поклажа, в том числе по меньшей мере 2 походных шатра, лежали связки тростниковых циновок, сновали пасынки, внуки и любимые животные — особенно кошки, которых Мухаммад очень любил.¹ В одном рассказе говорится, что Пророк,

¹ Существует множество рассказов, свидетельствующих о любви Мухаммада к кошкам. В одном известном предании рассказывается, как однажды перед рассветом,

утомлённый неумолчным оживлением своего дома, сумел уединиться лишь на крыше, где и заснул.

Во дворе жили и верблюды. В молодости, когда Мухаммад сначала пас стада, а затем ходил с караванами по Центральной Аравии, ему, вероятно, довелось узнать сотни, если не тысячи верблюдов. Его любимой верблюдицей в Медине была Кусва — «Рассечённые уши». Во время переселения из Мекки в Медину, когда они с Абу Бакром отправились в путь всего на 3 верблюдах, Мухаммад настоял, чтобы друг продал ему Кусву.

Рассказывали, что именно Кусва выбрала место для дома в Медине. Пророка осаждали столь многочисленные приглашения остановиться в разных домах оазиса, что, не желая обижать никого из хозяев, он выпустил поводья и позволил верблюдице идти куда ей вздумается. Она долго бродила по песчаным переулкам и наконец остановилась в заброшенном дворе, где хранили финики. Мухаммад снял поклажу и седло, объявил, что нашёл место для ночлега и дальше не пойдёт. Он остался там и на следующую ночь, затем ещё на одну, а со временем выкупил двор у его владельцев — 2 сирот. На протяжении последующих месяцев двор постепенно превратился одновременно в его дом и первую мечеть ислама.

Некоторые наружные стены двора укрепили, постепенно появились различные хижины и навесы. Вероятно, там хранился корм, поскольку, помимо Кусвы и Муэззы, в хозяйстве имелись 2 скаковых верблюда — аль-Адбаа и аль-Джадаа, а также 2 лошади: прекрасная чалая кобыла Муртаджаз — «Неудержимая» — и тёмный жеребец Сахб — «Стремительный».

В последние годы жизни Пророка сопровождал и чёрный осёл Яфур — «Газель», прозванный так за лёгкую, изящную поступь. Яфур попал в дом вместе с коптской наложницей Марией: обоих прислал правитель Египта, которого мусульмане называли Мукаукисом.¹

С Яфуром связано множество благочестивых и удивительных преданий. Говорили, будто он видел ангелов, невидимых людям, а когда желал — мог говорить. Согласно другим рассказам, он был последним представителем

встав для приготовления к утренней молитве, Мухаммад отрезал рукав своего плаща, чтобы не потревожить спавшую на нём Муэззу. Эта кошка заслужила столь почётное отношение тем, что однажды предупредила Мухаммада о притаившейся гадюке и тем самым спасла ему жизнь.

¹ Весной 628 года Пророк отправил правителю Египта письмо, призывая предводителей истерзанного войнами Ближнего Востока объединиться под знаменем общей веры в единого Бога. Правителем Египта в то время, вероятно, был назначенный персами чиновник, поскольку сасаниды к тому времени завоевали византийскую Александрию. Он ответил письмом, сопроводив его дарами.

древнего рода ослов, которые на протяжении 60 поколений служили целой череде пророков — от Моисея на Синае до Иисуса на пути в Иерусалим. Рассказывали также, что после смерти Пророка Яфур от отчаяния попытался броситься в колодец, ибо знал: Мухаммад был последним из пророков.

Мухаммаду принадлежал и белёсый мул по имени Дулдул — «Докучливый» или «Колеблющийся», что звучит несколько неожиданно для столь любимого животного. Известно, что Дулдул нёс Пророка сквозь бурные события битвы при Хунайне.

Победоносные полководцы обычно вступают в бой на великолепных вороных жеребцах — подобно Александру Македонскому на Буцефале — или торжественно шествуют по покорённому городу на статном белом коне. Мул же — неприхотливое животное невысокого положения, бесплодное и упрямое. Поэтому появиться на нём во главе войска вполне соответствовало отказу Мухаммада от богатства и титулов. На мулах и ослах можно ездить без седла и стремян, свесив обе ноги на одну сторону.

Образ седобородого старца, едущего рысью по дороге на светлом муле или тёмном осле, без оружия и богатой сбруи, и сегодня глубоко трогает мусульманина. Такой человек следует примеру Пророка, одно из ласковых прозваний которого — *Сахиб аль-Химар*, «Владелец осла». Харизматические исламские реформаторы — например, Абу Язид в Тунисской Сахаре и Ибн Тумарт в Атласских горах Марокко — сознательно обращались к этому образу сокрытой силы истинного предводителя. В нём подчёркивались бедность и смирение подлинного ислама, противопоставленные золоту и блеску конных войск правящего султана.

Шииты любят вспоминать, что забота о Дулдуле и Яфуре перешла к их герою Али как часть его скудного наследства. Эти 2 старых, печальных животных символизируют священную бедность, завещанную Мухаммадом духовному наследнику, и в некотором смысле служат знаками истинного мусульманского вождя. Наряду со всеми прочими признаками мусульманин всегда узнает подлинно святого предводителя по скромности его ездового животного.

Официальная политическая роль Пророка в Медине была достаточно скромной. Ещё до бегства от преследований в Мекке её определили в его ближайшем кругу посредством публичной клятвы. Позднее клятву повторили перед более широким собранием, а затем закрепили в письменном правовом документе. Мухаммад должен был стать верховным посредником в спорах между мусульманами оазиса.

Можно было бы предположить, что положение человека, возвещавшего божественные откровения Корана, наделяло Мухаммада абсолютной и неоспоримой властью. По-видимому, это было не так. Последователи никогда

не ставили под сомнение авторитет Корана, но считали себя вправе обсуждать решения Мухаммада, если те не исходили из божественного откровения.

Коран ниспосылался Мухаммаду стих за стихом на протяжении 22 лет, а авторитетно записан был лишь через 2 десятилетия после его смерти. Первый аят стал для Мухаммада потрясающим и пугающим переживанием: его продиктовал архангел Джibrил. Позднейшие коранические аяты нередко нисходили на Пророка внезапно, когда он находился в уединённом месте — хижине, шатре или пещере. Иногда их явление видела одна из его жён, но никогда — множество последователей-мужчин. Пророчество никогда не становилось публичным представлением или проповедью перед собранием верующих: оно совершалось в домашнем пространстве. Безусловное уважение к неприкосновенности дома всегда оставалось неотъемлемой чертой исламского общества.

Власть Мухаммада в Медине ничего не заимствовала у существовавших образцов царской власти. Арабы прекрасно знали обычаи царей: великолепные дворы византийских кесарей в Константинополе, персидских сасанидских шахов в Ктесифоне, а также князей Аравийской пустыни из династий Гассанидов, Лахмидов и Кинда. При этих дворах присутствовали все зримые выражения монаршей власти: роскошные одежды, конные эскорты, позолоченные украшения, дворцовая стража, безмолвные церемониймейстеры, огромные залы ожидания и торжественное благоговение тронного зала.

Мухаммад презирал шёлковые и парчовые одежды и украшения из драгоценных металлов, считая их проявлением гордыни. Он отвергал длинные сшитые по фигуре штаны, которые в те времена прочно связывались с образом доблестного арабского всадника. Его одежды были свободными и простыми, сшитыми из ткани, которую пряли и ткали у него дома.

Неформальное ядро мусульманской общины составляли испытанные и верные друзья, многие из которых были связаны десятилетием совместных гонений и многочисленными нитями брачных союзов. Пророк мог поручить им возглавить посольство, принять командование военным набегом, отправиться с проповедью, доставить письмо или официально подтвердить получение благотворительной десятины. Они принимали поручение, исполняли его и затем без лишнего шума возвращались в семейную хижину в одном из селений оазиса.

Для них не существовало ни дворцового квартала, ни привилегированного предместья с обнесёнными стенами садами. Не было и формальной иерархии или системы чинов, если не считать почтения к тем, кто пострадал за веру и исповедовал ислам. Но даже этот знак праведного отличия Пророк вновь и вновь оставлял без внимания, доверяя ответственное поручение недавнему

обращённому. Бедуинские племена Аравии, принявшие ислам или заключившие мирный договор, оставались под властью своих исконных шейхов.

Всё это создало поразительный политический образец для будущих мусульманских правителей — как суннитов, так и шиитов. Это пример власти, предъявляющий к правителю чрезвычайно высокие требования: он должен быть доступен людям, сострадателен, человечен и честен и жить согласно проникновенной молитве Пророка: «Господи, дай мне прожить бедняком, умереть бедняком и воскреси меня среди бедных».

Мусульмане всегда в той или иной мере судят своих правителей, сопоставляя их поступки с поведением Пророка. Правитель должен уметь выслушивать людей, а не только повелевать ими, и быть готовым разделить трапезу с любым человеком, а не только с богатыми и влиятельными. В своей жизни он должен помнить слова Пророка: «Что такое гордыня? Это презрение к другому человеку».

Он также должен открыто радоваться простым удовольствиям семейной жизни. Жизнеописание Пророка создаёт идеальный образ мусульманского вождя, приблизившегося к мудрости старости и окружённого любящими детьми, 1 или 2 внуками и давними друзьями, с которыми он поделил жизнь, исполненную простоты, скромности и страстных духовных исканий.

Ни одному правителю не следует стыдиться сиротского детства, бедности или того, что в юности ему приходилось трудиться, чтобы прокормить себя, а затем содержать семью. Не следует ему стыдиться и скудости своего формального образования: мальчиком Мухаммад жил среди стад и верблюжьих караванов и никогда не учился в университете.

На протяжении всей исламской истории разрыв между идеалом, установленным Пророком, и реальностью политической власти оставался непрестанной трагедией.

Глава 2

Под защитой Медины

Клятвы верности, Мединская конституция и бегство из Мекки

Когда в середине лета 622 года Мухаммад прибыл в оазис Медины, к нему присоединилась группа из всего 80 последователей, пришедших из его родной Мекки. Мусульмане были разорены торговым бойкотом, устроенным главами мекканских родов, а небольшая группа верующих, включая одну из 4 дочерей Пророка, спаслась от преследований в христианской Эфиопской империи.

За 2 года до этого Мухаммад похоронил на кладбище Мекки 2 самых дорогих ему людей — дядю Абу Талиба и жену Хадиджу. Во время гонений в Мекке он рассматривал разные места, где его последователи могли бы обрести безопасность, в том числе близлежащий оазис Таиф. Но выбор пал на Медину после того, как делегация местных мусульман пришла к нему и поклялась его защищать.

Мухаммад покинул Мекку под покровом ночи. Его спасла отвага двоюродного брата Али, который лёг на его постель во дворе, чтобы ввести преследователей в заблуждение. Благодаря этому Пророк избежал почти неминуемой гибели от рук убийц, собранных языческими родами города.

3 дня и 3 ночи, пока поисковые отряды пытались выйти на его след, Мухаммад скрывался в небольшой пещере вместе со старым другом Абу Бакром. Коран повествует, что обоим беглецам был дарован божественный, неземной покой.¹ Им помогал сын Абу Бакра Абдаллах. Он прогонял семейное стадо коз мимо пещеры, чтобы беглецы могли вдоволь напиться молока, а вечером, когда животные возвращались, их копыта заматали все следы людей.

Рассказывают, что однажды вооружённый отряд добрался до пещеры, но её вход оказался затянут паутиной, а рядом гнездилась сизая горлица, и преследователи прекратили поиски. На 3-й день дочь Абу Бакра принесла им еду, после чего обоих мужчин отвели в уединённую долину, где их ожидал бедуин с 3 верблюдами для долгого пути в Медину.

¹ «Если вы не окажете ему (Мухаммаду) поддержки, то ведь Аллах уже оказал ему поддержку, когда неверующие изгнали его. Он был одним из тех двоих, которые находились в пещере, и сказал своему спутнику (Абу Бакру): «Не скорби, ибо Аллах — с нами». Тогда Аллах ниспослал ему спокойствие и поддержал его воинами, которых вы не видели...» (Коран, 9:40).

Мусульманские рассказчики любят эти истории, в которых и смиренный паук, и воркующая горлица вносят свой вклад в спасение Пророка, становясь орудиями Божьей воли. Для суннитов этот эпизод имеет особое значение ещё и благодаря роли Абу Бакра — 1-го суннитского халифа.

Переселение от гонений в Мекке к безопасности Медины положило начало истории ислама как самостоятельной общины. Позднее именно оно было избрано начальной точкой исламского летосчисления — хиджры. Мухаммад покинул Мекку 16 июня 622 года — в 1-й день мусульманской эры. С этой даты сведения о жизни Пророка становятся гораздо более точными. Для мекканского периода — и особенно для первых 40 лет жизни Мухаммада — определить точные даты удаётся далеко не всегда; после его прибытия в Медину возникает уже общепринятая хронология событий.

Разделение жизни Пророка на мекканский и мединский периоды отражено и в 114 сурах Корана. Мекканские суры короче, выразительнее и всеобъемлющее. В них звучит мысль о Боге как Творце Вселенной, поддерживающем небеса и землю, и о близости грядущего Судного дня.

Сура 93 начинается незабываемыми словами:

«Клянись утром!

Клянись ночью, когда она успокаивается (или покрывается мраком)!

Не покинул тебя твой Господь

и не возненавидел».

Сура 100 открывается образом боевых коней, выбивающих искры из камней, а затем обращается к размышлению о нравственном поведении:

Клянись скачущими, запыхаясь!

Клянись высекающими искры копытами!

Клянись нападающими на заре!

Тем самым они поднимают столб пыли,

и врываются с ним (сос столбом пыли и с всадниками) в гуцу.

Воистину, человек неблагодарен своему Господу,

и он сам является тому свидетелем.

Воистину, он страстно любит блага.

Неужели он не знает,

что, когда будет опрокинуто то, что в могилах,

и когда обнаружится то, что в груди,

в тот день Господь их будет осведомлён о них?

В противоположность им 24 откровения, ниспосланные в Медине, длиннее и практичнее. Они сосредоточены на вопросах, стоявших перед зарождавшейся мусульманской общиной: законе и войне, браке и наследовании. В них также

обнаруживается осознанное присутствие лицемеров внутри растущей общины — тема, изначально заложившая в исламе представление о различии между истинно верующими и всеми прочими.

В ортодоксальном суннитском мире всегда существовала склонность подчёркивать значение Мекки, её место в Аравии и ведущую роль господствовавшего там племени курайшитов. Суннитские учёные с увлечением разбирают различия между 14 родами курайшитов, среди которых был и род самого пророка Мухаммада — бану Хашим. Это пристрастие вполне объяснимо: одним из главных доводов в пользу суннитского халифата было утверждение, что правитель мусульман непременно должен происходить из курайшитов.

Шиитские историки уделяют больше внимания историческим лицам, не связанным с Меккой, и тесным личным связям Мухаммада с Мединой. Его мать Амина, хотя и происходила из мекканского рода, воспитывалась в Медине в доме своей мачехи Ругайабы. Последним её поступком как матери стало путешествие через пустыню, куда она взяла маленького сына, чтобы познакомить его с родственниками по мужской линии в Медине.

По отцовской линии Мухаммад также был тесно связан с оазисом. Его прабабкой была Сальма бинт Амр — властная и независимая женщина из влиятельного мединского рода бану Надджар. Сальма обладала достаточной уверенностью и свободой, чтобы самой выбирать себе мужей, и Хашим, мекканский прадед Мухаммада, был лишь одним из нескольких её супругов. Во время частых торговых поездок Хашим останавливался у Сальмы, однако она никогда не переселялась в Мекку и продолжала самостоятельно вести свой дом и дела в Медине.

Их сын Абд аль-Мутталиб, почитаемый дед Мухаммада, воспитывался матерью в Медине, пока не достиг возраста, позволявшего сопровождать отца в поездках. В молодости, странствуя с караванами, Мухаммад должен был хорошо узнать Медину. Оазис служил важнейшей остановкой на пути к северу — в Сирию, Египет и Ирак.

Вероятно, в 619 году во время ежегодной мекканской ярмарки Мухаммад обрёл среди жителей Медины первых последователей своей новой монотеистической веры, проповедуя паломникам в шатре. К следующей ярмарке-паломничеству число обращённых достигло 12. По окончании ярмарки они принесли Мухаммаду личную клятву верности, известную как *байат ан-ниса*, и пообещали вести нравственную жизнь, достойную мусульманина.

Возвращаясь в Медину, эта группа увезла с собой одного из самых юных последователей Мухаммада — 18-летнего Мусаба ибн Умайра, позднее получившего прозвание аль-Хайр — «Благой». Хотя Мусаб происходил из

богатой семьи, он проявил себя образцовым мусульманином, избрав жизнь в бедности и служение милосердию. Вдохновлённая его примером, эта ранняя группа мусульман достигла необычайного согласия между враждовавшими родами.

Для Медины это имело особое значение. Более века оазис раздирали вражда между 2 соперничающими племенными союзами — аус и хазрадж. Их неуклонно разрушительное противостояние достигло кульминации в битве при Буасе, состоявшейся близ оазиса в 617 году. Это кровопролитие поставило под угрозу само существование Медины. Поэтому согласие, достигнутое первой группой обращённых мусульман, произвело на всех огромное впечатление.

Именно в этих обстоятельствах в 621 году из Медины прибыла группа из 75 человек, чтобы поклясться в верности Мухаммаду. В делегацию входили родовые вожди обеих противоборствующих сторон. Присяга состоялась при лунном свете на каменистых склонах Акабы — священного холма на полпути между Меккой и Миной.

Дядя Мухаммада Аббас, который тогда ещё не был мусульманином, дождался окончания проповеди и обратился к мединской делегации:

— Мы защищали его, насколько могли... Если вы способны оградить его от врагов, примите на себя бремя, которое решили понести. Но если, забрав его с собой, вы намерены выдать и предать его, лучше оставьте его здесь: на родине его уважают и хорошо защищают.

Тогда вперёд выступил Бара ибн Марир, один из военных предводителей Медины. Взяв Мухаммада за руку, он ответил:

— Клянусь Тем, кто послал тебя с истиной, мы будем защищать тебя так же, как защищаем собственных близких. Прими же нашу присягу, Посланник Божий. Мы — люди войны и владеем оружием, которое передавалось нам от отца к сыну.

Мухаммад ответил:

— Я ваш, а вы — мои. С кем воюете вы, с тем воюю и я. С кем заключаете мир вы, с тем заключаю мир и я.

Делегаты из Медины — среди них были и 2 женщины — попарно подходили к Пророку, брали его за руку и подтверждали свою клятву. Она получила название 2-й присяги при Акабе — *байат*, или «клятва войны».

Эта устная клятва легла в основу первого письменного документа исламского мира — Мединской конституции, которая признавала свободу вероисповедания, поскольку 3 местных рода исповедовали иудаизм. Она также подтверждала, что 12 родов оазиса сохранят собственные формы самоуправления. Мусульмане, составлявшие тогда ничтожное меньшинство, становились почётным 13-м родом во главе с Мухаммадом. Любое насилие внутри оазиса запрещалось. Все

его роды признавали Мухаммада посредником при разрешении споров. Его назначали не Пророком и правителем, а судьёй-мироотворцем — шейхом.

Даже после военных побед, одержанных в последующее десятилетие, даже после того, как вся Аравия приветствовала Мухаммада как пророка Божьего, а наместники далёких империй признали его политической силой, он не стремился выйти за пределы скромного положения, отведённого ему этим документом. В отличие от прочих правителей, он не проявлял интереса к созданию управленческого аппарата, проведению границ провинций и округов или назначению сборщиков налогов.

Всякому, кто желает понять сущность исламского общества, необходимо прочувствовать значение этого обстоятельства. Мухаммад стремился не к земной власти, а к тому, чтобы научить людей правильному поведению — в отношении семьи и соседей — и побудить их приобщиться к более широкой общине, включающей стариков, бедняков и заблудших. Их призывали не присягнуть новой империи, а обратить свой страх и надежду к непостижимому Богу, с которым им предстояло встретиться в Судный день.

С самого начала признавалось, что эти нравственные высоты ислама предстоит защищать хорошо вооружённым и закалённым в боях воинам. Однако мусульманский вождь, будучи признан нравственным наставником общества, не обязан был осуществлять повседневное управление. Благодаря этому ислам с необыкновенной лёгкостью распространял своё влияние за пределами прежних границ.

Наставника в нравственных истинах Корана — имама, руководящего ежедневной молитвой, или шейха — могла принять любая самоуправляющаяся община. Имам объяснял, как должен жить благочестивый мусульманин. Но прежние вожди и влиятельные люди сохраняли своё положение при условии, что их поступки соответствовали нравственным наставлениям исламского учителя. В ответ они обеспечивали ему военную защиту и признавали высшим судьёй. Все запутанные и зачастую грязные подробности управления государством могли по-прежнему оставаться в руках старых властителей.

Ислам никогда особенно не интересовался точным устройством политических институтов, если его нравственный закон признавался безусловно стоящим над земной властью. Особенно это справедливо для суннитской традиции. Хотя шииты стремятся к более могущественному в политическом отношении имаму, управляющему всем обществом, на практике такого правителя у них никогда не было — как мы ещё увидим, — и потому к ним сказанное, возможно, применимо в ещё большей степени.

Но вернёмся к опалённым солнцем, усеянным камнями горам вокруг торгового города Мекки. Мухаммад уже получил от мединской делегации клятву верности и обещание защиты. В укромной долине он и Абу Бакр садятся на верблюдов. На 3-го верблюда они грузят поклажу и жизненно необходимый запас бурдюков с колодезной водой.

Чтобы сбить врагов со следа, путники сначала едут в сторону, противоположную Медине, — на юго-запад. Затем поворачивают на север, следуя вдоль берега Красного моря, и лишь убедившись в безопасности, направляются строго на восток. Путь был необычным, но после 8 дней тяжёлой скачки они достигли Кубы — одного из отдалённых мединских селений. Там они 3 дня пользовались полагавшимся путникам гостеприимством, после чего торжественно вступили в оазис.

Мухаммад покинул Мекку одним из последних, поэтому почти все 80 его последователей уже находились в Медине и встречали его молитвами и слезами радости. Примерно столько же мусульман происходило из самой Медины. Мухаммад попросил каждого мединца принять у себя одного мекканского беженца, кормить его, предоставить кров и помочь найти занятие.

Мекканцы были торговцами и почти ничего не знали о возделывании небольших, но тщательно обработанных участков оазиса с их сложной системой орошения под сенью пальм. Однако существовало немало простых работ: обслуживание колодцев, помол зерна, изготовление сырцовых кирпичей и плетение повсеместно употреблявшихся пальмовых циновок, из которых делали стены, потолки, подстилки и мешки. Сам Мухаммад не желал оказывать предпочтение какому-либо роду или становиться для него обузой, поэтому выбрал себе в пару неимущего юного двоюродного брата Али.

Следующие 7 месяцев 2 мусульманские общины — мединские ансары, «помощники», и мекканские мухаджиры, «переселенцы», — в ночной прохладе возводили наружные стены первой мечети, служившей одновременно домом Мухаммада.

Я помню, как в молодости однажды сошёл ночью с автобуса в городе-оазисе. Меня привлекли яркий свет, песнопения и кипучая энергия ночной стройки. Там возводили мечеть. Мне с гордостью объяснили, что её строят с любовью: никто не получает платы, а материалы приобретены на пожертвования местных жителей. Все присутствовавшие ясно ощущали непосредственную связь с примером 1-й мечети Пророка и с гордостью вспоминали о 2 состязавшихся между собой, но дружных артелях — ансарах и мухаджирах.¹

¹ В недавнее время эти же наименования присвоили себе джихадисты, сражавшиеся в Сирии и Ираке и создававшие «халифат» ИГИЛ. Тем самым добровольцы устанавливали непосредственную символическую связь с эпохой Пророка.

Когда дом был готов, Мухаммад смог отправить в Мекку посланцев, чтобы пригласить к себе женщин, за которых нёс ответственность. В те времена, когда ещё соблюдались законы рыцарской чести, их путь через земли арабских племён был безопасен.

После того как последние мусульманские беженцы благополучно обосновались в Медине, Мухаммад получил возможность начать войну против своих врагов в Мекке. Весной 623 года в пустыню отправились первые отряды, искавшие мекканские караваны, которые можно было бы разграбить. Тот, кого недавно преследовали, теперь сам перешёл в наступление.

Первый отряд из 30 воинов возглавил Хамза, дядя Мухаммада по отцу. На берегу Красного моря они обнаружили мекканский караван, однако он оказался слишком хорошо защищён, чтобы на него нападать. Мухаммад лично присоединился к 3-му отряду, известному как Вадданский дозор, и воспользовался этим походом, чтобы заключить 1-й в истории мусульман договор о ненападении с одним из бедуинских родов.

Через месяц к набегам в качестве добровольцев присоединились жители Медины. Численность отрядов достигла 200 человек, и теперь они могли помышлять о настоящем сражении. Оно произошло у колодцев Бафра 13 марта 624 года — на 20-й день рамадана.

Мусульманский отряд из 350 воинов и 70 верблюдов, в котором вновь находился Мухаммад, преследовал богатый сирийский караван. Каравану удалось уйти, и мусульмане оказались лицом к лицу с мекканским войском, вдвое превосходившим их численностью. Неожиданная победа мусульман в тот день упоминается в Коране 3 раза. С тех пор имя «Бадр» стало символом победы, одержанной вопреки всему с помощью ангелов Божьих.¹ Али проявил себя самым дерзновенным, отважным и искусным среди молодых мусульманских воинов, пылавших верой.

Стороннего наблюдателя нередко поражает, насколько тесно пророк Мухаммад был вовлечён в ведение войны. Во всех этих набегегах он выступал нападающей стороной. Кроме того, он несколько выходил за пределы предоставленных ему формальных политических полномочий. Но клятвы верности Мухаммаду положили конец гражданской вражде между мединскими союзами аус и хазрадж, а родовые шейхи понимали, что совместные набеги против внешнего врага помогут окончательно залечить раны давней распри.

Мухаммад знал и то, что Медина на протяжении многих поколений жила войной. Его не занимали богатство и военные победы; для него были важны

¹ «Бадр» использовался египтянами как кодовое слово во время нападения на Израиль в 1973 году, а также в конфликтах с пакистанскими и иранскими армиями

выживание и распространение своего послания. Однако он достаточно хорошо понимал мир, чтобы осознать: языческих правителей Мекки удастся заставить вступить в переговоры — и прислушаться к его проповеди — лишь ударом по богатству караванов и безопасности торговых путей.

Мухаммад понимал также, что легче всего собрать войско, если одновременно предложить людям возможность добычи в пустынном набеге и участие в защите нового нравственного видения мира. Если внимательно разобрать подробности этих походов, становится ясно, что Мухаммад гораздо чаще прибегал к большой стратегии, чем к боевой тактике. Он снова и снова уклонялся от вооружённых столкновений, чтобы создать сеть договоров с бедуинскими племенами и постепенно изолировать Мекку.

Достигнув этой цели, он стал использовать пустынные дозоры для проповеди своего учения племенам. Оно призывало арабов жить в мире с соседями и вести пожизненную борьбу ради защиты слабых и пропитания бедняков. Но в этой общине всегда находилось почётное место и для воина — защитника нового нравственного порядка. Мусульмане считают себя народом мира, который охраняют воины.

Глава 3

Женщины дома

Соперничество Аиши и Фатимы

В юности Мухаммед работал погонщиком при караванах верблюдов и был слишком беден, чтобы содержать жену. С 25 до 50 лет он оставался единокровным мужем, а его дом был полон детей. Затем, в последние 10 лет жизни, его домашний очаг делили уже 11 жён. Эти женщины составляли важнейшую, самую близкую часть мусульманской общины Медины и исполняли бесчисленное множество обязанностей, живя вместе в пространстве, которое временами служило больницей, столовой, посольством — и неизменно мечетью.

Именно внутри этого дома впервые проступает тень будущего суннитско-шиитского раскола. В его основе лежало соперничество между Аишей — самой молодой и живой из жён Мухаммеда — и его младшей дочерью Фатимой. Славившаяся благочестием Фатима была замужем за Али — двоюродным братом Мухаммеда, его первым последователем и спутником на протяжении всей жизни.

У Аиши детей не было, тогда как Фатима вскоре родила 2 здоровых сыновей — Хасана и Хусейна, которых Пророк явно обожал. Всё становилось ещё сложнее из-за глубокой неприязни Аиши к Али. А ведь именно её отец, Абу Бакр, стал первым халифом ислама, оттеснив притязания Али на роль истинного наследника Пророка.

Поэтому Аиша остаётся одной из самых противоречивых фигур исламского мира. Шииты питают к ней глубокую неприязнь, считая её склонной к интригам, честолюбивой и мстительной. Они не принимают хадисы — предания о словах и поступках Пророка, — если цепочка их передачи восходит к её памяти.

Сунниты, напротив, видят в Аише женщину сильного характера, которая искренне раскаивалась в своих ошибках и стала бесценным свидетелем личности и характера Пророка. Никто не сомневался ни в её любви к Мухаммеду, ни в её вере в его миссию, хотя порой сквозь наслоения позднейшего благочестивого толкования всё ещё можно услышать её собственный, вполне самостоятельный голос.

Так, она считала, что во время Ночного путешествия Мухаммед отправился в Иерусалим духовно, а не телесно; её ужаснула массовая казнь мужчин еврейского племени Бану Курайза; а когда она узнала, что Зайнаб была дарована

Мухаммеду в качестве ещё одной жены посредством коранического откровения, то язвительно заметила:

«Поистине, твой Господь спешит исполнить твои желания».

Но Аиша обладала поразительной памятью: от неё передано 2210 хадисов. К моменту смерти в 678 году, в возрасте 67 лет, она уже сама превратилась в один из важнейших исторических источников.

В отличие от вспыльчивой и склонной к спорам Аиши, благочестивый, покорный и многострадальный образ Фатимы и её матери Хадиджи почитают мусульмане всех направлений.

Хадиджу — любимую жену, с которой он прожил 25 лет, — Мухаммед похоронил в Мекке в 620 году. Ему тогда было 50 лет, и это был самый тяжёлый год его жизни — его «Год скорби», когда гонения со стороны языческой знати Мекки, казалось, вот-вот уничтожат ещё хрупкую мусульманскую общину.

Хадиджа была старше и богаче Мухаммеда, но при этом равна ему умом и положением в обществе. Их матери приходились друг другу троюродными сёстрами. Именно Хадиджа стала первой мусульманкой — первым человеком, признавшим Мухаммеда Пророком Божиим после того потрясшего его до глубины души явления архангела Джибриля.

Ещё до первого откровения она вела исключительно нравственную жизнь, что соответствовало её положению *ханифа* — человека доисламской эпохи, ищущего Единого Бога.

Пока Хадиджа была жива, Мухаммед и не помышлял о другой жене. После её смерти он женился ещё не раз, но ни одна женщина не смогла занять в его сердце место Хадиджи — великой любви его жизни.

Аиша признавалась:

«Ни к одной из жён Пророка я не ревновала так, как к Хадидже, хотя никогда её не видела. Пророк так часто вспоминал её, что всякий раз, когда он закалывал овцу, первые куски мяса отправлял старым подругам Хадиджи».

Сам Мухаммед говорил своим домашним:

«Бог не даровал мне в этой жизни никого лучше неё. Она приняла меня, когда люди меня отвергли; поверила мне, когда люди сомневались; делилась со мной своим богатством, когда я лишился всего; и Бог даровал мне детей только через неё».

Когда сестра Хадиджи, Халя, однажды пришла в дом Пророка в Медине, присутствующие заметили, как глубоко растрогал его звук её голоса, напомнивший ему Хадиджу.

Однажды Мухаммед заговорил о своей личной надежде на рай. Его мечта была удивительно проста: остаться наедине с Хадиджей в хижине из тростника.

Хадиджа в каком-то смысле выглядит удивительно современной женщиной — сильной, богатой и независимой; до брака с Мухаммедом у неё уже было 2 мужа. Прежде чем доверить ему свою судьбу, она испытала будущего мужа, поручив ему частную торговую сделку, чтобы проверить, действительно ли он соответствует своей безупречной общественной репутации.

До тех пор пока саудовские ваххабиты не разрушили её мавзолей в Мекке, могила Хадиджи была одним из мест, которые посещали во время хаджа. Паломники почтительно называли её «княгиней курайшитов» и *ат-Тахира* — «Чистая».

Она была матерью всех детей Мухаммеда, переживших младенчество, и потому стала прародительницей всех, кто через брак её дочери Фатимы с Али заявляет о происхождении от Пророка.

Потомки Фатимы и Али почитаются и в суннитских обществах, где их называют *сайидами* или *шурафа*, тогда как для шиитов они составляют священную родословную Имамов.

Хадиджа умерла до переселения Мухаммеда в Медину, с которого начинается исламское летоисчисление, и потому можно было бы ожидать, что и суннитские, и шиитские историки будут одинаково чтить её. Но даже эта столь назидательная фигура не избежала мелочных споров соперничающих школ.

Некоторые суннитские историки пишут, что от 2 прежних браков у Хадиджи уже были дети, и утверждают, что в 595 году, выходя замуж за 25-летнего Мухаммеда, она была 40-летней вдовой.

Однако затем она родила ему 6 детей: сына Касима в 598 году, дочь Зайнаб годом позже, Рукаю в 601 году, Умм Кульсум в 603-м, затем Фатиму и, наконец, Абдаллаха в 615 году. Если принять эту хронологию, Хадидже было бы уже 60 лет при рождении Абдаллаха.

Наиболее ревностные шиитские историки рассказывают эту историю иначе: по их версии, Хадидже было 25 лет, когда она, будучи девственницей, вышла замуж за Мухаммеда, и родила ему лишь одного совершенного ребёнка — Фатиму, будущую жену Имама Али.

В этой версии 3 другие дочери Хадиджи не признаются её родными детьми: утверждается, что они были дочерьми её овдовевшей сестры Хали и лишь воспитывались в доме Мухаммеда.

Одной из причин возникновения такого рассказа является крайняя неприязнь шиитов ко всему, что связано с Усманом, третьим халифом, который последовательно был женат на 2 дочерях Пророка. Такая версия истории не только умаляет честь, оказанную Усману Пророком, дважды избравшим его

своим зятем — за что тот получил поэтическое прозвище *Зу-н-Нурайн*, «Обладатель двух светочей», — но и подчёркивает исключительное положение Фатимы, супруги Али.

Менее склонные к полемике шиитские и суннитские авторы придерживаются промежуточной версии: Хадидже было 28 лет, когда она вышла за 25-летнего Мухаммеда. Она превосходила его жизненным опытом и богатством, но по возрасту была ему почти ровней. В таком случае у неё вполне оставалось время родить всех детей Мухаммеда.

Однако в одном сходятся все хронисты: сыновья Мухаммеда и Хадиджи умерли в раннем возрасте, что, несомненно, стало для Мухаммеда тяжелейшим эмоциональным ударом.

В тогдашнем арабском обществе человек существовал прежде всего как звено живой цепи своего рода: он был сыном своего отца и отцом своего сына. Даже *кунья* — почётное именование человека — определялась через того, чьим сыном (*ибн*) и чьим отцом (*абу*) он был.

Вся эта семейная история чрезвычайно важна для понимания скрытого эмоционального напряжения, лежащего в основании суннитско-шиитского раскола. Если бы Мухаммед оставил сына — бесспорного наследника мужского пола, — борьба за преемство едва ли приобрела бы столь ожесточённый характер.

Возможно, именно желание иметь сына отчасти объясняет и то, почему в последние годы жизни Мухаммед вступил в столь многочисленные браки: всего у него было 11 жён и 2 наложницы.

Одно из условий исламского брака гласит: если мужчина не способен быть одинаково справедливым в своих чувствах, ему следует довольствоваться одной женой.

Большинство мусульман верят, что, находясь в Медине, Пророк ежедневно навещал каждую из своих жён. Несомненно одно: он не одобрял безбрачия и радовался браку, видя в нём источник взаимной близости и одновременно союз, связывающий людей сетью общественных обязанностей.

После смерти Хадиджи последователи Мухаммеда предложили заполнить оставшуюся в его жизни пустоту двумя женщинами. 30-летняя вдова Сауда должна была вести хозяйство и присматривать за его дочерьми, а Аиша, дочь его давнего друга Абу Бакра, стать молодой невестой Пророка.¹

¹ Возраст Аиши на момент её брака с Мухаммедом в 624 году является предметом споров. Некоторые историки, в том числе ат-Табари, пишут, что ей было 9 лет; Ибн Исхак указывает 10 лет. Другие исследователи считают, что речь идёт лишь о возрасте обручения в Мекке, тогда как супружеская жизнь началась после достижения ею

Из-за тяжёлой обстановки и преследований в Мекке этот брак пришлось отложить. Но после победы в битве у колодцев Бадра в 624 году Мухаммед наконец получил возможность обеспечить молодую жену брачным даром. Их брак был заключён в простой церемонии: родственники сидели вокруг, передавая друг другу чашу верблюжьего молока.

Несколько лет спустя Мухаммед взял третьей женой Хафсу. Для традиционного арабийского общества она была женщиной необычной: полностью грамотной и известной своим прямым характером. Считается, что именно у неё хранилась письменная версия Корана, предшествовавшая канонической редакции.

Она вышла замуж за Мухаммеда после того, как овдовела в результате битвы при Ухуде. Её отец, Умар, сначала предложил её двум видным мусульманам — Усману, а затем Абу Бакру, — но оба отказались. Мухаммед, возможно почувствовав, что назревает конфликт, ловко вмешался и сам попросил руки Хафсы.

Как и Аиша, Хафса пережила Пророка примерно на 35 лет. Весьма вероятно, что многие хадисы, приписываемые её брату Абдаллаху, в действительности восходят к её личным воспоминаниям.

Существует несколько рассказов, где Хафса и Аиша выступают сообщницами в интригах. Это, наряду с тем, что Хафса была дочерью Умара — второго суннитского халифа, — объясняет, почему шиитские историки относятся к ней без особой симпатии.

Пятая жена Мухаммеда, Умм Салама, была одной из главных соперниц Аиши. В дом Пророка она вошла зрелой, уверенной в себе и умной вдовой, за которой Мухаммед настойчиво ухаживал.

И её отец, и первый муж принадлежали к высшему слою мекканского племенного общества. Муж Умм Саламы был одним из первых мусульман, храбро участвовал во всех тяжёлых первых битвах с язычниками и умер от ран, полученных при Ухуде.

Особенно важно, что Умм Салама вошла в жизнь Пророка уже матерью 3 маленьких детей, а позднее, будучи вдовой, родила в доме Мухаммеда четвёртого.

Она естественным образом сблизилась с Фатимой, дочерью Пророка, и та впоследствии выбрала её опекушкой собственных детей.

Всю жизнь Умм Салама оставалась горячей сторонницей прав Фатимы и Али и резко осуждала вмешательство Аиши в борьбу за преемство. Поэтому

половой зрелости — примерно в 12–13 лет. С эпохи Римской империи возраст 12 лет считался возрастом согласия в Средиземноморье и на Ближнем Востоке

шиитские историки относятся к ней с особой любовью, хотя уважают её и сунниты.

В январе 627 года именно Умм Салама и Аиша были выбраны двумя жёнами, которым предстояло сопровождать пророка Мухаммеда в военном походе.

Мухаммед возглавил рейд против племени Бану Мусталик, входившего в союз Хузаа, контролировавший торговый путь вдоль побережья Красного моря. Это был упреждающий удар: Мухаммед узнал, что Бану Мусталик собираются напасть на Медину.

Рейд оказался успешным, однако приходилось постоянно опережать противника и успеть вернуться в безопасный оазис прежде, чем тот нанесёт ответный удар.

Всего в одном дневном переходе от Медины Аиша отстала от колонны. Она выбралась из своего *хаудаджа* — кожаного шатра на верблюде, позволявшего арабской женщине путешествовать, оставаясь скрытой от посторонних глаз, — чтобы справить нужду, а затем задержалась ещё дольше, разыскивая ожерелье из оникса.

Она была настолько лёгкой, что никто не заметил перемены в движении хаудаджа и не понял, что её там уже нет.

Когда Аиша вернулась на караванную тропу, колонна исчезла из виду. Тогда она направилась обратно к месту предыдущей ночёвки — именно так полагалось поступать человеку, потерявшемуся в пустыне.

Там её случайно обнаружил красивый молодой бедуинский пастух Сафван ибн Муатталь из Бану Сулайм. Сафван благородно проводил Аишу обратно к мусульманскому войску, но поскольку к тому времени её ещё даже не успели объявить пропавшей, весь лагерь мгновенно наполнился пересудами.

Возможно, сплетни вскоре и утихли бы, если бы не 2 обстоятельства. Мухаммед в это время был занят новой женой — Джувайрией из племени Бану Мусталик, только что заключившего мир с Пророком, — а сама Аиша заболела лихорадкой, после чего её отвезли из дома Мухаммеда к матери, которая стала за ней ухаживать.

Эта случайная цепочка событий лишь подлила масла в огонь слухов.

Мухаммед был глубоко встревожен сплетнями и напрасно ждал коранического откровения, которое положило бы им конец. Он спрашивал мнение разных сподвижников.

Усама, сын его приёмного сына Зайда, решительно вступился за Аишу:

«Все мы знаем о ней только хорошее».

Затем настал черёд Али:

«Бог не ограничил тебя ею одной, и кроме неё есть много женщин. Но спроси её служанку — она скажет тебе правду».

Служанка Аиши, Бурайра, подтвердила, что не знает за ней никакого проступка, добавив лишь:

«Она всего лишь девушка, ещё очень молодая».

Наконец было ниспослано кораническое откровение, полностью оправдавшее Аишу и установившее строгие новые правовые требования к обвинениям в прелюбодеянии, а также наказания за клевету.

Аиша с торжеством вернулась в дом мужа, но простить Али так и не смогла: ей показалось, что его слова означали совет Пророку развестись с ней и выбрать менее проблемную жену.

Так внутри дома постепенно сложились 2 группы. На одной стороне находились Аиша — дочь Абу Бакра — и её 3 близкие союзницы: Хафса, дочь Умара, Сафийя¹ и Сауда. На другой — Фатима, Умм Салама и Умм Хабиба².

После смерти Пророка это домашнее соперничество обернётся последствиями поистине яростной силы.

¹ Сафийя происходила из влиятельного иудейского рода Медины и стала одной из жён Пророка после похода на Хайбар. В источниках она предстаёт как женщина сдержанная и дипломатичная; в отношениях между жёнами Мухаммеда её обычно относят к кругу, близкому Аише и Хафсе. Её фигура особенно примечательна тем, что в раннем мусульманском обществе она соединяла в себе память о доисламской иудейской среде Медины и принадлежность к семье Пророка

² Умм Хабиба, дочь Абу Суфьяна, принадлежала к одной из самых влиятельных семей Мекки. Она приняла ислам ещё до окончательной победы Мухаммеда над мекканской знатью и некоторое время жила в эмиграции в Абиссинии. Её брак с Пророком имел не только личное, но и большое символическое значение: дочь одного из главных прежних противников Мухаммеда стала его женой. В позднейших преданиях Умм Хабиба обычно изображается как твёрдая сторонница ислама, ставившая религиозную принадлежность выше родственных связей

Глава 4

Имам Али: совершенный человек ислама

Краеугольный камень шиитской веры и один из четырёх великих героев суннитской традиции

Главный спор между суннитами и шиитами касается того, кто являлся законным преемником Пророка.

Само слово «шиизм» происходит от выражения *ши'ату Али* — буквально «сторонники Али».

Поэтому может показаться неожиданным, что Али глубоко почитают **и сунниты, и шииты**.

Турецкая Османская империя, неизменно и подчёркнуто признававшая свою суннитскую идентичность, избрала двуострый меч Али своим боевым символом. Сотни суфийских братств, существовавших на протяжении веков, с гордостью возводили свою духовную родословную к Али. То же самое делали и цеховые братства мастеров-ремесленников по всему исламскому миру.

Все мусульмане чтят Али, уважают его и стремятся подражать ему — будь то салафиты или шииты, ваххабиты или суфии.

Для шиитов Али — **первый Имам**.

Для суннитов — **четвёртый халиф**.

Полное его имя — Али ибн Абу Талиб. Он был младшим сыном Абу Талиба и Фатимы бинт Асад.

Абу Талиб приходился пророку Мухаммеду дядей по отцу и, будучи главой рода Бану Хашим, входил во внутренний совет шейхов, управлявших делами мекканского племени курайшитов.

Помимо участия в караванной торговле, Бану Хашим отвечали за снабжение пищей и водой паломников, ежегодно стекавшихся в Мекку и окрестные холмы для совершения языческих обрядов.

После смерти матери Мухаммеда, а затем его престарелого деда мальчик перешёл под защиту дяди. Это произошло примерно в 586 году: Абу Талибу тогда было около 40 лет, Мухаммеду — всего 8.

Следующие 10 лет Мухаммед работал у дяди на дальних караванных путях, связывавших Йемен через Мекку с рынками Сирии и Египта.

Он стал частью большой семьи, в которой росли 3 старших сына — Талиб, Акиль и Джафар — и 3 дочери: Фахита, Джумана и Райта.

В юности Мухаммед полюбил свою двоюродную сестру Фахиту,¹ но был слишком беден, чтобы даже помышлять о браке.

Как мы знаем, после женитьбы у Мухаммеда и Хадиджи родились 4 здоровые дочери, но оба их сына умерли в младенчестве.

Примерно через 3 года после свадьбы Мухаммеда у Абу Талиба родился Али. Предание сообщает, что именно Мухаммед первым из мужчин взял младенца на руки.

Когда Али исполнилось 5 лет, он переселился в дом Мухаммеда и Хадиджи, где рос вместе с их маленькими детьми.

Все братья и сёстры Али были по меньшей мере на полпоколения старше его, поэтому дом Мухаммеда, вероятно, оказался для мальчика куда более естественной средой. А для самого Мухаммеда и Хадиджи присутствие Али, несомненно, стало утешением после потери собственных сыновей.

Получалось, что Мухаммед фактически усыновлял 5-летнего сына того самого человека, который некогда приютил его самого — 8-летнего сироту.

Через 4 года, когда 40-летний Мухаммед получил первое откровение, первыми двумя людьми на земле, признавшими его Пророком, стали его жена Хадиджа и 9-летний двоюродный брат Али.

Али был словно **«близнец Корана»**: он буквально вырос вместе с тем, как Коран разрастался от первого короткого откровения до собрания из 114 сур.

Все 20 лет ниспослания Али находился рядом. Он впитывал дух откровения, его язык, обстоятельства ниспослания и постепенное добавление новых аятов так, как не мог ни один другой мужчина.

Его детство было поистине необычайным: оно прошло в атмосфере откровения, пророчества, проповеди, молитвы и богословия.

Сравнительно спокойные условия детства позволили ему также овладеть грамотой — редчайшим умением для большинства арабов того времени.

Хотя Али не обладал опытом караванных странствий, храбрости ему было не занимать.

В 615 году, в возрасте 13 лет, он помогал Мухаммеду угощать трапезой шейхов курайшитских родов, которых Пророк собрал, чтобы объяснить им природу своих откровений.

Согласно традиционному рассказу, Мухаммед 3 раза спросил собравшихся, верят ли они, что его откровения исходят от Бога, и готовы ли признать его арабским пророком.

¹ Много лет спустя, после победоносного завоевания Мекки, Мухаммед попытался вернуться к этой юношеской любви и предложил двоюродной сестре выйти за него замуж. Однако мужем Фахиты был Абу Суфьян ибн аль-Харис, который 20 лет выступал против Мухаммеда — и на поле боя, и в стихах, — поэтому из этого ничего не вышло

Никто не ответил — кроме Али.

Над ним посмеялись из-за его юного возраста, но этот эпизод стал ранним свидетельством необычайной твёрдости его веры.

Когда год спустя Мухаммед отверг 3 древних женских божества языческой Аравии как пустых идолов, половина его последователей покинула его.

Курайшиты стали искать способ заставить Мухаммеда замолчать, поскольку процветание Мекки как торгового центра было, в их представлении, неразрывно связано с её положением священного места паломничества.

Однако дядя Мухаммеда Абу Талиб, хотя сам так и не принял ислам, всегда уважал искренность племянника и настаивал на том, чтобы род Бану Хашим продолжал предоставлять ему защиту.

Так отец Али, Абу Талиб, защищал жизнь человека, ставшего для Али приёмным отцом.

Все годы юности Али наблюдал, как с каждым новым ослепительным откровением возрастает величественный авторитет Корана.

Чтобы глубже постигнуть его смысл, распространять и оберегать его, община верующих читала всё расширявшийся текст Корана во время ночных молитв.

Днём же мусульман всё сильнее подвергали остракизму. За одно лишь то, что Бану Хашим продолжали защищать Мухаммеда, остальные роды объявили им официальный бойкот, разорвав все торговые и социальные связи.

Абу Талиб предпринял последнюю попытку убедить племянника пойти на компромисс, чтобы добиться отмены бойкота.

Но Мухаммед остался непреклонен:

«О дядя! Клянусь Всемогущим Богом: даже если они положат солнце мне в правую руку, а луну — в левую, лишь бы я отказался от этого дела, я не отступлю, пока Бог не дарует ему победу или я не погибну ради него».

Абу Талиб посмотрел племяннику в глаза и ответил:

«Иди, сын моего брата, и говори что желаешь. Клянусь Богом, я никогда и ни ради чего тебя не выдам».

Мухаммед, должно быть, горячо желал, чтобы любимый дядя принял ислам.

На смертном одре Абу Талиба в 619 году некоторым последователям Мухаммеда показалось, что это произошло. Но сам Мухаммед был слишком привержен истине, чтобы позволить чувствам исказить действительность.

Абу Талиб был похоронен язычником рядом со своим отцом.

Большая часть его семьи также оставалась языческой, хотя после его смерти один из сыновей вместе с женой почувствовали, что теперь могут открыто принять ислам.

В том же году умерла Хадиджа.

После её смерти Али окончательно выдвинулся в число ключевых фигур мусульманской общины, и его неизменная поддержка помогла Пророку пережить ещё 2 года преследований в Мекке.

К лету 622 года положение в Мекке стало опасным.

Большинство мусульман уже покинуло город, а после смерти Абу Талиба прежняя добросовестная защита со стороны Бану Хашим ушла в прошлое.

В первую ночь месяца Раби аль-авваль Али тайно завернулся в хорошо узнаваемый плащ Пророка — толстую пастушью накидку из белой козьей шерсти с полосой чёрной шерсти — и сделал вид, будто спит на скамье, то ли на крыше, то ли возле дома.

Он знал, что за домом следят 14 молодых убийц — по одному от каждого главного рода, чтобы не допустить возникновения кровной мести против одного конкретного клана. Они ожидали рассвета, когда Пророк выйдет из безопасного пространства дома; ворваться ночью в жилище, где находились женщины и дети, они, скорее всего, не решились бы.

Это событие известно как **Лейлят аль-Мабит** — «**Ночь ночлега**» и почитается как первая ночь новой эпохи, отсчитываемой от бегства пророка Мухаммеда из охваченной гонениями Мекки.

То, что Али завернулся в плащ Мухаммеда, подвергая собственную жизнь смертельной опасности, можно понимать и как своеобразный обряд посвящения.

Мантия, плащ Пророка, — едва ли не ближайший аналог короны в исламской традиции.¹

Утром Али поднялся и открыл, кто он. Разъярённые убийцы, понявшие, что позволили Мухаммеду уйти, избили и оскорбили его.

Но у Али оставалось ещё одно поручение Пророка: завершить все юридические дела и проследить, чтобы товары, имущество и доверенные ценности были возвращены владельцам.

Это были одинокие и всё более тяжёлые дни: к тому моменту уже 80 мусульман переселились в Медину.

¹ Плащи, считавшиеся принадлежавшими пророку Мухаммеду, традиционно воспринимались как мистические реликвии и хранятся в нескольких святынях. Наиболее известны плащ во дворце Топкапы в Стамбуле и реликвия в сокровищнице Хирка в Кандагаре, Афганистан. В новейшее время и лидер «Талибана» мулла Омар в Кандагаре, и лидер ИГ Абу Бакр аль-Багдади в Ракке обращались к ритуалу облачения в «плащ Пророка» как к публичному обряду наделения политической властью.

Последней задачей Али стало безопасно доставить туда собственную престарелую мать и 3 женщин из дома Пророка, включая его будущую жену Фатиму.

Женщины ехали в верблюжьем хаудадже, а Али шёл рядом — единственный сопровождавший их мужчина на протяжении 10-дневного перехода через пустыню в разгар лета.

Когда Али прибыл в оазис, ему было около 23 лет.

Как уже говорилось, остальных мусульманских беженцев из Мекки распределили по домам местных мусульман. Али же официально составил пару со своим двоюродным братом — самим Пророком.

Ни один из них не желал жить милостыней. Они зарабатывали на жизнь собственным трудом.

Для Али это был период тяжёлой физической работы. Помимо ведения хозяйства Мухаммеда, он нанимался подёнщиком: дробил камень, таскал воду из колодцев, выпалывал поля, делал кирпичи, пилил дерево.

Именно этот период самоотверженного труда впоследствии стал ещё одним свидетельством добродетели Али — сына шейха Бану Хашим, который на собственном опыте узнал голод бедности и знал, насколько холодной бывает ночь в пустыне, когда укрыться нечем, кроме лохмотьев.

Исламские ремесленные братства веками с теплотой вспоминали эту эпоху священной бедности, когда первые вожди ислама не стыдились работать руками, сами зарабатывая себе хлеб — шили кожу и плели изделия из пальмовых листьев.

Даже в эпоху расцвета Османской империи каждого принца обучали ремеслу, а каждый султан владел какой-нибудь профессией, подражая первым мусульманам.

Как мы уже видели, с первых военных походов Али занял видное место как воин.

Особенно ярко он проявил себя в первой настоящей битве — у колодцев Бадра. Две армии выстроились в традиционном для племенных войн порядке, а сражению предшествовал обмен ритуальными оскорблениями и поединок 3 бойцов от каждой стороны.

Для мусульманской общины было важно показать, что переселенцы из Мекки тоже готовы рисковать жизнью в первых рядах.

С мусульманской стороны среди 3 бойцов оказались дядя Мухаммеда Хамза и его молодой двоюродный брат Али.

Битва принесла мусульманам победу, а Али — громкую славу: вся армия стала свидетелем его победы в поединке с мекканским воином Валидом ибн Утбой.

После боя Пророк приветствовал Али прозвищем **Хайдар Каррар** — «лев, вновь и вновь бросающийся в атаку».

При разделе добычи Али достались верблюд, прекрасный меч и доспехи.

Через год после прибытия в Медину Али попросил руки дочери Мухаммеда, Фатимы.

Они знали друг друга всю жизнь, оба выросли в самой атмосфере коранического откровения и становления ислама.

Обычно в подобных вопросах прибегали к посреднику, но на этот раз сам Мухаммед взял на себя роль посланника, передав дочери предложение Али. До этого Фатима уже отклонила предложения 2 известных мусульман.

У Али не было денег на брачный дар, установленный в размере 400 серебряных монет. В последний момент положение спас Усман, один из богатейших мусульман, купивший у Али его доспех и оружие за 500 серебряных монет — этого хватало и на махр, и на свадебную трапезу.

А затем Усман, извинившись за то, что он торговец и не умеет сражаться, умолил Али принять доспех обратно — уже как свадебный подарок.

В следующей битве — при Ухуде в 625 году — мусульманская армия была переиграна язычниками.

В критический момент Пророк оказался отрезанным от основной части войска и находился в смертельной опасности.

Только храбрость Али спасла Мухаммеда.

Тем вечером женщины дома были потрясены, увидев на теле Али 16 ран — а согласно некоторым источникам, их было 63. Мухаммед сам омыл и перевязал их.

И вновь мужество Али сыграло важнейшую роль, компенсировав тяжёлые потери мусульман из Медины: после боя выяснилось, что погибло 70 мединцев и лишь 4 мекканских переселенца.

После Ухуда Пророк назвал Али **Асадуллах** — «Лев Божий».

Затем Мухаммед размотал собственный тюрбан, положил перед собой свой легендарный двуострый меч Зульфикар и передал их Али, чей меч разбился в сражении.

И суннитская, и шиитская традиции видят в этом поступке Пророка нечто сродни обряду возведения на престол.

Передача старейшиной родового меча молодому воину впоследствии стала одним из способов, которыми османы символически посвящали своих султанов во власть.

В первый год после свадьбы Али и Фатима продолжали работать подёнщиками. Они также помогали управлять сложным хозяйством Пророка.

Когда наконец они попросили Мухаммеда о помощи, он дал им то, что ценил выше всего, — **МОЛИТВУ**.

После рождения их первенца Хасана в 625 году супруги получили немного больше уединения, построив небольшую хижину подальше от дома Пророка.

Второй сын, Хусейн, родился в 626 году; за ним появились 2 дочери — Зайнаб и Умм Кульсум.

Мухаммед настолько любил внуков, что в последние годы его жизни семья построила ещё одну хижину — теперь уже ближе к его дому.

Во время битвы у Рва в 627 году мусульманам противостояло столь огромное войско, что им пришлось оборонять Медину за специально вырытым рвом.

Для выживания было жизненно важно удерживать единую оборонительную линию.

В какой-то момент знаменитый языческий воин Амр ибн Абд Вудд с небольшой группой всадников перескочил через ров и стал вызывающе насмехаться над мусульманами.

Третье его издевательство —

«Ну и где теперь ваш Рай?» —

было направлено уже непосредственно против их веры.

Тогда Али выехал вперёд, защищая честь ислама.

Он убил противника в эпическом поединке, после чего его провозгласили величайшим воином всей Аравии.

В первые годы утверждения ислама в Центральной Аравии мужество и воинское искусство Али подвергались испытанию вновь и вновь — и это признают все источники, как суннитские, так и шиитские.

К этому следует добавить его грамотность: именно Али собственноручно записал первый мирный договор мусульман — Худайбийское перемирие 628 года.

Всё это делало его практически незаменимым.

Глава 5

Последнее откровение и Гадир Хум

Все шииты верят, что Пророк публично благословил Али как своего наследника

В 628 году, всего через 8 лет после бегства из Мекки, Мухаммед вернулся в родной город во главе армии из 10 000 человек.

Поводом для похода стало нарушение перемирия племенем Бану Бакр — договора, который составлял Али. Однако в итоге Мекка сдалась без сопротивления.

Поразительно, насколько милосерден оказался Пророк к своим прежним врагам. Тысячи мекканцев приняли ислам, но родовая политическая структура курайшитов осталась практически нетронутой.

Кааба, как и сегодня, находилась в самом центре Мекки. В ту эпоху она была заполнена языческими реликвиями, приношениями и статуями.

Мухаммед и Али взяли на себя задачу очистить древний храм от языческого убранства и подготовить его к роли главного центра мусульманского паломничества.

В первый год Кааба всё ещё использовалась одновременно и мусульманами, и язычниками. Сам Мухаммед в это время вёл военную кампанию на севере Аравии и поручил Абу Бакру возглавить паломничество от его имени.

Но в 632 году Мухаммед сам повёл паломников — это был первый полностью мусульманский хадж и последний хадж в жизни Пророка.

Каждое его действие внимательно наблюдали, повторяли и запоминали.

В завершение паломничества Мухаммед произнёс то, что впоследствии получило название **Прощальной проповеди** — ясное и стройное изложение основных обязанностей, наград и принципов исламской веры.

Затем совершили жертвоприношения, и все мусульмане участвовали в огромной общей мясной трапезе, после чего паломникам предписывался период отдыха в шатрах.

Сегодня в совершении хаджа практически нет различий между суннитом, шиитом или представителем любого другого исламского направления.

Эти обряды никогда не были забыты, потому что на протяжении последних 14 столетий — за исключением периодов войн или эпидемий — паломничество совершалось ежегодно.

Поколения мекканских проводников следили за тем, чтобы паломники выполняли каждое ритуальное действие в правильной последовательности и форме.¹

Некоторые детали могут казаться унаследованными от языческих обрядов древней Аравии, однако для благочестивого мусульманина здесь нет противоречия: он верит, что сами язычники унаследовали эти ритуалы от пророка Ибрахима, его сына Исмаила и Хаджар — матери Исмаила.

Все мусульмане верят, что последнее откровение Пророк получил по дороге обратно в Медину.

Это была не целая сура, а всего 2 фразы, входящие в третий аят пятой суры Корана, большая часть которой посвящена вопросам дозволенной пищи.

Но эти слова имеют огромное значение:

«Сегодня неверующие отчаялись в вашей религии. Не бойтесь же их, а бойтесь Меня.

Сегодня Я ради вас усовершенствовал вашу религию, довёл до конца Мою милость к вам и одобрил для вас ислам в качестве религии».

Мусульмане не считают Мухаммеда автором Корана: он был лишь Посланником, передававшим Божественное слово.

Поэтому последнее кораническое откровение сообщало и самому Мухаммеду, и его последователям, что цикл откровений завершён.

Сунниты считают, что этот последний аят был ниспослан 9-го числа месяца Зу-ль-хиджа.

Шииты — что 18-го.

И различие этих дат имеет первостепенное значение.

В чём обе стороны сходятся совершенно точно: 18-го Зу-ль-хиджа караван паломников остановился у традиционного привала на пустынной дороге, известного как **Гадир Хум** — по естественной впадине в скале, где собиралась дождевая вода.

У подножия этой скалы Мухаммед поднялся на импровизированное возвышение, сложенное из верблюжьих сёдел, и произнёс ещё одну версию Прощальной проповеди.

Но на этот раз она завершилась публичным заявлением в пользу Али:

«О Боже, будь другом тому, кто дружит с ним, и врагом тому, кто враждует с ним».

¹ Некоторые ритуальные действия Мухаммеда во время этого хаджа — например, целование Чёрного камня — не имели очевидного объяснения, однако всё равно стали неукоснительно повторяться последующими поколениями мусульман

Шиитские художники и поэты особенно любят изображать этот момент. Согласно шиитской традиции, произнося эти слова, Мухаммед поднял руку Али.

За заявлением последовало публичное принесение присяги: мусульмане один за другим вкладывали руки в руки Али и клялись ему в повиновении.

Однако именно здесь начинается различие толкований.

Сунниты считают, что Мухаммед избрал Али главой собственного рода — следующим шейхом Бану Хашим — и *мауля*, покровителем своей родственной группы.

Шииты настаивают, что заявление в Гадир Хуме имело универсальный характер: Мухаммед прямо объявил Али своим преемником во всех сферах жизни мусульманской общины — следующим **Имамом** как религиозным руководителем, **амиром** как военным предводителем и политическим преемником.

Публичная присяга, известная как *бай‘а*, впоследствии стала одним из важнейших политико-религиозных ритуалов исламского общества.

Подобные клятвы приносились и прежде, в несколько решающих моментов жизни Мухаммеда, словно юридические знаки препинания в развитии общины: 2 ночные присяги в Акабе, затем присяга после Худайбийского перемирия, ещё одна после завоевания Мекки.

Для шиитов присяга в Гадир Хуме приобретает дополнительную силу потому, что связывается с последним откровением Корана:

«Сегодня Я ради вас усовершенствовал вашу религию».

В шиитском понимании это означает не просто то, что Мухаммед возвёл Али в особое положение, но что само это назначение было частью Божественного замысла о человечестве.

И после смерти Пророка люди должны были продолжать идти путём Божиим под руководством всеобщепризнанного вождя — Имама.

Глава 6

Смерть Пророка

Роковая череда случайностей в борьбе за преемство, 632 год

Вернувшись в Медину, Мухаммед оказался перед целой чередой новых событий. В разных областях Аравии появилось несколько соперничающих пророков, требовавших внимания.

Однако сам Мухаммед сосредоточился прежде всего на том, чтобы исправить последствия поражения при Муте, где его приёмный сын Зайд погиб от рук византийской армии, охранявшей сирийскую границу.

Мухаммед собрал конное войско и решил поставить во главе него молодого сына Зайда — Усаму.

Решение вызвало недовольство: Усаме было всего 18 лет.

Его отец Зайд считался самым опытным из мусульманских военачальников — и всё же потерпел поражение.

Мухаммеду пришлось строго обратиться к собравшимся в его доме-мечети:

«Вы подвергаете сомнению его руководство так же, как прежде подвергали сомнению руководство его отца. Но он достоин командования так же, как достоин был его отец».

Той ночью, молясь в одиночестве над могилами павших воинов, Мухаммед выразился ещё откровеннее:

«Мир вам, о обитатели могил. Радуйтесь своему положению — насколько оно лучше положения ныне живущих. Смуты надвигаются, словно волны самой тёмной ночи: одна следует за другой, и каждая хуже предыдущей».

Его тревожило состояние мусульманских сил: в лагере при Джурфе, всего в 3 милях от оазиса, собрались лишь 3000 воинов.

На рассвете Мухаммеда поразила мучительная головная боль. Он ещё сумел провести утреннюю молитву, но вскоре его охватила лихорадка.

Он был настолько слаб, что не мог идти самостоятельно. Его двоюродный брат Али и дядя Аббас помогли ему добраться до хижины Аиши.

Хотя по очереди это был не её «день», все жёны Мухаммеда поняли, что именно там он желает провести последние часы.

Вместо себя Мухаммед попросил Абу Бакра возглавлять молитву.

По шиитскому преданию, во время этой болезни лишь прямое вмешательство Умара — одного из ведущих мусульман и отца жены Мухаммеда Хафсы —

помешало Пророку продиктовать свои последние распоряжения о преемстве в виде юридического документа.

Согласно этой традиции, Умар сказал:

«Посланника Божия одолела боль. Нам достаточно Книги Божией».

Собрав последние силы, Мухаммед сумел присутствовать на общей молитве следующим утром, но после этого его состояние быстро ухудшилось.

По суннитскому преданию, он умер, положив голову на колени Аиши.

По шиитскому — опираясь на плечо Али.

Вполне возможно, что обе версии истинны, если в последние часы эти двое ненадолго отложили соперничество и вместе ухаживали за Пророком.

После его смерти дом наполнился рыданиями жён, которые подхватили женщины всего оазиса, усиливая общий плач.

И это несмотря на то, что Мухаммед при жизни всегда стремился умерять традиционные формы громкого публичного траура.

В деревнях и поселениях оазиса царил полный хаос. Позднее это состояние сравнивали со стадом овец, потерявшихся во время зимней бури.

Часть верующих вообще отказывалась признавать смерть Мухаммеда: они ожидали, что он поведёт их в Конец времён.

Другие надеялись, что он воскреснет через 3 дня подобно Иисусу; вознесётся на небеса подобно Илии; или вернётся к своим последователям через 40 дней, как Моисей.

Похоже, группа ближайших сподвижников решила нести бдение возле тела Пророка. Его накрыли тяжёлым йеменским плащом и оставили там, где он умер, — в хижине Аиши.

Ситуацию ещё больше запутывал Умар, который в первом порыве горя угрожал отрубить руки и ноги любому мусульманину, осмелившемуся сказать, что Пророк умер.

Али, как ближайшему родственнику мужского пола, принадлежало право с благоговением омыть тело Пророка и подготовить его к погребению.

Решение похоронить Мухаммеда прямо под полом хижины Аиши позднее получило религиозное обоснование.

Возможно, бдение продолжалось слишком долго: стояла майская жара, и тело Мухаммеда уже требовалось предать земле как можно скорее, без лишней суеты и публичной процессии.

Именно в этот период беспорядка, пока Али был занят погребением, Абу Бакр и Умар — будущие первые 2 суннитских халифа — захватили власть.

Мало кто станет спорить с тем, что если бы выбор преемника был оставлен официальному собранию всей мусульманской общины, Али имел бы чрезвычайно сильные шансы быть избранным.

Он был ближайшим родственником Мухаммеда по мужской линии, одним из самых первых и самых близких его последователей, двоюродным братом, зятем, самым прославленным воином и отцом 2 внуков Пророка по мужской линии.

Кроме того, совсем недавно произошло публичное заявление в пользу Али в Гадир Хуме.

Но события развивались слишком быстро.

Умар и Абу Бакр узнали о собрании мусульманских родов Медины — ансаров, которые сходились в помещении для совещаний Саада ибн Убады, воинственного шейха Бану Саида, недавно ставшего предводителем союза хазраджитов.

Саад был безупречным мусульманским героем. Он сражался рядом с Мухаммедом во всех главных битвах и походах и принадлежал к числу первых принявших ислам — к тем 75 жителям Медины, которые во время тайной ночной присяги в Акабе поклялись защищать Мухаммеда.

Когда Умар и Абу Бакр прибыли на собрание, им посоветовали оставить ансаров решать собственные дела.

Почему бы им не собрать своё отдельное совещание — мухаджиров, мусульман, переселившихся из Мекки?

Они отказались и настояли на праве присутствовать.

Их приятно поразила горячая исламская вера всех участников.

Это было не собрание людей, сомневавшихся в исламе.

Речь шла о **племенной политике**.

Получив слово, Абу Бакр тактично повторил многочисленные похвалы, которые Пророк высказывал в адрес воинов Медины.

Однако затем заявил, что новым руководителем должен стать человек из одного из 14 родов мекканского племени курайшитов.

Никакого религиозного аргумента в пользу этого утверждения он не привёл.

Его довод был чисто политическим: бедуинские племена, жители Сирии и Йемена будут смотреть свысока на человека, не принадлежащего к курайшитам.

Такое мнение основывалось на доисламском престиже курайшитов как богатых и известных торговцев Центральной Аравии.

После этого Абу Бакр скромно предложил 2 кандидатуры со стороны, не назвав ни себя, ни Умара — и уж тем более Али, который был наиболее очевидным из всех курайшитских претендентов.

Предложение вызвало бурю возмущения.

Тогда был предложен компромисс: пусть мекканцы изберут одного представителя, а мединцы — другого.

Но именно в этот решающий момент Умар громогласно воскликнул:

«Кто добровольно поставит себя выше человека, которому Пророк велел возглавлять молитву?»

Это был блестяще рассчитанный ход.

Пока собравшиеся обдумывали вопрос, Умар опустился перед Абу Бакром на колени, взял его руку и присягнул ему на верность.

Пришедшие вместе с ними мухаджиры тут же последовали его примеру.

За считанные секунды настроение собрания изменилось полностью.

Мединцы — воины, сражавшиеся рядом с Пророком последние 10 лет, — один за другим стали подходить и приносить присягу.

Тем самым была навсегда упущена возможность обсудить, **каким именно должен быть лидер мусульманской общины.**

Такое собрание могло стать удивительным и вдохновляющим образцом прямой демократии внутри существовавших институтов арабского общества.

Но этого не произошло.¹

На рассвете переворот был окончательно закреплён.

Когда верующие вошли в мечеть, Абу Бакр уже стоял в первом ряду, готовый возглавить молитву — именно это он успешно делал всю последнюю неделю болезни Пророка.

Как только молитва закончилась, Умар поднялся и со свойственной ему официальностью и властью обратился к собравшимся.

Он публично повторил принесённую ночью присягу и перечислил общепризнанные достоинства Абу Бакра.

Именно его Мухаммед назначил вести молитвы в последнюю неделю своей жизни.

Именно Абу Бакр укрывался вместе с Мухаммедом в пещере возле Мекки.

Это событие упоминалось в Коране, что придавало моменту дополнительное величие:

¹ Саад ибн Убада, мусульманский племенной вождь, созвавший это собрание, традиционно подвергается порицанию. О его смерти рассказывают 2 истории. Согласно одной, той же ночью его задушили мухаджиры. Согласно другой, он бежал из Медины в Сирию и там был убит стрелами джинов — духов пустыни, разгневанных тем, что он мочился стоя.

«Он был одним из двух, когда они находились в пещере, и он сказал своему спутнику: “Не печалься, ведь Бог с нами”. И Бог ниспослал ему Своё спокойствие».

После этого сторонники провозгласили Абу Бакра **Халифат Расул Аллах** — «преемником Посланника Божия».

Сам Абу Бакр обратился к общине с прекрасно построенной речью:

«Мне дана власть над вами, хотя я не лучший из вас.

Если я поступаю правильно — помогите мне; если поступаю неправильно — исправляйте меня.

Верность истине есть преданность, а пренебрежение истиной — предательство.

Слабый среди вас будет силен в моих глазах, пока я не обеспечу ему его право, если на то будет воля Божия; а сильный среди вас будет слаб передо мной, пока я не взыщу с него то, что принадлежит другим, если на то будет воля Божия.

Повинуйтесь мне до тех пор, пока я повинуюсь Богу и Его Посланнику. Но если я слушаюсь Бога и Его Посланника, вы не обязаны повиноваться мне. Вставайте на молитву. Да помилует вас Бог!»

Удивительно в этом ярком рассказе о событиях то, что ни суннитская, ни шиитская сторона не оспаривает большинство важнейших деталей.

Обе признают, что произошедшее было **переворотом**.

Абу Бакр был уже пожилым человеком. Через 2 года он умер, и его место занял значительно более молодой Умар.

Не исключено, что быстроте их действий способствовала информация изнутри дома Пророка, поступавшая от их дочерей — Аиши, дочери Абу Бакра, и Хафсы, дочери Умара.

Али, даже если и хотел участвовать в совещаниях в течение этих решающих 12 часов, сделать этого не мог: как ближайший родственник мужского пола, он готовил тело Пророка к погребению и затем хоронил его.

Таким образом, различие между суннитским и шиитским восприятием этой решающей серии событий сводится прежде всего к **степени и мотивам**.

Убеждённый шиит видит здесь завершение заранее продуманного заговора, целью которого было лишить Али его законного наследства.

Суннит скорее сочтёт, что Абу Бакр и Умар просто реагировали на события так, как в тот момент считали наилучшим.

Вероятно, все согласятся, что именно Умар резко ускорил процесс передачи власти в пользу Абу Бакра.

Суннит может возразить, что он был вынужден действовать столь решительно, чтобы предотвратить гражданскую войну, которая вполне могла вспыхнуть в оставшейся без вождя мусульманской общине.

И действительно, нетрудно представить, что без быстрых действий Умара и Абу Бакра мусульмане Мекки и Медины могли разойтись в разные стороны.

Внутри самой Медины могли разгореться межплеменные конфликты, а среди мекканских мусульман — борьба между ранними и поздними последователями Пророка.

В таком случае арабские племена и города, лишь недавно принявшие ислам и власть Пророка, могли отвернуться от мусульманской общины.

Своими решительными действиями Абу Бакр и Умар сохранили её единство, что вскоре позволило мусульманам установить господство над всей Аравией, а затем и над большей частью Ближнего Востока.

Безупречность их личной и общественной жизни также показала, что они оказались достойными преемниками пророка Мухаммеда.

Но такое оправдание нельзя вывести из какого-либо богословского принципа.

Оно становится убедительным лишь **задним числом**, потому что Умар и Абу Бакр оказались успешными политическими руководителями.¹

В последние годы шииты несколько смягчили прежнюю яростную неприязнь к Абу Бакру и Умару, которых в минувшие столетия формально проклинали.

Но пределы этому примирению существуют.

С точки зрения шиитов, именно их действия разрушили первоначальное единство ислама.

С этого момента дом оказался расколот навсегда.

Как мы уже видели, Али обладал всеми основаниями считаться истинным наследником Пророка: родством по крови, тем, что был одним из первых последователей Мухаммеда, и тем, что собственными глазами наблюдал историческое ниспослание Корана.

Но ещё важнее для шиитов то, что, по их убеждению, Мухаммед **публично назначил Али своим преемником именно в момент завершения коранического откровения.**

¹ Я часто задавался вопросом, насколько важен пример переворота Абу Бакра и Умара для суннитского политического воображения. Может ли он отчасти объяснить военные перевороты, которыми отмечена политическая жизнь столь многих современных суннитских государств? Не вдохновляются ли они в той или иной степени примером первых 2 халифов? Ведь в рамках подобного мировоззрения переворот может оказаться оправданным, если приводит к власти мудрого правителя. Клятва Абу Бакра отражает именно такую традицию. Он признаёт: «Я не лучший среди вас», но добавляет: «Если я поступаю правильно — помогайте мне».

Право Али наследовать Мухаммеду являлось частью Божественного замысла и было санкционировано тем же Божественным духом, который ниспосылал Коран Пророку:

«Сегодня Я ради вас усовершенствовал вашу религию, довёл до конца Мою милость к вам».

При таком понимании никакое решение людей — каким бы благонамеренным оно ни было и каким бы глубоким знанием племенной политики Центральной Аравии ни основывалось, — не имело права соперничать с Божественным повелением.

Отвержение Имама Али — один из ключевых моментов истории и религиозного сознания шиитов.

И, как мы вскоре увидим, это было лишь первое из целой череды отвержений, которым поколение за поколением подвергались их Божественно избранные Имамы.

Сунниты не принимают представление о том, что Имам Али был частью смысла последнего откровения.

Но при этом они включают его в число величайших героев ислама.

Он принадлежит к сообществу, известному как **ас-Сахаба — Сподвижники**, которых сунниты считают неоспоримым источником духовного авторитета.

Только они непосредственно знали образ жизни Мухаммеда.

Только они знали обстоятельства ниспослания каждого коранического откровения.

Только они жили под непосредственным руководством Пророка, следуя его примеру и наставлениям в мельчайших подробностях своей жизни.

Для суннитов эта первая мусульманская община — словно **каменоломня совершенства**, из которой можно бесконечно извлекать образцы.

Суннитские учёные столетиями пытались определить, как именно функционировала первая община верующих и насколько точно она следовала чистой практике Пророка.

Со временем была разработана сложная система рангов для классификации Сподвижников.

Уже к 1071 году существовал биографический словарь, перечислявший 2770 мужчин и 381 женщину.¹

¹ Чтобы считаться одним из Сподвижников, человек должен был лично встретиться с Пророком, поверить в его послание и умереть мусульманином.

Иногда сунниты, несмотря на настойчивое утверждение абсолютного единобожия ислама, проявляют несколько чрезмерное благоговение перед Сподвижниками.

Они, конечно, не превращены буквально в святых, но воспринимаются как собрание добродетельных героев.

Во многих суннитских государствах существуют законы о богохульстве, фактически запрещающие свободное обсуждение характера главных фигур раннего ислама.

Поэтому межобщинному согласию явно не способствует то, что шиитская традиция почти целиком игнорирует — а иногда и открыто порицает — эту огромную совокупность суннитских героев.

Ведь именно на них покоится само суннитское самосознание.

Именно из этого основания выросла тысячелетняя традиция суннитской аналитической учёности.

В глазах шиитов, напротив, большинство Сподвижников Пророка оказались несовершеннолетними свидетелями переворота, в результате которого человеческий халифат Абу Бакра, Умара, а затем Усмана был поставлен выше Божественно установленного имамата.

Ранний ислам, по их убеждению, должен был достичь духовной зрелости под руководством Имама Али, но вместо этого оказался направляет земной властью халифов.

Поэтому шииты обращают надежды к будущему, ожидая наступления своего Божественного порядка.

Сунниты же словно раскапывают прошлое, стремясь восстановить образ почти совершенной духовной общины.

Шииты верят, что кораническое послание могло быть раскрыто во всей полноте харизматическим учителем и вождём.

Сунниты полагаются прежде всего на сам текст.

Впрочем, сомнительно, чтобы сам пророк Мухаммед считал возглавляемую им мусульманскую общину совершенным духовным братством.

О лицемерах неоднократно говорится в Коране.

Да и последние записанные слова Мухаммеда —

«Смуты надвигаются, словно волны самой тёмной ночи...»

— сами по себе звучат как суровая оценка первой мусульманской общины.

И история показала, насколько пророческими они оказались.

Сунниты и шииты испытывают огромную общую любовь, эмоциональную близость и почтение к Али — первому Иمامу шиитов и четвёртому халифу суннитов.

Во всех главных аспектах они исповедуют одну и ту же религию, ниспосланную в Коране и явленную живым примером Пророка.

Но они **совершенно по-разному смотрят на одно и то же прошлое — и по-разному представляют себе будущее.**

Глава 7

Праведные халифы и сподвижники Али

*Четырём праведным халифам суннитов противостоят четыре сподвижника
Али у шиитов*

Годы, последовавшие за смертью Пророка, стали для мусульман временем необычайных военных успехов. Всего за три поколения халифат раскинулся от Испании до Южной Азии, поглотив всю Сасанидскую державу, значительную часть бывшей Византийской империи и проникнув далеко в Центральную и Южную Азию. Империи таких размеров мир ещё не знал: по своему многообразию она превосходила даже державы Рима и Александра Великого.

Основные завоевания пришлось на правление первых 4 халифов, известных как Рашидун — **Праведные халифы**. Для суннитов эта эпоха — золотой век чистоты ислама, имеющий огромное значение для их традиции, законодательства и самого представления о себе: казалось, что мусульманские армии благословлены самим Богом.

До ислама Аравия была бедной, принижённой окраиной мира, пограничной областью, разделённой сферами влияния 3 великих держав той эпохи: персидской Сасанидской империи, христианского царства Абиссинии и Византийской империи. Но когда арабские армии выступили под знаменем ислама, остановить их оказалось невозможно.

Абу Бакр правил халифатом всего 2 года, однако этот мягкий, благочестивый человек, часто плакавший во время молитвы, проявил себя блестящим тактиком и выдающимся стратегом. После смерти Пророка мусульманская община столкнулась с восстаниями по всей Аравии. Но благодаря поразительной решительности и умелому использованию племенного соперничества Абу Бакр сначала подавил мятежи, а затем подчинил Восточную Аравию, в серии кровопролитных сражений разгромив войско другого претендента на пророческое достоинство.¹

Как прагматичный правитель, Абу Бакр настаивал на взыскании с арабских племён десятины, проведя здесь черту, отступать от которой не собирался. Если племя отказывалось платить, на него нападали; если выплачивало положенное — получало защиту.

¹ «Войны с вероотступниками» велись против сторонников Мусайлимы — племенного вождя, объявившего себя пророком. Кампания завершилась к весне 633 года, в 11-м году хиджры, и обеспечила объединение Аравии под властью ислама

Чтобы дать законный выход воинственности арабских племён, он поощрял бедуинские отряды, действовавшие под началом собственных вождей, совершать набеги на Ирак, находившийся под властью персов. Сам же он собирал племена Северной и Центральной Аравии и направлял их в византийскую Сирию. Именно такой поход намеревался предпринять Пророк Мухаммад в последний месяц своей жизни, однако теперь молодой Усама, сын Зайда, командование не получил.

Полководцы, назначенные Абу Бакром, были испытанными в боях курайшитами, и каждый из них прежде служил под началом Пророка. Для арабов-мусульман это легендарные фигуры: Амр ибн аль-Ас — завоеватель Египта; Мусанна ибн Харис — вождь племени Бану Бакр, атаковавший Персидскую империю; Халид ибн аль-Валид, одержавший решающую победу над византийской армией при Ярмуке; и Мугира ибн Шу'ба — хитроумный политический авантюрист из племени Сакиф.

Трудно найти в какой-либо другой исторической эпохе столь блестящую, отважную, отчаянную и жизнерадостную компанию воинов и искателей приключений. Они умели вести себя со всей лихой рыцарской удалью настоящих арабских витязей — однако святыми людьми они не были.

И всё же сунниту порой трудно не связать грандиозное создание всемирной арабской империи ислама с особым Божьим благоволением, не увидеть в военных успехах свидетельство духовной строгости и праведности первой мусульманской общины. Именно такое настроение нередко лежит в основе мировоззрения современных фундаменталистов. Оно же вдохновляло многих суннитских учёных на попытки вернуться к воображаемой чистоте ранней общины и вновь снискать милость Божию.

Шииты смотрят на эту эпоху совершенно иначе. Их внимание обращено прежде всего на страдания, выпавшие на долю семьи Али. Один из таких эпизодов — рассказ о том, как Омар ворвался в дом Фатимы, требуя, чтобы Али публично признал власть Абу Бакра. Некоторые шииты утверждают, что в ходе этого происшествия Фатима получила травму, вследствие которой потеряла ещё не родившегося сына Мухсина и которая впоследствии приблизила её смерть.

После того как Абу Бакр стал халифом, между ним и Фатимой возник ещё один спор: он не позволил ей унаследовать принадлежавшие её отцу сады в оазисе, заявив, что пророки не оставляют наследников.

В противоположность суннитскому почитанию людей власти шииты избрали себе иной круг героев — собственную четвёрку представителей первого поколения мусульман.

Пожалуй, ничто так ясно не помогает понять эгалитарный дух шиитской традиции и её стремление возвысить бедных и униженных, как неизменное

почитание этой необычной группы скромных, почти незаметных людей: **Абу Зарра аль-Гифари, Микдада ибн Асвада, Аммара ибн Ясира и Салмана аль-Фариси.**

Их называют **четырьмя сподвижниками Али.**

Салман аль-Фариси, как следует из его имени, родился в Персии в 568 году. Под руководством своего отца-жреца он изучал мистические традиции зороастризма, но затем покинул родную веру и отправился странствовать по Ближнему Востоку в поисках Бога.

Салман стал христианином-несторианином, однако во время одного из набегов в пустыне попал в плен и был продан в рабство арабскому купцу-иудею, который отвёз его в Медину. Там Салман встретился с Пророком Мухаммадом и принял ислам, увидев в нём исполнение своих многолетних духовных поисков.

Его самый знаменитый поступок вошёл в историю во время осады Медины большой армией арабов-язычников. Именно Салман посоветовал Пророку, как лучше защитить оазис: по его предложению был вырыт ров, который не позволил многочисленной вражеской коннице ворваться в город.

Салман представляет собой особенно интересный образец для терпимой суфийской и дервишской традиции ислама, с уважением относящейся к странствующему искателю знания, который способен познакомиться со всеми великими религиями мира, прежде чем обрести истину в исламе.

Аммар ибн Ясир родился в Мекке в 567 году и одним из первых уверовал в ислам. Однако, будучи сыном йеменского раба, он занимал в городе низкое положение и постоянно подвергался преследованиям за свою веру.

Одним из самых жестоких его мучителей был Абу Джахль, дядя Пророка, виновный в смерти матери Аммара. Самого Аммара пытали «до тех пор, пока он уже не понимал, что говорит».

Когда Аммар признался Мухаммаду, что боится, будто под пытками отрёкся от веры, Пророк спросил не о том, что его заставили выкрикивать мучители, а лишь о том, **что он ощущает в своём сердце.**

Аммар сражался простым воином во всех первых битвах ислама и снискал славу человека непреклонной веры и принципов. Он ни разу не усомнился в том, что Али является истинным наследником Пророка Мухаммада, и именно за эту убеждённость погиб в битве при Сиффине, вступив в строй уже 90-летним воином.

Святылище, связанное с его могилой, долгое время почиталось в городе Ракка.¹

Микдад ибн Асвад происходил из Хадрамаута — крайней восточной пустынной долины среди йеменских гор. Рассказывали, что он был высоким и худощавым, с обожжённой пустынным солнцем кожей, крючковатым носом и широко поставленными глазами.

Но красота его души раскрывалась в голосе. Он стал одним из самых красноречивых чтецов Корана ещё до того, как священный текст был окончательно записан на пергаменте.

Микдад присутствовал во многих великих сражениях эпохи арабских завоеваний — не как лихой воин, а как человек, чей голос воодушевлял мусульманских солдат.

Абу Зарр аль-Гифари, известный также как Абу Зар, происходил из племени, входившего в конфедерацию Кинана и обитавшего в пустыне к юго-западу от Медины.

Считалось, что он был 4-м или 5-м человеком, принявшим ислам.

Однако, в отличие от многих первых мусульман, он отказался обогащаться за счёт военной добычи, потоком хлынувшей из завоёванных земель, и остался верен простой жизни и непрестанной благотворительности, которым научил его Пророк.

Абу Зарр говорил о развращающей силе богатства столь прямолинейно, что порою его слова граничили с бестактностью. Хотя его благочестие вызывало всеобщее уважение, его считали чудаком и не допускали в ближний круг управления с его должностями, советами и наградами.

Об Абу Зарре сохранилось множество рассказов, свидетельствующих о его независимости и скромности.

Однажды могущественный провинциальный наместник, желая испытать его, послал ему деньги. Абу Зарр попытался отказаться от дара, заметив, что наверняка существует немало людей, нуждающихся в этих деньгах куда больше него.

Когда же подарок всё-таки заставили его принять, он охотно согласился — однако ещё до конца дня вышел на улицу и раздал всю навязанную ему щедрость тем, кому она была нужнее.

На следующий день посланник наместника был поражён, не обнаружив в доме Абу Зарра ни единой монеты.

В другой раз посетитель спросил его:

¹ Гробница была сознательно разрушена ультрасуннитскими боевиками ИГИЛ во время недавней гражданской войны в Сирии.

— Где всё твоё имущество?

Абу Зарр ответил:

— Я отправил его вперёд, в другой мой дом,
имея в виду обитель за могилой.

Говорят, Мухаммад сравнивал его душу с душой Исы ибн Марьям — Иисуса
— и благословил его словами:

*«Да помилует тебя Бог. Ты будешь жить один, умрёшь один, восстанешь
из мёртвых один и один войдёшь в Рай».*

Эти 4 человека — презираемый чужеземец, невзрачный южанин, сын раба и суровый, бескомпромиссный защитник истины — составляют удивительно привлекательную четвёрку героев.

Ибо, оставаясь бедными и неудачливыми по меркам этого мира, каждый из них обладал исключительными достоинствами.

На протяжении правления первых 3 халифов — Абу Бакра, Омара и Усмана — Али жил между Меккой и Мединой, ведя тихую, созерцательную жизнь учёного и молитвенника.

Он публично не выступал против халифов, но отстранился от мирских дел и посвятил себя обучению и проповеди, разъясняя смысл Корана небольшому кругу последователей.

Али широко признаётся одним из важнейших источников, к которым обращались, когда было принято решение записать Коран, а не оставлять его преимущественно в форме устного чтения.

Шииты убеждены, что многие наставления Али сохранились — как в устной традиции, передававшейся его духовным наследникам, так и в письменном виде.

Через 300 лет после смерти Али иракский учёный Шариф ар-Рази собрал уцелевшие устные предания, старые записи, изречения, письма и письменные проповеди Али.

Этот сборник получил название **«Нахдж аль-Балага»** — **«Путь красноречия»**.

В доме любого образованного шиита можно увидеть эти 2 толстых тома на почётном месте: обычно они лежат на защитной ткани на самой высокой полке в лучшей комнате дома.

В книге содержатся 241 проповедь, 79 писем и 480 изречений.

Некоторые суннитские учёные признают её достойным источником религиозного права; другие утверждают, что она была составлена лишь в Ираке X века и, высоко ценя её как один из великих памятников арабской литературы, не придают ей вероучительного авторитета.

Абу Бакр был халифом всего 2 года — с 632 по 634 год — и позаботился о том, чтобы его преемником стал Омар.

Он созвал совет из примерно 6 видных мусульман, выслушал их мнение, а затем в мечети Медины объявил Омара своим преемником.

Омар правил 10 лет — с 634 по 644 год. И хотя именно он не позволил Али получить власть и потому не является героем для шиитов, в общей мусульманской памяти он остался благочестивым и требовательным правителем: суровым, непреклонным, неподкупным, жившим просто и скромно.

Для суннитов Омар — едва ли не самый совершенный и способный образец мусульманского правителя.

Именно армии Омара одержали решающие победы, обеспечившие распространение мусульманской власти: прежде всего над византийцами при Ярмуке в 636 году на территории современной Сирии и над Сасанидами при аль-Кадисии в том же 636 году на территории современного Ирака.

После этого Омар занялся устройством управления халифатом.

Арабские воины-мусульмане должны были жить в **амсарах** — гарнизонных городах, построенных отдельно от древних городов покорённых народов. Такие города существовали, например, в Куфе в Ираке и Фустате в Египте, и их следы сохранились до наших дней.

Они строились по строгой геометрической планировке, а в самом центре располагалась огромная мечеть.

Покорённые народы — христиане, иудеи и зороастрийцы — получили статус **зимми** и находились под защитой мусульманских армий в обмен на ежегодные налоги: десятину с урожая, часто закреплённую в письменном договоре о подчинении мусульманской власти, и подушную подать.

Эти доходы поступали халифу либо его наместникам и позволяли выплачивать ежегодное жалованье мусульманским войскам, а также помогать бедным, вдовам, старикам и сиротам — в соответствии с наставлениями Корана.

Халиф Омар сохранял почти безграничную власть. За малейшие проступки он отстранял наместников и полководцев и отправлял казначейских чиновников тщательно проверять налоговые отчёты.

Он не позволял покровительству влиять на решения судов, требовал справедливого ведения войны, надлежащего оформления мирных соглашений и установил чёткую систему жалованья.

Его деяния были сведены в **Авлият-и-Омар — 41 установление Омара**. Шииты их не признают.

К концу жизни халиф Омар тесно сотрудничал с Али, который приходился ему тестем. Отправляясь инспектировать провинции, Омар поручал Али исполнять обязанности своего заместителя.

Поэтому, когда в 644 году Омар был убит во время молитвы в мечети Медины, Али вновь казался естественным преемником.

Однако совет из 6 наиболее влиятельных мусульман, опасавшихся, что Али может изменить устройство молодой арабской державы, избрал 3-м халифом Усмана.

Усман, как и Али, был сподвижником Пророка. Сам Мухаммад избрал его мужем для 2 своих дочерей от Хадиджи — Рукайи и Умм Кульсум.

Когда Усман взойшёл на престол, ему было уже 70 лет. Он не обладал яркой харизмой, хотя считался скромным и добрым человеком.

Даже шииты умеренных взглядов порой готовы относиться снисходительно к Абу Бакру и Омару, но немногих из них можно убедить восхищаться Усманом.

Империя, доставшаяся ему в наследство и ещё более расширившаяся в первые годы его правления, была уже огромна.

Но вскоре стало очевидно, что ключевые должности Усман раздаёт членам собственной семьи Омейядов — привилегированного рода Абд Шамс из племени курайшитов.

Щедрый и милосердный по характеру, Усман тем не менее вырос богатым человеком, привыкшим к своему высокому положению, и потому не реагировал должным образом на жалобы, даже когда его родственники демонстрировали явную неспособность к управлению.

Почтительные делегации превратились в публичные протесты, а затем — в открытый мятеж.

Али добился соглашения между сторонами, однако вскоре выяснилось, что придворные родственники Усмана продолжают плести заговоры.

Мятежники решили ударить первыми.

Они ворвались в дом Усмана и убили халифа, случайно забрызгав его кровью один из первых списков Корана.

Именно создание письменного текста Корана стало величайшим достижением Усмана.

Он учредил редакционную комиссию, которая в течение 6 лет изучала свидетельства всех признанных чтецов и сопоставляла каждый доступный письменный фрагмент.

В итоге было собрано 77.000 слов, распределённых по 6.211 аятам и 114 сурам неодинаковой длины.

Откровения не стали располагать в хронологической последовательности: суры были выстроены преимущественно по длине.

Радикальные шииты утверждают, что Усман исключил некоторые аяты, благоприятные для Али. Однако сам Али, как сообщается, говорил:

«Усман действовал по совету всех ведущих людей среди нас; будь я тогда правителем, я поступил бы так же».

На следующее утро после убийства Усмана Али был провозглашён халифом — не только как наиболее достойный мусульманский кандидат, но и как единственный человек, чей авторитет признавали обе стороны недавнего конфликта.

Одна из трагедий шиитской традиции состоит в том, что Али, которого на протяжении 24 лет лишали, как считают шииты, законного права на власть, получил в наследство не единую и покорную мусульманскую общину, а завоевательную империю, раздираемую соперничеством мятежных гарнизонов.

Первое и самое непосредственное восстание было организовано его самым непримиримым противником — Айшей.

Опираясь на поддержку своего рода, Айша собрала небольшую армию, и в 656 году Али пришлось сразиться с ней в **Верблюжьей битве** — столкновении в пустыне близ Басры.

После битвы Али простил Айшу. Её безопасно сопроводил обратно в Медину её сводный брат Мухаммад — молодой сын халифа Абу Бакра, лично преданный Али.

В следующем году Али повёл армию против закалённого арабского войска в Сирии, которым командовал Муавия — один из многочисленных родственников убитого Усмана из рода Омейядов.

Опасаясь лишиться должности военного наместника Сирии, Муавия спровоцировал конфликт, сославшись на древнее арабское право кровной мести за погибшего родственника.

Обе армии сошлись в **битве при Сиффине** в 657 году на северном берегу Евфрата.

После 4 дней боёв Муавия понял, что близок к поражению, и попросил перемирия. Его посланцы подняли на остриях копий экземпляры Корана, призывая прекратить сражение.

Муавия тайно заручился поддержкой одного из 2 избранных третейских судей, а в возникшей затем неразберихе его собственная армия провозгласила его халифом.

Некоторые из наиболее горячих сторонников Али начали сомневаться в нём. Они были возмущены тем, что он вообще согласился вести переговоры с человеком, которого считали столь недостойным, как Муавия.

Эти принципиальные, но всё более мятежные последователи получили название **хариджитов — «отделившихся»**.¹

Тем же летом Али пришлось выступить против этих фанатичных бунтовщиков. В битве при Нахраване погибли 1.800 человек.

Из Куфы Али продолжал править Центральной Аравией и Ираком, однако последние 3 года его жизни мусульманская община фактически была расколота на 3 враждующих лагеря.

В январе 661 года Али был смертельно ранен хариджитом, когда вышел из своего скромного дома, чтобы возглавить пятничную молитву.

Он оставался в сознании ещё 2 дня, но затем скончался.

Его 3 сына — Хасан, Хусейн и их младший сводный брат — омыли тело отца и проводили его к могиле.

Со временем Куфа пришла в упадок, тогда как вокруг могилы имама Али вырос город Наджаф.

Его святыню чтят и шииты, и умеренные суннитские лидеры; ежегодно сюда приезжает около **8 миллионов паломников**.

¹ Общины хариджитов существуют и в наши дни — в Омане, на острове Джерба в Тунисе и в оазисе Мзаб в Алжире. Благодаря своей пуританской религиозности они приобрели репутацию исключительно честных торговцев. Они по-прежнему отвергают как суннитские, так и шиитские притязания на историческое руководство исламом и сами избирают своих имамов.

Глава 8

Хусейн в Кербеле

Мученическая гибель внука Пророка, 680 год

После убийства Али Муавия и семья Усмана контролировали большинство стратегически важных военных опорных пунктов халифата.

Следующие 20 лет стали борьбой за саму душу ислама.

Победит ли духовная традиция, которую отстаивала семья Пророка, или верх возьмут воинственные полководцы и их силовой аппарат?

Именно из этого драматического горнила противостояния возникают главные сюжеты шиитской традиции — проникнутые трагическим чувством обречённости добра на страдания в этом мире и страстной тоской по истинному духовному руководству, исходящему от династии мучеников.

Когда Али был убит, шёл месяц Рамадан, и улицы вокруг главной мечети были заполнены мусульманами, всю ночь слушавшими чтение Корана.

У сына Али Хасана был небольшой дефект речи, но в ту ночь он преодолел его и произнёс речь об отце, сказав, что деяния Али не имели равных и навсегда останутся непревзойдёнными.

Он напомнил собравшимся о его храбрости — о том, как в сражениях Али собственной жизнью защищал Пророка.

Как наследник отца, Хасан также официально сообщил народу, что Али не оставил после себя сокровищ — лишь кошель с **700 дирхамами**, накопленными из жалованья для того, чтобы купить семье слугу.

Вспоминая человека, которого они потеряли, собравшиеся плакали и присягнули Хасану — внуку «благовестника, сыну предостерегающего, сыну призывающего к Богу, Могущественному и Возвышенному, и, с Его дозволения, светильнику сияющему».

Рассказывали, что имам Хасан никогда не говорил дурного ни об одном человеке.

Он 25 раз совершил хадж, каждый раз проходя пешком около 250 миль между Мединой и Меккой.

Хасан остаётся одним из великих, но недостаточно прославленных героев ислама: миротворцем, пешим паломником и независимым учёным.

Именно Хасан стоял на страже у дверей халифа Усмана, пытаясь защитить его от мятежников, хотя прекрасно понимал, что восстание может открыть дорогу к власти его собственному отцу.

Шииты могли на протяжении столетий ненавидеть Усмана и проклинать его память, однако подобное отношение противоречило примеру самого Хасана — их 2-го имама.¹

Хасан глубоко понимал, что в самой основе ислама лежат милосердие, прощение и сострадание.

Его ислам был таков, что он «не желал никому ни зла, ни вреда».

Проповедуя, он находил в Коране не призыв к войне, а призыв к миру.

Он подчёркивал, что малый джихад — вооружённая борьба — лишь подготовка к **великому джихаду**, то есть к пожизненной борьбе человека с самим собой.

Он приводил 216-й аят суры 2:

«Вам предписано сражаться, хотя это вам неприятно».

Хасан намного опередил своё время.

Воины куфийского гарнизона хотели, чтобы Хасан повёл их на войну.

Молодые мусульманские бойцы видели в блестящих военных победах земное доказательство истинности их ислама.

Они не могли понять убеждения Хасана в том, что послание Мухаммада прежде всего касается отношений отдельного человека с Богом.

Напрасно Хасан говорил им, что **«позор лучше адского пламени»**, что он не стремится к земной власти, но желает лишь **«снискать благоволение Бога и уберечь кровь людей»**.

Эти мирные слова вызвали у солдат ярость.

Они ворвались в дом Хасана, выдернули из-под него молитвенный коврик и сорвали с его плеч плащ.

Лишь воины племени Рабиа, верные сторонники Али, спасли Хасана от расправы.

Но пережитое насилие лишь укрепило его решимость положить конец гражданской войне внутри ислама.

Поэтому имам Хасан отказался от всякой политической власти в обмен на соглашение с врагом своего отца Муавией.

Муавия обязался не причинять вреда сторонникам Али и править в соответствии с Книгой Бога и примером Пророка.

Со своей стороны он также согласился, что **«после него власть перейдёт к Хасану»**, хотя об этом обещании вскоре забыли.

¹ Потомки Хасана исключительно хорошо документированы, поскольку большинство семей, заявляющих о происхождении от Пророка Мухаммада, ведут свою родословную через одного из 2 выживших сыновей Хасана — Зайда и Хасана.

В июле 661 года Хасан и его младший брат Хусейн покинули Куфу и отправились обратно в Медину.

Хасан правил всего 6 месяцев.

«Но я отказался от власти, — говорил он, — и вместо неё взыскал лика Божьего».

Хасан, почитаемый шиитами как 2-й имам, после отречения тихо жил в Медине и умер в 670 году.

Теперь Муавия правил всеми землями ислама как первый омейядский халиф.

Высокий, смуглый и красивый, он получил прозвище **«Цезарь арабов»** — за способность не только повелевать, но и очаровывать и убеждать.

Он обещал арабским армиям новые бескрайние горизонты завоеваний: империю, границы которой будут расширяться без конца.

На протяжении всего 19-летнего правления Муавии — с 661 по 680 год — центром его власти оставался Дамаск.

Никто ещё не пытался превратить огромные завоёванные территории в единую арабоязычную империю.

Каждая провинция продолжала пользоваться собственным языком, собственным чиновничьим аппаратом, собственными мерами и традиционной монетой — обычно либо византийским золотым динаром, либо персидским серебряным дирхамом.

Это было не следствием какого-то принципиального решения, а всего лишь отражением неудержимой скорости арабских завоеваний.

Изучение ранних списков податей показывает, что арабские гарнизоны зачастую просто унаследовали десятину с урожая и подушные налоги, которые прежде выплачивались византийским легионам или их персидским соперникам.

Простота жизни и правления Пророка была забыта.

Даже провинциального наместника, служившего халифу Муавии, окружала, по словам одного иностранного посла,

«толпа людей с серебряными жезлами и чтецов, а у его ворот несли караул 500 воинов».

В начале правления Муавия прибыл в Медину, чтобы принять присягу верности от почтенных сподвижников Пророка, всё ещё живших там.

Однако лишь немногие пришли в мечеть, чтобы лично поклясться ему в повиновении.

К концу своего царствования халиф предпринял ещё одну попытку.

Но, услышав, что Муавия едет в Медину, главные мусульмане города оседлали верблюдов и решили, что как раз пришло время проверить состояние своих стад в пустыне.

Первые 4 «Праведных» халифа могли получать признание в священной Медине.

Но Омейяды теперь правили из Дамаска.

В 680 году халиф Муавия умер от болезни.

Своим преемником он назначил сына Язида и назвал его **Халифат Аллах — «наместником Бога»**.

Сам Муавия пользовался тем же титулом вместо прежнего **Халифат расул Аллах — «наместник Посланника Бога»**, которым называли себя ранние халифы.

Не прошло и 50 лет после смерти Мухаммада, как над созданной им нравственной общиной утвердилась арабская монархия.

Из Куфы один за другим в Медину прибывали посланцы, призывавшие имама Хусейна, оставшегося в живых брата Хасана, занять принадлежавшее ему по праву место главы мусульманской общины.

Хусейн откликнулся на зов.

Так началась самая знаменитая из всех шиитских трагедий — трагедия, которую каждый год вспоминают в необычайных обрядах коллективного траура Ашуры.

Но пока Хусейн пересекал пустыню, жители Куфы начали сожалеть о своём приглашении.

Городом правил Убайдаллах ибн Зияд — непримиримый сторонник Омейядов.

Под его надзором ни один юноша не покинул переполненную Куфу, чтобы присоединиться к каравану Хусейна.

Вместо этого Убайдаллах отправил в пустыню армию с приказом перехватить Хусейна и небольшой отряд его родственников и преданных сторонников — **около 30 всадников и 40 пеших воинов**.

Они беспрепятственно проходили через земли бедуинских племён, однако ни один вождь, видя, насколько крепко режим держит в повиновении молчащую Куфу, не решился поднять своё племя в поддержку Хусейна.

Поэт Фараздак выехал ему навстречу и предупредил об измене куфийцев:

«Сердце города — с тобой, но меч его — против тебя».

И всё же Хусейн продолжил путь.

У Кербелы отряд конницы преградил ему дорогу в Куфу и одновременно не позволил маленькому каравану повернуть обратно в Медину.

Вскоре к ним подошло подкрепление — **4.000 всадников**, окруживших лагерь Хусейна неподалёку от берега Евфрата, примерно в 25 милях от Куфы.

Наместник Убайдаллах приказал командиру лишить Хусейна и его сторонников доступа к воде до тех пор, пока они безоговорочно не покорятся.

Несмотря на мучительную жажду, которую терпели его родные и последователи, Хусейн отказался сдаться, хотя продолжал искать мирный выход.

Достоинство, с которым он держался, произвело настолько сильное впечатление на командира омейядской конницы, что тот начал колебаться.

Тогда Шимр, посланец Убайдаллаха, пригрозил самому принять командование, если приказ не будет выполнен буквально.

Вечером **9 мухаррама 61 года хиджры — 9 октября 680 года** Хусейн велел своим двоюродным братьям и родственникам покинуть лагерь и искать убежища у врага.

Они отказались.

В палатках уже не осталось воды.

Наутро они выстроились в изорванную боевую линию:

72 человека против 4.000.

Хусейн ещё раз предложил мирные условия.

Затем его маленький отряд двинулся вперёд, пытаясь прорваться из окружения, и был встречен одним градом стрел за другим.

Не пощадили ни 10-летнего племянника Хусейна Касима, ни его младенца-сына.

Смертельно раненных воинов втоптала в пыль омейядская конница.

Всадники спешили, отрубили головы погибшим, сложили их в кожаные мешки и затем высыпали на пол дворца наместника в Куфе.

Когда Убайдаллах переворачивал эти страшные останки посохом, один из старых судей при его дворе не выдержал и воскликнул:

«Осторожнее! Это внук Пророка. Клянусь Богом, я собственными глазами видел, как благословенный Посланник целовал эти самые губы».

В **10-й день мухаррама**, первого месяца мусульманского года, шиитские общины всего исламского мира вспоминают этот страшный день.

И шииты, и сунниты признают его днём скорби, однако страстное публичное поминовение **Ашуры — буквально «десятого дня»** — стало одним из самых заметных отличительных признаков шиитских общин.

Весть из Кербелы прокатилась по исламскому миру волной ужаса.

Медина и Мекка открыто восстали против чиновников омейядского халифа Язида.

Из Дамаска была послана армия, усиленная полками сирийских арабов-христиан. Она перебила защитников Медины, после чего в течение 3 дней

солдаты грабили город, насиловали его жителей и бесчинствовали в переулках оазиса.

Затем была осаждена священная Мекка.

Через 2 месяца после начала наступления Кааба сгорела почти дотла, когда в неё случайно попали выпущенные осаждавшими стрелы, пропитанные горючей смесью на основе нефти.

Священный Чёрный камень, вмурованный в стену Каабы ещё во времена Пророка Мухаммада, от жара раскололся на 3 части.

Этот камень, который считали алтарём Авраама, с тех пор удерживался вместе серебряными скрепами.

В то же самое время 40-летний халиф Язид умер в своём охотничьем дворце в Сирийской пустыне.

Когда весть о его смерти достигла армии, осада была прекращена и войска приготовились возвращаться в Дамаск.

Прошло всего 50 лет после смерти Пророка Мухаммада.

Была завоёвана огромная империя.

Ежегодная дань — миллионы и миллионы золотых и серебряных монет — стекалась в халифскую казну в Дамаске, обеспечивая содержание оплачиваемого правящего класса.

В 6 гарнизонных городах жили **100.000 арабских воинов**, окружённых удобствами, вооружённых лучшим оружием, доспехами и снабжённых прекрасными конями.

О них заботились рабы, обеспечивая образ жизни, о котором их деды не могли даже мечтать.

А в Мекке Кааба лежала обугленной развалиной.

В безымянном поле под Кербелой были погребены обезглавленные тела убитых членов семьи Пророка Божьего.

Казалось, что люди завоевали всё земное — но в ходе этих завоеваний забыли о Царстве Небесном.

Ужас этой метаморфозы ощущают все мусульмане.

Отчасти именно она объясняет политический фатализм, столь часто встречающийся в мусульманских обществах.

Если всего через 50 лет после того, как они похоронили Пророка, благочестивое правление его сподвижников оказалось столь решительно уничтожено, то какая надежда может оставаться у нас — живущих в эпоху ещё более испорченную и менее религиозную?

Разве сам Пророк не сказал:

«Не приходит к вам время, за которым не последовало бы ещё худшее».

Ни сунниты, ни шииты не поддерживают Муавию и притязания его сына Язида.

Все мусульмане содрогаются перед судьбой Хусейна в Кербеле.

Подлинное различие заключается лишь в силе переживания этой трагедии.

Путешествуя по шиитским землям, вы повсюду встречаете образы, рождённые Кербелой: каллиграфию на огромных чёрных знамёнах, перекинутых через улицы, настенные изображения, амулеты, кольца.

Один из главных символов — окровавленный конь без всадника, изнурённый и раненый, возле которого стоят женщины в чёрных покрывалах.

Это **Зульджанах**, единственный оставшийся в живых свидетель гибели стольких мужчин из семьи Пророка Мухаммада.

Другой распространённый образ — унылая вереница закутанных женщин, которых под военным конвоем ведут через пустыню в Куфу.

Это женщины из лагеря Хусейна, вынужденные нести страшные останки — отрубленные головы своих родных.

Главная героиня среди них — сестра Хусейна **Зайнаб**.

Она всегда становилась первой перед лицом опасности, защищала больного — единственного уцелевшего мужчину из семьи — от безжалостного солдата, а честь молодой племянницы — от похоти омейядского придворного.

Когда ей бросили:

— Кто ты такая, чтобы возражать против приказов эмира Убайдаллаха и халифа Язида?

Зайнаб спокойно ответила:

«Я — дочь Фатимы, дочери Мухаммада».

Под её защитой сломленный караван медленно добрался до Дамаска, а затем, согласно некоторым преданиям, — до Аскалона и далее до Каира.

Саййида — госпожа — Зайнаб пережила 6 месяцев плена, обучая своих близких траурным обрядам и проповедям в память о брате Хусейне, которые продолжают жить и сегодня.

Святыни-гробницы саййиды Зайнаб существуют и в Каире, и в Дамаске, и круглый год их посещают благочестивые шиитские паломники.

Они вспоминают первую ночь после битвы.

Палатки были повалены.

Солдаты отобрали у женщин украшения, вырывая даже серьги из ушей.

Не было ни огня, ни еды, ни крова.

Даже луна скрылась за облаками.

И лишь Зайнаб нашла в себе силы утешать жалкую кучку вдов и сирот.

Одна из девушек, Сукейна, ночью незаметно ушла из лагеря, желая найти отца.

Отыскав его мёртвое тело, она поведала ему все свои печали и, прижавшись к нему, уснула до рассвета.

Тела оставались непогребёнными 40 дней, пока их тайно не похоронили люди племени Бану Асад.

Место могилы Хусейна получило название **Рауда — «Сад»**, намекая на райскую обитель мученика.

На протяжении веков подробности этой беспощадной трагедии рассказывались и пересказывались вновь.

Один из самых известных сюжетов связан с **Аббасом ибн Али**.

Вооружившись одним лишь копьём, он решил добыть воду для детей лагеря.

Аббас добрался до берега Евфрата и наполнил водой бурдюк, но поклялся не сделать ни глотка прежде, чем напьются дети.

На обратном пути его перехватили воины.

Однако он остался верен своему обету не проливать кровь.

Ему отсекали сначала правую руку, затем левую, а потом пронзили тело множеством стрел.

Даже падая, он продолжал беречь бурдюк с водой, удерживая его зубами, а **алам — боевое знамя** — держал вертикально окровавленными обрубками рук, чтобы оно не коснулось земли.

Аббас стал одним из самых почитаемых героев современного шиитского мира.

Он был сводным братом Хусейна и в Ираке и Ливане с любовью именуется **Абу-ль-Фадл — «отец добродетели»**, а в Иране и Азербайджане — **Абульфаз**.¹

Шиитская линия продолжается через единственного уцелевшего мужчину из этой семьи — **Али ибн Хусейна Зайн аль-Абидина**.

Мальчиком он пережил годы плена и в конце концов получил разрешение удалиться в Медину.

Шииты почитают его как 4-го имама — кроткого, далёкого от политики мистика, духовным наследием которого стала **«ас-Сахифа ас-Саджадийя»**, собрание молитв.

Один из его сыновей, Мухаммад аль-Бакир, продолжил эту тихую традицию мирного учёного служения.

Другой — Зайд ибн Али (695–740) — повторил кровавую судьбу своего деда.

¹ Образ самопожертвования Абульфазы эмоционально связан с памятью о сотнях тысяч иранских воинов-мучеников, погибших в ирано-иракской войне.

Он откликнулся на призыв жителей Куфы освободить их от угнетения и погиб от рук омейядской армии.

Его пример — ответить на зов долга, прекрасно сознавая смертельную опасность, — продолжает вдохновлять ту часть шиитов, которую называют **зейдитами** и которая поныне сильна в Йемене.

Тело Зайда погребено в Ираке, а его отсечённая голова почитается в Иордании.

Его племянник **Джафар ас-Садик (700–765)** считается 6-м имамом основной ветви шиизма.

При жизни он признавался одним из величайших мусульманских учёных своей эпохи.

После Джафара вопрос о шиитском наследовании становится более спорным, поскольку возникают 2 линии.

Линия его сына Исмаила приводит к живому потомку — Ага-хану, наследственному главе исмаилитской общины.

Линия его другого сына, Мусы аль-Казима, 7-го имама, ведёт дальше по трагическому семейному древу: ещё 4 поколения имамов публично почитались, но, согласно шиитской традиции, были убиты своими родственниками — аббасидскими халифами Багдада.

Святынище 8-го имама, Али ар-Риды, находится в самом сердце иранского города Мешхеда, и круглый год его гробницу окружают толпы паломников.

Шииты и поныне ждут справедливого правления праведного имама.

Большинство шиитов считает, что историческая династия потомков Али завершилась в 12-м поколении.

Однако последний имам не умер — он сокрыт.

Это **Махди, Ожидаемый**, и его царствование станет одним из знамений конца света.

Перед своим убийством имам Али рассказал 2 сыновьям о сне, предвещавшем его смерть.

Во сне его тело к могиле сопровождал человек с закрытым лицом, ведший верблюда, на котором лежал покойник, завёрнутый в саван, сделанный из тюרבана Али.

Он предупредил сыновей: если им когда-нибудь доведётся увидеть такую сцену, пусть не вмешиваются.

Когда после его смерти всё произошло именно так, как было во сне, сыновья не выдержали и заговорили с человеком под покрывалом, потребовав открыть, кто он.

Человек поднял покров.

Перед ними стоял сам Али.

Подобные народные предания дают лишь слабое представление о сложности шиитской системы верований.

12 имамов — реальные исторические личности, у них были матери, у них есть гробницы.

Но вместе с тем они каким-то таинственным образом соединены между собой.

Как мы увидим в следующих главах, в истории неоднократно возникали моменты, когда казалось, что шиитские пророчества вот-вот исполнятся.

И потому, хотя шииты продолжают ожидать своего имама и часа духовного торжества, на протяжении истории — вплоть до наших дней — неоднократно казалось, что этот час уже близок.

Многих удивляет то, что сама историческая канва этих событий не оспаривается ни суннитскими, ни шиитскими историками.

И это необходимо постоянно подчёркивать:

сунниты и шииты исповедуют одну религию, произносят одни молитвы и почитают один и тот же Коран.

Различия между ними порою заключаются лишь в степени акцента: о каком человеке вы будете рассказывать историю, а от какого отвернётесь.

Но эти 2 линии повествования создают разные горизонты, разных героев, разные надежды и разные подходы к самым разнообразным вопросам.

Часть вторая

Халифаты Средневековья

Именно истории семьи Пророка и его сподвижников, а также события, разыгравшиеся среди первых поколений их потомков, наиболее живо сохраняются в коллективной памяти суннитского и шиитского мира.

Но последующие столетия существования исламских халифатов и империй оставили не менее глубокий след в геополитике региона.

Чтобы понять Ближний Восток XXI века, нам необходимо разобраться в некоторых явлениях этой далёкой эпохи.

Первая средневековая династия халифов — Омейяды — запомнилась необычайной империей, простиравшейся от Испании до Центральной Азии.

О ней напоминают и такие величественные памятники, как Купол Скалы в Иерусалиме и Великая мечеть Дамаска.

Мало кто жалеет о падении этой арабской династии, и ещё меньше людей её оплакивают.

Тем не менее среди многих благочестивых мусульман живёт мечта о восстановлении огромных границ того халифата и о едином почитаемом вожде, который вновь возглавит **умму — всемирное сообщество ислама**.

Это могущественная мечта.

Она порой заставляет даже умеренных суннитов тоскует о возвращении границ Омейядского халифата и интеллектуального авторитета Аббасидской эпохи.

Шииты, напротив, не испытывают подобных сомнений относительно Омейядов и Аббасидов: обе династии халифов они считают порочными.

Глава 9

Омейяды и Аббасиды

Арабские империи: Омейяды (661–750) и Аббасиды (750–1258)

Омейяды были арабскими племенными владыками, прекрасно понимавшими подлинную природу власти на Ближнем Востоке.

Эта власть держалась на армии и полиции, а смягчалась покровительством и жалованьем, раздаваемым из государственной казны.

Омейяды правили из Дамаска и, как правило, куда больше интересовались военными завоеваниями — джихадом на далёких границах, — нежели истинным благочестием.

Шииты ненавидят их как безбожных узурпаторов и тиранов — как династию Муавии, сражавшегося против имама Али, и Язида, виновного в гибели Хусейна при Кербеле.

Однако их империя породила целую плеяду ярких военачальников.

Среди них был и Язид, атаковавший Византию одновременно с суши и с моря и осадивший Константинополь — подвиг, который ни одному султану не удастся повторить в следующие **750 лет**.

Наивысшего расцвета династия достигла при **Абд аль-Малике**, 5-м омейядском халифе (685–705), которого следует причислить к великим вождям арабов.

Он настоял на том, чтобы существовавшие прежде административные языки — греческий, латинский и персидский — были заменены арабским.

Он учредил первую собственно исламскую монетную систему.

И именно он возвёл в Иерусалиме **Купол Скалы**, ныне один из главных символов исламской цивилизации.

Однако в список образцово праведных мусульман Абд аль-Малик не войдёт.

Высказывалось предположение, что Купол Скалы первоначально задумывался как великолепный царский церемониальный зал, где халиф мог принимать официальную присягу верности — **бай'а**.

Этот величественный купольный зал он построил над древним священным местом¹ рядом с почитаемой старой мечетью Иерусалима — в немалой степени

¹ Считается, что это священное место, где Авраам готовил жертвенник, чтобы принести в жертву своего сына Исаака, а также место, откуда Пророк Мухаммад вознёсся на небеса во время мистического Ночного путешествия — Мираджа.

потому, что благочестивые мусульмане Мекки и Медины восстали против его власти и не желали иметь с ним ничего общего.

С точки зрения исламской нравственности самым достойным из омейядских халифов был **Омар II (717–720)**.

Он был искренне благочестив, стремился к миру и просвещению и предпочитал отправлять проповедников в уже подвластные ему провинции вместо того, чтобы готовить очередные завоевательные походы.

Как следует из его имени, он был потомком халифа Омара — правнуком по женской линии.

Но править ему довелось лишь 3 года, после чего он был убит.

Вторая исламская династия — **Аббасиды** — номинально правила из Багдада с 750 по 1258 год.

Культурный расцвет династии продолжался всего около 3 поколений — но что это был за золотой век!

Правители вроде **Харуна ар-Рашида**, знаменитого халифа из *«Тысячи и одной ночи»*, покровительствовали поэтам и философам и учреждали школы переводчиков.

Супруга Харуна, принцесса Зубайда, была любима народом за благотворительность. Среди прочего она строила убежища и колодцы, чтобы бедные паломники могли пешком совершать хадж в Мекку.

Аббасиды приходились родственниками Пророку.

Свое название династия получила от Абу Аббаса — одного из дядей Мухаммада по отцовской линии.

Но потомками Али они не были и шиитскими имамами не считаются.

Тем не менее к власти они пришли благодаря союзу с шиитским восстанием, возникшим на территории Афганистана и возглавленным загадочным полководцем, скрывавшим лицо под покрывалом.

В 750 году восстание свергло Омейядов.

Но вместо того, чтобы передать халифат законному наследнику Али, Аббасиды присвоили власть себе.

Время от времени аббасидские халифы намекали на возможность вернуть власть истинной линии шиитских имамов либо породниться с потомками Али.

Наивысшей точки эта идея достигла в 816 году, когда халиф **аль-Мамун (813–833)** избрал 8-го шиитского имама **Али ар-Риду** одновременно своим политическим наследником и будущим зятем.

Это один из великих моментов «а что, если бы...» в истории ислама.

Казалось, правящий халиф вот-вот залечит древний раскол, официально признав законного шиитского наследника.

Но всего через 2 года после этого решения Али ар-Рида умер.

Большинство шиитов убеждено, что его убили, отравив гранатом.

Так он стал ещё одним мучеником в длинной череде шиитских имамов.

Большую часть аббасидской эпохи значение имела не законность наследования, а реальная сила.

Поскольку к власти Аббасиды пришли на плечах повстанческой армии с Востока, им приходилось тщательно уравнивать влияние старой арабской элиты и других народов.

В армии и администрации всё чаще служили персы и тюрки.

Аббасидский Багдад великолепно отражал этот новый космополитический мир.

Это был огромный город на берегах Тигра, один из главных центров тогдашнего мира.

Его подъём совпал с резким распространением грамотности, которому способствовало появление бумаги — гораздо более дешёвого и удобного материала, чем пергамент из кожи.

Плавные линии арабской каллиграфии превосходно ложились на бумагу.

И учёные, и купцы ценили также то, что написанное чернилами на бумаге трудно было незаметно исправить.

Аббасиды сыграли решающую роль в передаче культурного наследия человечества — будь то греческая философия или индийская математика, — переводя эти труды на арабский язык.

Когда оригиналы впоследствии погибали, именно арабские переводы позволяли более поздним цивилизациям, включая Европу, заново открыть утраченное знание.

При Аббасидах работали первые великие мусульманские историки, богословы и арабские грамматисты.

Власть обеспечивала этим учёным необходимое покровительство и относительный мир, а развивавшиеся города создавали грамотную аудиторию для их трудов.

Ощущалась необходимость как можно скорее записать последние живые предания Аравии и сохранить их чернилами.

Важнейшей задачей стало собирание **хадисов — высказываний Пророка Мухаммада**, прежде чем они исчезнут.

Так возник второй великий текстовый авторитет ислама, способный расширять и пояснять значение Корана.

Исследование цепочек передачи хадисов превратилось в самостоятельную науку.

Учёные пытались выяснить, **кто от кого что слышал**, прослеживая цепь свидетельств назад на 150 лет — до надёжного сподвижника или одной из жён Пророка, жившей в Мекке либо Медине.

Аббасидские учёные понимали, что число хадисов чрезвычайно разрослось.

Древняя устная мудрость и традиционные бедуинские обычаи постепенно переплелись с воспоминаниями о разговорах Пророка.

Количество передававшихся хадисов было таким, будто на каждые **8 минут пророческой жизни Мухаммада** приходилось по одному изречению.

Даже после радикального отбора, когда осталось около **5.000 наиболее достоверных хадисов**, это всё равно соответствовало примерно 5 изречениям на каждую неделю его общественного служения.

Не менее настоятельной была потребность записывать поэтические обороты живого арабского языка, где точный смысл слова нередко невозможно понять без контекста.

Поэтому труд грамматиста вскоре стал важнейшим инструментом толкования Корана.

Между 750 и 1500 годами насчитывалось около **4.000 авторов**, писавших труды по арабской грамматике.

Именно в этом мире городских учёных — а не при великолепных дворах халифов — мы встречаем главных суннитских героев той эпохи.

Это были независимые учёные, жившие скромно в домах с внутренними дворами среди шумных переулков великих мусульманских городов.

Работая вместе или порознь, они собирали решения первых мусульманских судей, административные реформы и постановления 4 первых халифов, создавая руководства по раннему исламскому праву и образцовому общественному поведению.

Коран неизменно оставался первым и неизменным источником.

Но собрания хадисов и пример сподвижников позволили создать целостную систему правильного поведения благочестивого мусульманина.

В Медине **Малик ибн Анас (ок. 711–795)** создал маликитскую правовую школу, которая до сих пор преобладает в Северной и Западной Африке.

Абу Ханифа, сын афганского торговца, родившийся в Ираке, создал ханафитскую школу, которая впоследствии стала господствующей в Центральной и Южной Азии и официальной правовой традицией Османской империи.

Учение **аш-Шафии**, родившегося в Газе, а позднее жившего в Каире, сегодня распространено вдоль берегов Индийского океана, на побережье Восточной Африки и на Дальнем Востоке.

Сегодня все эти суннитские правовые школы сосуществуют в атмосфере взаимного уважения.

Но так было не всегда.

Когда-то даже незначительные различия между правовыми нормами становились поводом для племенной вражды — несмотря на то, что основатели этих школ были тесно связаны между собой интеллектуально, а нередко и лично.

4-м и последним великим суннитским учёным-шейхом был **Ахмад ибн Ханбаль (780–855)**.

Он лично учился у аш-Шафии, который, в свою очередь, учился у Малика.

Ибн Ханбаль был буквально одержим поиском хадисов Пророка.

Он объездил старые арабские гарнизонные города, изучая существовавшие там собрания преданий.

Но настоящую народную славу ему принесло сопротивление халифам — не их политической власти, а их притязаниям на власть духовную.

Аббасидские халифы решили поддержать мутазилитское богословское учение — в частности, его позицию по вопросу о том, был ли Коран сотворён или существовал извечно.

Для проверки духовенства была учреждена специальная комиссия.

Ибн Ханбаль отказался подчиниться этой инквизиции.

За своё неповиновение при 3 разных аббасидских халифах он подвергался изгнанию, заключению и даже публичной порке.

Эта принципиальность сделала его героем родного Багдада.

Когда в 855 году он умер, в последний путь его провожали **сотни тысяч людей**.

Победа бедного, скромного и принципиального учёного над преследованием со стороны властителя стала одной из ключевых политических идей суннитской традиции.

Это была тихая революция.

Человек во дворце — называй он себя халифом, эмиром или султаном — мог и дальше делать почти всё, что пожелает.

Но одно отныне он уже не мог безнаказанно трогать:

исламское право.

История скромного учёного-шейха, который отказывается склониться перед мощью султана, повторялась почти в каждом последующем поколении и во всех странах мусульманского мира.

Таким образом, своим путём сунниты разделяют с шиитами один и тот же великий сюжет — страдания истинно праведного человека.

Шиитские учёные в эту эпоху также трудились над сохранением своей традиции.

Они составляли собственные сборники хадисов и собирали рассказы, наставления и примеры скромности и самопожертвования Али и его праведных потомков.

6-й шиитский имам **Джафар ас-Садик (702–765)** был благочестивым учёным, труды которого вошли как в маликитскую, так и в ханафитскую традицию.

Собственное наследие имама Джафара ас-Садика повсюду и нигде.

На его учение постоянно ссылаются, но ни одна написанная им книга не сохранилась до наших дней.

Можно представить, что когда-нибудь **джафаритская правовая традиция** будет преподаваться как самостоятельная школа мусульманского права.

Она выражала бы шиитское видение и рассматривалась бы как столь же законное интеллектуальное наследие, как 4 канонические школы суннитского права.

Подобную картину единства предлагали многие мусульманские учителя, особенно те, кто посвятил жизнь идее общеисламского единства.

Дополнительную символическую силу личности Джафара придаёт происхождение сразу от 2 великих фигур:

от **имама Али — 1-го шиитского имама,**
и от **Абу Бакра — 1-го суннитского халифа.**

Династия шиитских имамов, в которой духовная власть передавалась от отца к сыну и подтверждалась особым актом благословения, продолжала существовать в тени на протяжении первых **150 лет Аббасидского халифата.**

Как уже говорилось, за имамами наблюдали, порой им льстили и оказывали почести.

Но гостеприимство слишком легко превращалось в домашний арест, за которым могли последовать тюрьма и убийство.

Имам аль-Аскари, последний шиитский имам, о жизни которого сохранились полноценные исторические сведения, был 11-м в линии после Али и умер в 874 году.

После его смерти основное течение шиизма пришло к вере в грядущее появление **12-го имама,** который пребывает в сокрытии — духовном уединении — и однажды вернётся во славе как **Махди.**

Другие шииты признавали иные линии наследования, откуда возникли такие направления, как зейдизм и исмаилизм, представленный сегодня линией Ага-хана.¹

Несмотря на весь великолепный блеск Аббасидов, уже через 100 лет после основания династия фактически вступила в полосу упадка.

Реальная власть всё больше переходила к тюркским полководцам, которые вели беспощадные гражданские войны за соперничающих аббасидских принцев.

Баджкам был одним из таких безжалостных людей — рабом-воином, ставшим начальником полиции и восстановившим пошатнувшийся престол Аббасидов обычными для той эпохи методами.

С 938 по 941 год он сам фактически правил как эмир.

Военное влияние тюркских народов на исламское общество часто недооценивают.

Между тем оно, возможно, было — и остаётся до сих пор — не менее важным, конфликтным и долговечным фактором, чем соперничество суннитов и шиитов.

Баджкам пришёл к власти в Багдаде, раздираемом межконфессиональными столкновениями.

В 930-х годах город был разделён на разные кварталы, где ханбалиты-сунниты противостояли тем, кто сочувствовал шиитам.

Уличное насилие усиливалось и переплеталось с соперничеством различных тюркских группировок внутри армии.

По всей Аббасидской империи отдалённые провинции переходили в руки предприимчивых или способных наместников.

Эти провинциальные правители создавали новую политическую реальность и принимали новые титулы, формально получая признание от уже почти бессильного халифа в Багдаде.

Так местные династии, например Саффарида, правили Ираном, а Саманиды из Бухары управляли Центральной Азией.

В самом Багдаде Аббасидская династия просуществовала до 1258 года — словно экзотическая птица в позолоченной клетке.

¹ Согласно зейдитской традиции, наиболее праведный потомок Пророка является наиболее достойным кандидатом на роль имама — духовного руководителя общины. Зейдиты соединяют нравственную меритократию с мистической привлекательностью святой родословной, происходящей от Пророка Мухаммада. Исмаилитская традиция представляет собой более строгую генеалогическую духовную монархию, однако и здесь присутствует элемент выбора: каждый исмаилитский имам сам определяет среди наследников того, кто наиболее достоин занять его место.

Она продолжала существовать благодаря тому, что формально узаконивала власть суровых, обычно тюркских военачальников, поднявшихся из низов и считавших полезным для своего нового достоинства получить благословение халифа.

Глава 10

Триумф шиитов

Фатимиды (909–1107), карматы (899–1077) и Буиды (934–1062)

По мере того как власть Аббасидов слабела, исламский мир преобразило нечто совершенно неожиданное. Во времена Али аль-Хади и Хасана аль-Аскари — 10-го и 11-го шиитских имамов, учёных-мистиков, обречённых жить под домашним арестом в Ираке, — шиитское дело казалось уязвимым и почти обречённым. Однако в X веке дух шиитского движения вновь воспрянул и утвердился сразу в 3 совершенно разных областях исламского мира.

В 899 году шииты-карматы установили свою власть над пустынными землями Восточной Аравии. Шиитские халифы-Фатимиды правили центральной частью Ближнего Востока из своей цитадели в обнесённом стенами Каире. А с 934 года весь Большой Иран оказался под властью эмиров-Буидов. Сами Буиды не утверждали, что происходят из рода шиитских имамов: они были коренными персами, но считали себя наместниками, управляющими от имени исчезнувшей династии имамов.

Хотя эти государства просуществовали в общей сложности более 250 лет, 3 шиитские империи Средневековья известны сравнительно мало. Между тем одна из самых поразительных черт исламской истории состоит именно в том, с какой удивительной стойкостью переживают века религиозные системы и политические сообщества. Некоторые явления, возникшие в эпоху этих 3 средневековых шиитских держав, и сегодня непосредственно влияют на политическую реальность Ближнего Востока.

Фатимидская империя словно возникла из ниоткуда. Её стремительный взлёт был связан с успехом одного шиитского проповедника по имени Абу Абдаллах — харизматичного миссионера, который во время хаджа примкнул к группе берберских паломников из Северной Африки, направлявшихся в Мекку. Он оказался столь мудрым и образованным спутником, что паломники попросили его отправиться вместе с ними домой, в Кабильские горы Алжира, и продолжить там свои наставления.

Обосновавшись среди берберов, миссионер обратил горные племена в шиитскую веру и превратил их в армию, исполненную решимости исправить древнюю несправедливость и возвести на престол халифа истинного наследника пророка Мухаммеда — потомка его дочери Фатимы.

Сначала эта армия ревнителей веры покорила всю Северную Африку, отправляя вооружённые отряды далеко в глубины Сахары, а затем построила на

тунисском побережье укрепленный город Махдию — город, достойный Махди. Отсюда они совершали набеги на Южную Европу, а позднее успешно завоевали Египет и Левант.

Придя к власти, Фатимиды проявили себя терпимыми и космополитичными правителями, охотно привлекая талантливых людей независимо от их вероисповедания. Одним из самых долговечных их наследий стал каирский университет Аль-Азхар, который и сегодня остаётся одним из наиболее авторитетных центров исламского знания.

Главное доктринальное новшество Фатимидов заключалось в том, что в судах они требовали опираться на шиитские письменные источники, а не на сборники, составленные суннитскими учёными. Однако публичные обязанности фатимидского халифа-имама почти не отличались от обязанностей суннитского правителя: вершить правосудие, возглавлять пятничную молитву и надзирать за сбором религиозной десятины. Только халиф имел право объявлять джихад.

Наиболее зримым символом политической власти в мусульманском мире было имя халифа-имама, чеканившееся на монетах и звучавшее в призыве муэдзина к молитве.

Однако мало кто безоговорочно признавал притязания Фатимидов на происхождение от имама Али: в их родословной существовал неудобный пробел в 2 поколения.

А утвердившись у власти, они превратились, по словам Тима Макинтоша-Смита, в «династию дилетантов, растворившихся в книгах, драгоценных камнях, вине, почтовых голубях, странной нетрадиционной медицине, необычных сексуальных пристрастиях и садизме. Повседневное управление государством они оставили визирям».

После того как Фатимиды утратили власть в Каире в 1107 году, одна из ветвей династии ещё несколько столетий сохранялась в горстке крепостей, спрятанных в труднодоступных горных районах.

Гарнизоны этих крепостей оставались верны своим шиитским духовным вождям, прежде всего низаритскому имаму, вошедшему в историю как «Старец гор» — глава знаменитых ассасинов.

Фанатично преданные последователи проникали ко дворам соперничающих мусульманских правителей и совершали публичные политические убийства.

Этот последний осколок шиитской Фатимидской державы удалось окончательно выбить из горных убежищ лишь в XIII веке, после упорной войны на истощение, которую вели монгольские ханы.

Романтические руины пробитых стен их старых горных крепостей до сих пор можно увидеть в горах Ирана и Пакистана, в долинах Ливана и Сирии.

Но даже после этого община сумела выжить. Ещё несколько столетий она находила убежище в суровых и почти недоступных районах Белуджистана, а позднее вновь вышла на историческую сцену в Индии — уже как династия Ага-ханов, наследственных руководителей всемирной исмаилитской общины.

Власть аббасидских халифов подвергалась испытанию даже в самом Ираке — колыбели их династии.

В 869 году здесь началось восстание зинджей, участники которого разграбили Басру. Восстание опиралось на африканских рабов, решивших создать справедливое мусульманское общество под властью законного имама.

Оно бушевало на равнинах Южного Ирака с революционным ожесточением и религиозным пылом, пока в 883 году не было жестоко подавлено. Уцелевшие шиитские повстанцы укрылись в южных камышовых болотах у дельты.

Одно из ответвлений этого движения обрело поддержку среди арабов-бедуинов Восточной Аравии. Его возглавили шииты-карматы.

В 899 году они создали государство, которое, судя по некоторым описаниям, выглядело почти идиллически. Государственные хозяйства наполняли общественные амбары зерном, население освобождалось от налогов, а должники могли получать беспроцентные ссуды.

Чтобы препятствовать накоплению богатства, для местной торговли чеканили условные свинцовые монеты.

Эти сведения дошли до нас из шиитского источника — сочинений путешественника, поэта и энциклопедиста Насира Хосрова, которого называли «Рубином Бадахшана».

Суннитские историки рисуют совсем иную картину. Они прежде всего рассказывают об ужасах разграбления Мекки карматами в 930 году: похищении священного Чёрного камня из Каабы, резне паломников и отравлении колодцев.

Истина, вероятно, лежит где-то посередине.

Устойчивость шиитской традиции в этом регионе через 400 лет подтвердил марокканский путешественник Ибн Баттута. Проезжая через Восточную Аравию в 1331 году, он охарактеризовал местные племена как «крайних шиитов».

И действительно, в современной Саудовской Аравии существование многочисленной арабской шиитской общины в Восточной провинции остаётся одним из важнейших геополитических обстоятельств.

С высокой долей вероятности эти люди — наследники бедуинской карматской республики, которая спустя более 1 000 лет всё ещё напоминает о себе и нарушает привычное политическое равновесие.

Эмиры-Буиды¹ происходили из Дейлема — плодородной, покрытой лесами области Ирана между Каспийским морем и горами Эльбурс.

Они считали себя наместниками скрытого 12-го имама и создали рыхлую конфедерацию братских государств с центрами в Фарсе, Ширазе, Ираке и Рее.

Правители этих государств не воевали между собой, хотя время от времени признавали одного из своих числа верховным вождём.

Они гордились своим иранским происхождением и, будучи ревностными сторонниками шиитских традиций, всё же оставались терпимыми к другим вероисповеданиям. Даже когда они контролировали Ирак, аббасидского халифа они не свергли.

Иногда их прошиизм принимал откровенно мелочный, сектантский характер — например, в 962 году на городских стенах появились проклятия в адрес суннитских халифов Абу Бакра и Омара.

Но именно Буиды превратили день Гадир Хумма в публичный праздник и поощряли траурные шествия в день Ашуры.

Они возводили на землях Ирака и Ирана усыпальницы над местами погребения 12 имамов и покровительствовали изучению шиитской традиции в Куме и Рее.

Один из буидских учёных даже поставил под сомнение родословные притязания фатимидских халифов, чьи владения соприкасались с территориями Буидов в Сирии.

Практический итог истории этих 3 государств был впечатляющим: на протяжении 2 столетий почти весь мусульманский мир находился под властью 3 шиитских держав, каждая из которых представляла совершенно особую политическую модель.

Фатимидский халифат теоретически являлся абсолютной монархией, но на практике отличался удивительной терпимостью, многоязычием и космополитизмом.

На вершине могущества Фатимиды правили Египтом, Северной Африкой, Сицилией и половиной Аравии, а их флот 2 века контролировал южную часть Средиземного моря — с 909 по 1070 год.

Восточная Аравия и Персидский залив с 899 по 1077 год управлялись бедуинским арабским государством карматов.

¹ Большое число буидских эмиратов действительно может сбивать с толку. Дополнительную путаницу создают различные варианты написания названия династии: *Biwahid*, *Bowayhid*, *Buyahid*. В русской историографии наиболее употребительно **Буиды**.

Это был необычайный эгалитарный политический эксперимент, наследие которого до сих пор ощущается в шиитских районах Аль-Хасы на территории Саудовской Аравии и в Бахрейне.

Самая восточная часть Ближнего Востока находилась под властью буидских эмиратов, которые около 100 лет — с 945 по 1048 год — господствовали над Ираном, Ираком и Афганистаном, считая себя наместниками пресекшейся династии имама Али.

В искусстве, архитектуре и интеллектуальной культуре это был поразительно плодотворный период исламской цивилизации. Особенно прекрасна керамика той эпохи — тонкие изделия, покрытые кремовой глазурью и украшенные по краям смелыми строками куфического письма.

Глава 11

Три тюркские империи

Сельджуки (1037–1194), монголы (1206–1368) и Тимуриды (1370–1507)

Между блистательной культурой раннесредневекового ислама, олицетворённой аббасидским Багдадом и фатимидским Каиром, и появлением в XVI веке шиитского Ирана и суннитской Турции — 2 держав, которые и сегодня определяют расстановку сил на Ближнем Востоке, — лежат 5 столетий.

В этот промежуток мусульманская цивилизация неоднократно подвергалась нашествиям из степей Центральной Азии. Это были чрезвычайно подвижные тюркские племена, создавшие 3 великие империи.

Сельджукская, Монголо-Ильханидская и Тимуридская державы были созданы харизматическими полководцами; 2 последние связаны соответственно с Чингисханом и Тимуром — Тамерланом.

Для современных турок и жителей тюркоязычных государств Центральной Азии эти фигуры остаются героями, а порой воспринимаются едва ли не как генетические прародители.

Для арабов, иранцев и других народов Ближнего Востока эти же завоеватели выглядели Божьей карой, вновь и вновь разбивавшей цветущую культуру и погружавшей её во тьму.

Есть соблазн быстро пройти эту эпоху, однако без понимания турецкого взгляда невозможно разобраться в современном Ближнем Востоке.

В турецком историческом сознании первая тюркская империя — государство Сельджуков — выступает как сила добра: освободители, пришедшие сокрушить еретические шиитские державы и восстановить суннитскую традицию и халифат.

Другие увидят в приверженности Сельджуков суннизму лишь удобное знамя, которым можно было оправдать завоевание центральной части Ближнего Востока.

Каковы бы ни были их истинные мотивы, на фоне опустошений, принесённых в XIII веке Чингисханом и его сыном Хулагу, а столетием позже Тимуром, Сельджуки и в самом деле могли показаться благодетельной силой.

Сельджуки представляли собой союз 9 огузских родов, происходивших из степей в районе Байкала.

Они служили в мусульманской армии Газневидов, которая год за годом совершала грабительские походы в индуистскую Индию с военных баз, укрытых в афганских горах.

В 1037 году Сельджуки самостоятельно двинулись на юг, в Персию, под предводительством Тогрул-бека.

Тогрул освободил суннитского халифа в Багдаде от власти Буидов.

Его завоевания продолжил брат, а затем племянник Алп-Арслан — «Храбрый лев». Наивысшего расцвета держава достигла при Малик-шахе.

В 1071 году Сельджуки разгромили армию византийского императора в битве при Манцикерте.

Это событие положило конец господству христианства в Анатолии и положило начало формированию мусульманского воинского народа, землю которого позднее станут называть Турцией.

Почти в то же самое время норманны покоряли англосаксонскую Англию.

И в других местах Сельджуки зарекомендовали себя как герои-воины возрождавшегося ислама, покоряя такие христианские твердыни, как Грузия и Армения.

Но Сельджуки были не только воинами, но и великолепными строителями.

Повсюду в Турции и на Ближнем Востоке они оставили изящные мосты, смелые по архитектуре мечети, башенные мавзолеи, крепости, городские стены и защищённые караван-сарай, где могли безопасно укрываться торговые караваны.

Они умели распознавать талант и покровительствовали Омару Хайяму и Руми, которые находили защиту под их властью.

Наиболее политически значительным строительным начинанием Сельджуков стало создание первых медресе — исламских учебных заведений.¹

Самыми известными были Ан-Низамия и Аль-Мустансирия; последняя и сегодня остаётся частью университетского сердца Багдада.

Эти роскошные учреждения сознательно создавались как центры преподавания суннитского права новому поколению студентов — *талибов*, которым предстояло стать судьями и юридическими советниками сельджукских князей, управлявших провинциями.

В духовном смысле медресе находилось в тени дома-мечети пророка Мухаммеда.

Но при Сельджуках медресе превратилось в самостоятельное произведение искусства: дворы с аркадами украшались множеством каллиграфических надписей, выполненных краской, резьбой по керамике, штукатурке и кедровому дереву.

¹ Слово *madrasa* в разных частях арабского мира передаётся по-разному: *madrasah*, *madraza*, *medressa*, *medersa*. В русском языке закрепилось написание **медресе**.

Медресе наделялись землями и становились самостоятельными благотворительными фондами. Доходы от этих владений содержали профессиональных преподавателей и библиотеки.

Студентам бесплатно предоставляли жильё и обучение на 7 лет.

Так постепенно класс учёных оказался связан с государством вполне приемлемой формой зависимости — через благотворительность, образование и жалованье.

После смерти Малик-шаха в 1092 году Сельджукская империя утратила единство. Его сыновья вступили в борьбу за верховную власть.

Возникшие в результате гражданской войны небольшие сельджукские султанаты ещё около 200 лет существовали по всему Ближнему Востоку.

Их эпоха совпала со временем государств крестоносцев, существовавших на побережье Леванта с 1098 по 1291 год.

Однако фактическое господство крестоносцев продолжалось лишь около 90 лет, пока Салах ад-Дин не сломил их власть в битве при Хаттине в 1187 году.

Салах ад-Дин не был ни арабом, ни тюрком, ни персом. Он был сыном курдского коменданта крепости.

Он предал 2 группы своих прежних хозяев: сначала суннитских Зангидов Мосула, союзников Сельджуков, а затем шиитских Фатимидов Каира.

Тем не менее впоследствии Салах ад-Дин стал величайшим суннитским военным героем — особенно в свете того, что произошло позднее.

Следующее тюркское нашествие оказалось несравненно разрушительнее.

Оно началось в 1206 году, когда 5 главных монгольских племён отложили кровную вражду и поклялись в верности Чингисхану.

Монгольский ханат был монотеистическим, обладал письменной культурой — и казался непобедимым.

Племена усилились благодаря нескольким благоприятным по погоде годам: пастбища расширились, поголовье скота выросло.

К моменту смерти Чингисхана в 1227 году его империя простиралась от Кореи до границ Персии.

Если из всей этой эпохи вам нужно запомнить одну дату, пусть это будет **1258 год** — год уничтожения Багдада и казни последнего бессильного аббасидского халифа.

Его завернули в ковёр и затоптали насмерть копытами монгольской конницы.

После того как улицы Багдада окрасились кровью, воды рек почернели от чернил: в них выбрасывали рукописи, в которых хранилось 500 лет научной мысли.

И всё же эти беспощадные завоеватели, которых раздражали такие исламские обычаи, как халяльный забой животных, обрезание и отказ от вина, не довели до конца уничтожение целой цивилизации.

Напротив, уже через 3 поколения они сами приняли ислам и создали одну из самых прекрасных эпох исламского искусства — Ильханидскую.

Монгольская династия Ильханидов породила удивительный культурный синтез: тюркско-персидские традиции смешались с китайскими влияниями Центральной Азии, обогатив исламскую культуру Ближнего Востока.

Под названием «ильханидская культура» сегодня объединяют некоторые из прекраснейших книг, зданий и керамических произведений, когда-либо созданных человечеством.

Но то же самое слово обозначает династию, армии которой уничтожали один иранский город за другим, стирая с лица земли Нишапур и Балх.

Это невероятно сложное сочетание — абсолютное варварство и высочайшее творчество.

Величайшим свидетелем той эпохи стал Руми (1207–1278), превратившийся впоследствии в одного из самых любимых поэтов мира.

Он родился в Балхе, руины которого находятся сегодня на севере Афганистана.

Его необычайную внутреннюю свободу и врождённый космополитизм отчасти можно объяснить тем, что монголы уничтожили его родину.

Балх был разрушен, когда Руми было 13 лет. После этого он нашёл убежище в далёкой Анатолии, в сельджукской Конье.

Возможно, отзвук этой судьбы слышится уже в первых строках его *Маснави*:

*Послушай флейту — как она стелет,
О разлученье горестно поёт.
С тех пор как срезали её в тростнике,
Её рыданья плакать заставляют мужчин и женщин.*

*Она себе такое сердце ищет,
Что болью разлуки разорвано насквозь,
Чтобы доверить ему тоску свою —
Как все изгнанники тоскуют о возвращении.*

Если уничтожение родного Балха помогло взрастить мистическую поэзию Руми, то разрушение монголами великого сирийского города Харрана почти наверняка оказало решающее влияние на учёного Ибн Таймийю (1263–1328).

При жизни он не считался фигурой первого ряда, однако за последние 3 столетия его известность неизмеримо возросла: именно его принято считать

интеллектуальным предшественником как ваххабизма, так и салафитского фундаментализма.

Его труды невозможно правильно понять без контекста собственной биографии.

Ибн Таймийя покинул город своих предков ребёнком, в 1269 году, незадолго до того, как Харран был уничтожен монголами.

На протяжении тысячелетий это был город арамейско- и арабоязычных интеллектуалов.

Некоторое время он даже заменял Дамаск в качестве столицы Омейядского халифата.

Сегодня Харран по-прежнему лежит в руинах; над ними возвышается лишь один огромный минарет.

Остаток жизни Ибн Таймийя провёл, находя убежище в Дамаске и Каире, то есть буквально на границах Монгольской империи.

Их защищали суровые мамлюкские султаны — бывшие тюркские мальчики-рабы.

Всю жизнь Ибн Таймийи никто не знал, вернётся ли монгольская орда, когда именно это случится и откуда она придёт, чтобы завершить начатое.

Серьёзная тревога возникала в 1299, 1300 и 1303 годах, когда монгольские войска появлялись на севере Сирии.

К общему ощущению страха добавлялось и то, что христианские грузины, армяне, а также шиитские общины алавитов и исмаилитов сумели пережить нашествие лишь благодаря покорному союзу с монголами.

Именно на фоне этих почти апокалиптических личных переживаний следует рассматривать учение Ибн Таймийи: его недоверие и ярость в отношении как шиитов, так и христиан, стремление поднять последних оставшихся мусульман на джихад в защиту угрожаемой цивилизации и убеждение, что лжемусульманских правителей следует объявлять *такфир* — неверными.

Сегодня эти доктрины приобрели зловещую известность, однако в его эпоху они были гораздо понятнее.

Монгольская верхушка, на руках которой была кровь сотен тысяч мусульман, как раз тогда пыталась представить себя ведущей мусульманской султанской властью.

Переход монгольских ханов в ислам произошёл примерно в 1295 году и, судя по всему, имел прежде всего финансовые причины.

Монголы поняли, что исправно собирать мусульманскую десятину надёжнее, чем бесконечно заниматься грабежом, если нужно содержать огромные армии.

Ибн Таймийя обвинял учёных своей эпохи в чрезмерной покорности абсолютным правителям.

Он утверждал, что согласие мусульманских учёных — *иджма* — является менее надёжным источником авторитета, чем исторический пример пророка Мухаммеда и первой мусульманской общины.

Такой подход позволял вернуть ислам к его исходным арабским текстам и одновременно понизить значение чуждых придворных традиций Туркестана, Монголии и Ирана.

Ибн Таймийя преподавал хадис в рамках ханбалитской правовой традиции в знаменитом дамаском медресе Суккария.

Что касается священных текстов, он прекрасно знал, о чём говорил.

Сегодня его нередко изображают злобным и мстительным богословом, однако реальность была сложнее.

Он допускал возможность окончательного прощения грешников и предполагал, что адские муки могут быть не вечными.

Он предлагал и правовые изменения, способные сделать развод несколько справедливее для женщины.

Несмотря на враждебность к почитанию суфийских святых, сам он активно принадлежал к суфийскому братству Кадирия.

Однако его возмущало, как новый правящий слой тюркских и монгольских воинов, по его мнению, извратил простоту ислама языческими обычаями и странными ритуалами.

Особенно он отвергал обращение к умершим святым с просьбой о заступничестве — словно те были шаманскими полубогами, — вместо прямой молитвы Богу.

Он никогда не женился, что было крайне необычно для мужчины его положения, и носил фамильное имя, связанное с родом матери, а не отца.

Это был необычный, неуживчивый человек. За слишком смелые речи власти заключали его в тюрьму около 6 раз.

В 1328 году он умер в дамаской тюрьме.

Десятки тысяч горожан сопровождали его в последний путь — к кладбищу суфиев.

В 1347 году Чёрная смерть добралась до портов Александрии.

От чумы погибло от трети до половины населения Ближнего Востока.

В Каире смертей было столько, что казна султана неожиданно обогатилась тысячами имуществ, оставшихся без наследников.

Их продавали с торгов, а вырученные средства направляли на строительство мечети-медресе султана Хасана — грандиозного сооружения, в котором ничто не напоминает ни о страданиях, оплативших его строительство, ни о том, что эта цивилизация тогда буквально оказалась на краю гибели.

А потом настали ещё более страшные времена.

В 1380 году армии Тимура хлынули из Центральной Азии и стали истреблять население мусульманских городов — от Исфахана, Герата и Дели на востоке до Багдада и Алеппо на западе.

Говорили, что население Исфахана было превращено в 28 «башен молчания», каждая из которых была сложена из 1 500 человеческих черепов.

Щадили лишь искусных ремесленников, которых отправляли работать над гигантскими строительными проектами в новой имперской столице — Самарканде.

Иногда Тимур демонстрировал симпатию к шиитам — например, когда приговорил к смерти весь Дамаск.

В другой раз он изображал из себя ревностного суннита, желая наказать шиитскую общину.

Он присвоил себе титул «Меч ислама» после изгнания из Турции христианских рыцарей Святого Иоанна.

Он же уничтожил Несторианскую церковь, которая тогда была крупнейшей христианской общиной мира и охватывала значительную часть Центральной Азии.

Тимур мечтал восстановить огромные пространства Монгольской империи и женился на потомке Чингисхана, чтобы его собственные наследники могли считаться носителями крови великого хана.

Масштаб разрушения и жестокости не имел равных.

Однако, если пройти по музейным собраниям исламского искусства, невозможно не признать Тимуридскую эпоху золотым веком художественного творчества — особенно в керамике, архитектуре и книжном искусстве.

Возможно даже, что Тимур — по-настоящему чудовищный самодержец, параноик и беспощадный завоеватель — был последним покровителем поэта Хафиза, чьи стихи считаются вершиной персидской литературной культуры.

Тимур также сблизился с великим североафриканским историком и политическим мыслителем Ибн Хальдуном.

После смерти Тимура в 1405 году его огромная, ещё дымящаяся после войн империя около 100 лет оставалась под властью потомков.

Постепенно она сокращалась, пока не свелась к эмиратам Герата и Самарканда.

Но подавляющее военное превосходство тюрко-монгольской конницы никуда не исчезло.

Бабур (1483–1530), правнук Тимура, впоследствии создал Империю Великих Моголов, покорив около 6 независимых мусульманских султанатов Северной Индии.

В XV веке население всего Ближнего Востока вместе с Центральной Азией, Ираном и Анатолией, вероятно, составляло около 35 миллионов человек.

Население Западной Европы было примерно таким же.

Но обе эти огромные области значительно уступали Индии и Китаю, где проживало свыше 100 миллионов человек в каждом.

Тем удивительнее победа тюркских военных правителей в позднесредневековом мире.

В степях жило всего около 5 миллионов человек, рассеянных на половине континента, но они установили власть над 300 миллионами соседей.

Если бы в тот момент существовал военный аналитик, пытавшийся на основании прошлого предугадать будущее мировой истории, всё указывало бы ему на дальнейшее господство быстрых и чрезвычайно мобильных конных армий Центральной Азии.

Никто не обращал бы внимания на пару бедных королевств на самом краю мира, питавшихся непритязательной солёной треской и сельдью.

Но именно они вскоре окажутся в центре следующей мировой революции.

Эпоху конницы сменяет порох, мобильная артиллерия и океанские торговые корабли.

К счастью для исламского мира, Португалия и Испания — державы, превратившие средневековый дух Крестовых походов в первые колониальные империи, — были не единственными, кто освоил новые технологии.

Взятие османским султаном византийского Константинополя в 1453 году стало возможным в том числе благодаря великолепному овладению этими новшествами: городские стены превращались артиллерией в пыль, а вдоль проливов Галлиполи и Босфора возводились береговые артиллерийские крепости, способные потопить любой флот, спешивший на помощь городу.

Часть третья

Возникновение трёх держав: Турции, Персии и Саудовской Аравии

Когда в XVI–XVII веках Европа медленно выходила на мировую сцену, исламский мир постепенно группировался вокруг 2 империй: шиитского Ирана и суннитской Турции.

Их враждебность друг к другу лишь усиливала противоположность религиозных традиций.

Это был самый ожесточённый период противостояния между суннитскими и шиитскими империями.

Война между соперничающими династиями османских султанов и сефевидских шахов подпитывалась религиозной враждой и отчасти определялась этническими различиями — подобно тому, как и современные Турция и Иран выстраивают собственную национальную идентичность.

Когда этот гигантский конфликт соседей наконец выгорел, на юге появилась новая сила.

Арабы вновь вышли на историческую сцену благодаря новой харизматической династии, которая опиралась на радикальное исламское учение и одновременно подчёркивала особую этническую идентичность.

После множества драматических событий именно из этой силы возникнет ваххабитское Королевство Саудовская Аравия.

Так к концу рассматриваемого периода уже отчётливо обозначились 3 державы, до сих пор господствующие в политике Ближнего Востока: суннитская Турция, шиитская Персия — Иран и ультрасуннитская, ваххабитская Саудовская Аравия.

Глава 12

Османь и Сефевидь: столкновение соседей

Шах Исмаил (1501–1524), султан Селим (1512–1520) и битва при Чалдыране (1514)

Османский султанат возник на пограничных землях бывшей Византийской империи, где издавна существовало множество соперничавших тюркских эмиратов.

В жилах османских султанов не было ни капли арабской крови, не говоря уже о родстве с семьёй пророка Мухаммеда.

Свою родословную они возводили к пограничному правителю XIII века Осману Гази, чей отец воевал в сельджукской армии.

Имя Осман — вариант имени Усман, неизбежно напоминающий о 3-м суннитском халифе, которого шиитская традиция воспринимала особенно враждебно.

Таким образом, суннитская идентичность Османской державы была заложена уже в самом имени её основателя.

Османь проявили выдающуюся способность усваивать новые технологии, особенно связанную с порохом революцию, выдвинувшую на поле боя нового царя — артиллерию.

После взятия Константинополя в 1453 году они один за другим поглотили последние византийские опорные пункты — от Трапезунда до Мистры.¹

К этому времени Османский султанат уже превратился в чрезвычайно эффективную военную машину.

Чтобы финансировать войны, султаны заботились о захваченных городах, торговцах и ремесленниках, с которых собирались налоги.

Рядом с массивными мечетями, прославлявшими их победы, они строили крытые базары и ханы — караван-сарай.

Османь понимали: если защищать другие «народы Писания» — иудеев и христиан, — налоговые поступления будут значительно выше.

Они гордились ролью командиров государства джихада, своей тюркской и суннитской принадлежностью, но при этом правили многоязычным и многоконфессиональным обществом.

¹ Трапезунд находится на севере современной Турции. Мистра была последним византийским опорным пунктом у подножия греческого Пелопоннеса.

Ядро профессиональной армии, а также значительную часть административного аппарата составляли мальчишки-рабы, которых в качестве особого набора забирали у греческих и боснийских христианских подданных.

Различие между суннизмом и шиизмом тоже ещё не было совершенно жёстким.

Суфийские братства помогали связывать воедино это сложное, неоднородное общество, а их мистический язык был проникнут глубоким почитанием имама Али и его духовных наследников.

Тем временем на востоке появился молодой князь, утверждавший, что в его жилах течёт священная кровь имамов.

Шах Исмаил родился в 1487 году в персидском Ардебиле.

Это был блистательный полководец и ослепительный поэт, чья речь воспламеняла многотысячные толпы.

Мистическую привлекательность усиливало то, что он был уже 7-м шейхом суфийского братства Сефевидов, которое в течение поколений пользовалось уважением среди тюркских племён и курдских горцев.

По отцовской линии Исмаил утверждал, что происходит из семьи пророка Мухаммеда, а по материнской — от Чингисхана и Тимура.

Последователи считали Исмаила истинным шиитским имамом — законным духовным главой всей исламской общины.

Они верили, что ему дана не только способность толковать Писание, но и накопленная мудрость многих поколений.

Особенно ревностным ученикам казалось, что в нём воплотился дух Махди, который явится в конце времён и установит божественное царство.

Его сторонников стали называть кызылбашами — «красноголовыми», по красным головным уборам.

Красный цвет был для них одновременно знаком принадлежности и символом готовности к мученической смерти.

Исмаил предлагал им не только земные награды, но и участие в шиитском культе мученичества, ежегодно переживаемом в течение месяца траура по имаму Хусейну.

Когда он говорил:

«Никто не может быть кызылбашем, если сердце его не чисто, а окровавленные внутренности не подобны рубинам»,

— он требовал абсолютного повиновения, обещая взамен славу мученика.

Красные шапки кызылбашей имели 12 складок — в честь 12 имамов.

В 1501 году 14-летний Исмаил объявил себя имамом в Тебризе.

Всего за 9 лет его кызылбаши завоевали от его имени все горы, оазисы и равнины Персии.

Исмаил стал шахом Персии, а одновременно *Мурид-и Камиль* — «Совершенным наставником» и «Тенью Бога на земле».

К его двору стекались архитекторы, художники, поэты и инженеры.

Исмаил умел находить талантливых людей и использовать их способности.

Но его блеск рождался из страсти, одинаково легко обращавшейся как к знанию, так и к ужасающей жестокости.

Под псевдонимом Хатаи — «Грешник» — Исмаил вошёл в число мастеров мистической поэзии.

И тот же страстный искатель духовного просветления пил из черепа одного из соперников, превращённого в драгоценную чашу с золотой отделкой.

Однажды он очаровал османских послов своей любезностью и изысканными манерами — а затем заставил их присутствовать при казни учёного, верного суннитской традиции.

В 1511 году в западных областях Османского султаната вспыхнуло шиитское восстание.

Во время траурных дней Ашуры 4 000 кызылбашей атаковали свиту губернатора возле средиземноморского порта Анталя.

Они провозгласили своим вождём далёкого Исмаила.

К ним присоединились тысячи всадников из племён, возмущённых тем, что в Османской державе всё большую роль играли янычары христианского происхождения с их уродливыми огнестрельными ружьями, смердевшими серой.

Османский гарнизон, стоявший в Кютахье, вместо подавления восстания сам присоединился к мятежникам.

Своего губернатора они посадили на кол, а затем поджарили на вертеле, словно свинью.

Ситуацию обострил доклад одного суннитского судьи, который заявил, что не доверяет даже Бурсе — старой столице Османов, находившейся всего в нескольких днях пути от Стамбула.

Великий визирь понял, что действовать необходимо немедленно.

Он лично возглавил янычар и выступил против десятков тысяч мятежников.

Дисциплинированное применение огнестрельного оружия небольшой профессиональной армией оказалось сильнее численности и религиозного фанатизма.

Кызылбашей отбросили от Бурсы, а под Сивасом разгромили.

Уцелевшие бежали дальше на восток — в Персию.

Османский правитель султан Селим (1512–1520) понимал: если ему не удастся разгромить шаха Исмаила, то в другой провинции и при других

обстоятельствах его собственные подданные почти наверняка присягнут харизматическому молодому шаху-имаму на востоке.

Селим подтолкнул суннитских учёных к решительным действиям.

Они официально объявили кызылбашей «неверными и еретиками».

«Всякий, кто сочувствует им, принимает их ложную веру или оказывает им помощь, также должен считаться неверным и еретиком.

Уничтожить их и рассеять их общины — необходимость и божественная обязанность».

В 1514 году султан Селим лично повёл османскую армию через всю Анатолийскую равнину.

Поход оказался изнурительным.

Публичное объявление кызылбашей вне закона сопровождалось жестокой силой: одну деревню за другой охватывали расправы.

Из-за этого султан стал крайне непопулярен среди рядовых воинов собственной армии.

На одной из стоянок мятежники даже стреляли по шатру самого Селима.

23 августа 1514 года 2 армии наконец сошлись у Чалдырана, недалеко от западной границы современного Ирана.

Исмаил располагал огромной массой тюркской конницы.

Но исход боя решила полевая артиллерия султана Селима.

Около 500 лёгких османских пушек были сцеплены в единую линию, которую прикрывали 12 000 янычар-пехотинцев.

Они буквально расстреляли армию шаха, несмотря на отчаянно храбрые кавалерийские атаки кызылбашей.

Чалдыран заслуживает места среди самых решающих сражений мировой истории.

В тот день было сломлено древнее превосходство тюрко-монгольской конницы Центральной Азии.

Современники ещё не поняли значения случившегося.

Но тот же урок повторился в 1516 году при Мардж-Дабике, где османы разгромили мамлюков Сирии и Египта.

А ещё через 9 лет наличие мобильной полевой артиллерии в битве при Панипате заложило основы Империи Великих Моголов в Индии.

Кровавая бойня при Чалдыране разрушила миф о дарованной Богом неуязвимости Исмаила.

Селим вступил в Персию и 6 сентября разграбил Тебриз, чем частично вернул себе расположение собственных солдат.

Но даже после этого армия категорически отказалась идти дальше на восток.

Битва при Чалдыране запустила процесс формирования жёстких границ — и политических, и религиозных, — которые впоследствии определяют современный Иран и современную Турцию.

Персия постепенно становилась шиитской и иранской.

Османская империя всё отчётливее определяла себя как суннитскую, а позднее и тюркскую.

До 1514 года верность, язык, вера и идентичность людей на мусульманском Ближнем Востоке оставались гораздо более подвижными.

Развод этот был долгим и никогда не стал окончательным.

Он не завершён даже сегодня.

На северо-западе Ирана живёт огромная тюркоязычная азербайджанская община, а на юго-востоке Турции — большое число алевитов.

Иранские и турецкие влияния, привычки и традиции сотнями способов пересекают государственные границы.

Есть ещё и курды, земли которых по-прежнему лежат по обе стороны границ Сирии, Турции, Ирана и Ирака.

Курды воспринимают себя как отдельный народ, но если и признают языковое и этническое родство, то скорее с иранцами, а не с арабами или турками.

В огромном шахском дворце Сефевидов в Исфахане, в самой внутренней столовой, одну из стен украшает грандиозная фреска с изображением битвы при Чалдыране.

На первый взгляд странно видеть в царском дворце столь торжественное изображение сокрушительного поражения — всё равно что разместить сцену Ватерлоо в Елисейском дворце.

Но существует глубокое понимание того, что именно Чалдыран помог создать шиитский Иран.

Если бы шах Исмаил в тот день победил, он почти наверняка двинулся бы дальше на запад и создал огромную исламскую империю.

Персия стала бы лишь одной из многих провинций.

Пьянящий шиитско-мистический синтез, с которого началось его правление, неизбежно ослабевал бы по мере того, как Исмаил всё больше уподоблялся своим предкам — Чингисхану и Тимуру.

Но этого не произошло.

Поражение при Чалдыране положило конец одной эпохе.

Шах Исмаил сосредоточился на управлении Персией.

Мистический язык его юности стал заметно сдержаннее.

В конце концов богоподобный царь не может позволить, чтобы целые полки племенной конницы выкашивала картечь из 500 пушек.

Отказавшись от замыслов мирового завоевания, шах Исмаил пошёл на прагматическое соглашение с шиитскими учёными университетских городов.

Вместо притязаний на роль живого наследника имама Али он соглашался принять их учение и стать политическим наместником Али в Персии.

Персидские шиитские богословы давно утверждали, что священная линия имамов завершилась исчезновением 12-го имама в 941 году.

Последний имам — Мухаммад ибн аль-Хасан аль-Махди — остаётся загадочной фигурой.

После смерти своего отца Хасана аль-Аскари он, будучи 5-летним ребёнком, исчез.

Долгие годы он якобы поддерживал связь с враждебным внешним миром через доверенных посредников, после чего окончательно вошёл в состояние своеобразного духовного сокрытия.

Это «Великое сокрытие» — одно из самых трудных для понимания богословских положений шиизма.

Шииты считают, что последний имам не погребён и в обычном человеческом смысле не живёт, но продолжает существовать как бессмертное присутствие.

Таким образом, цепь предопределённой духовной власти священной династии не прервалась.

Она восходит к тому моменту, когда пророк Мухаммед в Гадир Хумме благословил имама Али как своего преемника.

Шах Исмаил попытался закрепить за собой руководство этой традицией.

Он отправил посольства в 3 главных интеллектуальных центра шиитского мира — Джабаль-Амиль в Ливане, Бахрейн в Восточной Аравии и паломнические города Южного Ирака — с просьбой прислать ему учёных.

На приглашение откликнулись несколько ведущих шиитских авторитетов, в том числе шейх Али аль-Мухаккик аль-Караки (ок. 1460–1534) и аш-Шахид ас-Сани (1505–1559), оба происходившие с территории современного Ливана.

Сегодня едва ли найдётся шиитский учёный в Иране, который не признавал бы интеллектуального долга перед этими людьми.

Именно они образуют «золотую цепь» учёности, ведущую к Алламе аль-Хилли (1250–1325).

Аль-Хилли работал в городах Южного Ирака, собирал и систематизировал шиитские верования и изречения 12 имамов.

Он создал влиятельное краткое изложение шиитского учения — *Одиннадцатую главу*, предназначенную не только для учёных в тюрбанах, но и для простого человека.

Сын и наследник Исмаила, шах Тахмасп, правивший более полувека — с 1524 по 1576 год, — вынужден был подавить восстание собственных кызылбашей.

Они хотели провозгласить его Махди и начать новый цикл джихадистских походов.

Ему пришлось также отражать упорные османские вторжения 1534, 1548 и 1553 годов.

Шах был вынужден действовать не как монарх, а как командир партизан: отступать, когда наступает враг, и атаковать только тогда, когда тот начинает отход.

Разрушительные войны заставили его отказаться от уязвимого Тебриза и перенести столицу дальше на восток — в Казвин.

По Амасийскому миру 1555 года он согласился на раздел Ирака, Грузии и Армении между Персией и Османской империей.

Глава 13

Укрепление Ирана

Шах Аббас (1588–1629) и Надир-шах (1736–1747)

Когда в 1588 году шах Аббас взошёл на престол, Сефевидская империя находилась в тяжёлом состоянии.

На западе огромные территории были потеряны в пользу Османов, а на севере узбеки захватили половину Хорасана.

Шах Тахмасп умер без наследника, империя погрузилась в гражданскую войну, затем последовало неудачное правление параноидального Исмаила II и новые восстания.

Шах Аббас, правивший 41 год, был одновременно блестящим, обаятельным человеком и беспощадным самодержцем.

Он создал профессиональную постоянную армию, ядро которой составляли 12 000 мушкетёров и 12 000 артиллеристов, располагавших арсеналом из 500 пушек.

Подобно османским янычарам, эти войска набирались из христианских рабов, главным образом грузин и армян.

Аббас заключил первые торговые соглашения с голландцами и англичанами — далёкими государствами, являвшимися врагами его врагов, католических Португалии и Испании.

Они поставляли ему пушки, предоставляли военные корабли и делились техническими знаниями.

К концу правления Аббас изгнал узбеков из Мешхеда, отбил у Османов Ирак, выбил португальцев из крепости-порта Ормуз и продвинул восточную границу в пределы Могольской Индии.

Шах Аббас проявил себя страстным защитником шиитской веры.

Он не только преследовал суннитских учёных в самой Персии, но, завоевав Ирак, разрушал святыни особо почитаемых ими богословов — таких как аль-Джилани и Абу Ханифа.

В то же время он освободил шиитские паломнические города Южного Ирака, построил большой комплекс медресе в Куме и поощрял ведущих шиитских учёных продолжать занятия философией, суфийской мистикой и поэзией.

Исфахан он превратил в одну из прекраснейших столиц мира.

Одним из наиболее знаменитых поступков Аббаса стало 28-дневное пешее паломничество к мавзолею имама Али ар-Риды в Мешхеде.

Прибыв туда, шах служил в святилище простым подметальщиком.

Это был акт покаяния за многочисленные грехи.

Его наследие представляет собой поразительную смесь красоты, жестокости, чувственности, терпимости и дикости.

Он убил или искалечил большую часть собственной семьи, а после подавления восстаний приказал устроить жестокие резни в Курдистане и Грузии.

Как бы ни оценивать его личность, долгое и успешное правление шаха Аббаса ещё прочнее закрепило союз между военным двором и интеллектуальным сословием шиитских богословов.

Ни один из наследников Аббаса не смог приблизиться к его политическим достижениям.

После его смерти персидское государство снова стало добычей соседей.

В 1722–1723 годах в Персию вторглась Россия Петра Великого.

С востока страну одну за другой захлёстывали волны афганских военных вождей.

Территориальную целостность Персии спас Надир-шах, который попытался найти любопытный средний путь между бесконечным суннито-шиитским соперничеством.

Надир был сыном бедного тюркского пастуха и в 1736 году стал правителем Персии.

За блестящее применение мобильной полевой артиллерии его сравнивали с Наполеоном.

Неукротимой разрушительной энергией и размахом завоеваний он напоминал Александра Македонского и Тимура.

Но ещё важнее было другое: Надир отличался религиозной терпимостью.

При нём были признаны 4 суннитские правовые школы, их святыням выделялись пожертвования, а шиитскую традицию он, по-видимому, намеревался превратить в 5-ю признанную правовую школу ислама.

Он положил конец сектантской практике *сабб* — ритуальному проклятию суннитских халифов шиитами.

В политическом плане Курданский мир 1746 года установил границы между Персией и Османской империей, значительная часть которых сохраняется до сих пор.

Одним из условий мира стало право шиитских паломников свободно посещать Ирак, находившийся под османской властью.

Было отменено и старое суннитское представление о шиитах как о еретиках, которых можно безнаказанно убивать в войне, обращать в рабство и грабить.

В совокупности эти шаги помогли ослабить межконфессиональную ненависть и завершить длившуюся 225 лет гражданскую войну между суннитским и шиитским исламом.

На Надир-шаха сильно повлияли переживания детства.

Его самого и мать захватили в рабство суннитские туркменские налётчики, считавшие допустимым похищать любого попавшегося им шиита.

Но, возможно, на него действовало и более открытое общество Могольской Индии.

Всего за столетие до него там был возведён Тадж-Махал — мавзолей любимой персидской жены-шиитки суннитского императора Великих Моголов.

Однако такая непринуждённая, многонациональная и терпимая шиитская среда нравилась далеко не всем.

Она, несомненно, потрясла молодого арабского учёного Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, который во времена Надир-шаха посетил Басру на юге Ирака.

Глава 14

Выход третьей силы: ваххабитская Аравия

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб (1703–1792)

Пока Османы и Сефевиды сражались за душу ислама и господство над Ближним Востоком, Аравия — родина Пророка — в значительной степени оставалась во власти местных бедуинских племён.

Мекка, Медина и западная половина Аравии находились под влиянием мамлюкского султаната Египта.

В Восточной Аравии самой значительной силой была конфедерация Бану Халид, объединявшая как суннитские, так и шиитские племена.

Однако вскоре этот пёстрый мир племенных шейхов будет поглощён новой силой.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб родился в 1703 году в образованной семье в поселении Аль-Уяйна в Неджде — области Центральной Аравии, где постепенно набирал силу род Саудов.

Сауды принадлежали к племени Бану Ханифа и тогда ещё не обладали той мощью, которую приобретут позднее.

Но они гордились своими владениями — 3 укреплёнными селениями Гусайба, Аль-Мулайбид и Тураиф, вытянувшимися вдоль сухого русла Вадии Ханифа.

Уже 3 поколения семья Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба жила благодаря знанию Корана и исламского права.

В юности он совершил хадж в Мекку, затем отправился учиться в Медину.

Священный город привлекал благочестивых интеллектуалов со всего исламского мира, и многие оставались там годами.

Как было принято в ту эпоху, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб переходил от одного учителя к другому в Великой мечети, которая выполняла роль открытого университета.

Учиться приходилось многому — грамматике, критике текста, биографии, истории.

Но главная цель заключалась в том, чтобы свободно читать и глубже понимать Коран и хадисы, а также правовые нормы, выводившиеся из этих 2 первичных источников.

В Медине существовали благотворительные дома, где молодым учёным бесплатно давали жильё на 7 лет.

Были хорошие библиотеки и благотворительные кухни.

Египетский учитель Мухаммад Хайят ас-Синди познакомил Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба с суфийским братством Накшбандия, учившим духовному самопознанию через 11 ступеней внутреннего совершенствования.

Другой учёный познакомил его со спорными трудами Ибн Таймийи XIV века. Это была чрезвычайно насыщенная интеллектуальная среда.

Каждый год паломники приносили в Медину свежие новости со всех уголков исламского мира.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб наверняка слышал, что Османы служат щитом против христианских держав на севере — России и Австрии.

На востоке же происходил тревожный распад прежнего порядка: Сефевидов сменил выскочка Надир-шах, который затем сокрушил могущество Империи Великих Моголов и в 1739 году разграбил Дели.

После учёбы в Медине Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб отправился искать работу как знаток тонкостей исламского права.

Этот ранний период его жизни документирован плохо.

Существуют рассказы о ранней женитьбе, смерти молодой супруги, сопротивлении его учению и времени, проведённом в Басре — городе, где жили и сунниты, и шииты.

Затем он вернулся домой под защиту семьи.

В Аль-Уяйне Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб написал *Китаб ат-Таухид* — «Книгу единобожия», ставшую главным текстом ваххабизма.

В ней он утверждал, что вся энергия веры мусульманина должна быть обращена непосредственно к Богу как Творцу и непрестанному Вседержителю мира.

Он испытывал отвращение к любой духовной иерархии, встающей между смиренным верующим и единственным Божеством.

Почитать могилу святого или героя-мученика молитвами и просьбами, признавать духовное посредничество святого человека — всё это для него было *ширком*, то есть приобщением кого-либо к Богу.

Он считал подобный грех основанием для исключения человека из мусульманской общины.

Этих «лицемеров», по его мнению, следовало преследовать в земной жизни, а в загробной им были уготованы ад и вечное проклятие.

К 1740 году, когда умер его отец, Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб уже сформировал богословскую систему, фактически направленную против существовавшей религиозной практики и суннитов, и шиитов.

Он проповедовал джихад, но этот джихад был внутренним — прежде всего против других мусульман.

Трудно представить, как могла выглядеть огромная и сказочно богатая Могольская Индия глазами человека, выросшего среди благочестивых, но отчаянно бедных бедуинских общин.

И что такие люди могли думать о мусульманских правителях вроде императора Акбара, размышлявшего о создании универсальной религии, соединяющей ислам с другими традициями.

Возможно, им даже было приятно верить, что роскошные новые шедевры архитектуры не просто лишены духовной ценности, но подлежат очищению через разрушение.

Точно так же богатые потоки паломников из Индии, Персии и Центральной Азии, ежегодно пересекавших пустыни, могли казаться им вовсе не истинными мусульманами.

Первые попытки Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба проповедовать своё революционное учение и фактически призывать к гражданской войне внутри ислама привели к покушениям на его жизнь.

Он вернулся в Аль-Уййну и заключил политический союз с местным шейхом.

Физическая защита предоставлялась ему в обмен на учение, способное оправдать священную войну.

Затем Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб предпринял 3 действия, отголоски которых слышны до сих пор и в которых можно увидеть прообраз почти всех последующих фундаменталистских движений, пытавшихся захватить контроль над мусульманским обществом.

Сначала он срубил священное дерево, к которому женщины веками привязывали полоски старой ткани, тихо произнося молитвы и просьбы.

Затем собрал несколько сот человек и разрушил гробницу Зайда ибн аль-Хаттаба — брата Омара, почитаемого 2-го халифа, особенно дорогого суннитской традиции.

После этого он приказал забить камнями местную женщину, признавшуюся в прелюбодеянии и не проявившую стыда.

Практически нет сомнений, что Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб действовал из искреннего убеждения, будто помогает единоверцам обрести спасение.

Но глава племени Бану Халид, по-прежнему господствовавшего в Восточной Аравии, был потрясён происходящим.

Он управлял смешанной культурой побережья Аль-Хасы, где переплетались османские и персидские влияния, а среди населения были арабы-сунниты, арабы-шииты, мусульманские и индуистские торговцы из индийского Гуджарата.

Он отменил решение местного шейха и послал 2 вооружённых стражников — не убивать и не наказывать Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, а изгнать его из Аль-Уййны.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб укрылся в оазисе Дирья, которым правил Мухаммад аль-Сауд.

На этот раз он проявил осторожность.

Прежде чем переходить к спорным публичным действиям, он сначала частным образом проповедовал молодому шейху, его брату и жене.

И сразу нашёл восторженного союзника.

Мухаммад аль-Сауд согласился защищать и поддерживать проповедника.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, в свою очередь, официально признал военное и политическое руководство рода Аль Сауд.

Так в 1744 году родилась Саудовская Аравия — как тактический союз племенного вождя и ревностного религиозного реформатора, как древнее соединение султана и шейха.

По древней арабской традиции союз был скреплён браком дочери Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба с сыном Мухаммада аль-Сауда Абд аль-Азизом.

4 сына Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба также вступили в брачные связи с Саудами и стали энергичными ваххабитскими проповедниками.

Так возникла духовная династия Аль аш-Шейх, сохранившая влияние до наших дней.

В 1773 году Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб отказался от публичной должности в пользу сыновей, но до самой смерти в 1792 году оставался духовным советником.

Его зять Абд аль-Азиз ибн Мухаммад Аль Сауд оказался весьма способным военным правителем.

В 1773 году он сделал Эр-Рияд новой столицей.

А в 1802 году саудовский принц повёл ваххабитскую армию на священный шиитский город Кербелу в Южном Ираке.

Нападение произошло во время ежегодного религиозного праздника.

Тысячи жителей были перебиты.

Гробницы-святыни и мечети, веками наполнявшиеся подношениями паломников, были разграблены и разрушены.

Хотя это событие нечасто упоминается в западных учебниках истории, о нём знает практически каждый шиит в Иране и Ираке.

В ваххабитской хронике XIX века *Унван аль-Маджд* говорится:

«Ибн Сауд направился к Кербеле со своим победоносным войском, знаменитыми породистыми конями, со всеми оседлыми жителями и бедуинами Неджда, людьми Джануба, Хиджаза, Тихамы и прочих земель...

Мусульмане [то есть ваххабиты] окружили Кербелу и взяли её приступом.

Они перебили большую часть людей в домах и на рынках.

Они разрушили купол над могилой аль-Хусейна.

Забрали всё, что увидели внутри святилища и возле него, включая покрывало, украшенное изумрудами, сапфирами и жемчугом, лежавшее на могиле.

Они унесли всё, что нашли в городе: имущество, оружие, одежду, ткани, золото, серебро и драгоценные книги.

Невозможно даже сосчитать добычу!

Они провели там всего одно утро и после полудня ушли, унося всё захваченное.

Было убито около 2 000 человек».

К 1805 году ваххабитские армии отняли у Османов и Мекку, и Медину.

Архитектурные украшения, созданные веками благочестия, были уничтожены.

В том числе были разрушены купольные мавзолеи над почитаемыми усопшими древнего кладбища Аль-Баки.

Прежде паломник во время хаджа мог пройти по этому кладбищу словно по живой книге мусульманской истории — перед ним находились могилы великих людей раннего ислама.

Именно здесь пророк Мухаммед совершал молитву незадолго до своей последней болезни.

Все эти сооружения были уничтожены.

Был разрушен и молитвенный зал в пещере на горе Хира, где Пророк получил первое откровение.

Всего за 3 года саудовско-ваххабитское государство приобрело всемирную дурную славу и вечную враждебность как персидских шиитов, так и суннитских Османов.

Но не вызывало сомнений: на Ближнем Востоке родилась третья сила, ещё больше усложнившая традиционное соперничество региона.

Саудовско-ваххабитский союз преобразовал арабов изнутри, опираясь на их собственную культуру и язык.

Казалось, он вот-вот создаст единое арабское государство.

На деле, однако, понадобились ещё десятилетия, прежде чем это движение оформилось в Королевство Саудовская Аравия.

Османский султан в Стамбуле был занят войнами на других фронтах и поэтому поручил войну возмездия и возвращения Аравии под власть империи Мухаммаду Али — своему могущественному наместнику в Египте.

Мухаммад Али был османским офицером албанского происхождения, направленным в Египет.

Он перестроил страну и превратил её в экспансионистскую державу.

Это был ещё один политический гений, поднявшийся собственными силами, сочетавший способность к насилию с выдающимся административным талантом.

Мухаммад Али с удовольствием воспользовался возможностью расширить свои владения.

Современная и хорошо оснащённая египетская армия под командованием сначала одного, затем другого его сына высадилась на побережье Красного моря.

В 1811 году были возвращены Мекка и Медина.

К апрелю 1818 года египетская армия заняла весь Неджд и отбросила Саудовский эмират обратно к оазису Дир'ья.

После 9-месячной осады Дир'ья капитулировала.

4-го саудовского эмира Абдаллаха ибн Сауда отправили пленником в Стамбул.

Следующие 20 лет египетская армия контролировала Западную Аравию, одновременно всё глубже вмешиваясь в дела Османской империи в Сирии и Южной Анатолии.

Но в 1840 году османская власть восстановилась.

Османские губернаторы вернулись во все крупнейшие арабские города, хотя имперская политика часто предпочитала косвенное управление через племенных вождей.

Избранным союзником Османов стал эмират Рашидидов Джабаль-Шаммара со столицей в Хаиле.

Он господствовал над Восточной и Центральной Аравией из укрепленного дворца-цитадели.

Рашидиды внимательно следили за династией Аль Сауд.

Однако, оставаясь верными союзниками османских султанов, они сами поддерживали новую арабскую революцию в исламской мысли.

После падения Саудов ваххабизм не исчез.

В центральноаравийской колыбели он оставался весьма влиятельным.

Это была чрезвычайно деятельная форма ислама, требовавшая от человека не просто читать и молиться, но изучать и размышлять.

Целью было избежать любых суеверий, внимательно исследовать унаследованную религиозную практику, отбросить позднейшие наслоения и вернуться к истинным источникам — Корану и хадисам.

Но по пути ваххабизм отвергал многовековое литературное наследие, включая творчество всемирно известных поэтов и богословов — Руми, Ибн Араби, Абд аль-Кадира аль-Джилани и аль-Газали.

Возводить какие-либо памятники над могилами запрещалось.

Особо благочестивые ваххабиты даже завещали хоронить себя в безлюдном месте пустыни, местонахождение которого известно одному лишь Богу.

Самой опасной доктриной ваххабизма было объявление всех мусульман, с которыми его сторонники не соглашались, неверными отступниками — *такфири*.

Против них можно было вести войну и убивать их, а жён и дочерей обращать в рабство в качестве наложниц.

Учёные других мусульманских земель приходили в ужас.

Кто дал ваххабитским богословам право решать, кто мусульманин, а кто отступник?

Откуда взялась эта власть?

Или всё это лишь предлог, позволяющий бедуинским войскам грабить?

Они обращали внимание и на то, что Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, при всей искренности, был чрезвычайно избирателен как учёный.

В *Китаб ат-Таухид* он почти не использует более человеческие предания, переданные непосредственными родственниками и близкими Пророка — например, Али или жёнами Мухаммеда.

Зато он охотно цитирует мужчин-богословов следующего поколения: на них приходится 61 ссылка, тогда как на Али — всего 2, на Аишу — 5.

При заявленном желании построить ислам исключительно на Коране он постоянно пользовался гораздо более гибким материалом хадисов.

В *Китаб ат-Таухид* 57% цитат приходится на хадисы и лишь 24% — непосредственно на Коран.

Ирония заключалась и в том, что, выступая против духовной иерархии, семья самого Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба позднее превратилась в наследственную верхушку религиозной власти Саудовской Аравии, а его книги — фактически в богословские заветы государства.

Когда иранское руководство хочет унижительно охарактеризовать своих саудовских противников, оно называет их *такфиристами*.

Идея такфира у Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба всегда была оружием с 2 лезвиями.

Она давала ему право отлучить любого мусульманина, с которым он не согласен, объявить его *кафиром* — неверным, которого можно убить, ограбить или обратить в рабство.

Это оказалось чрезвычайно полезным оружием при расширении Саудовского государства.

Но на протяжении столетий оно также служило средством подавления открытой дискуссии.

Ваххабитские проповедники учили, что каждый взрослый мужчина обязан откликнуться на призыв к джихаду, если его объявляет признанный эмир и подтверждает шейх.

Сосредоточив всё внимание на Коране, они сознательно стремились почитать Мухаммеда именно как человека.

Они отсекали то, что считали культом: празднование дня рождения Пророка — маулида, молитвенные литании и благочестивое перечисление его качеств.

Они опасались, что всё это превращает Мухаммеда в полубога.

Главный акцент делался на его совершенстве как Посланника Бога, полном повиновении Господу и стремлении воплотить Коран в жизнь.

Особенно подчёркивалась неграмотность Пророка.

Тем самым он представлялся только передатчиком откровения, а не поэтическим разумом, который мог каким-либо образом участвовать в формировании словесного порядка Корана.

Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб сумел обратить вспять многовековой политический и общественный упадок Аравии и произвёл необычайное преобразование бедуинского мира.

Но ваххабитов совершенно не интересовал арабский мир до ислама.

Не интересовали их и вера, творчество и культура остального человечества.

Они отказывались даже отвечать на приветствия людей иных духовных традиций.

Они существовали внутри полностью исламизированной картины мира и приобрели репутацию разрушителей любой рукотворной культуры — в том числе собственного средневекового наследия.

Для них существовали лишь 2 эпохи, действительно достойные внимания:

время сподвижников пророка Мухаммеда — и настоящее.

Часть четвёртая

Колониальная ночь, 1830–1979

Вся ожесточённая междоусобная борьба внутри исламского мира — между Османами и Сефевидами, в Леванте, Персии и Аравии — оказалась лишь отвлекающей распрей перед лицом новой внешней угрозы, надвигавшейся с Запада. Новые завоеватели не просто сравнялись жестокостью с Чингисханом или Тимуром — они покусились на самые основы целой цивилизации. К началу XX века европейские колониальные державы господствовали почти над всем исламским миром.

Первая волна — по существу морские разбойники — пришла из Португалии и Испании, позднее к ним присоединилась Голландия. Но к XVIII веку на смену им явились куда более серьёзные оккупационные армии. Франция, Британия и Россия сумели выкроить из мусульманского мира огромные колониальные владения. Франция захватила большую часть Северной и Западной Африки и Сахару; Россия в конце концов подчинила ханства мусульманской Средней Азии и штурмом ворвалась в горы Кавказа. Британцы завладели Могольской Индией, а затем распространили власть на мусульманское побережье Восточной и Южной Африки, Малайю, Египет и Судан, берега Персидского залива, Оман и половину Йемена. К рассвету XX столетия подлинную независимость сохраняли лишь турецкая Османская империя, шахская Персия да тогда ещё глухая глубинка Центральной Аравии.

А затем, в ходе Первой мировой войны, всё стало ещё хуже. Франция установила контроль над Сирией, Британия оккупировала Ирак и Палестину, а обе державы совместно задумали расчленить анатолийское ядро Османской империи.

Не раз высказывались предположения о том, что могло бы произойти, если бы исламский мир не был расколот многовековым суннитско-шиитским противостоянием между Османами и Персией. Что, если бы земли ислама объединились под властью одного халифа и смогли направить свои силы против стаи европейских хищников?

Но всё никогда не было настолько просто. Под ярким покровом религиозных разногласий скрывались не менее мощные этнические, национальные, племенные, династические и личные соперничества. Египетские армии воевали и с турками, и с арабами; османские солдаты погибали в горах Йемена; персидский шах разорил Могольскую Индию.

А крушение исламского мира объяснялось прежде всего одной суровой реальностью: военное превосходство оказалось на стороне колониальных держав, располагавших танками, авиацией и всей материальной мощью промышленной революции. Эти достижения совпали с расцветом псевдонауки расизма — тёмного близнеца эволюционной теории Дарвина. Поэтому, оглядываясь назад, период 1850–1950 годов вполне можно назвать наступлением **колонимальной ночи**, когда бесконечные жестокость и варварство выдавались за «торжественное шествие западной цивилизации».

Освободительные движения 1950-х и 1960-х годов низвергли большинство колониальных империй, однако почти сразу на их месте возникла неоколониальная «система союзов», выстроенная СССР и США в годы холодной войны. В результате интеллектуальная борьба за самоопределение оказалась спутана культурными диктатами двух новых мировых держав, одна из которых проповедовала корпоративный капитализм, другая — командный социализм.

Глава 15

Дурное правление Персией

Шахи Каджарской династии (1794–1925) и Пехлеви (1925–1979)

Мы уже видели, как энергичный основатель Сефевидской династии шах Исмаил превратил Персию в шиитское национальное государство; как при его правнуче шахе Аббасе она стала расширяющей свои пределы шиитской империей и как впоследствии вновь достигла могущества при Надир-шахе.

Однако всякий раз периоды расцвета перемежались анархией и смутой. В XVIII веке Персия¹ оказалась зажата между колониальной агрессией России и Британии и лишь чудом сохранила независимость — во многом благодаря глубоко укоренённой собственной культуре.

Упадок начался в 1747 году, когда Надир-шаха убила его собственная охрана. Его сокровищница, в которой находилась значительная часть величайших драгоценностей мира, включая знаменитый Кохинур, была расточена. Часть этих богатств пошла на создание независимого государства в Афганистане.

Иран стал добычей враждовавших между собой военных правителей, пока примерно в 1751 году власть не утвердил Карим-хан Зенд. Он строил прекрасные мечети, правил скромно и гуманно и именовал себя всего лишь «регентом» законных шиитских имамов. Остаётся лишь гадать, каким путём могла бы пойти Персия под руководством столь просвещённой и подлинно местной династии.

Но Карим-хан умер в 1779 году, и его преемники не удержали страну. В 1794 году последний правитель из Зендов, Лотф Али-хан, был свергнут вождями Каджаров во главе с Мохаммед-ханом — евнухом-воителем, отличавшимся почти невероятной жестокостью. Именно он приказал ослепить 20 000 жителей Кермана. Последнего Зенда он три года держал в живых, подвергая пыткам, пока того, уже лишённого конечностей, наконец не задушили.

От первого своего деяния до последнего шахи Каджарской династии оставались пагубной силой в истории страны. И в многовековой летописи Персии они были уникальны ещё и тем, что именно на их правление пришёлся едва ли не самый безжизненный период в искусстве, отмеченный пышной

¹ «Персия» и «Иран» — названия практически взаимозаменяемые, хотя, строго говоря, Персия — лишь влиятельная южная область более обширного географического пространства. Большинство историков употребляют название «Персия» применительно к периоду до 1979 года, а затем переходят к названию «Иран». Я последовал их примеру.

цветочной орнаментикой, зеркальными дворцами с атмосферой борделя и самовосхваляющими портретами монархов.

Каджары были одержимы придворными чинами, драгоценностями, мундирами и тронами. Говорили, что любой действительно талантливый человек мог быть уверен: сначала его непременно возьмут ко двору, а потом убьют — как угрозу алчной посредственности правителей.¹

Династия оставалась ревностно шиитской, однако не могла претендовать на происхождение от имамов. Каджары были тюркского происхождения, принадлежали к одному из 7 племён кызылбашской конфедерации и пришли в Иран в XIII веке в составе конницы монгольских ханов, получив в награду земли на армянской границе.

XIX век оказался беспощаден к Персии. 2 войны с Россией — в 1804–1813 и 1826–1828 годах — закончились потерей примерно трети бывших владений Сефевидской империи: зависимые от неё Грузия, Армения, Дагестан и Азербайджан были присоединены к Российской империи.

Попытка создать армию, способную противостоять русским, разорила персидское государство, и оно всё сильнее попадало в зависимость от Британии.

Поначалу британцы выглядели хорошими ребятами — сторонниками сильной и независимой Персии. В действительности же их дружба объяснялась страхом перед русской кавалерией, которая могла однажды обрушиться на Британскую Индию.

Помогая Персии сохранять независимость, Британия исподволь превратила её в невидимый протекторат — разумеется, не без коммерческой выгоды. Британские консулы появились во всех провинциальных городах Персии и подчинялись миссии в Тегеране, а принадлежавший британцам Имперский банк Персии (1889–1929) фактически распоряжался национальной валютой и финансами.

Британцы пытались установить и различные монополии, в том числе прибрать к рукам рынок табака.

Подобные капиталистические предприятия неизменно поддерживали каджарские правители, такие как Насер ад-Дин-шах (1848–1896), постоянно жаждавшие комиссионных, чтобы содержать роскошный тегеранский двор и

¹ Каджары отличались поразительной плодовитостью. Второй шах из династии Каджаров, Фатх-Али-шах (1797–1834), которого на портретах легко узнать по необычайно длинной чёрной бороде, содержал тысячу наложниц, помимо четырёх официальных жён. К моменту его смерти у него насчитывалось 296 внуков-принцев и 292 внучки-принцессы. Те, в свою очередь, преданно переняли привычки своего деда, так что вскоре придворные родословные Каджаров уже насчитывали около 5 000 потомков.

армию, которая чаще всего использовалась для охраны дворцов и подавления собственного народа.

Во многих отношениях Каджары больше походили на средневековых монархов, чем на властителей могучих государств, созданных шахом Аббасом или Надир-шахом. Очередной шах обычно довольствовался тем, что выбирал губернаторов областей из числа нескольких влиятельных племенных вождей и удерживал их в повиновении, сталкивая между собой местные группировки.

Редкие появления таких министров, как Амир Кабир в 1840-х годах, показывают, чего могла бы добиться страна при просвещённом руководстве. Он ввозил новые технологии, готовил новое поколение образованных чиновников, способных освоить современные науки и достижения медицины, и при этом добился сбалансированного государственного бюджета.

Но его сослали и убили.

К 1890 году говорили, что в Персии можно положиться на эффективность лишь 2 учреждений: управляемого британцами Имперского банка Персии и 600 всадников Персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров.

Именно масштаб коррупции и слабость государства помогают понять деятельность таких поборников исламской реформы, как Джамал ад-Дин Афгани (1838–1897).

Он понимал: если мусульманский мир не обновится изнутри — не обретёт лучших правителей и учителей, не научится спорить, размышлять и вести внутреннюю дискуссию, — его ждёт либо завоевание Западом, либо унижительное западное покровительство.

Джамал был персидским шиитом из Хамадана, однако сознательно стремился выйти за рамки конфессиональных ярлыков и потому представлялся афганским суннитом. Государственной должности он не занимал, но обладал огромной интеллектуальной силой и талантом политического агитатора. Он призывал положить конец вражде между суннитами и шиитами и мечтал о той или иной форме всемирного единства исламского мира.

Он преподавал, спорил, дискутировал, провоцировал и писал почти во всех великих городах исламского мира — до тех пор, пока местные власти не находили способ выпроводить его дальше.

И весьма проницательно главным своим противником он считал Британию, видя именно в ней главную угрозу своей стране.

В конце XIX века южное побережье Ирана патрулировали канонерские лодки британского Королевского флота.

После печально знаменитого разграбления ваххабитами священного для шиитов города Кербелы в 1802 году присутствие Королевского флота в Персидском заливе обычно воспринималось положительно. Канонерские лодки

защищали давно обосновавшиеся здесь арабские и персидские торговые общины от грабительских набегов ваххабитских бедуинов, одновременно боролись с пиратством, обследовали побережье, проводили границы и заключали договоры.

К 1905 году ветер перемен задул уже против коррумпированного, неэффективного и самодержавного каджарского режима.

Неурожай поднял цену на пшеницу на 90 %, а Российская империя только что потерпела унижительное поражение в войне с Японией, что вдохновило народы всего мира бросать вызов колониальной гегемонии.

В 1906 году началась серия забастовок под руководством образованного купечества. Участники требовали конституции и Меджлиса — народного собрания. Их поддержало шиитское духовенство.

У шаха закончились деньги на содержание казачьих бригад, которыми он мог бы подавить движение за реформы. Поначалу Британия, казалось, поддерживала это естественное, местное, демократическое движение — настолько, что в саду британской миссии в Тегеране под дипломатической защитой укрылись 12 000 сторонников реформ.

Но постепенно позиция Лондона изменилась.

Причин было 2.

Во-первых, в 1907 году завершилось столетнее соперничество Британии и России — так называемая «Большая игра» за влияние в Центральной Азии. Два прежних противника объединились перед угрозой германского экспансионизма.

Во-вторых — и это оказалось решающим — Королевский флот начал переходить с угольных линкоров на более быстрые военные корабли, работавшие на нефти. У Британии было сколько угодно угольных шахт, но ни одного собственного крупного нефтяного месторождения.

И вот 26 мая 1908 года в юго-западном Иране, в провинции Хузестан, совсем недалеко от контролируемых британцами вод Персидского залива, нашли нефть.

Энтузиазм Британии по отношению к персидскому реформаторскому движению начал стремительно остывать.

Гражданская война в Персии на короткое время принесла победу Конституционной партии, однако внешние державы её предали. Российские интриги, которым Британия теперь уже не препятствовала, в декабре 1911 года восстановили власть самодержавного шаха.

Затем Первая мировая война фактически разделила Персию на 2 протектората: русский на севере и британский на юге.

Германские агенты, действовавшие с территории Османской империи, пытались поднять племя кашкайцев и организовать восстание, которое должно

было сперва изгнать британцев из Ирана, а затем поднять мусульман Индии на джихад против британского Раджа.

Заговор провалился.

А после русских революций 1917 года Британия осталась единственной реальной военной силой в регионе, поскольку русские офицеры казачьей бригады уехали домой воевать на проигравшей стороне Гражданской войны.

Британский командующий в регионе генерал Айронсайд решил, что казачья бригада сможет существовать самостоятельно, если произвести иранских унтер-офицеров в офицеры. Среди них он выделил Реза-хана как человека наиболее волевого и энергичного.

Обеспокоенный неэффективностью старого режима и мировым наступлением коммунизма, Айронсайд посоветовал ему идти на Тегеран.

В феврале 1921 года Реза-хан захватил власть.

Он развернул стремительную кампанию модернизации, включавшую введение западной одежды и создание национального языка путём очищения персидского от иностранных заимствований.

Огромную энергию Реза-хан вложил в создание 100-тысячной армии, которая должна была одновременно защищать страну и силой проводить модернизацию.

Неграмотные крестьяне, составлявшие большинство населения, по существу были предоставлены сами себе, как и кочевые племена, на которые всё ещё приходилась четверть жителей страны. Главное внимание Реза-хан сосредоточил на городах и крупных поселениях.

Если в 1922 году школы посещали лишь 55 000 детей, то к 1936 году их число выросло до 450 000.

Иран преобразился изнутри.

Фактически правивший с 1921 года Реза-хан в 1925 году официально взошёл на престол и стал первым шахом династии Пехлеви, названной в честь языка доисламских сасанидских шахов.

Эта модернизация шла бок о бок с преобразованиями Ататюрка в Турции (1919–1938) и Ибн Сауда (1932–1953) в только что созданном Королевстве Саудовская Аравия.

Ататюрка, Ибн Сауда и Реза-хана признавали великими людьми своей эпохи — людьми, которые энергией и решимостью создавали новую реальность.

По характеру, вере и происхождению они были совершенно разными, но каждый стремился создать национальное государство, способное обрести реальную независимость от любой внешней державы.

Никого из них не интересовало руководство всем исламским миром. Все трое старались высечь из старых многоэтничных исламских государств чёткую национальную идентичность — иранскую, турецкую или арабскую.

После того как новые границы были закреплены, а непокорные приграничные племена подчинены, главным полем битвы — во всяком случае в Турции и Иране — стали школьный класс и словарь.

Историю начали преподавать как единое великое повествование, ведущее к главной задаче современности: построению независимого национального государства, самостоятельно определяющего свою судьбу.

В обеих странах создавали новые национальные языки, очищая их от слов иностранного происхождения. Культура, ремёсла, музыка, архитектура и археология тоже были поставлены на службу непрерывной борьбе за истинную патриотическую идентичность.

Поглощённые внутренней борьбой за преобразование и дисциплинирование собственных народов, 3 великие страны подарили Ближнему Востоку период непрерывного мира. Между ними не произошло ни одной войны.

Казалось, древнее суннито-шиитское противостояние погребено в прошлом и теперь принадлежит средневековой, не имеющему отношения к современному национальному государству.

Саудовская Аравия решительно придерживалась строгой ваххабитской интерпретации суннитской традиции. Но в Иране и Турции роль религии сознательно уменьшали, представляя её как реакционное препятствие на пути национального возрождения, основанного на образовании и технических знаниях.

Прогресс следовало измерять количеством новых плотин, дорог, железнодорожных линий, школ и больниц; электрификацией, постоянным ростом грамотности и производительности, развитием финансируемой государством промышленности.

Короткие фамилии в удостоверениях личности пришли на смену гордому устному перечислению предков, подобно тому как вооружённые пограничные заставы встали поперёк вековых путей сезонных кочёвок и ежегодных паломничеств.

Западные технические знания всё ещё требовались на нефтяных месторождениях, в университетах, больницах и промышленных комплексах. Но глубинная цель ускоренной индустриализации состояла в том, чтобы сначала избавиться от зависимости от Запада, а затем сравняться с ним.

Тем временем национальные лидеры научились уравнивать влияние иностранцев, сталкивая их интересы друг с другом.

Послевоенная борьба Ататюрка была бы невозможна без оружия Советской России. Ибн Сауд рано заключил прагматический союз с американским нефтяным капиталом и остался ему верен.

Режим Реза-шаха финансировался за счёт отчислений с контролируемых британцами персидских нефтяных месторождений. Позднее шах увидел в растущей Германии полезный противовес британскому влиянию.

В 1937 году Иран присоединился к Ираку, Турции и Афганистану в рамках Саадабадского пакта, который должен был подчеркнуть региональную независимость и позволить обойти колониальные державы.

Однако в мрачные годы Второй мировой войны Британия без колебаний пренебрегла этим заявленным нейтралитетом.

В сентябре 1941 года Британия и Советская Россия вторглись в Иран и свергли старого шаха после того, как он отказался уволить немецких специалистов, управлявших его железными дорогами.

Для союзников это был особенно тяжёлый этап войны — Ленинград находился в блокаде, — а Иран представлял собой самый безопасный путь доставки помощи в Россию.

В конечном счёте треть всей американской помощи Советскому Союзу в годы войны прошла через Иран.

Для населения страны всё это стало суровым напоминанием о политической реальности.

Их ориентированный на Запад правитель был без церемоний устранён, а огромная армия, которую он так терпеливо создавал, попросту развалилась.

Реза-шаха отправили в изгнание в Южную Африку, а на трон посадили его молодого сына Пехлеви. Но ни у кого не могло возникнуть сомнений относительно того, кто в действительности стоял за этим тронном и рядом с ним.

Британцы, между прочим, всерьёз рассматривали возможность восстановить династию Каджаров. Однако законный наследник, Хамид Мирза, для этой роли не годился: он не говорил ни слова по-персидски. Под именем «Дэвид Драммонд» он всю войну служил в Королевском флоте, а затем работал в Mobil Oil — словно уже понимал, где теперь следует искать настоящих хозяев мира.

Молодой шах Пехлеви получил часть образования во Франции и Швейцарии, горы которой любил всю жизнь.

С отцом, «казацким задирой», отношения у него были холодными; зато с аристократичной матерью и сестрой-близнецом его связывала чрезвычайно тесная эмоциональная близость.

Поначалу пространства для политического манёвра у него почти не было: чтобы сохранить суверенитет Ирана, ему отчаянно требовалась поддержка и Британии, и США.

Советская оккупация северной половины Ирана во время Второй мировой войны позволила СССР создать зависимую от него коммунистическую партию Туде — «Массы» — и поддержать образование 2 отдельных республик в азербайджанских и курдских провинциях северо-западного Ирана.

Окончательно советские войска покинули эти территории лишь в мае 1946 года — в соответствии с договорённостями 3 держав на Ялтинской конференции и в рамках более широкого обмена влиянием, фактически закрепившего господство России над всей Восточной Европой.

Но даже после ухода последнего советского солдата иранской армии пришлось вести боевые действия, чтобы подавить 2 сепаратистские республики на севере.

В 1949 году выяснилось, что партия Туде стояла за попыткой убийства молодого шаха.

На первый взгляд всё это может казаться лишь примечаниями на полях истории холодной войны, однако без этих событий невозможно понять следующий трагический круг — события, отголоски которых и сегодня определяют наш мир.

В апреле 1951 года премьер-министром был избран пожилой, прекрасно образованный иранский аристократ умеренно социалистических взглядов Мохаммед Мосаддык.

Он начал кампанию по национализации принадлежавшей британцам нефтяной промышленности Ирана и попытался провести давно назревшую земельную реформу.

Цели были достойными, и молодому шаху следовало бы их поддержать.

Но британцы заняли жёсткую позицию. Их специалисты покинули Иран, нефтяные доходы исчезли, разразился финансовый кризис, а политическая температура резко поднялась.

Возник страх, что партия Туде — уже находившаяся в тактическом союзе с Мосаддыком — является подлинной силой, стоявшей за новым требованием 1952 года передать контроль над ключевым Военным министерством от шаха премьер-министру.

А между тем шла Корейская война, в Малайе Запад сражался против коммунистических сил, и возможность того, что холодная война перерастёт в Третью мировую, выглядела вполне реальной.

В Египте январские события «Чёрной субботы» 1952 года, когда в Каире подожгли все здания, связанные с британцами, уже в июле сменились военным переворотом египетских офицеров против короля.

И потому летом 1953 года было принято роковое решение: при поддержке США и Британии организовать переворот, свергнуть Мосаддыка под

прикрытием уличных политических демонстраций и открыть шаху дорогу к самодержавному правлению.

После этого в тени за тронном появился новый хозяин — Соединённые Штаты.

Американцы добились значительно более справедливого соглашения о нефтяных доходах: теперь они делились в пропорции 50/50, тогда как прежнее британское соглашение оставляло иранской казне лишь 17,5 %.

Тем временем ЦРУ поручили создать национальную разведывательно-силовую организацию САВАК, которая должна была защищать шаха от новых покушений.

Американскую нефтяную индустрию также пригласили в Иран — в противовес непопулярной британской АИОС, Англо-иранской нефтяной компании.

Та попыталась начать с чистого листа и в 1954 году переименовалась в ВР — British Petroleum.

В 1955 году Иран присоединился к антикоммунистическому военному союзу ближневосточных стран — так называемому Багдадскому пакту, или СЕНТО.

Одновременно была создана псевдодемократия: избирателю предлагали выбирать между 2 партиями — Меллиун и Мардом, которые в шутку называли «партией “Да”» и «партией “Да, господин”».

Но добыча нефти росла, доходы текли рекой, и 10 лет между 1953 и 1963 годами оказались — по крайней мере, как видно задним числом — периодом внутреннего мира, процветания и высокой хозяйственной активности.

Иранское духовенство с тревогой наблюдало за нарастающим потоком вестернизации, но открыто заявило о себе лишь в 1963 году, в ответ на шахскую «Белую революцию».

Шах рассчитывал сломить влияние старой городской интеллигенции среднего класса и опереться на крестьянство.

Вместо этого он проложил дорогу Исламской революции.

Крестьяне получили право владеть землёй, которую их семьи обрабатывали поколениями, и больше не зависели от городских помещиков, живших вдали от своих владений.

Они получили и образование.

Но притягивали их исламские интеллектуалы, говорившие о достоинстве и гордости Ирана, а не коррумпированный шахский двор, его сестра-близнец и отлично смазанный парламент послушных соглашателей.

Шиитское духовенство оказалось той частью общества, которой хватило мужества открыто бросить вызов режиму.

Богословы утверждали, что земельная реформа, а также национализация лесов и гор противоречат исламскому праву и его фундаментальному уважению к собственности.

Одним из ведущих представителей духовенства был аятолла Хомейни, которому предстояло сыграть ключевую роль в Исламской революции 1979 года.

В речи 1964 года он безошибочно попал в самое болезненное место общественного сознания, протестуя против юридического иммунитета от уголовного преследования, предоставленного находившимся в Иране гражданам США:

«Иранский народ поставили ниже американской собаки. Если кто-нибудь задавит собаку, принадлежащую американцу, его будут судить. Даже если сам шах задавит американскую собаку, его будут судить. Но если американский повар задавит шаха... никто не будет вправе возразить».

Через пару недель Хомейни оказался в изгнании. Следующие 14 лет он прожил сначала в Турции, затем в Ираке и, наконец, во Франции — как альтернативная сила, ожидавшая своего часа.

Глава 16

Королевство

Ибн Сауд и его наследники (1932–1975)

Королевство Саудовская Аравия — огромное, словно высеченное из алмаза пространство на карте — в значительной степени стало творением одного необыкновенного человека.

Ибн Сауд был одной из крупнейших фигур XX века: племенной вождь, который сначала расширил владения собственного рода Саудов, затем присоединил ещё 3 географических региона и создал государство, ставшее одним из богатейших в мире.

Полное его имя — Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман ибн Фейсал Аль Сауд, однако, возглавив род Саудов, он стал известен как Ибн Сауд.

Он был суров, энергичен и храбр, обладал редким даром сохранять дружбу на всю жизнь.

Он умел слушать советы, умел ждать — при необходимости и 10 лет, — но, когда считал момент подходящим, действовал по собственному решению стремительно и бесповоротно.

При дворе он содержал 20 наложниц, а кроме того, последовательно женился и по-дружески разводился с целым рядом молодых женщин. Благодаря детям от этих браков он породнился со многими племенами Центральной Аравии.¹

Он родился 15 января 1875 года в семье правителя рода, изнурённого братоубийственной борьбой.

Самой тяжёлой катастрофой стала битва при Мулайде в 1891 году, когда 20-тысячная армия саудовского эмирата Неджд была разгромлена войском эмира Рашидидов — главных соперников Саудов.

Саудовская столица Эр-Рияд пала, и молодой Ибн Сауд вместе с отцом бежал в бескрайние пустыни Руб-эль-Хали — «Пустой четверти», где они нашли убежище у племени Аль-Мурра, кочевников-верблюдоводов, преодолевавших огромные пространства в поисках пастбищ.

Позднее они жили гостями при дворах нескольких старых правителей Персидского залива, в том числе бахрейнского эмира Аль-Халифы и кувейтского эмира Аль-Сабаха.

¹ Одним из ближайших советников Ибн Сауда была его тётя Джаухара. Он навещал её каждый день после полудня, поскольку она обладала феноменальной памятью на историю родов и племенных кланов, которые вновь и вновь оказывались вплетены в череду триумфов и катастроф его семьи.

В 18 лет Ибн Сауд покинул удушающую жизнь политического изгнанника и сделался пустынным налётчиком.

После каждой дерзкой удачи его отряд разрастался, после каждого поражения вновь сжимался до ядра из 40 преданных молодых воинов.

Именно во главе этой группы Ибн Сауд однажды в рамазан наблюдал за стенами старой семейной цитадели Эр-Рияда, зная, что гарнизон изнурён дневным постом и отвлечён ночными развлечениями.

В ночь на 15 января 1902 года он прислонил ствол пальмы к воротам Шамсия и использовал его как лестницу.

Затем велел своим людям укрыться в доме одного из друзей.

Он выяснил, что губернатор ночует вместе с гарнизоном, но рано утром возвращается домой.

И потому на рассвете, когда ворота крепости открылись, воины атаковали.

Много лет после этого в воротах крепости с гордостью показывали копье Ибн Сауда — то самое, что, забрызганное кровью губернатора, вонзилось в дерево.

Гарнизон Рашидидов был перебит, а жители Эр-Рияда восторженно приветствовали возвращение молодого принца прежней династии.

Ибн Сауд отправил гонца за отцом, приглашая того вернуться из изгнания. Но когда старик приехал в Эр-Рияд, он отказался принимать власть и официально признал нового эмира в лице своего 22-летнего сына-воина, оставив за собой лишь положение имама.

К 1913 году Ибн Сауд не только вернул контроль над Недждом, но и завоевал большую часть восточной провинции Аль-Хаса.

Теперь он состоял в союзе с 2 сильнейшими бедуинскими племенами Центральной Аравии — мутайр и утайба — и продолжал традиционный богословский союз с потомками Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, давно известными как Аль аш-Шейх.

2 представителя этой династии, служившие судьями в Эр-Рияде и Хасе, при поддержке фанатика из Северной Африки и человека из племени шаммар попытались возродить боевой дух первоначального ваххабитского движения.

Побережье Персидского залива казалось им слишком космополитичным, многонациональным и терпимым. Поэтому они решили создавать в пустынях Центральной Аравии **худжар** — строгие ваххабитские поселения с мечетью, школой и постоянным проповедником, который должен был обращать и воспитывать бедуинские племена.

Поначалу предполагалось, что эти новые деревни смогут полностью обеспечивать себя сами. Это удавалось не всегда, однако в целом поселения имели огромный успех.

Племенным вождям нравилась возможность собрать весь род в одном месте, а Ибн Сауд быстро понял: если снабдить этих людей оружием и небольшим денежным содержанием, они станут ядром суровой профессиональной армии.

Первым таким худжаром стала Аль-Артавия.

Она лежала в самом центре земель племени мутайр, о представителях которого говорили, будто грабёж и убийство у них в крови.

Мужчин этих поселений называли **ихванами** — «братьями».

Вместо традиционного бедуинского головного убора — куфии, удерживаемой плетёным кольцом из тёмного волоса, — они носили белые тюрбаны, которые в случае гибели на поле боя могли стать им погребальным саваном.

Им предписывали укорачивать бороды, подстригать усы и носить тоб — длинное хлопчатобумажное арабское одеяние — выше щиколотки.

Они отвергали музыку, шёлк и всякую позолоченную вышивку.

Как благочестивые мусульмане они ненавидели алкоголь, но не притрагивались также ни к табаку, ни к кофе, поскольку эти вещества не упоминаются в Коране и ими не пользовались сподвижники Пророка.

Подобно всем ваххабитам, они ненавидели гробницы и всё, что хотя бы отдалённо напоминало изображение или украшение.

Они отказывались обмениваться приветствиями с мусульманами-неваххабитами — не говоря уже о христианах, евреях или шиитах.

Жизнь ваххабитских женщин была стеснена до чрезвычайности: им запрещалось даже пользоваться общественным колодцем или ходить на рынок. Поэтому значительная часть первоначальных усилий при строительстве худжара уходила на рытьё отдельного колодца для каждой семьи.

К 1920 году в Центральной Аравии существовало уже около 52 худжаров, а к 1929 году — 120.

Таким образом, в их ряды оказался вовлечён примерно каждый 5-й бедуинский мужчина.

Деньги для эмира каждого поселения и оружие для его воинов предоставлял Ибн Сауд.

Значительная часть средств поступала от Британии, которая в 1915 году согласилась ежемесячно выдавать Ибн Сауду £5 000 звонкой монетой, а вдобавок поставлять оружие и боеприпасы для войны против общего противника — Османской империи.

В том, что фундаменталистские воины содержались на христианские деньги, присутствовало очевидное противоречие. Но конкуренты Ибн Сауда — хашимитские правители Хиджаза — точно так же получали британское золото, чтобы возглавить Арабское восстание против Османской империи.

Если не считать нескольких пустынных рейдов, позволявших поддерживать поток британских средств и захватывать уязвимые османские посты, большую часть Первой мировой войны ихваны провели в тренировках.

Однако уже тогда они приобрели репутацию людей, предпочитающих уничтожать побеждённое войско, а не брать пленных.

После окончания Первой мировой войны оружия оказалось в избытке, и Ибн Сауд был готов покончить со своими противниками.

В 1919 году армия ихванов уничтожила войско Хашимитов в битве при Турабе, на границе Неджда и Хиджаза, хотя воспользоваться победой и продолжить наступление Ибн Сауду не позволили британцы.

Летом 1920 года армии ихванов ударили на север и завоевали эмират Рашидидов, разрушив их дворец-крепость в Хаиле.

В том же 1920 году они едва не захватили весь Кувейт, а затем предприняли ряд набегов на Трансиорданию в 1921–1922 годах.

И снова только присутствие британских баз в этих небольших государствах не позволило ихванам их покорить.

Британское влияние помешало первому саудовскому вторжению в хашимитский Хиджаз, однако в 1925 году регион всё-таки пал.

В 1926 году последовала саудовская оккупация йеменской границы, в 1927 году — набеги на юг Ирака, а в 1928-м — новая атака на Кувейт.

Если бы не британские сухопутные войска, Королевские ВВС и Королевский флот, в эти годы весь Аравийский полуостров, вероятно, оказался бы в руках армий Ибн Сауда.

Впрочем, возможно, подобное государство было бы слишком велико, чтобы сохраниться.

Даже завоевание Хиджаза в 1925 году вызвало внутренний раскол в саудовском государстве.

Поведение ихванов в священных городах Мекке и Медине потрясло остальной мусульманский мир.

Паломников избивали за музыку; тех, кто плакал у могилы Пророка или молился возле гробниц мусульманских героев, секли.

Были разрушены памятные сооружения на месте рождения Пророка, дом халифа Абу Бакра, дом первой жены Мухаммада Хадиджи и сотни почитаемых гробниц.

Подобная волна иконоборчества уже прокатилась по историческим памятникам Хиджаза во время ваххабитского нашествия 1805 года.

Но теперь ихваны пошли дальше: стали разбивать зеркала, уничтожать автомобили, телефонные линии и телеграфные столбы — ведь ни одна из этих машин не была упомянута в Коране.

Ежегодный египетский хадж-караван, доставлявший из Каира дары к святыне, подвергся нападению за то, что по утрам его участники будили людей звуком горна.

Египетская охрана ответила огнём и убила 25 наиболее агрессивных ихванов, избивавших их палками.

Всё это видел весь мусульманский мир — не только благодаря присутствию паломников хаджа, но и потому, что именно в том году в священном городе состоялась всемирная исламская конференция.

Поначалу Ибн Сауд предлагал управлять Хиджазом как отдельным королевством — «двойной монархией Неджда и Хиджаза» — и вполне понятно не спешил назначать наиболее воинственных командиров ихванов губернаторами провинций.

Следующей зимой, в 1926 году, 3 ведущих племенных вождя движения ихванов встретились в Аль-Артавии и составили список из 7 претензий к Ибн Сауду.

Одно из требований состояло в том, чтобы разрешить ихванам либо обратиться в свою веру, либо перебить шиитское население Аль-Хасы.

Другое требовало уничтожить все телефоны.

Ибн Сауд проявил достаточно мудрости, чтобы публично не спорить с этими крайними предложениями. Вместо этого он передал вопрос улемам — совету из 15 наиболее уважаемых ваххабитских богословов.

Улемы всеми силами пытались уклониться от прямого ответа: зачастую соглашались с ихванами в принципе, но обставляли свои решения многочисленными исключениями и оговорками применительно к конкретным случаям.

Эти богословские уловки на несколько лет отложили вооружённое столкновение.

Однако 3 племенных вождя ихванов начали самовольно совершать набеги, уже не спрашивая согласия Ибн Сауда.

Нападение на британский пост в Южном Ираке 5 ноября 1927 года и рейды на Кувейт в 1928 и 1929 годах пользовались несомненной популярностью среди рядовых ихванов.

Окончательное столкновение между 3 вождями-экстремистами и Ибн Саудом произошло у Ас-Сабалы 31 марта 1929 года.

Ибн Сауд прекрасно подготовился к сражению.

Королевская саудовская армия уже располагала бронеавтомобилями и пулемётами, тогда как ихваны шли в бой верхом на верблюдах.

У Ас-Сабалы погибло 500 ихванов, ещё 1 000 были убиты во втором столкновении в августе.

После этого сокрушительного поражения ихванов вывели из армии, однако стали набирать в параллельную военную структуру — Национальную гвардию.

Её прозвали Белой гвардией, поскольку её бойцы ещё много лет сохраняли традиционные белые тюрбаны ихванов.

Начиная с лета 1926 года Ибн Сауд пытался также направить энергию ихванов в другое русло — превратить их в своеобразную нравственную милицию, местные комитеты по **«поощрению добродетели и удержанию от порицаемого»**, разумеется, в строгом толковании ваххабитских проповедников.

Ибн Сауд упорядочил и закят — исламскую десятину: бедные бедуинские племена были от неё освобождены, зато неваххабитское население 2 приморских областей обложили более тяжёлым подушным налогом.

До открытия нефти главным источником живых денег для саудовской казны, если не считать британских субсидий сундуками золотых и серебряных монет, оставалось паломничество хадж.

Когда мир начал сползать ко Второй мировой войне, значительно разросшееся Королевство Саудовская Аравия готовилось к периоду мира и залечивало раны гражданской войны.

Но открытие нефти изменило всё.

Оно перевело Саудовскую Аравию из британской сферы влияния в американскую — и, конечно, радикально изменило её благосостояние.

Уже в 1933 году американская компания Standard Oil выложила золотыми соверенами £35 000 в качестве невозвратного аванса в счёт будущих нефтяных отчислений.

А в 1938 году именно американские геологи сделали решающий прорыв, обнаружив нефть в коммерческих количествах и поспешив наладить её продажу.

Американские военные инженеры построили и первые саудовские аэродромы, превратив Дахран к 1944 году в действующую базу.

Когда 14 февраля 1945 года Ибн Сауд встретился с президентом Рузвельтом на борту американского крейсера на Большом Горьком озере, они лишь закрепили уже существовавшие отношения.

Встреча с Рузвельтом не была каким-либо зловещим тайным соглашением.

Она являлась частью международной ознакомительной поездки президента, во время которой он лично встречался с несколькими региональными лидерами, в том числе Египта и Эфиопии.

Ибн Сауд совершенно откровенно и недвусмысленно выступил против американской поддержки Израиля.

Но это не помешало ему согласиться на значительную роль США в Саудовской Аравии: американцы продолжали управлять становившейся всё

более прибыльной нефтяной индустрией, снабжать и обучать саудовские вооружённые силы.

Ибн Сауд умер в 1953 году.

Он стал отцом 100 детей, среди которых было 45 сыновей.

Принципа первородства не существовало. Предполагалось лишь, что руководители рода выберут старшего из дееспособных родственников мужского пола и принесут ему присягу.

За последующие 60 лет королями стали 6 сыновей Ибн Сауда, а многие другие возглавили ключевые министерства, которыми управляли почти как средневековыми феодальными владениями.

Принц Султан контролировал Министерство обороны с 1963 по 2011 год, а принц Наиф — Министерство внутренних дел с 1975 по 2012 год.

При всей репутации Саудовской Аравии как страны суровых и кровавых публичных наказаний здесь существовала и параллельная традиция включения недовольных в систему: пыл молодого мятежника старались остудить, дав ему должность, приданое, жену, дом, а затем ждали, пока у него появятся дети.

Наследник Ибн Сауда, король Сауд, не имел преимуществ бедного и полного приключений детства.

Он был типичным королевским принцем: умным, привязанным к женщинам, всем интересовавшимся и прекрасно умевшим общаться, но плохо разбиравшимся в людях и настолько легко отвлекавшимся, что почти не мог довести до конца ни одного дела.

Его мать происходила из Бану Халид — династии, правившей Восточной Аравией с XV века.

Он не был пустынным пуританином: содержал 25 дворцов и обычно скрывал бледные водянистые глаза за тёмными очками.

Над всем его правлением висела тень свержения египетского короля Фарука в 1952 году, огромной популярности преемника Фарука — полковника Насера — и широкого распространения панарабского социализма.

В стране не было ни конституции, ни парламента, ни профсоюзов, зато была репутация коррумпированной монархии, погрязшей в роскоши. Саудовской Аравии было чего опасаться.

В феврале 1958 года королевство обвинили в попытке подкупить сирийского разведчика Сараджа чеком на \$2 миллиона, чтобы тот сверг Насера; за его убийство сумму якобы обещали удвоить.

Сам Сауд время от времени заигрывал с идеей политических реформ — бессистемно и противоречиво — и испытывал антиамериканские настроения.

Не желая наблюдать, как разлагается власть королевства, братья-принцы неохотно объединились, чтобы положить предел политической

некомпетентности Сауда, и в 1964 году заменили его единокровным братом — принцем Фейсалом.

Это был не столько дворцовый переворот, сколько итог 6-летней борьбы за контроль над важнейшими государственными министерствами, которая велась посредством делегаций, писем, разногласий и публичных соглашений, позволявших каждой стороне сохранить лицо.

Мать Фейсала происходила из Аль аш-Шейх, и потому сам он был живым воплощением 200-летнего союза Ваххабитов и Саудов.

Фейсала поддерживала и «семёрка Судайри» — тесно спаянная группа братьев-принцев, впитавших мудрость, авторитет и трудовую дисциплину своей матери Хуссы Судайри.

Фейсал и «семёрка Судайри» определяли политический курс королевства на протяжении следующих 50 лет.

Все 3 последующих монарха — король Халид (1975–1982), король Фахд (1982–2005) и король Абдалла (2005–2015), — равно как и влиятельные министры принц Султан и принц Наиф, принадлежали к этой группе.

В 1960-е годы соперничество между Саудовской Аравией и республиканским Египтом обострилось.

Два режима вели друг против друга пропагандистскую войну.

Каирское радио обещало: «Мы сделаем принцев рабами, а рабов — принцами», тогда как радио Мекки проповедовало пуританское благочестие.

Соперники поддерживали разные политические силы в Сирии и в гражданской войне в Северном Йемене.

Эта война, а также коммунистические восстания в Адене и Дарфуре вновь подтолкнули Саудовскую Аравию в объятия Запада — настолько, что многолетние распри с Хашимитской Иорданией и Британией были прощены, хотя и не вполне забыты.

Военная победа Израиля в Шестидневной войне 1967 года потрясла арабский мир.

Она привела к перемирию между Египтом, Саудовской Аравией и богатыми нефтью арабскими государствами.

Саудовская Аравия и Кувейт теперь обязались поддерживать прифронтовые арабские страны, выделяя ежегодно \$135 миллионов.

Опосредованная война между Египтом и Саудовской Аравией прекратилась, но соперничество не исчезло полностью.

До сих пор точно неизвестно, не был ли Египет — возможно, при содействии изгнанного короля Сауда — хотя бы «осведомлён» о попытке военного переворота в Саудовской Аравии в июне 1969 года.

Неудавшийся заговор затронул около 100 молодых саудовских офицеров и привёл к казни по меньшей мере 40 из них.

Лёгкость, с которой в сентябре 1969 года был свергнут ливийский король Идрис, наглядно показала, что может произойти и в Саудовской Аравии, если королевская семья ослабит политическую хватку.

Поэтому монархия решила, что Национальную гвардию разумнее содержать в полной боевой готовности.

Она служила внутренним противовесом профессиональной армии, офицеры которой явно посматривали на пример арабской республики полковника Насера в Египте.

Нефтяное эмбарго октября 1973 года стало историческим переломом.

Впервые незападные державы выступили как единое целое, самостоятельно установив цены на нефть и собственную политическую повестку.

Почти за одну ночь Саудовская Аравия превратилась в потенциальную мировую державу.

Непосредственная цель эмбарго заключалась в прекращении западной поддержки Израиля, который после первых арабских успехов в войне Судного дня 1973 года стремительно переходил в наступление против Египта и Сирии.

Но то, что начиналось как дипломатический приём, превратилось в долговременную стратегическую победу: нефтяные доходы выросли на 500 %.

Министр нефти Саудовской Аравии стал фигурой международного значения.

Денег теперь хватало на любой мыслимый бюджет любого министерства внутри страны — и оставалось достаточно, чтобы покупать политическое лидерство на Ближнем Востоке.

Средства направлялись и на строительство новых мечетей по всему мусульманскому миру — нередко вместе с подготовленными в Саудовской Аравии имамами, — и на всемирное распространение ваххабитского богословия через колледжи и университеты.

Саудовская Аравия и эмираты Персидского залива создали своеобразный клуб доноров.

На поддержание правительств Египта и Сирии ежегодно выделялось \$570 миллионов, ещё \$300 миллионов получала Иордания и \$30 миллионов — палестинцы.

В последующие десятилетия суммы только росли.

Одновременно осуществлялись негласно управляемые инвестиции в США и Великобританию.

Нескольким надёжным банковским домам, среди которых Morgan Guaranty и Chase Manhattan, поручили приобретать активы в американской экономике.

К 1981 году было разумно инвестировано не менее \$200 миллиардов.

Дополнительное влияние можно было безболезненно приобретать покупкой государственных облигаций.

И Саудовская Аравия внимательно наблюдала, насколько действенным политическим оружием это может оказаться.

Ведь в дни Суэцкого кризиса 1956 года Эйзенхауэру оказалось достаточно выбросить на рынок британские государственные облигации, чтобы заставить Британию подчиниться.

А затем, 23 марта 1975 года, король Фейсал — человек, сумевший выстроить тонкий баланс между ваххабитскими теократами, огромной королевской семьёй и преуспевающей нефтяной экономикой, — был застрелен.

Убийцей оказался его двоюродный родственник, биография которого словно обнажала трещины, скрытые под гладкой поверхностью королевства.

Как и многие представители своего поколения, он получил дорогое образование за границей, а затем не сумел вновь вписаться в традиционное саудовское общество.

Его мать происходила из Рашидидов — недждийской династии, уничтоженной Ибн Саудом, — а брат был религиозным фанатиком.

После вступления на престол короля Халида в 1975 году началась медленная, но настойчивая модернизация.

Она выражалась прежде всего в щедрых образовательных пособиях, очередном огромном увеличении бюджетов министерств и строительстве 2 совершенно новых промышленных городов.

В сравнительно либеральных городах вроде Джидды ставили театральные спектакли, проводили показы мод, работали 4 кинотеатра, а женщины читали новости и пели по радио и телевидению.

Казалось, королевство медленно движется в либеральном направлении и постепенно готовится принять какую-либо формальную конституцию, перестав оставаться исключительно наследственной монархией.

Возможно, предполагалось учредить **Меджлис аш-Шура** — консультативный совет, который предлагалось создать ещё в 1964 году.

Саудовские службы внутренней безопасности по-прежнему главным образом следили за военными офицерами и образованным средним классом — «публикой с докторскими степенями», — который естественным образом должен был выиграть от любой политической трансформации.

Но королевство ожидало огромное потрясение.

Глава 17

Турецкая Республика

Ататюрк и постосманская Турция

На протяжении 500 лет Османская империя играла ведущую роль в суннитском исламском мире.

Мы уже видели, как часто она мерилась силой со своим шиитским соседом — Персией.

Однако её столица Стамбул стояла на западной границе с Европой, защищая мусульманский мир Средиземноморья от католических Испании и Португалии, а северные рубежи — от православной России и империи Габсбургов.

Османские султаны также посылали флоты и армии на помощь мусульманским государствам, находившимся под угрозой, — в Эфиопию, Северную Африку и Индию, — одновременно оберегая священные города Мекку и Медину.

Для турка это имперское наследие окрашивает прошлое в золотые тона.

Во многих городах Ближнего Востока до сих пор возвышаются великолепные османские мечети, дворцы, крепости, священные гробницы, медресе, мосты и караван-сарай.

Империя остаётся могущественным образом исламского единства, уважавшего все 4 традиционные школы суннитского права и обладавшего богатейшим наследием поэзии и искусства.

И словно этого мало, турок увидит за Османами тень сельджуков — суннитских воинов и создателей империй, предшественников османского величия.

Но в арабском мире турки героями не считаются.

Их нередко ставят рядом с такими злодеями, как Чингисхан и Тимур, — словно ниспосланное Богом бедствие.

Поражение Мамлюкского султаната Египта и Сирии от османских турок в 1516 году до сих пор помнится арабами как катастрофа.

В арабском историческом повествовании Османы предстали высокомерной кастой необразованных солдат, чьё господство разрушило торговлю и интеллектуальную жизнь старого Ближнего Востока.

Их помнят как державу, которая вела больше войн против других мусульманских государств, чем против христиан, причём опиралась на многочисленные христианские общины.

На протяжении долгих столетий османского владычества торговля, банковское дело, судоходство и промышленность оставались в руках еврейских, греческих и армянских меньшинств, тогда как безжалостных и дисциплинированных янычар набирали из христианских мальчиков-рабов.

Некоторые арабские историки отрицают даже то, что Османская империя когда-либо являлась главным суннитским государством.

Претензия Османов на положение халифов ислама возникла очень поздно — скорее как дипломатический подарок России в мирном договоре XVIII века, чем как признание всемирной мусульманской общины.

Арабы не считают Османскую империю прямым наследником халифата.

Последний халиф Аббасидской династии, происходившей от одного из дядей пророка Мухаммада, жил в Каире ещё в 1516 году.

В последний раз о нём упоминают как о пленнике османского султана в Стамбуле.

Хотя в конце XVIII века несколько османских пограничных крепостей пали, в основном границы империи оставались устойчивыми до XIX столетия.

Но затем неумолимое наступление России и Австрии стало приносить им всё более значительные успехи.

Возникновение независимой Греции, а вслед за ней Сербии, Румынии и Болгарии — каждая из которых стремилась присоединить османские провинции — привело к череде 3 Балканских войн 1912–1913 годов.

Эти кровавые столкновения стали всего лишь прологом к несравненно большому опустошению Первой мировой войны, во время которой Османской империи пришлось защищать сразу 6 фронтов: Ирак, Кавказ, Ливию, Балканы, Эгейское море и Аравию.

Западные читатели, воспитанные на истории Т. Э. Лоуренса и Арабского восстания, часто удивляются, узнав, что большую часть войны преимущество находилось на стороне турок.

Турецкий гарнизон в Газе успешно отбил 2 лобовых наступления британцев из соседнего Египта.

Гарнизон Медины упрямо продолжал сопротивляться даже после официального окончания войны.

На иракском фронте турки вынудили сдаться целую британскую армию численностью 9 000 человек под Кутом.

На Галлипольском полуострове в 1916 году армия Османской империи не позволила 2 сильнейшим колониальным державам эпохи — Британии и Франции — прорваться к Стамбулу и продиктовать условия победы.

Ни одно другое мусульманское государство за предшествующие 100 лет не оказалось достаточно сильным, чтобы противостоять французам или британцам.

И всё же «на пляжах, на местах высадки, в полях, на улицах и на холмах» победила турецкая армия.

Однако в конечном счёте, при поддержке Америки, Франция и Британия одержали верх и сокрушили мощь Германии и её союзников — Османской и Австро-Венгерской империй.¹

Севрский договор 1920 года был продиктован Францией и Британией.

Они собирались разрезать Османскую империю на 8 частей и раздать их врагам Турции: грекам — западное побережье, армянам — северо-восток, итальянцам — юго-запад; Сирия отходила Франции, Ирак и Палестина — Британии.

Предполагалось также создать независимый Курдистан, который занимал бы юго-восточную четверть Анатолии.

Именно против такой судьбы — после огромных жертв Балканских войн и Первой мировой — Мустафа Кемаль, впоследствии названный Ататюрком, вновь призвал турок взяться за оружие.

Он воевал сразу на 4 фронтах, разгромил армян на северо-востоке и греков на западе, после чего французские и итальянские гарнизоны покинули юг.

В этой Войне за независимость союзников у него не было, хотя Советы снабжали его жизненно необходимым русским оружием через порт Самсун.

Добившись военных побед и закрепив новые границы, Ататюрк провёл суровую серию реформ, целью которых было сделать Турцию не слабее любого её западного противника.

Греческое православное меньшинство численностью 1,35 миллиона человек было изгнано: его сочли потенциальной «пятой колонной», которую невозможно заставить стать лояльными турецкими гражданами.

Арабскую письменность отменили и заменили новым европейским алфавитом на основе латиницы.

Была создана новая система образования.

Повсеместные фетровые фески и жилеты вытеснила западная одежда.

Сформировали стройную систему начальных и средних школ, ведущую к практической профессиональной подготовке в сельскохозяйственных и специальных колледжах.

¹ Соединённые Штаты не объявляли войну Османской империи и не участвовали ни в одной из военных кампаний на Ближнем Востоке.

Столетние нормы общественной и правовой жизни, основанные на Коране, были отброшены и заменены кодексами, построенными на швейцарском гражданском и итальянском уголовном праве.

Мусульманские суды, старые исламские университеты и обители мистических дервишей-поэтов закрыли.

Изучение арабской и персидской литературы резко ограничили.

Даже призыв к молитве теперь должен был звучать по-турецки, а не на священном языке коранического арабского.

Несколько дат дают представление о невероятной скорости политического переустройства страны.

В ноябре 1922 года был упразднён султанат.

В марте 1924 года лишился власти последний халиф.

В 1926 году отменили шариатское право.

В 1927 году запретили тюрбан и феску.

В 1926 году турецкие женщины получили равные юридические права, а позднее — избирательное право.

Впервые они голосовали в 1930 году на местных выборах, а в 1934-м — на общенациональных. Тогда же в парламент впервые были избраны 18 женщин.

Стремительность реформ Ататюрка стала возможной благодаря одному важному историческому обстоятельству.

В конце XIX — начале XX века около 800 000 беженцев были изгнаны из бывших европейских провинций Османской империи и нашли убежище в Анатолии и Фракии.

Они хорошо знали западную культуру.

Это были потомки мусульманских администраторов и ремесленников, на протяжении веков игравших ведущую роль на Крите, в Северной Греции, Румынии, Албании, Боснии и Македонии.

В прибрежных городах и Стамбуле образованный средний класс столетиями был знаком с французской и итальянской культурой.

Именно эти образованные турки стали фундаментом новой Турецкой Республики.

Для основной же массы населения деревень и торговых городков внутренней Анатолии всё происходящее было ошеломляющим.

Они гордились многими достижениями республики — постоянно расширявшейся сетью дорог, водопроводами и линиями электропередачи, новыми школами, университетами и рабочими местами.

Но одновременно страстно желали сохранить связь с исламом и чувствовать себя наследниками былого достоинства и достижений Империи.

Османские словари очищались от арабских, персидских и греческих заимствований, а переход на латиницу ещё сильнее отрезал язык от прошлого.

Уже через одно поколение человек не мог прочесть надпись на могиле собственного деда или кулинарные записи своей бабушки — не говоря уже о возможности свободно плавать в океане многовековой исламской учёности.

Было и нечто почти безумное в том, как преподавали историю страны.

В 1934 году наследственные фамилии были насильственно введены вместо старых отчеств — отчасти напоминая то, как прибывавшим в Америку иммигрантам чиновник порой произвольно менял написание древней фамилии.

Все должны были изображать из себя турок — какой бы сложной ни была реальность их происхождения.

Сам Ататюрк прекрасно понимал искусственность этого построения, ведь родился он не в анатолийской деревне, а в шумном левантийском порту Салоники — фрако-македонском городе со значительным еврейским населением, происходившим от беженцев из Испании XV века.

Мать другого знаменитого героя турецкого национализма, Энвер-паши, была албанкой, а семья его отца происходила из Монастира в Македонии.

Генерал Инёню, избранный Ататюрком преемником на президентском посту, был наполовину курдом.

Таким образом, современная Турция в известной мере является интеллектуальной конструкцией — даже для тех, кто происходил из тюркоязычных семей Анатолии.

Значительное количество тюрков появилось в истории Анатолии лишь в XI веке.

И как бы националистам ни хотелось считать себя потомками армии конных завоевателей, в происхождении большинства турок наверняка присутствует значительная доля древнеанатолийской крови.

Анатолия — одна из бесспорных древнейших прародин человечества, земля, где впервые начали возделывать ячмень и пшеницу и разводить овец и коз.

Анатолия всегда была домом для многих культурных идентичностей — грузин, курдов, арабов, армян, а также турок.

Всё это может показаться далёкой древностью, но чрезвычайно важно для понимания современной Турецкой Республики и её внутренних трещин.

Армяне — один из древнейших христианских народов мира, обладающий собственной богословской традицией, независимой как от греческого православия, так и от римского католицизма.

Будучи одним из коренных народов Анатолии, они обычно селились на пригодных для земледелия землях, становились ремесленниками, торговцами и

горняками и исправно платили налоги сперва Византийской, затем Сельджукской империи.

Особенно славились армянские каменщики.

Османская империя во многом возникла на практическом партнёрстве турок-воинов и армян-торговцев.

В середине XIX века этот союз начал постепенно разрушаться.

Османское руководство опасалось, что армяне теперь стремятся создать собственное государство и заключить союз с православной Россией.

В тяжёлые годы Первой мировой войны было принято решение уничтожить армянское влияние.

Поступил приказ собрать армянские общины, эвакуировать их из всех потенциальных зон военных действий и пешком переселить на юг, в новые районы проживания.

Однако во время этих маршей мужчин убивали, а сотни тысяч молодых армянских девушек похищали, превращая в наложниц и домашнюю прислугу.

Мрачная, залитая кровью история местных расправ включала участие курдских отрядов **Хамидие алайлары**, созданных султаном Абдул-Хамидом II ещё для предыдущей волны организованных государством массовых убийств армян в 1894–1896 годах.

Несмотря на окружающее эту тему молчание, факты зафиксированы судебными документами.

Турецкие министры, непосредственно отвечавшие за приказы о массовых убийствах, были после войны преданы суду османскими судами.

Их признали виновными в убийстве сотен тысяч невинных мирных жителей.

В 1914 году в Османской империи проживало 2 миллиона армян.

Сегодня в пределах Турецкой Республики их, вероятно, осталось лишь около 70 000.

Остальное объясняется массовыми убийствами и эмиграцией — в США, Францию, Ливан и Армянскую Республику на Кавказе, — а также неизвестным количеством «молчаливых армян», чьё происхождение скрывается за многими турецкими паспортами, порой даже от самих их владельцев.

Лазы — ещё один анатолийский народ и отчётливо различимое этническое меньшинство.

Первоначально это были грузины, населявшие побережье Чёрного моря и на протяжении столетий перешедшие в ислам.

Они всегда сравнительно легко вливались в основную турецкую культуру — настолько, что в народных историях их часто изображают весёлыми, смеющимися морскими капитанами и рыбаками.

И подобно тому как Ататюрк вышел из левантийской среды, Эрдоган, нынешний президент Турции, при всём своём страстном национализме, также происходит из этого мира.

Самое значительное — и политически наиболее мощное — меньшинство Турции составляют курды.

Это древний народ Анатолии, чья историческая территория лежит в гористом юго-востоке и пересекает современные границы Ирана и Ирака.

Веками курды служили в коннице Османской империи, уважавшей их особую культуру.

Турецкая Республика такого партнёрства им не предложила: она стремилась создать единое национальное государство, где все иные идентичности должны были раствориться в гордости быть турком.

В отличие от армянских земледельцев и ремесленников, живших в деревнях, курды традиционно предпочитали свободу палаток и горных хижин среди своих стад.

Они выводят происхождение от мидян — народа, чья империя предшествовала Персидской, — поэтому один из курдских календарей начинается с падения ассирийской столицы Ниневии.

Курдский язык принадлежит к иранской группе, а не к тюркской или арабской.¹

Отчасти именно поэтому в 1920-е годы курды сопротивлялись реформам Ататюрка.

Они гордились собственной идентичностью и не желали, чтобы их древний иранский язык исчез.

Курдский был языком любимых песен и драгоценной поэзии.

Всё это теперь предлагалось оставить ради новой идентичности светской республиканской Турции с её латинским алфавитом.

Оглядываясь назад, можно предположить: турецкое правительство, прояви оно больше понимания к курдской идентичности, могло бы сделать ставку на многочисленные общие ценности и привлечь курдов на свою сторону.

Но произошло иначе.

Ататюрк торопился модернизировать страну, опасаясь, что ей в любой момент вновь придётся вести оборонительную войну за выживание.

И вместо того чтобы говорить с курдами как с союзниками, к ним отнеслись как к потенциальным предателям.

¹ Курды преимущественно мусульмане; среди них есть как сунниты, так и шииты. Однако существуют также небольшие общины курдов-езидов и евреев; последние относятся к мизрахим и сегодня в основном живут в Израиле.

В 1921 году печально известный своей жестокостью военачальник Нуреддин-паша подавил племенную область Кочгири, устроив там 3-месячный террор.

Уже тогда это признавали политической катастрофой, но руководители республики урока не извлекли.

В 1925 году шейх Саид, курдский исламский богослов, подготовил список из 11 претензий к реформам Ататюрка.

В нём соединялись протест против запрета курдской идентичности, недовольство разрушением исламских институтов и старомодная верность идее Османского халифата.

6 марта шейх поднял знамя восстания и повёл 10 000 воинов против правительственного гарнизона, расположенного за огромными базальтовыми стенами Диярбакыра.

Через несколько месяцев армия Турецкой Республики разгромила восстание и захватила шейха.

Его приговорили к смерти и повесили вместе с 36 последователями.

Это стало ещё одной тактической ошибкой: из такого человека сделали мученика.

Его брат, шейх Абдуррахман, продолжил восстание в горах.

А в северо-восточных провинциях Ван и Битлис опытный курдский офицер бывшей османской армии Ихсан Нури возглавил Араратское восстание, продолжавшееся с 1927 по 1930 год.

Эти мятежи могли бы остаться забытыми примечаниями истории, поскольку всякий раз правительственные войска не только подавляли вооружённое сопротивление, но и заключали местные союзы с соперничающими курдскими кланами.

Если бы не ещё одно, последнее трагическое событие.

В ожесточении враждебной линии между турками и курдами самым ядовитым словом остаётся: **«Дерсим, 1937»**.

Точная последовательность событий до сих пор оспаривается.

По-видимому, группа мужчин, передавших губернатору провинции Дерсим петицию протеста, была арестована полицией и убита.

В отместку устроили засаду на полицейскую колонну.

Это привело к военной оккупации провинции.

Вечером 21 марта, когда курды собрались на празднование весеннего Новруза, вспыхнуло восстание.

Его подавили.

Но тем летом было убито не менее 13 000 курдов, ещё 12 000 отправлены в административную ссылку. Один из историков полагает, что эти цифры следует утроить.

Осенью, во время перемирия, лидер восстания Сейид Риза прибыл на переговоры о возможных условиях мира, но был арестован и повешен.

Вследствие этого вся восточная половина Анатолии оставалась под военным управлением до 1950 года, а иностранным путешественникам запрещалось посещать её вплоть до 1965-го.

Руководители Турецкой Республики давно убеждены, что курдские восстания поддерживали агенты враждебной иностранной державы.

В 1926 году нефтеносный район вокруг Мосула, населённый курдами и туркменами, включили в арабское Королевство Ирак, которое почти во всём, кроме названия, находилось под британским владычеством.

Если бы Британия не решила заполучить эти нефтяные месторождения, большая часть Курдистана могла бы остаться в составе Турции.

Возможно, тогда благодаря достаточной площади и территориальной целостности курды смогли бы добиться полноценного партнёрства или определённой автономии внутри Турецкой Республики.

И сама Турция получила бы нефтяные доходы.

Выхода к морю у курдов никогда не было, поэтому для извлечения выгоды из этих нефтяных месторождений им всё равно пришлось бы сотрудничать хотя бы с одним соседом.

Вполне можно представить себе вариант, при котором курды — подобно лазам — стали бы уважаемыми партнёрами турок.

Одна из причин, по которой Британии удалось провернуть эту аннексию, впоследствии утверждённую Лигой Наций, заключалась именно в курдских восстаниях в Анатолии.

Многие турки уверены, что британские агенты сами разжигали эти мятежи ради собственных неблагоприятных целей.

В те же годы французы прирезали кусок приграничной территории к колониальным границам Сирии и охотно принимали курдских беженцев, спасавшихся из новой Турецкой Республики.

Когда Британия окончательно убедилась, что её ценное приобретение находится в безопасности, акции Iraq Petroleum Company были поделены весьма привлекательным образом: по 21,5 % получили Франция и США, 52,5 % — Британия, ещё 5 % достались армянину Галусту Гюльбенкяну, чья семья на протяжении 2 поколений играла важную роль в торговле Османской империи и Азербайджана.

Раны Дерсима не зажили и сегодня.

23 ноября 2011 года президент Эрдоган назвал происшедшее «одним из самых трагических событий нашей недавней истории».

Это было смелое заявление.

Одно время казалось, что развиваемая им новая исламская идентичность Турецкой Республики способна создать общий ценностный зонт, под которым смогут объединиться и турки, и курды.

Но и этого не произошло.

Среди курдов есть как шииты — преимущественно в алевитской форме, — так и сунниты.

Они издавна разделены на соперничающие племена и говоры, а сложность этого мира ещё больше усилилась тем, что их земли проходили по границе Османской и Сефевидской империй, а с 1920-х годов оказались разделены между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией.¹

Курдский юго-восток — ахиллесова пята турецкого государства.

Именно поэтому Анкара придерживается в разговоре с союзниками совершенно определённой линии:

если вы хотите быть нашими друзьями, не вмешивайтесь в нашу внутреннюю «юго-восточную» проблему и нигде больше не поддерживайте независимость курдов.

Кошмар, который сидит в подсознании каждого турецкого руководителя, — карта того, что союзники собирались сделать с их родиной по Севрскому договору 1920 года.

Грекам должна была достаться западная треть Анатолии, армянам — северо-восток, а независимый Курдистан занял бы юго-восток.

Поэтому первейшая обязанность любого турецкого руководителя, каких бы политических взглядов он ни придерживался, — охранять целостность государства.

3 мусульманских государства, историю которых мы проследили в этой части книги, — Персия, Саудовская Аравия и Турция — представляют собой истории успеха.

Выжить независимым мусульманским государством в эту тревожную эпоху, которую китайцы называют **веком унижений**, было нелегко.

Независимость никогда не была гарантирована и требовала не только героической борьбы, но и периодов компромиссов.

¹ В Турции проживает около 13 миллионов курдов — примерно пятая часть населения страны. В Северной Сирии их около 2 миллионов, в Северном Ираке — примерно 7 миллионов, и ещё около 7 миллионов — на северо-западе Ирана.

Ататюрк, Реза-шах и Ибн Сауд избрали разные пути, но ни один из них ни разу не помышлял повести свою страну войной на другую.

Каждый довольствовался ролью сурового отца собственного народа и не стремился стать халифом всего ислама.

Все остальные мусульманские государства мира оказались под колониальным господством либо в положении имперского протектората.

За одним-двумя исключениями — Северным Йеменом и Афганистаном — именно эти 3 крупные державы оставались единственными мусульманскими странами, сумевшими противостоять всемирному господству Запада —

колониальной ночи.

Часть пятая

Революции 1979 года: Ближний Восток преобразуется

Как заметил Ленин: «Бывают десятилетия, когда ничего не происходит, и бывают недели, в которые происходят десятилетия». Для Ближнего Востока таким временем стал 1979 год, когда 3 события полностью изменили расстановку сил в регионе.

16 января шах Ирана был свергнут после годичного восстания, не сходявшего с улиц страны. Его светская модернизаторская автократия уступила место Исламской Республике во главе с аятоллой Хомейни — харизматичным шиитским мыслителем.

20 ноября исламистское восстание в Мекке потрясло до основания монархию Саудовской Аравии.

А 26 декабря советская армия пересекла границу Афганистана.

Турция тоже находилась на пороге гражданской войны, а уже в следующем году её политический строй был перекроен военным переворотом.

Почти полвека спустя Иран по-прежнему управляется аятоллой, которого лично назначил аятолла Хомейни. Власть в Исламской Республике разделена с выборным руководством, однако в конечном счёте режим опирается на Корпус стражей исламской революции, глубоко преданный сохранению государства с ярко выраженной шиитской идентичностью. Воинственный характер иранских Стражей революции — ключ к пониманию природы этого режима; сформировался он под воздействием страшного опыта ирано-иракской войны 1980–1988 годов, когда Иран ощущал себя одиноким перед всем миром.

События в Мекке в 1979 году выросли из традиции ихванов, сыгравших важную роль в создании Саудовской Аравии. Мятежники, многие из которых были опытными солдатами Национальной гвардии, превратили святая святых ислама — мечеть, окружающую Каабу, — в крепость.

И хотя восстание потерпело поражение, а его руководители были убиты либо казнены, в политическом смысле оно победило. Саудовская монархия совершила разворот на 180 градусов в вопросах модернизации, вновь обратившись к собственной первоначальной идентичности, выковывавшейся воинственными, непримиримыми к чужому ихванами пустыни и ваххабитскими проповедниками.

На процессах общественного обновления словно нажали кнопку «пауза» — и удерживали её в таком положении 35 лет. Нефтяные доходы продолжали течь рекой, позволяя смягчать внутреннюю оппозицию стипендиями и жалованьем, а безопасность режима обеспечивалась военной поддержкой США. Лишь в последнее десятилетие вновь начались социальные перемены — правда, под властью молодого авторитарического наследного принца, стремящегося доминировать над всей Аравией.

Советская армия вошла в Афганистан по просьбе осаждённого со всех сторон коммунистического режима в Кабуле, который пытался подавить восстания в провинциях. Однако присутствие иностранной оккупационной армии лишь разожгло сопротивление, превратив его в общенациональную борьбу за свободу, которую вместе с тем можно рассматривать и как гражданскую войну: религиозный пыл сельских исламистов столкнулся со светскими модернистами городов.

США, Пакистан и Саудовская Аравия образовали союз, который стал вливать огромные средства в 14 соперничавших между собой групп моджахедов. Так началась гражданская война, которая, по сути, продолжается с тех пор и новейшим проявлением которой стало возвращение к власти в Кабуле Талибана — движения, возникшего в среде сельского духовенства.

Чтобы понять, какое влияние эти события оказали на международные отношения и как они связаны с суннитско-шиитским противостоянием, необходимо посмотреть на происходящее глазами каждой из сторон.

Глава 18

Революция в Иране

Возникновение шиитской Исламской Республики, ирано-иракская война и современный Иран

В 1977 году президент США Джимми Картер убедил шаха Ирана несколько ослабить репрессивный аппарат его авторитарного режима. Американцы надеялись, что вслед за этим в стране постепенно возникнет парламентская демократия.

Но новые свободы дали иранцам прежде всего возможность показать, насколько глубоко они ненавидели 37-летнее правление Мохаммеда Резы-шаха и предшествовавшее ему правление его отца, бывшего казачьего офицера Резы-шаха.

Поначалу возникло широкое движение за свободу: демократические партии объединились с шиитским духовенством, требуя новой конституции.

Первая серьёзная демонстрация состоялась в январе 1978 года в Куме. Её возглавили религиозные студенты, возмущённые опубликованной правительством статьёй, в которой их духовного лидера аятоллу Хомейни называли британским шпионом и безумным индийским поэтом.

На 3-й день протестов полиция убила 5 студентов. Похороны этих мучеников и традиционный 40-дневный цикл траура дали повод к новой волне антиправительственных выступлений: 18 февраля демонстрации прошли уже в 12 городах.

И они вновь были жестоко подавлены полицией. Следующие траурные шествия состоялись 29 марта — на этот раз уже в 45 провинциальных городах. В основном они проходили мирно, кроме Йезда, где были убиты около 100 демонстрантов.

Следующая волна маршей обошлась без кровопролития. Накануне начала поста Рамадан, пришедшегося в том году на август, шах выступил с речью, пообещав покончить с коррупцией и уволив руководителя САВАК — ненавистой тайной полиции.

Но это было слишком мало и слишком поздно. К тому же действия шаха роковым образом совпали с экономическим спадом: инфляцию, вызванную прежним периодом бурного роста, власти попытались обуздать жёсткой финансовой дефляцией.

Во время Рамадана тысячи иранцев утверждали, что видели на Луне лик аятоллы Хомейни.

4 сентября, в день Ид аль-Фитр — праздника окончания Рамадана, — торжества превратились в гигантскую демонстрацию. Улицы Тегерана заполнили 500 000 человек.

7 сентября состоялся менее многочисленный, но более воинственный митинг, участники которого уже открыто требовали провозглашения Исламской Республики.

Когда на следующий день протестующие повторили это требование, солдаты открыли огонь на площади Жале в Тегеране. Погибли 89 человек, сотни были ранены.

Новая волна уличных демонстраций прокатилась 10–11 декабря — в дни Ашуры, когда шииты вспоминают мученическую смерть имама Хусейна, погибшего, разумеется, от рук войска злого наместника, служившего порочному правителю.

Теперь по всей стране на улицы вышли миллионы.

Шах наблюдал за бескрайними толпами Тегерана с вертолётa, и его решимость любой ценой удержаться на троне начала слабеть. Он приказал солдатам проявлять сдержанность.

Впрочем, возможно, они и без приказа не решились бы стрелять: никто из них не знал, как поступать с огромными толпами женщин в чёрных чадрах, среди которых вполне могли находиться их матери, тётки и сёстры.

Сначала отдельные солдаты стали оставлять форму в казармах и уезжать в родные деревни. Через несколько недель это превратилось в настоящий поток — по 1 200 дезертиров в день.

Шах решил покинуть страну, превратив «отпуск» в изгнание. Однажды в своей жизни он уже поступал так и впоследствии вернулся с триумфом.

31 декабря он назначил премьер-министром Шапура Бахтияра — либерального аристократа, имевшего опыт и государственной службы, и политических преследований.

Приняв этот пост, Бахтияр лишился поддержки своих либеральных союзников, однако действовал быстро: отменил военное положение, ликвидировал цензуру и распустил САВАК. Он объявил, что через 3 месяца состоятся выборы в конституционное собрание.

4 января в Тегеран прилетел американский генерал Роберт Э. Хайзер, чтобы убедить иранских генералов поддержать Бахтияра.

16 января шах покинул страну.

Утром 1 февраля самолёт Air France доставил Хомейни в аэропорт Тегерана. Миллионы встречавших скандировали:

— *Эмам амад!* — «Имам пришёл!»

Через 2 дня генерал Хайзер покинул страну. Для тех, кто умел читать подобные сигналы, это означало: США не намерены поддерживать появление очередного военного диктатора.

Государственный секретарь США Сайрус Вэнс решительно выступал против прямого участия Америки в перевороте, а американский посол в Тегеране даже вёл тайные переговоры с Хомейни.

Решающие события произошли 8 февраля на авиабазе Дошан-Таппе в Тегеране. Группа курсантов в форме отправилась к Хомейни и публично присягнула ему.

На следующий день 200 военнослужащих шахской Императорской гвардии попытались восстановить контроль над авиабазой, где к тому времени уже открыто шёл мятеж.

Им на помощь направили колонну танков Chieftain, однако путь им преградили толпы людей, хлынувших на улицы с криками:

— *Аллаху акбар!*

Если бы танки двинулись вперёд, всё могло закончиться резнёй, подобной той, что позднее произойдёт на площади Тяньаньмэнь.

Но танки остановились.

К полуночи восставшие курсанты полностью овладели авиабазой, вскрыли оружейные склады и начали раздавать оружие населению.

Тегеран готовился отражать ожидаемую контратаку иранской армии.

Утром 11 февраля 22 иранских генерала собрались, чтобы решить, как действовать дальше. Они постановили не совершать военного переворота, но и не поддерживать власть премьер-министра Бахтияра. Войска получили приказ вернуться в казармы.

К концу дня революционные массы уже не оборонялись — они перешли в наступление, громя полицейские участки и управления САВАК по всей стране.

В течение предыдущего десятилетия САВАК располагал 6 000 штатных сотрудников и примерно 60 000 внештатных осведомителей. Теперь все они опасались за свою жизнь.

Однако заместитель директора организации Хосейн Фардуст сумел вовремя договориться с новой властью: прежде он служил шаху, теперь будет служить Исламской революции.

14 февраля революция показала свои зубы.

Генерал Мехди Рахими, начальник полиции Тегерана и заместитель командующего Императорской гвардией, был арестован вместе ещё с 3 генералами, причастными к репрессиям.

Революционный трибунал судил их, после чего всех четверых расстреляли на крыше тегеранской школы «Рефах», где располагалась штаб-квартира Хомейни.

Американская администрация наконец осознала, что происходит.

Но было уже слишком поздно.

Ещё в ноябре предыдущего года аятолла Хомейни создал Совет исламской революции, который после его возвращения стал активно руководить событиями.

Имамы пятничной молитвы в мечетях образовали ядро сторонников нового режима. Вокруг них формировались революционные комитеты — только в одном Тегеране их насчитывалось около 1 500.

Активисты создали собственную политическую организацию — Партию исламской революции, однако куда более эффективным инструментом власти стало формирование ополчения *Сепях* — «Стражей исламской революции».

Революционеры опасались, что без собственной вооружённой силы на улицах либо старая коммунистическая партия «Туде», либо правые военные совершат переворот.

Чтобы окончательно устранить такую возможность, Хомейни назначил «представителей имама», которым поручалось выявлять оппозиционеров в государственном аппарате и вооружённых силах.

Сторонников старого режима, не успевших покинуть страну, волокли в революционные суды, которые, как утверждалось, «родились из гнева иранского народа».

Врагов революции в ускоренном порядке признавали виновными либо в *мохаребе* — «ведении войны против Бога», либо в *мофсед фи-ль-ард* — «распространении нечестия на земле», после чего казнили.

Другие военизированные группировки — в том числе левоисламистские «Народные моджахеды Ирана» (МЕК) и федаины — первоначально выступали союзниками революции, но вскоре превратились в её непримиримых противников.

Революционные суды стали называть своих прежних союзников *монафекин* — «лицемерами», термином с отчётливо кораническим звучанием.

К концу того лета Сепях превратился в главную опору нового государства. Это была уже профессиональная сила численностью около 11 000 человек. Финансирование обеспечивалось за счёт конфискованного шахского Фонда Пехлеви, переименованного в *Боньяде мостазафан* — «Фонд обездоленных».

Сепях немедленно бросили на подавление курдского восстания, а также беспорядков среди других иранских меньшинств — арабов Хузестана, туркмен на северо-востоке и белуджей на юго-востоке.

Во внешней, публичной сфере жёсткую политическую суть исламской революции заслоняло временное правительство во главе с уважаемым учёным и сторонником демократических преобразований Мехди Базарганом.

На референдуме 31 марта революционный строй получил поддержку 98 % голосов.

Женщины сохранили право участвовать в референдуме и всех последующих выборах, однако реформа семейного законодательства, проведённая шахом в 1967 году и ограничивавшая некоторые традиционные исламские практики, была отменена.

Летом «Совету экспертов» поручили написать новую конституцию.

Из 73 экспертов 55 были шиитскими богословами.

Они создали поразительно сложную юридическую конструкцию Исламской Республики Иран, наполненную системой взаимных ограничений и противовесов, над которой возвышался принцип *веляяти факих* — «опеки исламского правоведа».

Роль аятоллы Хомейни как первого верховного правоведа трактовали по-разному: как временную меру для защиты революции, как новую разновидность конституционной монархии, как пожизненное исламское президентство, даруемое человеку благодаря его нравственным качествам, или же как тиранию, угнетение которой окажется в 10 раз тяжелее шахского.

Некоторые наиболее весомые критические голоса исходили от самих старших шиитских богословов.

Эззатолла Сахаби опасался, что духовенство неизбежно станет таким же продажным и корыстным, как любые другие политики, и утратит уважение, которое завоёвывало столетиями.

Аятолла Шариатмадари заметил:

— Похоже, мы просто переходим от одной монархии к другой.

Именно эта опасность — возможность союза умеренного шиитского духовенства с либеральными реформаторами — объясняет следующий манёвр Хомейни.

22 октября, когда изгнанный шах получил убежище в США, Хомейни потребовал вернуть в Иран «преступного свергнутого шаха», чтобы предать его суду, вернуть награбленные им богатства и добиться от Соединённых Штатов извинений.

Дело было не столько в желании мести, сколько в стремлении создать атмосферу конфронтации.

После этого Хомейни отправил Мехди Базаргана в Алжир на встречу со Збигневом Бжезинским — обсуждать закупку американских запасных частей для военной техники.

А дома тем временем, 4 ноября, радикально настроенные студенты захватили посольство США в Тегеране.

Хомейни приветствовал произошедшее, назвав его «второй революцией» против «шпионского логова».

Базарган был унижен и подал в отставку.¹

Сотрудников американского посольства с завязанными глазами и в наручниках превратили в пешек в тщательно поставленном аятоллой политическом спектакле, вошедшем в историю как «кризис американских заложников».

14 ноября правительство США заморозило иранские активы на сумму 11 млрд долларов и прекратило импорт иранской нефти.

Тем временем в Тегеране начали публиковать документы, захваченные в американском посольстве. Даже бумаги, пропущенные через уничтожители, терпеливо восстанавливали по клочкам.

Эти материалы не только раскрывали американские интриги — они одновременно компрометировали и иранских либералов.

Хомейни удалось создать именно ту атмосферу националистического возбуждения, которая обеспечила ему победу на конституционном референдуме 3 декабря.

Хомейни лучше кого бы то ни было знал, что американское посольство вовсе не было гнездом «ястребов».

Ещё до возвращения в страну он общался с послом США Уильямом Салливаном, прекрасно понимавшим, насколько широка поддержка аятоллы в Иране.

Впоследствии Салливан оказался едва ли не одним из спасителей Исламской революции, решительно отвергая идею военного переворота при поддержке США.

Иранцы, допрашивавшие 52 захваченных заложников, и сами с удивлением обнаружили, что в этом «пресловутом логове шпионажа» находились лишь 4 сотрудника, которых можно было уверенно связать с ЦРУ, причём ни один из них толком не владел персидским языком.

А затем американская администрация забила эффектный гол в собственные ворота.

¹ Базарган, ранее предлагавший назвать новое государство «Исламской Демократической Республикой», выступал против захвата посольства США и «взятия заложников». До 1984 года он оставался депутатом парламента и был резким критиком «террора, страха, мести и национального распада», которыми сопровождалось становление нового режима.

24 апреля 1980 года началась операция «Орлиный коготь».

8 вертолётов взлетели с палубы авианосца USS *Nimitz*, находившегося у побережья Омана.

Операция задумывалась в 2 этапа. Сначала требовалось создать передовую базу в безлюдной центральной пустыне Ирана. Оттуда отдохнувшие экипажи, дозаправив машины, должны были внезапно атаковать здание американского посольства в Тегеране и освободить заложников.

Чтобы не быть замеченными, вертолёты шли на предельно малой высоте над слабо заселённым прибрежным районом.

Но у 3 машин возникли технические неполадки, и операцию с неохотой решили отменить.

Однако вместо организованного отхода с секретной базы один вертолёт врезался в другой.

На земле остались 2 обгоревшие машины, пачка секретных документов и 9 тел.

Именно такого рода операции придавали убедительность радикальной исламистской пропаганде о заговорах США, внедрённых шпионах, тайных базах и скрытых вторжениях.

Через неделю против Ирана началась ещё одна тайная операция.

В Лондоне посольство Ирана захватили члены Революционного фронта освобождения Арабистана — Хузестана. Во время ночного штурма британского спецназа SAS были убиты все террористы, кроме одного.

Позднее выяснилось, что они въехали в Великобританию по иракским паспортам.

Спустя 3 месяца последовал заговор на базе Ноже — также при поддержке Ирака.

Заговорщики намеревались сначала разбомбить резиденцию Хомейни, а затем совершить военный переворот и вернуть к власти назначенного шахом премьер-министра Шапура Бахтияра.

Заговор был раскрыт.

300 человек арестовали, 144 казнили, а 4 500 были изгнаны из вооружённых сил.

Оба этих заговора почти наверняка получили одобрение Саддама Хусейна.

Формально президентом Ирака он стал лишь в июле 1979 года, но фактически контролировал страну ещё с переворота 1968 года, когда номинальным правителем сделали его пожилого родственника, генерала Ахмеда Хасана аль-Бакра.

Саддам Хусейн мог быть оппортунистом, задирой и бандитом, однако прежде всего он оставался убеждённым сторонником светской партии Баас — Партии арабского возрождения.

Он, возможно, мечтал возглавить арабский мир, но было бы ошибкой представлять его лидером суннитов в борьбе против шиитов.

Он также не стремился непременно уничтожить Исламскую революцию в Иране.

Его цель была гораздо более прагматичной: воспользоваться периодом хаоса и военной слабости Ирана, чтобы аннексировать населённый арабами богатый нефтью Хузестан.

Это несказанно обогатило бы Ирак и одновременно обеспечило бы ему широкий выход к Персидскому заливу.¹

Осенью на южной ирано-иракской границе начались перестрелки.

20 сентября 1980 года Ирак призвал резервистов и создал армию численностью 200 000 человек, сведённую в 12 дивизий.

22 сентября иракская авиация нанесла удары по 10 иранским авиабазам, а 4 войсковые колонны вторглись на юго-запад Ирана.

Это было ничем не спровоцированное нападение на соседнее государство, целью которого являлась аннексия богатого нефтью региона — или, если смотреть глазами баасистов, «возвращение утраченной провинции арабской родине».

Хомейни презрительно заявил:

— Ночью пришёл вор, бросил камешек — и убежал обратно домой.

Однако вторжение не было совершенно неожиданным.

Ещё при шахе генеральный штаб разработал подробный план действий именно на такой случай.

На рассвете 23 сентября 140 иранских самолётов нанесли ответный удар по базам ВВС Ирака, уничтожив на земле 20 самолётов.

В воздухе их дозаправляли неповоротливые самолёты-заправщики Boeing 707 и 747.

В последующие дни иранская авиация вновь и вновь наносила удары, а в октябре неожиданно атаковала авиабазу аль-Хуррия близ Мосула — с сокрушительным успехом.

¹ Все иракские руководители, независимо от политических и религиозных убеждений, стремились расширить выход страны к Персидскому заливу, который сегодня ограничен узким руслом Шатт-эль-Араба. Шатт-эль-Араб — яремная вена Ирака, а обеспечить её безопасность можно лишь путём захвата территории либо Кувейта, либо Ирана.

После этого около 2/3 иракской авиации было выведено в нейтральные арабские страны.

В октябре и ноябре 1980 года развернулось первое крупное сухопутное сражение — за Хорремшехр.

Для ирано-иракской войны это был свой Сталинград.

Уже в первой битве были уничтожены 100 иракских танков, а каждая сторона потеряла не менее 7 000 человек.

Но это оказалось лишь первым из череды сражений, которые ещё 8 лет будут раздирать регион.

В конце концов иранцам удалось вытеснить иракские войска на восток, к старой линии границы, заплатив за это чудовищную цену.

Сепаратисты сражались бок о бок с регулярной иранской армией, а рядом шли батальоны добровольцев-басиджей — «батальоны мучеников», которые порой строем вступали на минные поля, прокладывая дорогу регулярным войскам.

Когда иранцы, стремясь наказать агрессора, перенесли наступление на территорию Ирака, война превратилась в кровавый тупик.

Теперь уже иракцам пришлось доказывать свою стойкость, защищая собственную землю.

Невозможно понять природу Исламской Республики Иран и её руководства, не осознав масштаб жертв, принесённых в течение этой 8-летней войны.

Она была страшнее окопных боёв европейской войны 1914–1918 годов.

Среди выживших возникло спаянное кровью фронтовое братство и убеждение, что они обязаны павшим продолжить борьбу.

Иранцы ясно видели и другое: практически весь арабский мир поддерживал Ирак, предоставляя ему кредиты для закупки западного оружия, а Запад также стоял на стороне Багдада.

Это одиночество породило и у руководства Ирана, и у народа убеждение: выжить они смогут лишь благодаря собственным силам и собственной решимости.

Это чувство ещё более укрепилось после таких событий, как взрыв в Хафте-Тир 28 июня 1981 года.

Бомба взорвалась во время конференции Исламской республиканской партии, убив 70 её руководителей.

Ответственность возложили на «Моджахедин-е халк» — левую исламистскую революционную организацию, также известную как МКО.

В течение следующих 2 лет около 7 000 её членов были разысканы и казнены.

В 1988 году последовала судебная бойня: 5 000 заключённых МКО, содержавшихся в иранских тюрьмах, казнили после того, как моджахеды создали вооружённое формирование для борьбы на стороне Ирака.

В 1983 году были также разгромлены просоветские элементы иранской Коммунистической партии.¹

Война заставляла руководство Ирана вступать и в другие, на первый взгляд парадоксальные тактические союзы.

В 1960–1970-е годы вся иранская армия была оснащена вооружением США и Великобритании.

Теперь, чтобы получать запасные части и продолжать войну с Ираком, Исламской Республике приходилось торговать с тем самым «Большим сатаной».

Иранцы пользовались услугами многочисленных международных посредников, включая Чили и Аргентину, а также Израиль — «Малого сатану».

Особенно активно эта торговля шла в 1980–1983 годах, а после того как в ноябре 1986 года разразился скандал «Иран-контрас», вся история стала ещё запутаннее.

Тайная торговля оружием выглядела тем более невероятной, что Исламская Республика Иран — наряду с Сирией — была единственной мусульманской страной, активноотреагировавшей на израильское вторжение в Ливан.

6 июня 1982 года в южный Ливан вторглись 800 израильских танков и 60 000 солдат при поддержке морского десанта и авиаударов.

Не прошло и недели, как, несмотря на тяжёлое положение самого Ирана в войне с Ираком, около 1 000 бойцов Сеха переброшили по воздуху в долину Бекаа — обучать ливанцев.

Скорость и уверенность иранской реакции во многом объяснялись прочными личными связями между шиитскими учёными юго-восточного Ливана и Ирана.

Долина Бекаа на востоке Ливана и Джебель-Амил на юге относятся к древнейшим оплотам шиитской веры.

Именно отсюда арабские богословы в XVI веке принесли шиизм в сефевидский Иран.

Али Акбар Мохташами, разделявший изгнание Хомейни, в 1982–1986 годах занимал пост доверенного иранского посла в Сирии и руководил этой операцией.

1982 год можно считать и началом тесного союза между Сирией и Ираном — союза, который через 30 лет принесёт режиму Асада огромные дивиденды во время сирийской гражданской войны.

¹ В 1982 году советский разведчик Владимир Кузичкин перешёл на сторону британской разведки в Тегеране. Британцы решили поделиться полученной от него информацией с иранскими властями, что привело к аресту и казни сотен членов Коммунистической партии.

Возможно, Мохташами был причастен и к терактам смертников против французских и американских войск в Бейруте в 1983 году, которые эффективно помогли добиться вывода иностранных гарнизонов.

Операции осуществлял находившийся под сильным иранским влиянием «Исламский джихад».

Однако после того как шиитские богословы официально постановили, что самоубийственные взрывы противоречат исламу, иранские организации больше к этой тактике не прибегали.

Подобным образом иранское духовенство объявило применение отравляющих газов неисламским, поэтому иранская армия не отвечала тем же на применение химического оружия Ираком в 1983–1984 годах.

Позднее Мохташами стал министром внутренних дел Ирана.

Израильское вторжение 1982 года уничтожило ООП как вооружённую силу в Ливане, однако одновременно расчистило пространство для появления новой силы.

«Хезболла» — шиитское ополчение южного Ливана, обученное Ираном, — в 1990-е годы превратится в серьёзную военную организацию.

Она доказала способность противостоять израильской армии, а после ухода сирийских войск стала доминирующей силой на юге и востоке Ливана — и остаётся ею по сей день.

К июню 1982 года Саддам Хусейн отвёл все свои войска за старую иракскую границу.

Это был очевидный момент для перемирия.

Но иранское руководство к тому времени уже хотело уничтожить режим Хусейна.

Иранское наступление на Ирак в июле 1982 года — операция «Рамадан» — в следующем году продолжилось наступлениями «Фаджр».

Иранский режим начал открыто призывать к исламской революции в Ираке и набрал несколько тысяч иракских шиитов, чтобы те сражались в его рядах.

Этих бойцов вербовали в лагерях беженцев и военнопленных. Впоследствии они станут известны как бригада «Бадр».

Именно в эти годы исламский Ближний Восток ближе всего подошёл к широкомасштабному суннитско-шиитскому столкновению.

В 1982 году подразделения египетской и иорданской армий были отправлены в Ирак помогать своим арабским братьям, тогда как близкая к шиитам Сирия оставалась единственным открытым союзником Ирана.

В 1984–1985 годах война распространилась на города: Иран начал отвечать китайскими ракетами на обстрелы иракскими советскими ракетами.

В 1986 году иранцы предприняли решительную попытку овладеть районом Шатт-эль-Араб, проведя серию наступлений под общим названием «Кербела».

В 1986–1987 годах ожесточённая борьба выплеснулась в воды Персидского залива и приобрела опасно международный характер.

Иракские нефтяные танкеры начали маскироваться под кувейтские, чтобы избежать атак иранской авиации, а кувейтские суда стали ходить под советским флагом.

В мае 1987 года иракский самолёт по ошибке атаковал американский фрегат USS *Stark*.

А 3 июля 1987 года американский крейсер USS *Vincennes* сбил иранский пассажирский самолёт, выполнявший рейс 655 из Бендер-Аббаса в Дубай.

Американцы утверждали, что приняли лайнер за истребитель F-14.

Самолёт находился в иранских территориальных водах и следовал по хорошо известному гражданскому маршруту.

Погибли все 290 человек на борту.

К этому времени Иран оказался финансово истощён.

Экономика с момента революции сократилась более чем наполовину и всё сильнее зависела от нефти.

Но даже нефтяной экспорт был ограничен: Иран продавал всего около 3/5 того объёма нефти, который экспортировал Ирак.

По оценкам, из страны утекли капитальные активы на сумму 120 млрд долларов, а ещё 200 млрд были потрачены на войну.

Акбар Хашеми Рафсанджани — шиитский клирик, пользовавшийся доверием Хомейни и трижды сидевший в тюрьме САВАК, — был назначен заместителем военного министра и провёл переговоры о перемирии.

Хомейни сказал о принятии мира:

— Для меня это горше яда, но я выпиваю эту чашу яда ради Всевышнего и ради Его довольства.

И всё же возникает вопрос: исказила ли война с Ираком саму революцию?

Сделала ли она её более жестокой, более репрессивной и сильнее зависимой от командиров Стражей революции, прошедших все ступени военной иерархии за 8 кровавых лет?

Или, напротив, именно война спасла революцию, скрыв финансовые, экономические и административные провалы исламского правительства за стеной патриотического воодушевления?

Угроза со стороны иранской армии в любом случае исчезла: военные проявили себя героическими защитниками страны.

Левая оппозиция, напротив, была безжалостно уничтожена после того, как её борьба против режима позволила обвинить её в измене.

Любопытно задуматься: Хомейни, человек религии, правил всего 10 лет, и почти всё это десятилетие прошло под тенью войны и насильственной революции.

Шах и его отец, казалось бы, одержимые созданием мощной армии, управляли Ираном десятилетиями мира.

Если сегодня путешествовать по Ирану, повсюду — в каждой деревушке, в каждом селе, в каждом городе — увидишь кладбища мучеников, павших в войне с Ираком 1980–1988 годов.

Это была война добровольцев, призывников и резервистов.

Она коснулась всех.

Дело Рушди вновь показывает: Хомейни мало интересовался миром. Он был полон решимости заявить о себе как о всемирном лидере радикального ислама.

Как лаконично сказал он сам:

— Наш народ совершил революцию ради ислама, а не ради того, чтобы есть больше дынь.

Салман Рушди был довольно неожиданной мишенью для фетвы.

Левый критик истеблишмента и в Европе, и в США, он в своих книгах выступал против идеи культурного превосходства Запада — взгляд, вполне созвучный многим иранским интеллектуалам.

Более того, персидский перевод его романа *«Стыд»* 1983 года получил литературную премию жюри, назначенного исламским правительством Ирана.

На выход его следующей книги на английском — *«Сатанинских стихов»* — в самом Иране первоначально почти никто не обратил внимания.

Это был сложный роман с множеством вымышленных линий, сотнями намёков, аллюзий и иллюзий — и исламские отсылки в названии были лишь одной частью этого литературного лабиринта.

Но неожиданно роман стал причиной бурного негодования среди мусульман азиатского происхождения в Великобритании и Пакистане, осудивших его как «кощунственный».

Впоследствии книгу запретили в 13 странах со значительным мусульманским населением, включая Индию, Пакистан и Иран.

Хомейни понимал, что тема «сатанинских стихов» вряд ли будет поднята ваххабитскими богословами Саудовской Аравии: те опасались, что чрезмерное возвеличивание личности пророка Мухаммеда способно отвлечь верующих от абсолютного единобожия.

Таким образом, объявив фетву с приказом казнить Рушди, Хомейни смог поставить Иран во главе всемирной исламской кампании.

По сути, фетва стала актом внешней политики и беспощадным образцом *realpolitik*.

14 февраля 1989 года её текст прозвучал по радио:

«Воистину, мы принадлежим Аллаху, и к Нему мы возвратимся».

Я извещаю всех отважных мусульман мира, что автор *«Сатанинских стихов»* — произведения, написанного, отредактированного и опубликованного против ислама, Пророка ислама и Корана, — а также все редакторы и издатели, знавшие о содержании этой книги, приговорены к смерти.

Я призываю всех доблестных мусульман, где бы они ни находились, незамедлительно убить их, чтобы впредь никто не осмеливался оскорблять святыни мусульман.

И всякий, кто будет убит при исполнении этого дела, станет, если пожелает Аллах, мучеником.

Если же кто-либо имеет доступ к автору книги, но сам не способен исполнить приговор, пусть сообщит об этом другим людям, чтобы тот понёс наказание за свои деяния.

Заявление вызвало именно тот взрыв, на который рассчитывал Хомейни.

США и Великобритания, привыкшие указывать миру, как ему следует себя вести, что думать и как развиваться, были потрясены этим жестоким вызовом свободе слова.

Британия даже разорвала дипломатические отношения с Ираном.

Спустя 10 лет после Исламской революции Хомейни показывал миру, что по-прежнему остаётся её главным радикалом и смелым защитником всемирного ислама.

Он один осмеливался говорить Западу, чего тот делать не вправе.

К тому же Хомейни выбрал тему, способную найти отклик и среди суннитов, которые нередко считали, что шииты больше оплакивают трагическую судьбу имамов Али и Хусейна, чем чтят жизнь самого пророка Мухаммеда.

Тактически это сработало блестяще: раскол между Западом и исламским миром углубился.

Шум вокруг фетвы полностью заглушил достижение саудовско-пакистано-американского союза, благодаря которому афганское сопротивление смогло заставить советскую армию покинуть Афганистан спустя 10 лет после вторжения.

О выводе советских войск должны были официально объявить уже на следующий день.

Но теперь никто не хотел говорить об этом — весь мир обсуждал фетву.

После окончания войны и смерти Хомейни в июне 1989 года Рафсанджани начал выстраивать исламскую экономическую модель.

Государство должно было инвестировать в сельское хозяйство и обеспечивать справедливые цены — и фермеру, и покупателю.

Оно должно было владеть и управлять жизненно важными нефтяной и оборонной отраслями, а также поддерживать производство автомобилей и сельскохозяйственной техники.

Остальная экономика открывалась свободной торговле.

На протяжении мирных 1990-х Иран переживал бурный рост, а экономика ежегодно увеличивалась примерно на 8 %.

Строгая сегрегация мальчиков и девочек в начальных школах могла показаться реакционной мерой, навязанной духовенством, однако на практике она побудила многие сельские семьи разрешать дочерям ходить в школу.

Иран и прежде отличался высокой грамотностью городского населения.

Теперь образование распространилось и на провинции, и грамотность достигла примерно 80 % населения.

Как и в других странах исламского мира, произошёл бурный рост университетского образования, прежде всего благодаря независимым колледжам.

Несмотря на отдельные вспышки агрессивной риторики, внешняя политика Ирана постепенно становилась спокойнее.

Именно благодаря влиянию Тегерана 3 британских заложника в Ливане наконец были освобождены в 1990–1991 годах.

Иран не попытался воспользоваться в военных целях вторжением Ирака в Кувейт в 1990 году.

Он не вмешивался, когда США и их союзники освобождали Кувейт.

Не вмешался Иран и в 1991 году, когда шииты восстали против Саддама Хусейна, хотя в страну бежали 2 млн человек.

Не вмешивался он и тогда, когда США вторглись в Ирак, если не считать одного странного эпизода, когда почти вся иракская авиация, спасаясь от уничтожения на земле, перелетела в Иран.

В афганской гражданской войне, начавшейся после ухода советских войск, влияние Ирана носило скорее конструктивный характер.

Тегеран поддерживал таджикское сопротивление Ахмад Шаха Масуда и узбекский Северный альянс против поддерживаемого Пакистаном Талибана.

Иранцы были возмущены отношением талибов к коренным жителям центрального Афганистана — хазарейцам, которых преследовали за шиитскую веру.

В августе 1998 года талибы убили 11 иранцев из консульства в Мазари-Шарифе вместе с их шиитскими единоверцами.

Инцидент едва не привёл к войне.

Поэтому вполне естественно, что аятолла Хаменеи — преемник Хомейни на посту Верховного руководителя — и президент Мохаммад Хатами самым решительным образом осудили ужасающие события 11 сентября 2001 года.

Впоследствии Иран разрешил США использовать своё воздушное пространство при вторжении в Афганистан, контролируемый Талибаном, и в определённой степени помог операции, используя собственное влияние на севере и в центре страны.

Поэтому, когда 29 января 2002 года президент Джордж Буш включил Иран в свою «ось зла», в Тегеране это восприняли как неожиданную и публичную пощёчину.

Что заставило Буша сделать такой риторический выбор — возможно, желание угодить саудовцам, — до сих пор не вполне ясно.

Впрочем, монополии на глупых президентов у США не было.

В 2005 году Иран избрал президентом бывшего мэра Тегерана Махмуда Ахмадинежада.

Он как нельзя лучше представлял перед миром грубую, силовую сторону Сепаша и его квартальных патрулей, следивших за соблюдением общественной религиозности.

Организованная им конференция отрицателей Холокоста вызвала порицание даже со стороны иранского парламента на закрытом заседании.

Его первая победа — бедный человек в плохо сидящем костюме против богатого и прекрасно связанного Рафсанджани — вероятно, действительно была честной.

Но вторые выборы в 2009 году, скорее всего, были сфальсифицированы режимом.

Исламская Республика оказалась на грани гражданского конфликта: сотни тысяч разочарованных граждан вышли на улицы, породив движение, получившее названия «Зелёное движение» и «Персидская весна».

Абсолютного предела конфронтация достигла 11–14 февраля, когда режим автобусами свозил в Тегеран тысячи басиджей из провинциальных городов, чтобы противопоставить их демонстрантам.

В Сирии в 2011 году сходная эскалация превратит Арабскую весну в гражданскую войну.

Иран избежал этой участи буквально на волосок.

Но после этих событий аятолла Хаменеи уже не мог изображать беспристрастного верховного арбитра: стало ясно, что он является неотъемлемой частью *незам* — самой системы.

В июне 2013 года Хасан Роухани, юрист из истеблишмента, набравший чуть более 50 % голосов, смог приоткрыть дверь для осторожного реформирования системы изнутри.

Роухани занимал пост президента 3 срока, но его полномочия оставались ограниченными, а всё его правление проходило под знаком санкций, введённых США и их союзниками из-за ядерной программы Ирана.

Любопытно, почему именно этот вопрос стал таким страшилищем международной политики.

В 1970-е годы шах пользовался полной поддержкой США и Европы при создании сети из 23 атомных электростанций, которая в перспективе могла превратить Иран в экспортёра электроэнергии.

Но революция сорвала эту программу, а воздушная война периода ирано-иракского конфликта сделала её ещё и опасной.

Только после окончания войны строительство удалось продолжить при открытой помощи иностранных технических компаний из Франции, Аргентины, Германии и России.

Энергоблок в Бушере начали строить ещё в 1995 году, однако фактически он заработал лишь в 2011-м.

Тем временем мир узнал, что Иран намерен не импортировать всё ядерное топливо, а самостоятельно производить обогащённый уран на объекте в Натанзе.

Из-за появления такой ядерной инфраструктуры, начиная с 2006 года, по инициативе США против Ирана вводились торговые санкции.

При этом и аятолла Хомейни, и затем нынешний Верховный руководитель аятолла Хаменеи неоднократно заявляли, что ядерное оружие, не делающее различия между военными и гражданскими целями, противоречит фундаментальным принципам и практике ислама.

Аналогичную позицию они занимали в отношении отравляющих газов и террористов-смертников.

Но суть проблемы, конечно, в другом.

Иран остаётся Исламской Республикой — и шиитской державой, противостоящей союзникам Запада в Саудовской Аравии и странах Залива.

Пока вся реальная политическая власть сосредоточена в руках аятолл.

Но у Ирана есть конституция и выборы, и, быть может, однажды народ действительно сможет сам выбирать своё руководство.

Иран — подлинная великая держава Ближнего Востока: по численности населения — 86 млн человек — он уступает в регионе лишь Египту, располагая вторыми по величине запасами природного газа и четвертыми по величине запасами нефти в мире.

Если говорить о влиянии, иранское руководство проводило медленную, но поразительно эффективную внешнюю политику.

В 1979 году Иран был одинокой шиитской державой.

Сегодня он стоит во главе системы союзов, охватывающей Ирак, Сирию, южный Ливан, Газу и северный Йемен, а дружба с Россией и Китаем уравнивает противодействие США и Израиля.

Иран — единственное исламское государство, готовое оказывать военную поддержку угнетённым палестинцам.

Глава 19

Мятеж в Мекке

Восстание 1979 года, возвращение к ваххабизму и реформы MBS в XXI веке

На протяжении большей части XX века правители Саудовской Аравии полагали, что наиболее вероятная угроза их власти исходит от недовольных принцев.

Поэтому, когда в сентябре 1979 года полиция сообщила о распространении листовок с призывами свергнуть деспотичных правителей, изгнать всех иностранцев и вернуться к чистоте ислама, власти не сочли это серьёзной угрозой безопасности.

А затем, в первый день мусульманского 1400 года — 20 ноября 1979 года — около 500 вооружённых бойцов незаметно проникли в мечеть вокруг Каабы в центре Мекки.

Их возглавлял мятежный солдат Джухайман аль-Утайби.

Группа объявила себя «Движением мусульманской революции Аравийского полуострова».

Революционеры требовали положить конец правлению «пьяниц, ведущих развратную жизнь в роскошных дворцах», уничтожить угнетение, коррупцию и взяточничество и вернуть мусульманскую общину к «золотому веку первого столетия сподвижников».

Они были хорошо вооружены и прекрасно обучены: многие прежде служили вместе с аль-Утайби в Национальной гвардии.

Сам аль-Утайби происходил из одного из традиционных поселений-хиджр, созданных ихванами, а его отец воевал вместе со своими соплеменниками в битве при Сабиле в 1929 году.

Аль-Утайби был искренне религиозным молодым человеком. Он изучал Коран и хадисы, советовался с богословами и организовывал небольшие учебные кружки со студентами Исламского университета.

Он даже консультировался с шейхом Ибн Базом — самым авторитетным исламским богословом Саудовской Аравии.

Наследный принц Фахд — «господин Модернизация» — в момент нападения находился в Тунисе.

Принц Абдалла, командующий Национальной гвардией, был в Марокко.

Первая попытка подавить мятежников силами 100 вооружённых сотрудников Министерства внутренних дел окончилась унижительным поражением: стрелки, засевшие на минаретах, без труда отбили атаку.

После этого правительственные силы эвакуировали Мекку и в течение следующих 2 недель неоднократно пытались захватить мечеть.

Режим быстро обнаружил неприятную истину: далеко не все люди, получавшие от государства жалованье, были готовы умереть, защищая монархию.

Выяснилось также, что среди населения — и даже среди духовенства самого саудовского режима — существовала определённая эмоциональная симпатия к этим молодым непреклонным мятежникам.

Вооружённые повстанцы всё ещё удерживали Священную мечеть, когда наступил месяц мухаррам.

Шииты восточных провинций Саудовской Аравии, воодушевлённые примером единоверцев в Иране, решили выйти на улицы с процессиями Ашуры.

В этой предельно напряжённой обстановке Саудовская национальная гвардия атаковала одну из процессий дубинками.

Шииты стали защищаться камнями, после чего нервные гвардейцы открыли огонь.

17 человек погибли, ещё около 100 были ранены.

Тегеранское радио заявило:

— Правящий режим Саудовской Аравии носит мусульманскую одежду, но внутри воплощает американское тело, американский разум и американский терроризм.

Это не было прямым призывом к революции.

Но в той тревожной обстановке Саудовская Аравия никогда этого не забыла и не простила.

Лидер саудовской шиитской общины шейх Хасан ас-Саффар, последовательно проповедовавший ненасилие, счёл необходимым бежать из Королевства.

У саудовских шиитов действительно имелись веские причины для недовольства.

Им практически не давали достойных должностей ни в армии, ни в полиции, ни в гражданской администрации.

Им не позволяли служить в дипломатическом корпусе и обучаться на военных лётчиков.

Зато они были широко представлены на самых тяжёлых работах в саудовской нефтяной промышленности.

Официально около 45 % населения востока Саудовской Аравии составляют шииты, а в некоторых местах, например Катифе, их доля достигает 75 %.

В Мекке мятежники превратили обширные подземные помещения мечети вокруг Каабы в крепость.

Саудовское правительство не хотело повреждать мечеть.

И уж тем более не хотело, чтобы это кто-либо снял на плёнку.

Кадры, на которых саудовская армия атакует Каабу, немедленно поставили бы королевскую семью в один ряд со всеми ненавидимым Язидом — вторым халифом Омейядов.

Окончательно сломить сопротивление удалось лишь после того, как в подвалы закачали усыпляющий газ — по технической рекомендации французских специалистов по борьбе с терроризмом, — а саудовские силы были усилены несколькими батальонами пакистанского спецназа.

Аль-Утайби захватили живым.

9 января 1980 года его и ещё 62 мятежников обезглавили публично на площадях 8 различных городов.

Казнив аль-Утайби, саудовский режим пришёл к парадоксальному выводу: чтобы сохранить власть, следует принять значительную часть исламистской программы самого мятежника.

Все модернизационные реформы предыдущего десятилетия сначала остановили, а затем начали обращать вспять.

Женщин-дикторов убрали с телевидения.

Певиц заставили носить покрывала, а затем и вовсе исчезли все музыкальные выступления на государственных каналах.

Кинотеатры закрылись.

В университетах курсы естественных наук, геологии и всемирной истории стали заменять историей ислама и изучением Корана.

Одновременно наследники местных комитетов Ибн Сауда «по поощрению добродетели и предотвращению порока» — пуританская *мутава* — получили гораздо больше власти.

В торговых центрах её представители начали проверять удостоверения личности у семейных пар, чтобы убедиться, что мужчина и женщина не отправились вместе на «безнравственную прогулку».

Поскольку большинство женщин Центральной Аравии сохраняют девичьи фамилии, семейным парам пришлось постоянно носить с собой копию свидетельства о браке.

В Рамадан религиозная полиция проверяла даже кондитерские.

Пуританская подозрительность дошла до того, что в кофейни предлагалось допускать лишь мужчин старше 21 года — дабы младшие не развратились от нескромных разговоров старших.

При этом в Саудовской Аравии никогда не существовало формального закона, запрещавшего женщинам водить автомобиль или посещать спортивные мероприятия.

Не существовало и закона, устанавливавшего точную длину хиджаба.

Вопросы общественной нравственности просто были отданы на усмотрение мутавы.

Её часто переводят как «религиозная полиция», хотя подобное название несколько преувеличивает уровень грамотности и профессиональной подготовки её сотрудников.

Советское вторжение в Афганистан в конце 1979 года стало подарком для осаждённого проблемами королевского режима.

Власти стали поощрять новое поколение ревностных молодых саудовских исламистов ехать в Афганистан помогать моджахедам или отправляться в Пакистан — читать лекции беженцам в палаточных лагерях.

Пятничные проповеди в Королевстве теперь могли сосредоточиться на жестокостях коммунистов и сборе средств для бедствующих мусульманских общин — будь то палестинцы, афганцы, боснийцы, кашмирцы или болгары.

В течение следующих 10 лет существовал эффективный союз между США, Саудовской Аравией и Пакистаном, подпитываемый страданиями народа Афганистана.

Саудовская Аравия и США оказались на одной стороне и в ирано-иракской войне, а после вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году их связь стала ещё теснее.

Однако наращивание американского военного присутствия на востоке Саудовской Аравии в рамках подготовки к «освобождению» Кувейта ужаснуло молодых саудовских исламистов, которые начали возвращаться домой после ухода последних советских войск из Афганистана в 1989 году.

Усама бен Ладен, организатор терактов 11 сентября против США, был типичным представителем этого поколения.

Трагические события 11 сентября 2001 года обнажили внутреннее противоречие, издавна существовавшее в самом сердце Саудовской Аравии.

Страна всегда пыталась сочетать страстную воинственность мусульманских бедуинов с покорностью наследственной монархии.

Одновременно она стремилась стать ведущей мусульманской державой, оставаясь при этом союзником США.

То, что среди террористов 11 сентября были арабы, само по себе неудивительно.

Но то, что 15 из 19 угонщиков оказались гражданами Саудовской Аравии, выглядело пугающе.

И 11 сентября было лишь самым драматическим эпизодом более длительной истории конфликта, включавшей террористические кампании внутри Саудовской Аравии в 1995, 2003 и 2004 годах.

В 2003–2005 годах на улицах страны фактически шла война между службами безопасности и исламистскими боевиками, называвшими себя «Аль-Каидой».

Террористы нанесли около 200 потерь, а службы безопасности произвели примерно 600 арестов.

Именно саудовское пропагандистское ведомство сочло необходимым сочинить и распространять часть конспирологических теорий о 11 сентября — псевдонаучные слухи о внутренних взрывах в башнях-близнецах или о том, будто сотрудников ЦРУ и евреев-офисных работников внезапно отпустили в тот день с работы.

Так пытались отвести часть подозрений от Королевства.

Однако в марте 2002 года произошёл эпизод, который теперь рассматривается как поворотный момент во внутренней политике Саудовской Аравии.

В школе для девочек в Мекке вспыхнул пожар.

Представители мутавы не только не позволили пожарным-мужчинам войти в школу, но и загоняли учениц обратно в горящее здание, потому что те были «недостаточно прилично одеты» для появления в общественном месте.

50 учениц получили ранения.

15 девочек сгорели заживо.

Репутация мутавы была сокрушена.

Принц Абдалла, один из многочисленных сыновей Ибн Сауда, был главной политической фигурой Саудовской Аравии с 1995 по 2015 год.

Сначала он являлся реальной силой за тронем своего единокровного брата короля Фахда, а с 2005 года правил уже сам.

В молодости Абдалла командовал Национальной гвардией, подразделения которой были разбросаны по всей стране и набирали солдат из всех племён.

Эта служба дала ему гораздо более глубокое понимание традиционного саудовского общества, чем его образованным и светским братьям.

Именно поэтому он набрался уверенности и начал осторожное превращение Саудовской Аравии из исламистской теократии в арабское национальное государство.

Он постепенно подчинял своему контролю религиозную полицию и ваххабитских улемов, одновременно очень осторожно расширяя роль женщин и технократов, не принадлежавших к королевской семье.

Абдалла сохранял традиционную саудовскую внешнюю политику: крепкий союз с США и тесное взаимопонимание с Пакистаном — суннитской державой, обладающей реальной военной силой и способной в любой момент прийти Королевству на помощь.

Тесный союз с Пакистаном давал королю Абдалле полезный географический противовес в противостоянии с Ираном.

Абдалла рассматривал Палестину и Ливан как части Великой Аравии и противился влиянию Ирана в этих регионах едва ли не столько же из-за его персидской идентичности, сколько из-за шиитской веры.

Ему не нравились связи Ирана с ХАМАС, а тесный союз Тегерана с «Хезболлой» в Ливане приводил его в ярость.

При этом он, казалось, не замечал, что и ХАМАС, и «Хезболла» добились популярности и влияния именно потому, что последовательно противостояли Израилю.

С точки зрения Абдаллы, иранское влияние на арабском Ближнем Востоке непрерывно расширялось, образуя «шиитский полумесяц» — выражение, которое употреблял и его тёзка, король Иордании Абдалла.

Когда в 2011 году вспыхнула Арабская весна, саудовская монархия имела все основания опасаться за своё будущее.

Сначала пал президент Туниса Бен Али.

Затем президент Египта Мубарак.

Потом режим полковника Каддафи в Ливии.

После этого разгорелась гражданская война в Сирии.

И потому поразительно, что стабильность Саудовской Аравии почти не оказалась под угрозой.

Одно из объяснений заключается в том, что страна словно физически приспособлена против уличной революции.

Здесь нет большой городской площади, нет старинной сетки улиц, куда могли бы стекаться колонны протестующих.

Это страна автомобилей, автострад и торговых центров.

Появление настоящей народной демократии в Саудовской Аравии выявило бы потенциальную силу арабского шиитского населения, живущего вдоль всего побережья Персидского залива.

Любое его политическое самоутверждение угрожало бы монополии правящих семей Саудовской Аравии и эмиратов Залива.

Когда протесты Арабской весны достигли островного Бахрейна — государства, где около 60 % населения составляют шииты, но власть принадлежит авторитарному суннитскому эмиру, — король Абдалла поддержал своего соседа аль-Халифу и помог подавить выступления.

После 3 дней уличных протестов палаточный лагерь демонстрантов был уничтожен.

В ночь, вошедшую в историю как «Чёрный четверг», 50 бронемашин атаковали протестующих.

300 человек получили ранения.

4 погибли.

В последовавшей кампании репрессий были разрушены 50 шиитских мечетей, а эмират заняли вооружённые силы Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ — вновь усиленные белуджскими подразделениями из Пакистана.

Это стало убедительной демонстрацией того, как клуб суннитских королевских автократов способен объединиться для подавления требований демократии и свободы.

Наиболее резко эту операцию осудили Иран и Турция — гораздо решительнее любой из западных держав.

Но революционные перемены в самой Саудовской Аравии пришли совсем с другой, неожиданной стороны.

В 2015 году король Абдалла умер, и трон унаследовал его единокровный брат принц Салман — последний остававшийся в живых сын Ибн Сауда.

У короля Салмана было много детей от 3 жён, однако особое влияние на него приобрёл один из младших сыновей — принц Мухаммед бин Салман.

В возрасте 24 лет MBS, как его стали называть, превратился в главного политического советника отца.¹

Заклучив тактический союз с бин Найефом — принцем, контролировавшим Министерство внутренних дел, — старый король и его напористый сын начали буквально разрывать традиционную ткань Королевства.

Княжеские династии, десятилетиями управлявшие министерствами словно феодальными герцогствами, были отстранены от власти.

MBS сосредоточил под своим контролем военную, экономическую и силовую сферы.

Обойдя старших братьев и сотни более опытных кузенов, он всего за 2 с небольшим года осуществил впечатляющую серию давно назревших социальных реформ.

Женщинам разрешили водить автомобиль и посещать спортивные матчи.

Начали проводиться публичные концерты с участием певиц.

Появились сети книжных магазинов и кинотеатров.

Правовая роль мужчин как «общественных опекунов» своих родственников была ослаблена.

Социальная тирания мутавы — местной милиции и религиозной полиции — закончилась.

¹ Обозначение **MBS** было сознательной отсылкой к политическому образцу наследного принца — Мухаммеду бин Заиду Аль Нахайяну, известному как **MBZ**, модернизатору и реформатору из Объединённых Арабских Эмиратов.

Как заявил сам MBS:

— Мы хотим вернуться к тому, чем были прежде: к умеренному исламу. Саудовская Аравия не была такой до 1979 года.

Но одной социальной либерализацией MBS не ограничился.

Были приняты новые иммиграционные законы и задуманы новые экономические зоны.

А 4 ноября 2017 года MBS начал антикоррупционную кампанию, в ходе которой были задержаны 500 прежде неприкасаемых представителей саудовской элиты.

Их держали в роскошном отеле до тех пор, пока государству не удалось вернуть сотни миллиардов долларов коррупционных доходов.

Однако социальные, экономические и финансовые реформы не сопровождались политическими преобразованиями.

MBS, возможно, мыслит свободно, но одновременно остаётся автократом, воспитанным в сознании княжеской вседозволенности.

Весь мир увидел, насколько опасной может быть эта смесь, после убийства саудовского журналиста-эмигранта Джамаля Хашогги, известного критическими высказываниями.

Его заманили в саудовское консульство в Стамбуле, убили, а тело расчленили.

Этот эпизод на какое-то время превратил MBS в изгоя на Западе.

Однако, если смотреть на произошедшее сквозь призму замкнутых дворцовых традиций Саудовской Аравии, событие уже не кажется совершенно невероятным или даже особенно неожиданным.

Дед Джамаля Хашогги был доверенным врачом Ибн Сауда, а его дядя — знаменитым богатым саудовским торговцем оружием и посредником.

Большую часть жизни самого Хашогги воспринимали как человека внутри системы.

Он занимал руководящие должности в СМИ и, вероятно, был связан с разведывательной работой.

Поэтому вполне возможно, что представители саудовских спецслужб воспринимали его как вышедшего из-под контроля бывшего сотрудника — если не потенциального предателя.

И всё же MBS остаётся очень популярным среди молодых саудовцев.

После десятилетий одних лишь благих намерений они ценят стремительный темп социальных реформ.

Они гордятся и новой ролью Саудовской Аравии в мировом спорте.

Страна фактически купила профессиональный гольф, взяв под контроль американский PGA Tour, а теперь обращает внимание на мировой футбол,

используя кажущиеся безграничными средства своего Государственного инвестиционного фонда.

Чтобы обеспечить политическую устойчивость в будущем, MBS необходимо создать сильную саудовскую националистическую идею, способную заменить разрушенный им старый союз монархии с исламистскими воинами-ихванами и ваххабитскими богословами.

Если реформы ослабнут, эти силы ещё могут попытаться нанести ответный удар.

А среди королевских кузенов достаточно разочарованных людей, готовых им помочь.

Этой реальности вполне достаточно, чтобы объяснить высокомерные и жестокие поступки новейшей внешней политики Саудовской Аравии: военную интервенцию в контролируемый хуситами Йемен и искусственно созданный «катарский кризис», когда Доху пытались запугать и заставить покорно встроиться в саудовский лагерь — вместо того чтобы заигрывать с Турцией, Ираном, Талибаном и «Братьями-мусульманами».

Был и так называемый «ливанский кризис», когда MBS, по всей видимости, насильно удерживал премьер-министра Ливана Саада Харири, пытаясь диктовать ему условия политических союзов внутри страны.

MBS хотел, чтобы такой суннитский лидер, как Харири, рано или поздно отказался от политического перемирия с шиитской «Хезболлой» — союзницей Ирана.

Саудовская Аравия вложила огромные средства в восстановление разрушенного гражданской войной Ливана и теперь ожидала подобной политической платы.

С саудовской точки зрения все эти властные действия вполне объяснимы.

Они направлены против режимов, имеющих культурную симпатию, военный союз или иную предполагаемую связь с Ираном.

MBS сознательно усиливает это напряжение, стремясь получить роль лидера арабов.

Он хочет создать объединение государств, которые будут стоять плечом к плечу под руководством Саудовской Аравии.

На одном уровне вражда с шиитским Ираном — всего лишь инструмент для построения неких «Соединённых Штатов Аравии».

Но у неё есть и внутренняя логика.

В Эр-Рияде всегда опасаются, что шиитское население побережья Персидского залива однажды потребует политических прав — особенно если демократические свободы позволят этому трудолюбивому и угнетённому меньшинству открыто заявить о себе.

Будущее Саудовской Аравии выглядит тревожным, но чрезвычайно интересным.

МБС — как, впрочем, и любой другой саудовский правитель — понимает, что соперничество суннитской Аравии и шиитского Ирана является мощной политической реальностью и им можно манипулировать.

Большинство его предшественников делали то же самое.

Они поддерживали Ирак в кровавой ирано-иракской войне.

Возможно, это противостояние стояло и за туманным эпизодом 1987 года, когда во время хаджа в Мекке погибли 300 иранских шиитских паломников.

В историческом сознании шиитов подавление Арабской весны в Бахрейне в феврале 2011 года выглядело лишь очередным повторением трагедии Кербелы.

Казнь одного из наиболее влиятельных саудовских шиитских богословов — Нимра Бакира ан-Нимра — в первый день 2016 года добавила к шиитской памяти кровь ещё одного святого мученика.

Ан-Нимр был резким, но образованным руководителем пятничной молитвы в родном городе аль-Авамия на востоке Саудовской Аравии, где его семья занималась земледелием.

Богословское образование он получил в Сирии и Иране у умеренных наставников.

Он критиковал автократию, где бы она ни существовала: в дружественной шиитам Сирии, в Бахрейне или в самой Саудовской Аравии.

Он выступал за свободные выборы.

По всей видимости, решающим поводом для смертного приговора стала его мысль о том, что восточные провинции Саудовской Аравии имеют такое же право призвать иностранное вмешательство ради собственного освобождения, какое некогда имел Кувейт.

Суд приговорил его к смерти за «стремление к иностранному вмешательству» и «неповиновение правителям».

Несмотря на международную кампанию, проводившуюся через ООН и Amnesty International, 1 января 2016 года его обезглавили вместе с 46 другими приговорёнными.

Тело семье не отдали.

Весть о казни вызвала беспорядки по всему шиитскому миру.

Великая Аравия теоретически могла бы стать силой стабильности в регионе и, возможно, даже проявить большую терпимость к различным верованиям и этническим группам, чем небольшое и более уязвимое государство.

Даже беглый взгляд на историю Саудовской Аравии показывает, насколько близко её правители уже 2 раза за последние 200 лет подходили к созданию подобного объединения — в 1803 году и в 1922–1926 годах.

Но в процессе построения такого государства возникает опасность новой ирано-арабской войны — за истерзанный предыдущими конфликтами Ирак и стратегически важные воды Персидского залива.

Глава 20

Афганские джихадисты

*Советское вторжение 1979 года, американская война после 11 сентября и
возвышение, падение и новое возвращение Талибана*

Афганистан, запёртый среди гор Центральной Азии, никогда не считался частью Ближнего Востока. Однако после советского вторжения 1979 года, а затем прихода американцев и их союзников после 11 сентября он превратился в поле битвы, куда оказалась втянута едва ли не половина мира.

На протяжении более чем 4 десятилетий горцы Афганистана, облачённые в длиннополые *шальвар-камизы* и читральские шапки, сражались против сверхдержав, вооружённых танками, боевыми вертолётами, беспилотниками и высокоточным оружием. Эти войны унесли жизни и искалечили более полумиллиона человек, а 5 миллионов афганцев превратили в беженцев.

Но происходившее никогда не сводилось к простой схеме: будто сначала русская военная агрессия пыталась навязать коммунизм покорённому народу, а затем Америка столь же нежеланную либеральную демократию — традиционному мусульманскому горному обществу. Все эти конфликты начинались на фоне афганской гражданской войны.

Первый этап иностранного вмешательства начался в 1979 году, когда русские вмешались в раскол между 2 фракциями Афганской коммунистической партии — *Хальк* и *Парчам*. При поддержке советской 40-й армии власть перешла к более умеренной из 2 фракций Компартии Афганистана.

Она контролировала крупные города и располагала армией численностью до 40 000 афганских военнослужащих. Днём правительство удерживало все главные дороги и важнейшие долины. Ночью они переходили под власть сопротивления, бойцы которого считали себя вправе нападать не только на военные гарнизоны, но и на любые учреждения правительства — полицейские участки, школы, электростанции и промышленные объекты.

Через несколько лет более либерально настроенный, предприимчивый средний класс бежал из малых городов и посёлков Афганистана — кто в сравнительно безопасный Кабул, кто в соседний Иран или Пакистан.

На земле остались главным образом полуграмотные крестьяне, всё крепче цеплявшиеся за неизменные основы жизни: ислам, племя и традицию.

Горы — а это около 80 % территории Афганистана — фактически находились в руках сопротивления, моджахедов, которые продолжали борьбу, несмотря на полное превосходство русских в воздухе.

Пакистанская граница служила главной зоной снабжения моджахедов.

Разбросанные вдоль границы лагеря беженцев позволяли раненым бойцам оправляться от ран и одновременно укрывали их семьи, пока мужчины воевали. Однако маршруты снабжения и лагеря стали также ареной афганских междоусобиц: 14 соперничавших между собой группировок воевали против афганских коммунистов и их советских союзников, а временами — и друг против друга.

Деньги потоком шли из США, Саудовской Аравии, государств Персидского залива и Европы. Добровольцы из арабского мира приезжали, чтобы работать в больницах, лагерях беженцев и сиротских приютах, а также организовывать доставку военной помощи.

С 1980 по 1985 год советская армия вела наступательные операции.

Предпринимались попытки перерезать маршруты поставки оружия из Пакистана и выбить моджахедов из таких стратегически важных долин, как Панджшер, контролировавший главную дорогу, ведущую из Кабула на север.

Численность советских войск никогда не превышала 108 000 человек, однако из-за длительности войны и постоянной ротации частей службу в Афганистане успели пройти свыше 400 000 молодых людей. Из них 14 453 погибли, 53 000 получили ранения.

В 1986 году произошли 2 события, изменившие характер войны.

Михаил Горбачёв стал руководителем Советского Союза и решил вывести войска из Афганистана, а моджахеды получили переносные зенитные ракеты *Stinger*.

Тактическое превосходство советской авиации оказалось нарушено: за несколько лет партизанской войны были уничтожены 35 самолётов и 63 вертолёт.

В 1988–1989 годах советская армия покинула Афганистан.

К удивлению большинства наблюдателей, афганский коммунистический режим сумел сохранить контроль над городами и основными дорогами.

Афганская тайная полиция — ХАД — создала в провинциях собственные ополчения и заключила ряд соглашений, признававших власть племенных вождей.

Окончательный крах режима произошёл только весной 1992 года, уже после распада самого Советского Союза, когда новый российский лидер Борис Ельцин прекратил последние остатки экономической помощи афганскому правительству.

Решающим поворотом стал март 1992 года, когда генерал Дустум, военачальник, контролировавший населённую узбеками северную треть страны, покинул режим и присоединился к союзу моджахедов.

4 года после ухода русских прошли в жестокой гражданской войне: около полудюжины соперничающих армий моджахедов сражались друг с другом за власть.

Кабул, до того чудом уцелевший, был опустошён.

То было безжалостное и унылое время, когда союзы между полевыми командирами менялись внезапно и непредсказуемо.

Это уже не был джихад — священная война.

Годы гражданской войны оказались ещё разрушительнее, чем 10-летнее сопротивление: оружие, полученное для борьбы с советским вторжением или захваченное в правительственных арсеналах, теперь было обращено против самих афганцев.

Местные полевые командиры, лишившись внешнего врага, предстали во всей своей неприглядности — как своенравные, алчные бандиты, державшие власть на незаконных поборах, блокпостах и насилии.

Конец этой гражданской войне в конце концов положил Талибан, впервые заявивший о себе летом 1994 года.

Его триумф можно понять лишь как реакцию на предшествующий период анархии: сельские советы мусульманских духовных лиц, среди которых было немало уважаемых ветеранов войны, начали объединяться, предлагая альтернативу власти хищных людей с оружием.

Первым городом, павшим перед Талибаном — или, в глазах многих жителей, освобождённым им, — стал Кандагар в ноябре 1994 года.

За 2 месяца талибы подчинили себе 12 из 28 провинций Афганистана, а к сентябрю 1996 года с боями вошли в Кабул.

Празднуя победу, они вытащили бывшего коммунистического лидера Мохаммада Наджибуллу из убежища на территории представительства ООН и расстреляли.

Первоначально ополчение Талибана состояло примерно из 15 000 молодых сирот войны, не связанных ни племенной верностью, ни обязательствами перед какой-либо из группировок моджахедов.

В определённом смысле они создали единую пуштунскую идентичность, освобождённую от племенного соперничества и традиционных феодальных структур.

Большинство этих сирот выросли в медресе — исламских школах, созданных возле лагерей беженцев и нередко финансировавшихся деобандийцами, суннитским движением исламского возрождения.¹

¹ **Деобандийцы.** Автор связывает их истоки с последователями индийского мусульманского мыслителя Шаха Валиуллаха Дехлеви (1703–1762), современника Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. Движение подчёркивает религиозную чистоту и

Талибы признавали своим предводителем муллу Омара. Именно в Кандагаре молодые воины впервые провозгласили его эмиром и символически облачили в плащ пророка Мухаммада, хранившийся в святилище возле мечети.

Выросшие среди войны и страданий, талибы с воодушевлением приняли роль священных воинов джихада.

Их идеалом было несколько наивное и упрощённое возвращение ко временам первой общины верующих.

Телевидение, музыка, изображения и кино были запрещены — на том основании, что они не упомянуты в Коране, — зато автоматы, мобильные телефоны и моторизованные джипы принимались с явным удовольствием.

Женщин заставляли полностью закрываться, мужчинам предписывали отращивать бороды и избегать общения с немусульманами.

Талибан прославился публичными казнями и уничтожением того, что считал идолами.

Во многом талибы напоминали священных воинов-ихванов, сыгравших в 1920-е годы ключевую роль в создании Саудовской Аравии.

При этом немногие из их порядков серьёзно нарушали традиционный уклад и привычную бедность сельской жизни.

Крестьяне разделяли с талибами глубокое недоверие к коррупции и административному высокомерию, которые ассоциировались у них с городами.

В первый период правления Талибана в 1990-е годы его законным правительством признали только 3 государства: Саудовская Аравия, Пакистан и Объединённые Арабские Эмираты.

Талибам так и не удалось уничтожить власть Ахмада Масуда, лидера таджикского сопротивления в Панджшерской долине.

Для его убийства им потребовалась помощь террористов «Аль-Каиды», которым в стране предоставили базы.

Масуд, естественный претендент на роль лидера Афганистана, был убит буквально накануне террористических атак 11 сентября.

«Аль-Каида» рассчитывала, что атаки 11 сентября спровоцируют США на вторжение в Афганистан, которое перерастёт в мировую войну и в конце концов завершится победой исламистских боевиков.

США действительно вторглись в Афганистан в октябре 2001 года, получив поддержку практически всего мира, включая, как уже говорилось, Иран.

За несколько месяцев военная власть Талибана была сломлена, а американцы восстановили режим, опиравшийся на традиционных племенных лидеров.

отрицательно относится к культу святых. В 1980–1990-е годы деобандийские учебные заведения в Пакистане получали значительное финансирование из Саудовской Аравии.

Однако новое правительство, которое США на протяжении 20 лет щедро финансировали и вооружали, губительно подорвало собственный авторитет невероятными масштабами коррупции.

Так начался 3-й этап гражданской войны, на этот раз возглавленный возродившимся сопротивлением Талибана, по-прежнему опиравшимся на горные районы.

Возникло странное повторение советского периода: теперь американская авиация снабжала ту же сеть гарнизонов с тех же аэродромов, позволяя центральному правительству днём контролировать города, главные дороги и столицы провинций.

Тем временем около 80 000 бойцов Талибана владели горами, ночью — страной и, в конце концов, уважением сельского населения.

После 20 лет всё более интенсивной войны американцы обеих политических партий устали от неё и начали переговоры с Талибаном.

29 февраля 2020 года администрация Дональда Трампа подписала перемирие с муллой Абдулом Гани Барадаром, обязавшись вывести войска из Афганистана в течение 14 месяцев.

Как только стало очевидно, что американцы действительно намерены уйти, режим в августе 2021 года рухнул, словно картонный домик.

Абдул Гани родился в 1968 году.

Он воевал против русских с 1979 года, а против американцев — с 2001-го.

У него давние связи с пакистанскими спецслужбами, и его считают одним из исторических 40 соучредителей Талибана наряду с муллой Омаром.

Он принадлежит к пуштунскому племени попальзай, из которого неоднократно выходили правители Афганистана.

Однако, заняв Кабул, Гани и победивший Талибан почти сразу столкнулись с собственным провинциальным мятежом — на этот раз со стороны группировки, связанной с ИГИЛ.

Афганистан — страна, состоящая из 5 основных этнических групп: пуштунов, таджиков, узбеков, белуджей и хазарейцев.

Власть в стране исторически была сосредоточена вокруг пуштунских племён, хотя по странной прихоти истории половина их родины оказалась включена в северо-западную часть Пакистана.

Ещё больше усложняет положение то, что пуштунское население было расселено по всей стране в ходе политики государственного строительства XIX века.

Поэтому разделить Афганистан на 5 этнических регионов и создать из них равноправную самоуправляемую федерацию практически невозможно.

Узбеки говорят на языке тюркской группы и всегда воспринимали себя как ревностных суннитов.

Таджики принадлежат к иранской языковой группе и считают себя наиболее цивилизованной частью общества.

Хазарейцы исторически находились на самой нижней ступени лестницы власти и этнически связаны с монголами.

Это многострадальная шиитская община, населяющая центральное горное плато.

Иран всегда старался, насколько мог, защищать хазарейцев.

Афганистан практически всегда был страной, которой чрезвычайно трудно управлять.

Это земля поразительной красоты: горы за горами, разделённые на тысячи отдельных областей высокогорными долинами, огромными осыпями, продуваемыми ветрами плоскогорьями и речными долинами, утопающими в фруктовых садах.

Однако собственных ресурсов Афганистана недостаточно для содержания централизованного государства.

Любой правитель, желающий управлять Афганистаном, вынужден в той или иной степени опираться на внешнюю державу, способную субсидировать жалование государственным служащим и восстанавливать мосты, разрушенные землетрясениями и наводнениями.

Поэтому внешняя дипломатия для каждого афганского лидера — не роскошь, а жизненная необходимость: без неё невозможно свести государственный бюджет.

В прежние времена афганские правители нередко искусно уравнивали влияние одних соседей влиянием других.

И здесь возникает вечный афганский парадокс.

Помимо способности изгнать иностранного захватчика, всякий правитель Афганистана должен обладать ещё одним жизненно важным талантом:

умением вновь привлечь иностранцев.

Глава 21

Новые османы

Военные перевороты, исламский популизм и стремление вновь возглавить исламский мир

В 1970-е годы Турция оказалась на пороге гражданской войны.

Политические партии сражались за господство; соперничающие демонстрации подвергались нападениям и взрывам, политических лидеров похищали и убивали. К концу десятилетия в результате политического насилия погибло более 5 000 турок.

Это была знакомая история холодной войны — столкновение левых и правых, — к которой добавлялся специфически турецкий вопрос: кто является истинным наследником светской республики Ататюрка?

Левые хотели избавиться от тяжеловесной опеки Соединённых Штатов и продвинуть социалистический проект.

Правые мечтали о пантюркском содружестве, которое однажды могло бы заменить Советский Союз в Центральной Азии.

Сторонники возвращения к традиционным исламским ценностям пока оставались на политической периферии.

Тем временем страну разъедала бешеная инфляция, а международная политика зашла в тупик после турецкого военного вторжения на Кипр в июле 1974 года.¹

12 сентября 1980 года турецкие военные захватили власть.

Предыдущие военные перевороты 1960 и 1971 годов не пользовались поддержкой общества, однако сегодня даже противники военных неохотно признают, что переворот 1980 года, возможно, предотвратил гражданскую войну.

Он был безукоризненно организован начальником Генерального штаба через официальную командную структуру, в которую входили его коллеги из флота, военно-воздушных сил, жандармерии и всех 4 армейских командований: 1-го в Стамбуле, 2-го в Малатье, 3-го в Эрзинджане и 4-го в Измире.

¹ Турецкое вторжение на Кипр произошло в ответ на внутренний греческий переворот на острове после падения в 1973 году военной хунты «чёрных полковников» в Греции.

Генералы заключили под стражу 650 000 политических активистов и лишили в общей сложности 1,5 миллиона граждан права занимать государственные должности.

В культурном отношении это был удар кувалдой.

Однако у военных имелась и собственная политико-экономическая программа.

Осуществить её было поручено младшему правительственному чиновнику Тургуту Озалу, которого впоследствии назначили премьер-министром.

Озал был необычным человеком.

Он понимал язык как левых, так и правых: успел поработать профсоюзным функционером, специалистом государственного планирования и сотрудником Всемирного банка.

Его часто сравнивали с Маргарет Тэтчер — энергичный выходец из провинции, обладавший достаточной волей и масштабом мышления, чтобы провести бюджетные реформы и неолиберальное законодательство, благоприятствовавшее частному предпринимательству и иностранным инвестициям.

Так называемые «решения 24 января» были быстро проведены в жизнь.

Через 3 года результаты оказались достаточно успешными, чтобы Озал выставил свою кандидатуру и победил на выборах 1983 года.

Он и его партия «Анаватан» — «Отечество» — доминировали в турецкой политике на протяжении следующего десятилетия.

Озал стремился ослабить государственническую составляющую турецкой культуры, заставить министров отвечать за результаты своей работы и проводил шумную, но миролюбивую внешнюю политику, пытаясь ослабить историческую напряжённость с такими давними противниками, как Греция и Армения.

Либерализация турецкого общества позволила также появиться нескольким умеренно исламистским демократическим партиям.

Военному истеблишменту это не нравилось.

Он пытался отрицать новую политическую реальность при помощи различных постановлений — так называемых «бумажных переворотов», призванных аннулировать результаты выборов, если победу одерживала какая-либо демократическая исламистская партия.

Медленный распад Советского Союза открыл перед Турецкой Республикой сразу 2 новых направления — на Восток и на Запад — и оба казались чрезвычайно перспективными.

На Востоке появлялись новые тюркоязычные государства Центральной Азии, обещавшие Турции новых друзей, союзников и торговых партнёров.

Наиболее дружелюбными и открытыми оказались Азербайджан, Казахстан и Кыргызстан; Туркменистан и Узбекистан также проявляли интерес, хотя и с большей осторожностью.

Тем временем с севера и запада в Турцию потянулись жители бывших социалистических Балкан, закупавшие турецкие товары.

Озал шутил, что вскоре Турция сможет вернуть себе Фракию без новых Балканских войн:

туркам достаточно будет залезть в задний карман и выкупить Болгарию обратно.

Одновременно Европейское экономическое сообщество всё дальше расширяло свои географические границы на восток.

Либеральной элите Турции, жившей в таких западнизированных и успешных городах, как Стамбул, Анкара и Измир, казалось вполне возможным, что однажды туда примут и Турцию.

Если бы готовность страны к вступлению в Европейский союз оценивалась по социальным, политическим, экономическим, финансовым и культурным показателям, Турция стояла бы выше всех балканских государств.

Кроме того, она была краеугольным государством НАТО и на протяжении всей холодной войны защищала Западную Европу.

Однако ожесточённая вражда Греции и Кипра, а также сохранявшиеся в Центральной Европе страх перед Турцией и подозрительность к исламу сделали эту мечту недостижимой.

То, что Европейский союз отвергал Турцию, но с энтузиазмом принимал практически любую отсталую восточноевропейскую страну с христианским прошлым, заставило турок серьёзно задуматься над пределами западнизации.

Возникал вопрос:

ради чего всё это?

Триумф западного капитализма в Турции также оказался недолгим.

На протяжении 1990-х годов экономический рост страны и огромный бюджетный дефицит поддерживались массовыми иностранными инвестициями.

Когда часть этих денег была выведена, Турция оказалась на коленях.

Затем последовал крах турецких банков, в 2001 году собственными руками загнавших себя в штопор.

Многие годы банки успешно играли на колебаниях валютных курсов, пока однажды всё не пошло катастрофически неверно.

Для людей, способных видеть финансовые тенденции наперёд, турецкий кризис 2001 года стал прелюдией к обвалу всей западной банковской системы 7 лет спустя — в сентябре 2008-го.

Возможно, не стоит придавать слишком большое значение двойному краху 2 империй холодной войны.

За распадом советско-социалистической системы в 1989 году спустя 2 десятилетия последовал кризис капиталистической утопии 2008 года.

Но именно поэтому настало подходящее время, чтобы так называемый 3-й путь вновь был воспринят всерьёз.

В Турции этот 3-й путь терпеливо ждал за кулисами:

возвращение к традиционным исламским ценностям;

этичное государство;

моральная обязанность платить налоги;

здоровая любовь к свободной торговле;

подозрение к ростовщичеству;

уважение к семейным ценностям.

К этому добавилось возрождённое уважение к достижениям Османской и Сельджукской империй.

Предложение выглядело чрезвычайно привлекательным и легко сочеталось с умеренным государственным социализмом, господствовавшим тогда в Западной Европе, с его государственно-частными партнёрствами.

В случае Турции значительная часть избирателей задолго до краха банков желала исправить чрезмерности светской республики Ататюрка.

Ещё в 1950 году Аднан Мендерес победил на первых действительно свободных выборах, предложив сочетание экономического либерализма, независимой, но прозападной внешней политики и частичного возвращения старых исламских ценностей.

При нём тысячи мечетей, закрытых республиканской властью, получили возможность вновь открыться.

Ненавистный многим призыв к молитве на турецком языке был заменён традиционным арабским азаном.

Вероятно, для подобных перемен было слишком рано.

В 1960 году генералы свергли Аднана Мендереса.

После суда его повесили.

Чтобы понять, каким образом нить исламских политических устремлений сохранилась на протяжении всего XX века и в итоге привела к возникновению государства Эрдогана, необходимо прежде всего познакомиться с 2 ключевыми фигурами:

Саидом Нурси и Фетхуллахом Гюленом.

В 1960 году, в том самом году, когда был казнён Мендерес, почитаемый мусульманский учёный Саид Нурси отправился в священный город Урфа, чтобы умереть поблизости от почитаемого места рождения пророка Ибрахима.

Генералы опасались, что его могила превратится в место паломничества.

Поэтому они распорядились тайно перезахоронить тело где-то среди холмов — в месте, известном лишь Аллаху.

Сегодня Саид Нурси служит своеобразной лакмусовой бумажкой, позволяющей понять внутренние взгляды турка.

Люди, сохраняющие верность старой светской республике Ататюрка, зачастую не выносят даже упоминания его имени.

Но для турок из бедных крестьянских деревень и малых городов внутренней Анатолии он — непризнанный учёный-святой.

Последователи называют его *Устад* — «Учитель» — и *Бадиуззаман* — «Чудо эпохи».

Делает его фигуру ещё более противоречивой то обстоятельство, что он был курдом.

Он родился в далёкой восточной провинции Битлис и получил образование в традиционных исламских школах.

Молодым учёным он овладел османским турецким как 3-м языком — после родного курдского и коранического арабского.

Он сочетал интерес к современной науке с традиционной исламской учёностью, хотя главной его заботой оставалось воспитание нравственной жизни.

Его рукописные комментарии к Корану, создававшиеся с 1913 по 1950 год, лежат в самом сердце турецкого исламистского движения.

Нурси заключали в тюрьму, ссылали и держали под домашним арестом, однако огромный корпус его сочинений пережил десятилетия преследований.

Долгие годы небольшой круг верных учеников переписывал эти тексты от руки и тайно распространял среди всё более многочисленных последователей.

Его *Рисале-и Нур* — собрание, занимающее целую книжную полку, — разрешили печатать легально лишь в 1950-е годы, при Аднане Мендересе.

Учение Саида Нурси поддерживало медленно тлеющее сопротивление провинциальной Анатолии светским указам республики.

Его последователи были вынуждены соблюдать осторожность.

Они направляли силы на собственный бизнес, учреждение школ и благотворительных образовательных фондов, избегая политических должностей и службы в армии.

По мере экономических преобразований Турции неграмотные крестьянские общины внутренней Анатолии получали образование и переселялись в города.

Но своей традиционной привязанности к исламу они не утрачивали.

Именно из этой среды в 1980-е годы выросли умеренные исламистские политические партии.

На Ближнем Востоке подобный социальный процесс — появление нового поколения образованных специалистов из трудолюбивого и набожного нижнего среднего класса — стал основой распространения «Братьев-мусульман».

Подобно «Братьям-мусульманам» Египта и Сирии, молодые исламистские политики и технократы Турции выросли в обществе, где человеку приходилось скрывать всю полноту своих политических взглядов, если он не хотел оказаться в тюрьме.

Именно из этой среды вышли Фетхуллах Гюлен и Реджеп Тайип Эрдоган.

Фетхуллах Гюлен находился под глубоким влиянием Саида Нурси.

История его жизни показывает, как традиционный ислам сумел выжить, оставаясь ниже уровня внимания государства в самом сердце Анатолии.

Гюлен последовал примеру отца и матери — оба частным образом преподавали Коран, стараясь не раздражать государственных чиновников.

Он родился в 1941 году на северо-востоке Анатолии и уже в 18 лет, в период либеральных реформ Аднана Мендереса, получил назначение имамом.

На этой должности он оставался до 1981 года.

Однако государственный имам в те годы не был престижной фигурой.

В массовом сознании имам ассоциировался главным образом с похоронами и занимал положение где-то между школьным сторожем и нотариусом.

Он имел мало общего с османским муфтием — городским учёным, председательствующим в судах и общественных церемониях, к которому обращались за советом представители всех слоёв общества.

Гюлен и его единомышленники работали внутри сети мусульманских образовательных благотворительных организаций.

Самыми успешными стали провинциальные подготовительные школы, называвшиеся *Işık Evleri* — «Дома света».

Там учеников интенсивно готовили к экзаменам, необходимым для поступления в университет.

Студенты, особенно из бедных семей, могли затем пользоваться общежитиями и читальными комнатами в городах, связанными с этими колледжами.

Их поощряли создавать кружки чтения, где изучались комментарии Саида Нурси и других исламистских мыслителей.

Они продолжали поддерживать связь через учебные центры, стипендии для аспирантов, культурные институты и летнюю волонтерскую работу.

В течение 1980-х годов эта сеть выросла в движение Гюлена, насчитывавшее около 6 миллионов человек.

Оно предпочитало называть себя *Хизмет* — «Служение».

Гюленисты заботились о своих.

Они рекомендовали друг друга в школьные советы, помогали продвижению сторонников в министерствах и корпорациях.

Они поддерживали межрелигиозные конференции и организовывали поездки по Турции для иностранных журналистов и молодых политиков, показывая им как общественные больницы, так и древние памятники.

На вершине своего ораторского влияния Фетхуллах Гюлен мог собрать сторонниками любой футбольный стадион в любой провинции Турции.

Я помню, как однажды видел его с поднятым над головой Кораном.

Он лишь прошептал огромной толпе:

«Сирота... сирота... сирота...»

И сам проповедник, и десятки тысяч его слушателей разрыдались, утратив способность говорить.

В их глазах Слово Божье, заключённое в Коране, стало сиротой, покинутой в современной Турции.

В 1998 году Гюлен уехал жить в Соединённые Штаты, избегая антиисламской кампании, начатой военными.

В США движение Гюлена добилось значительного успеха, работая среди турецкой эмиграции.

Оно создало сеть из 150 чартерных школ — в том числе под такими названиями, как *Harmony* и *Cosmos*, — опиравшихся на ряд аналитических и благотворительных организаций: *Niagara Foundation*, *Rumi Forum* и *Emerging Democracies Institute*.

Возможно, Гюлен мечтал однажды быть призванным народом из изгнания, подобно аятолле Хомейни, и увидеть в аэропорту миллионы встречающих.

Его движение никогда в полной мере не было культом, однако, как и у «Братьев-мусульман», в нём присутствовала культура секретности.

Его называли «харизматической аристократией», управляемой узким кругом доверенных мужчин — *джемаатом*, — решения которых были скрыты от внешнего мира несколькими слоями «друзей» и «сочувствующих».

Первые легальные исламистские партии Турции возникли в 1983 году.

Обычно они существовали несколько лет, после чего светский режим признавал их неконституционными или недемократичными.

Переломным для политического ислама стал 2001 год — год банковского краха, когда Реджеп Тайип Эрдоган создал Партию справедливости и развития — АКР, объединившую многих участников прежних исламистских движений.

Эрдоган родился в Стамбуле в 1954 году.

В молодости играл за местный футбольный клуб «Касымпаша».

Его прозвали «Беккенбауэром» за способность задумывать атакующие комбинации, находясь, казалось бы, на оборонительной позиции.

Он занялся местной политикой и в 1994 году стал молодым, энергичным и не запятнанным коррупцией мэром Стамбула.

Эту должность он занимал 4 года.

Эрдоган был человеком из народа и сам успел испытать унижительную власть светского государства: однажды его заключили в тюрьму за публичное чтение стихотворения.

На парламентских выборах 2002 года он одержал убедительную победу, получив абсолютное большинство голосов и 2/3 мест в парламенте.

Через 2 года этот успех подтвердился на местных выборах 2004 года: АКР пришла к власти практически во всех провинциях Анатолии.

Её единственный сохранившийся светский соперник — Республиканская народная партия — удержал традиционную базу в городах западной части страны.

Это был необычайный момент в истории Ближнего Востока.

Исламистская политическая партия победила на свободных выборах — и не уничтожила демократическую конституцию.

Напротив, она проявила себя как эффективное правительство, реализовав десятки крупных проектов и добившись впечатляющего расширения национальной инфраструктуры:

- автомагистралей;
- туннелей;
- мостов;
- плотин;
- каналов;
- систем водоснабжения;
- электросетей.

Но хотя АКР побеждала на выборах снова и снова, её руководство никогда не чувствовало себя в безопасности.

Постепенно, но безжалостно оно стало подавлять независимые голоса — множество журналистов оказались в тюрьме, — одновременно устанавливая собственный монопольный контроль над средствами массовой информации.

Эрдоган ощущал и международную изоляцию Турции.

Единственным действительно постоянным союзником страны оставался Катар.

Однако столь полная дипломатическая изоляция не была неизбежной.

Эрдоган отличался резкой риторикой, когда речь заходила о притязаниях Турции на естественное лидерство на Ближнем Востоке — и даже шире:

«Турция станет лидером исламского мира... Мечети — наши казармы, купола — наши шлемы, минареты — наши штыки, а верующие — наши солдаты».

Многие его сторонники также считали, что Турция способна вернуть часть прежнего авторитета — как внутри страны, так и за её пределами.

Исламистский режим обладал в этом отношении определёнными преимуществами перед светской республикой.

Республика Атаюрка определяла себя через тюркскую этническую идентичность.

Поэтому она никогда не могла всерьёз рассчитывать привлечь курдов, арабов или иранцев.

Исламская же Турция могла попытаться подняться над языковыми и расовыми различиями, апеллируя к общей религии.

То, что Саид Нурси — духовный вдохновитель исламского возрождения — был курдом, имело очевидный политический потенциал.

Фетхуллах Гюлен неизменно подчёркивал, что различные народы Анатолии должны объединиться вокруг общей культуры.

Арабская весна 2011 года, начавшаяся спустя десятилетие после прихода Эрдогана к власти, внезапно открыла перед исламистской Турцией большие перспективы.

В Египте был свергнут генерал-президент Мубарак, и к власти пришли естественные союзники Эрдогана — «Братья-мусульмане».

В Ливии после восстания был свергнут и убит полковник Каддафи.

Казалось возможным, что турецкая модель эффективного, избираемого исламистского правительства распространится на весь центральный Ближний Восток.

Однако победа режима Асада в сирийской гражданской войне и военный переворот 2013 года в Египте против демократически избранных «Братьев-мусульман» повернули эту картину вспять.

В первые 10 лет у власти Эрдоган и Гюлен, казалось, замечательно дополняли друг друга:

напористый генеральный директор и добродушный председатель совета.

Постепенно они разрушали престиж и уверенность военного и разведывательного руководства — ядра прежнего режима.

Отчасти эта кампания началась с телесериала *Долина волков*, который на протяжении 97 серий внушал мысль, что турецкая военная разведка и ультрасветские националисты связаны со всевозможными преступниками.

В 2007 году телевизионная фантазия превратилась в политическую реальность, когда был раскрыт так называемый заговор «Эргенекон».

Около 800 генералов, бывших адмиралов, старых министров и руководителей спецслужб оказались унижены в судах, где их обвиняли в подготовке переворотов против государства совместно с иностранными державами.

Некоторые обвинения были обоснованны.

Но значительная часть процесса напоминала охоту на ведьм.

Наличие подобных противников — реальных и воображаемых — позволило политическому союзу Эрдогана и Гюлена продержаться целое десятилетие, до зимы 2011 года.

К тому времени гюленисты глубоко проникли в Министерство внутренних дел, полицию и судебную систему и стремились занять позиции в МИТ — турецкой разведывательной службе.

Одновременно необходимо было принять решающее решение относительно так называемого «Курдского лета» — волны уличных демонстраций, порождённых Арабской весной 2011 года.

Некоторые опасались, что она перерастёт в новое вооружённое восстание, вновь столкнув курдскую националистическую РПК с турецкой армией.

До лета 2011 года в юго-восточных курдских районах Турции с 1999 года сохранялось вооружённое перемирие.

Казалось, существовала реальная возможность, что под новым исламским зонтиком возникнет устойчивый мир, чему помогали государственные инвестиции в развитие региона.

Гюлен по своему мировоззрению склонялся именно к такой надэтнической политике.

Эрдоган, похоже, был менее уверен.

Он внимательно изучал подробные исследования изменяющихся настроений общества.

После 10 лет у власти АКР уже не была той безупречно чистой партией, какой казалась прежде.

Имамов и духовных деятелей, которых когда-то считали героями, преследуемыми за веру военными начальниками старой республики, теперь всё чаще связывали с сексуальными скандалами, угодничеством перед государством и показной набожностью, не подтверждавшейся частной жизнью.

Иными словами, одной исламистской программы для победы АКР на следующих выборах было уже недостаточно.

Эрдоган и его сторонники понимали:

чтобы удержаться у власти, необходимо соединить прежнюю электоральную базу с патриотическим турецким национализмом.

Таким образом, между зимой 2011-го и зимой 2013 года во взглядах Эрдогана и Гюлена на будущее возникло принципиальное расхождение.

Эрдоган решил завоевать поддержку турецких националистов не примирением с курдами, а противостоянием им.

17 декабря 2013 года органы юстиции, где большим влиянием пользовались последователи Гюлена, задержали 52 человека, тесно связанных с руководящей верхушкой АКР.

14 из них обвинили в мошенничестве, коррупции, взяточничестве и контрабанде золота.

Одновременно в интернете появились изображения обувных коробок, набитых пачками долларов, якобы полученных представителями правящей элиты в рамках сложной схемы обхода американских санкций против Ирана — иранские энергоносители оплачивались золотом.

Некоторые изображения, возможно, были подделаны.

Но если бы судебному делу позволили развиваться, оно могло превратиться в турецкий Уотергейт, постепенно уничтожив репутацию ближайшего окружения президента.

Эрдоган нанёс ответный удар.

Кабинет подвергся чистке, сторонники Гюлена в полиции и судебной системе были уволены.

Следующие несколько лет борьба продолжалась в киберпространстве: обе стороны пытались обнаружить тайного врага внутри собственной системы.

Приложение *ByLock*, которым пользовались около 200 000 сторонников Гюлена, было взломано.

В результате компрометирующие данные появились в отношении 130 высокопоставленных военных.

Однако сам факт взлома также был обнаружен — и противоположная сторона об этом не знала.

Военные офицеры, симпатизировавшие Гюлену, оказались перед суровой реальностью.

Они понимали, что через несколько недель, а возможно, и дней будут без суда уволены.

Они потеряют жильё и военные пенсии.

Некоторым грозили тюрьма и допросы.

Все лишились бы возможности когда-либо работать на государство, а их детям стало бы трудно поступать в университеты.

Тогда они создали новое приложение — *Eagle*.

Именно там планировался переворот июля 2016 года.

Уверенность в неизбежном наказании придала этой группе офицеров чувство сплочённости и общей цели.

Они понимали, что должны действовать быстро.

Но времени на подготовку полноценного переворота у них не было.

Когда один из участников перешёл на другую сторону и рассказал всё Национальной разведывательной организации, начало переворота пришлось внезапно перенести с рассвета — 3 часа ночи считается классическим временем для подобных операций — на 9 часов вечера.

Ключевым обстоятельством стало то, что заговорщикам не удалось убедить начальника Генерального штаба Хулуси Акара присоединиться к ним.

Без его авторитета остальные старшие офицеры не желали выполнять приказы младших по званию — даже когда у тех в руках были автоматы.

И вот вечером 15 июля, примерно между 18:00 и 19:30, связанные с Гюленом подразделения 1-й армии и турецких ВВС начали действовать против государства.

Они бомбили здания, захватывали аэропорты, телецентр TRT, мосты через Босфор и заставили телеведущую объявить об успешном военном перевороте.

Эрдоган в это время отдыхал в гостинице в Мармарисе.

Его предупредил шурин, позвонивший на мобильный телефон.

Президент немедленно направился обратно в Стамбул.

По дороге, уже после полуночи, он обратился к стране через смартфон.

Передачу увидели невероятные 84 % населения.

В 4:30 утра Эрдоган благополучно приземлился в Стамбуле.

Ещё к 1:30 ночи командующий турецким флотом и командующий 1-й армией заверили президента в своей верности.

Граждане Турции вышли на улицы защищать легитимность избранного лидера.

К следующему утру мятежники либо продолжали сопротивление — около 350 человек были убиты, — либо капитулировали.

Были арестованы 2 000 пользователей *ByLock*, а вместе с ними 168 из 500 турецких генералов.

Все эти события окончательно убедили Эрдогана в необходимости ограниченной внешней политики, в которой первостепенной задачей является защита национальных границ, а не стремление стать всемирным лидером ислама или образцом для всего Ближнего Востока.

Если исходить из этого, дальнейшие действия турецкой армии в ходе сирийской гражданской войны приобретают вполне понятную логику:

удерживать границы;

не допустить создания единого массива курдской территории на северо-востоке Сирии.

При такой политике турецкий мир становится безопаснее, но одновременно утрачивает прежнюю динамику и масштабную мечту о тюрко-курдском исламском единстве, которую предлагал Фетхуллах Гюлен.

Широко распространено мнение, что Эрдоган способен потерять власть только в результате краха турецкой экономики.

Однако на президентских выборах 2023 года он опроверг прогнозы общественного мнения и, несмотря на тяжёлое состояние экономики, выиграл 3-й срок.

За 3 года до этого он победил на референдуме, ослабив полномочия парламента в пользу чрезвычайно сильной исполнительной президентской власти.

Исламский популизм, возможно, уже не столь популярен, как прежде.

Но Эрдогану удалось удержаться — во многом благодаря контролю над средствами массовой информации.

В региональной политике Турция вряд ли станет вмешиваться в современное противостояние шиитского Ирана и суннитской Саудовской Аравии, если только её собственным границам не будет угрожать опасность.

Главной заботой Турции остаётся курдское меньшинство на юго-востоке.

Она сделает всё возможное, чтобы воспрепятствовать появлению независимого курдского государства — будь то в Сирии или Ираке.

Как показывает история скрытой внутренней борьбы между Гюленом и Эрдоганом, человек, обладавший интернационалистским видением ислама, потерпел поражение буквально у последнего барьера.

Его победил противник, понявший:

в политике национализм способен одолеть идею, основанную только на вере.

Часть шестая

Поля сражений XXI века: Сирия, Ирак и Йемен

Сирия, Ирак и Йемен — древнейшие плавильные котлы человечества, земли, за которые сражались на протяжении 5 000 лет.

В нынешнем столетии эти 3 арабские страны, находящиеся в самом эмоциональном сердце Ближнего Востока, вновь были поглощены войнами:

иностранными вторжениями;

восстаниями;

гражданскими конфликтами.

Их народы перенесли тяжелейшие страдания.

Но было бы ошибкой воспринимать их лишь как пешки внешних держав.

У них есть собственная сила, собственное влияние и собственные устремления, которые необходимо понимать в их особом историческом контексте.

Для этого приходится оглянуться назад — к долговременным факторам ландшафта, географии и демографии, — чтобы понять путь, приведший к современным событиям.

В случае Сирии особенно важно помнить, что нынешнее государство — лишь остаток гораздо более обширной исторической области и цивилизации, которая наряду с Йеменом является одной из первоначальных родин арабов.

Расположенная на стратегическом перекрёстке 2 континентов и 5 регионов, Великая Сирия была жизненно важной частью империй, возникавших на Ниле, на берегах Эгейского моря, в глубинах Аравии, среди гор Анатолии и в долинах 2 великих рек Месопотамии.

Историческая Сирия простиралась далеко за пределы сегодняшних границ, включая территории современных Ливана, Иордании и Израиля.

Тысячелетиями за Великую Сирию шли войны.

Но последние 4 столетия до окончания Первой мировой войны она в основном жила в мире, оставаясь частью Османской империи.

Ирак в то же время постоянно служил полем битвы между 2 соперничающими империями веры:

воинственно-шиитской Сефевидской Персией;

тюркоязычной суннитской Османской империей.

К середине XVII века османы окончательно одержали верх.

Но шиитские арабы южного Ирака сохраняли верность своей вере, какой бы ценой политического устранения им это ни обходилось.

Йемен, занимающий юго-западный угол Аравийского полуострова, был ещё одним постоянным полем войны.

Османская империя неоднократно пыталась подчинить его горные районы, но окончательно добиться этого так и не смогла.

Случайное вмешательство британцев в 1830-е годы и создание ими имперской военно-морской базы в Адене невольно способствовали разделению этой древней земли на 2 части:

Южный Йемен превратился в оплот социализма и интернационализма;

Северный Йемен сохранил верность традициям самоуправления зейдитского шиизма.

Глава 22

Сирия: расколотый перекрёсток

От Великой Сирии до современной истерзанной войной Сирийской Арабской Республики

Редко какая страна имеет столь долгую и безрассудно воинственную историю, как Сирия.

На этой земле фараоны Древнего Египта сражались с хеттами, царь Давид — с филистимлянами, Александр Македонский вторгнулся на Восток, а ассирийцы «сошли, словно волк на овчарню».

За долгой чередой римско-парфянских войн последовали столкновения византийцев и Сасанидов, затем пришли Омейяды и Аббасидский халифат.

За сельджуками и Фатимидами последовали крестоносцы, монголы, татары и мамлюкские султанаты.

Наконец османы смели всех соперников и управляли Великой Сирией вплоть до Первой мировой войны.

Не проще становится картина и тогда, когда мы обращаемся к духовной истории этого края.

Здесь ходили и проповедовали Муса, Иса и апостол Павел, а также пророк Мухаммад.

Сирия — забытая колыбель христианства.

В некоторых её церквях до сих пор молятся на арамейском языке — языке Христа.

Когда в 1516 году турки завоевали этот регион, каждый 3-й сириец был христианином.

Даже сегодня христиане составляют примерно десятую часть населения.

Древние города Сирии веками соперничали в торговле, могуществе и престиже, вступая в союзы с сильными соседними государствами.

Каждый из них знал моменты полного опустошения и времена имперской славы.

Антиохия была восточной столицей Римской империи.

Тир — финикийской плутократией древнего мира.

А Аккра была настолько ценным городом, что её защищали 3 кольца стен крестоносцев.

Внутренняя Сирия отделена от побережья цепью гор:

Ливаном;

Антиливаном;

Джебель-ан-Нусайрией.

По краю пустынной степи протянулась цепочка городов, расстояние между которыми обычно не превышало 2 дней конного пути:

Алеппо;

Апамея;

Хама;

Хомс;

Дамаск;

Босра;

Иерусалим.

До включения Сирии в Османскую империю регион представлял собой военную арену трёхсторонней борьбы:

турок-сельджуков — суннитов;

египетских халифов-Фатимидов — шиитов;

христианских крестоносцев.

В последние столетия ведущими сирийскими городами были Алеппо и Дамаск — столицы 2 османских провинций.

Алеппо являлся признанным торговым центром, связанным с Триполи и Александретой — нынешним турецким Искендеруном — на Средиземном море, а также с Мосулом на берегах Тигра.

Дамаск находился у края оазиса фруктовых садов, питаемых водами реки Барада.

Он был одной из важнейших остановок ежегодного хаджа в Мекку, путь которого охраняли бедуинские племена.

Османы, если им не угрожали иностранное вторжение или восстание, предпочитали управлять лёгкой рукой.

В сирийских провинциях власть сосредоточивалась у губернаторов — пашей, которым помогали небольшие гарнизоны янычар.

При этом паша находился под наблюдением совещательного совета местной знати и офицеров, собиравшегося 4 раза в неделю.

Кади — главный судья, независимый чиновник, назначаемый непосредственно султаном, — служил ещё одним противовесом губернатору.

В период расцвета империи каждые 30 лет обновлялась своего рода османская «Книга Страшного суда» — подробный кадастр, содержащий точные сведения о провинциях вплоть до площадей полей, обрабатываемых каждой деревней, и количества дворов.

Сирийское побережье делилось на санджаки — небольшие округа, центром которых обычно был портовый город, связанный морем с османской столицей Стамбулом.

Внутри городов существовала собственная система политических сдержек и противовесов.

Городские ремесленники тесно переплетались с янычарами.

Им противостоял слой городского духовенства, купцов и землевладельцев.

З-м, зачастую непредсказуемым политическим элементом были сельские шейхи, представлявшие интересы бедуинских арабских племён или многочисленных этнических и религиозных общин горных районов.

На северо-востоке Сирии жило множество курдских кланов.

На северо-западных возвышенностях — горные алавиты, самостоятельная ветвь шиизма.

В районе Масьяфа жили исмаилиты — другая ветвь шиизма, признававшая духовный авторитет Ага-хана.

Долина Бекаа и холмы Джебель-Амиля были оплотом основного, двуннадцатнического шиизма.

Склоны горы Ливан населяли соперничавшие деревни христиан-маронитов и друзов — ещё одной вооружённой и самоуправляющейся религиозной общины, исторически вышедшей из шиитской среды.

Для всех этих народов современная эпоха конфликтов началась летом 1860 года.

Преследование мусульман французами в Алжире, действия России на Кавказе и христианско-мусульманское противостояние на Крите разжигали страсти и в Сирии.

Обычная вражда между маронитскими и друзскими деревнями на склонах Ливанских гор превратилась в массовую резню.

В горах было убито около 11 000 христианских крестьян, ещё примерно столько же — в Дамаске.¹

Христианские беженцы хлынули в Бейрут и впервые превратились в городе в уверенное большинство.

На этот раз Османская империя действовала с заслуживающей уважения быстротой.

Губернатора Дамаска и некоторых его чиновников судили и повесили за неспособность предотвратить массовое убийство.

Был создан отдельный ливанский санджак, обеспечивший христианам чувство безопасности через самоуправление.

¹ Подлинным героем событий 1860 года стал Абд аль-Кадир — находившийся в изгнании лидер алжирского сопротивления. Используя огромный личный авторитет мусульманского героя, он сумел остановить массовое убийство христиан толпой в Дамаске.

Французская аннексия Туниса в 1881 году и британское завоевание Египетского хедивата годом позже заставили многих сирийцев воспринимать османскую власть как сравнительно мягкую.

Именно тогда регион переживал интеллектуальное возрождение и бурное развитие книгоиздания и газетной печати.

Популярная поговорка тех лет:

«Каир пишет, Бейрут печатает, Багдад читает»

— хорошо передавала постепенно зарождавшееся панарабское самосознание.

В Стамбуле султан Абдул-Хамид проводил политическую программу, делавшую ставку на объединяющую силу ислама и подчёркивавшую его статус не только османского султана, но и халифа.

На рубеже столетий по миру словно прошёл необычайно благоприятный ветер перемен.

Революции в России в 1905 году, в Иране в 1906-м и в Османской империи в июле 1908 года привели к конституционным реформам и свободным выборам.

Многие сирийцы тогда всё ещё связывали благополучное будущее с реформированной Османской империей.

В 1908 году среди 275 депутатов османского парламента было 60 арабов.

Трагедия заключалась в том, что этот момент оказался недолгим.

В 1909 году власть захватили младотурки и повернули Османскую империю в сторону узкого тюркского этнического национализма.

Их имперские мечты были связаны уже не с партнёрством с арабами, а с возвращением Крыма, Кавказа и тюркской Центральной Азии.

Первая мировая война стала колоссальной ошибкой для Османской империи и тройной трагедией для Сирии.

Во-первых, в городах северной Сирии были убиты христиане-армяне и ассирийцы.

Затем морская блокада союзников, засуха, нашествия саранчи и мобилизация сельских работников в османскую армию вызвали голод, продолжавшийся с 1915 по 1918 год.

Считается, что погибла примерно пятая часть населения Сирии.

3-м бедствием стало обнаружение компрометирующей переписки, связанной с Арабским конгрессом 1913 года, где обсуждались мечты о самоуправлении и использовании арабского языка.

В глазах османов это выглядело изменой.

6 мая 1916 года Джемаль-паша приказал повесить на площадях Дамаска и Бейрута 21 видного сирийского арабского писателя и политика.¹

Арабское восстание было провозглашено 5 июня 1916 года.

Оно могло бы остаться второстепенным событием — очередным вооружённым выступлением бедуинских племён в глубине пустыни.

Но казнённые мученики стали чертой, которую многие арабские офицеры османской армии уже не могли переступить.

После казней предыдущего месяца многие принесли присягу хашимитскому шерифу Мекки.

Шерифа поддерживали британские золото и оружие.

Когда осенью 1917 года британская армия прорвала османские позиции, по всей Сирии вспыхнуло стихийное политическое восстание.

Мусульманское духовенство, христианские епископы и местные чиновники вступали в заговоры, чтобы освободиться под шарифским знаменем Арабского восстания.

Дамаск, Бейрут, Алеппо и Хомс первоначально были освобождены именно арабами.

Когда последние османские гарнизоны уходили, города объявляли себя свободными.

Наступавшую британскую армию встречали искренне и восторженно.

Эмир Фейсал, один из сыновей хашимитского шерифа Мекки, был главным арабским полководцем Арабского восстания.

Летом 1919 года он призвал провести выборы, чтобы каждая община получила представительство в Национальном конгрессе Великой Сирии, границы которой должны были простирались от Таврских гор до Синая.

Позже Фейсала критиковали за соглашения, которые он в то время заключал с ведущими сионистами.

Но предателем арабского дела он не был.

Его обещания давались в контексте Великой Сирии, где евреи должны были стать ещё одним меньшинством среди множества народов и религий этого этнически и культурно разнообразного региона.

В Великой Сирии существовали 4 признанные формы исламской веры и 13 различных христианских конфессий.

¹ Арабских мучеников 1916 года до сих пор ежегодно поминают в Сирии и Ливане. Им посвящён знаменитый бронзовый памятник в центре Бейрута, позднее изрешечённый пулями в годы новых войн.

Если бы границы государства дошли на востоке до Евфрата, в его состав вошёл бы, например, Багдад, где в 1917 году около 40 % населения составляли евреи.

Сегодня трудно даже представить арабское государство, в котором шииты и сунниты, коренные сефардские евреи и христиане могли бы жить как равноправные граждане.

Но если в новейшей истории Ближнего Востока и существовал настоящий момент «а что, если...», то, пожалуй, именно этот.

Что, если бы образованное большинство Великой Сирии с энтузиазмом приняло будущее демократического, многоэтнического и многоконфессионального общества под властью местной арабской династии святого происхождения, стремившейся создать конституционную монархию?

К несчастью, европейские державы думали иначе.

Во время Первой мировой войны, отчасти желая убедить Италию вступить в войну на стороне союзников, Британия и Франция тайно разработали соглашение Сайкса—Пико 1916 года.

Сирия должна была достаться французам.

Ирак и Палестина — оказаться под британским господством.

Юго-западное побережье Турции обещали Италии, если та вступит в войну.

И потому, пока арабы праздновали наступление эпохи свободы, французские войска высаживались в Бейруте и двигались по долине Бекаа к Дамаску.

Британская армия уже занимала юг Сирии — территорию, всё чаще называвшуюся Палестиной.

Никакой демократии новой провинции не предполагалось.

Её передали под власть британского губернатора, которому поручили содействовать еврейской иммиграции.¹

Британский кабинет полагал, что Палестина с еврейским большинством поможет защищать Суэцкий канал и нефтепровод из Ирака к порту Хайфа.

Еврейское государство представлялось долгосрочным стратегическим активом Британской империи.

Американцы в тот момент приложили немало усилий, чтобы поддержать естественное развитие терпимого арабского государства Великой Сирии и предупредить об опасностях сионистского проекта.

Спонсируемая США комиссия Кинга—Крейна вернулась с докладом:

85 % опрошенных в регионе выступали за единую арабскую Сирию.

¹ Сэр Герберт Сэмюэл, первый британский верховный комиссар подмандатной Палестины, был евреем и убеждённым сторонником сионистской Палестины как составной части Британской империи.

Британцы, французы и итальянцы сделали всё возможное, чтобы задушить работу комиссии и похоронить её выводы.

Доклад был опубликован лишь в 1922 году.

Время было чрезвычайно взрывоопасным.

Всё лето 1919 года Египет балансировал на грани национального восстания, объединившего суннитов и христиан-коптов в партии «Вафд» против британского владычества.

Прежде чем британским войскам удалось восстановить контроль над улицами, погибли 800 египтян.

Тем временем зимой 1919–1920 годов в Анкаре возникло новое народное движение.

Турецкое Национальное собрание отделилось от власти султана в Стамбуле, чтобы организовать сопротивление иностранным оккупационным армиям.

На фоне всего этого французское завоевание недавно освобождённой независимой Сирии трудно было предпринять в более неудачный момент.

Сирийцы вовсе не считали себя нецивилизованным народом, нуждающимся во французском протекторате, который научит их искусству цивилизации.

Они писали друг другу письма уже 2 000 лет к тому времени, когда французы только осваивали это ремесло.

Арабское самоуправление во внутренних городах Сирии в эту опьяняющую эпоху национального самоутверждения продлилось 18 месяцев.

Затем в июне 1920 года, в соответствии с соглашением Сайкса—Пико, французские войска двинулись на Дамаск.

Ирония заключалась в том, что колониальная армия завоевателей состояла главным образом из мусульманских солдат, набранных в Сенегале, Алжире, на Мадагаскаре и в Марокко и служивших под командованием французских офицеров.

На рассвете 24 июля 1920 года они атаковали караван-сарай Хан-Майсалун.

Молодой сирийский военный министр погиб под пулемётным огнём французского танка.

Эмир Фейсал попытался организовать дальнейшее сопротивление в Дараа, к югу от Дамаска, однако был вынужден искать убежища у британцев в Палестине.

Фейсала и его брата Абдаллу Британия предала в Сирии.

Но полностью бросать бывших союзников она не стала.

Эмир Абдалла получил власть над эмиратом Трансиордания — юго-восточной четвертью Великой Сирии.

А менее чем через год Фейсал был посажен на престол Ирака.

Оба брата никогда не отказывались от надежды однажды создать единое Арабское королевство.

Во французском протекторате Сирии не было ничего положительного.

Подсчитано, что из 5 миллиардов франков, потраченных Францией в Сирии, причём большая часть этих денег была собрана налогами с самих сирийцев, около 4/5 ушло исключительно на поддержание французской власти.

Сирийский народ никогда не признавал за Францией права управлять своей страной и активно сопротивлялся на протяжении всех 20 лет колониальной оккупации.

Французы, однако, прекрасно подготовились в области востоковедения.

Они сумели разрезать Великую Сирию на небольшие части, проведя границы по уже существовавшим линиям этнического и религиозного соперничества.

Тем самым они рассчитывали привлечь на свою сторону местных племенных вождей.

Было создано полностью независимое государство Ливан, где доминировал главный французский союзник в регионе — христианская маронитская община Бейрута и высокогорных деревень Ливана.

Но даже тщательно подобранный профранцузский административный совет сирийского Ливана продолжал выступать за объединение Великой Сирии под властью эмира Фейсала.

Французы поддерживали также создание отдельной алавитской области и независимого друзского округа.

Ещё одну территорию на далёком северо-востоке передали под преимущественное влияние арабских бедуинских шейхов.

Подобным образом прежде действовали Римская и Османская империи.

Вдохновение давало и романтическое увлечение старой политической географией государств крестоносцев.

В 1924 году к власти в Париже пришло правительство радикалов и социалистов.

Оно стало задаваться вопросами о смысле и стоимости военной оккупации Сирии.

В 1925 году во Французской Сирии были проведены выборы — своего рода проверка общественной воли.

Образованная городская элита создала Народную партию, требовавшую немедленного окончания французской оккупации и создания независимой единой Арабской Сирии.

Политические требования сопровождались национальным восстанием.

Летом 1925 года друзья Джебель-Хаурана подняли вооружённый мятеж.

4 октября восстал город Хама.

Затем восстание перекинулось на сам Дамаск, часть которого оказалась под контролем сирийцев.

Однако французы обстреляли древний город современной артиллерией, уничтожив целые кварталы, и сумели удержаться.

Они набирали недовольную молодёжь — особенно из армянских и черкесских общин — в местное ополчение и отправляли её в переулки старого города выслеживать и убивать сирийских арабских националистов.

После 2 лет государственного террора, подкреплённого воздушными бомбардировками, сирийское восстание было подавлено.

Французы не всегда были уверены, что британские союзники по ту сторону границы — в Иордании, Ираке и Палестине — не оказывали повстанцам тайной помощи.

Хашимитские монархи британских протекторатов Ирака и Иордании действительно надеялись вновь создать Великую Сирию, если французов удастся изгнать.

В 1930-е годы борьба за сирийскую независимость стала главным образом политической и раскололась на 2 соперничающих лагеря, каждый из которых опирался на внешнего союзника.

Хашимиты поддерживали Абд ар-Рахмана Шахбандара, создавшего тайное общество «Железная рука».

Он выступал за создание Великой Сирии через объединение с эмиром Абдаллой Иорданским.

В июне 1940 года Шахбандар был убит.

Главного его соперника, Шукри аль-Куватли, поддерживало Королевство Саудовская Аравия.

Шукри решительно выступал в защиту арабов Палестины, которых, по его мнению, предавала сионистская политика Британской империи.

В 1936 году массовые уличные протесты в Сирии совпали с приходом к власти в Париже нового левого правительства Народного фронта, стремившегося к договорённости.

Французы согласились отказаться от планов создания независимых алавитского и друзского кантонов в обмен на признание независимого Ливана и сохранение французских авиабаз и военных гарнизонов.

Но соглашение так и не было подписано.

В 1937 году Народный фронт потерял власть, а Вторая мировая война вновь принесла прямое военное управление.

Пrestиж Франции в Сирии упал ещё ниже после того, как в 1939 году она передала Турции Антиохию и Александретту.

А в 1941 году режим Виши предложил сирийские авиабазы нацистским союзникам.

Британские и «Свободные французские» войска вторглись в страну.

Всё то лето на сирийской земле фактически шла французская гражданская война.

Оказавшись у власти, офицеры «Свободной Франции» забыли все обещания, данные арабским союзникам.

Лишь под сильнейшим давлением Британии они разрешили провести свободные выборы в июле 1943 года.

Но уже в ноябре новоизбранных премьер-министров и президентов Ливана и Сирии арестовали, словно обычных преступников.

Возмущённые ливанцы создали знаменитый Национальный пакт — устную и до сих пор официально не записанную конституцию, распределявшую ключевые посты государства между религиозными общинами:

президент — христианин-маронит;

премьер-министр — мусульманин-суннит;

председатель парламента — шиит.

В Сирии горькая колониальная драма пришла к своеобразной развязке в мае 1945 года, во время так называемого Левантийского кризиса.

Французские войска атаковали сирийский парламент.

Президент Сирии обратился к британской армии с просьбой вмешаться.

Генералу Пэджету выпала деликатная задача — фактически запереть бывших союзников по войне в их казармах.

24 октября 1945 года Сирия и Ливан были приняты в Организацию Объединённых Наций как государства-учредители.

Последние части французской армии окончательно покинули Сирию следующим летом.

В Дамаске эвакуацию праздновали как День свадьбы Свободы.

Улицы были переполнены ликующими людьми.

Политическое будущее Сирии вскоре оказалось тесно связано с партией Баас и её программой социалистических реформ, основанных на арабской национальной идентичности.

Основатели Баас происходили из удивительно разнообразных религиозных традиций.

Мишель Афляк (1910–1989) вырос в семье христианских торговцев, но почитал ислам как величайшее проявление арабского гения.

Заки аль-Арсузи (1899–1968), который в определённом смысле может считаться первоначальным основателем движения, был учёным из алавитской семьи, поселившейся в Латакии.

Салах ад-Дин аль-Битар (1912–1980) происходил из дамасской семьи суннитских учёных.

Самым харизматичным и радикальным из 4 основателей был Акрам аль-Хаурани (1912–1996), чья арабская семья возводила происхождение к роду Пророка.

Он стал ведущим сторонником социалистической земельной реформы, направленной против огромных владений арабской знати.

С 1950 года Баас превратился в главное идеологическое движение арабского Ближнего Востока.

В самом простом виде баасизм представлял собой арабский национализм, усиленный современным образованием и социальной реформой.

Главнейшую роль отводили организованному просвещённому государству, которое должно было вести общество к национальному прогрессу.

Это неизбежно сталкивало Баас с рядом традиционных исламских установлений, особенно в таких вопросах, как светское образование, освобождение женщин и земельная реформа.

Другой серьёзный изъян движения состоял в его подчеркнуто арабском характере.

Из будущего, которое оно рисовало, практически исключались курды и турки, несмотря на их значительное присутствие в северной Сирии и северном Ираке.

Первые сирийские выборы без иностранного вмешательства прошли в июле 1947 года.

Баас ещё не пришёл к власти.

Поэтому главные политические линии раскола определялись тогда не религией и не этнической принадлежностью, а противостоянием образованной городской элиты и традиционной сельской среды, а также соперничеством Алеппо и Дамаска.

2 города поддерживали разные партии:

Дамаск — Национальную;

Алеппо — Народную.

Эти соперничающие партии были втянуты в систему союзов с внешними державами.

Народную партию поддерживали хашимитские королевства Иордания и Ирак.

Национальную — Саудовская Аравия и Египет.

Короли Египта и Саудовской Аравии плохо относились друг к другу, однако их объединяло подозрение к хашимитским монархам, особенно пока те могли стать ядром единого арабского Ближнего Востока.

Иордания была бедна ресурсами.

Но в тот момент многие ближневосточные лидеры всерьёз опасались эмира Абдаллы.

Он был умён, энергичен и командовал лучше всего подготовленной из всех арабских армий.

Первый президент Сирии Шукри аль-Куватли из Национальной партии полностью разделял подозрение к хашимитской Иордании.

Он был резко настроен против Хашимитов и Британии и благосклонно относился к Саудовской Аравии.

Аль-Куватли опасался военного переворота и активно пытался уменьшить силу и колоссальные расходы сирийской армии, унаследованной от французского колониального режима.

Когда в 1948 году началась первая арабо-израильская война, президент Шукри проявил себя как не слишком вдохновляющий главнокомандующий.

Главной его заботой было сорвать планы короля Иордании Абдаллы и не позволить появиться какому-либо харизматичному сирийскому генералу.

Военное поражение арабов в войне с Израилем 1948–1949 годов преследовало внутреннюю сирийскую политику следующие полвека.

Реакцией стало превращение Сирии в новую Спарту — жёсткое военизированное общество, способное противостоять Израилю не только ради защиты собственных границ, но и в роли старшего брата палестинских арабов.

После завершения арабо-израильской войны территория Израиля существенно увеличилась за счёт Негева.

Хашимитская Иордания получила Западный берег и Восточный Иерусалим, включая Старый город, еврейское население которого было вынуждено покинуть свои дома.

Египет удержал только сектор Газа.

В патриотической израильской историографии эта война стала героической борьбой за выживание и национальное освобождение против армий, якобы стремившихся сбросить каждого сионистского еврейского поселенца в море.

Для арабов Ближнего Востока она стала *ан-Накбой* — «Катастрофой».

700 000 палестинских арабских беженцев лишились земли, садов, домов и имущества.

Но не менее болезненным было то, что все арабские государства Ближнего Востока — многие только что получившие независимость — потерпели поражение на поле боя.

Все арабы ощущали глубокое унижение.

Их лидеры обвиняли друг друга.

В марте 1949 года униженные событиями в Палестине сирийцы первыми среди арабских народов свергли собственное правительство.

Полковник Хусни аз-Заим, захвативший власть 30 марта 1949 года, был фигурой несколько комической и продержался всего 5 месяцев, после чего был расстрелян.

За ним последовала череда полковников-президентов.

В 1954 году страна вернулась к парламентскому правлению.

Для местных политиков это было крайне запутанное время.

Иракские и саудовские нефтяные деньги финансировали соперничающие партии.

Дополнительную путаницу создавали переговоры о маршрутах новых нефтепроводов и долях доходов от них, в которых участвовали американские нефтяные компании.

Но за всеми этими мутными сделками происходило нечто гораздо важнее:

в 1952 году произошло объединение Арабской социалистической партии и партии Баас, собравшее значительную часть молодых, честных и идеалистически настроенных политиков.

Настоящий центр событий, формировавших Ближний Восток, в то время находился в Египте.

В 1956 году череда случайных событий привела к национализации Насером Суэцкого канала и неудачной британско-франко-израильской военной операции по возвращению контроля над ним.

За одну ночь генерал Насер, успешно бросивший вызов 3 великим врагам, превратился в героя героев.

1 февраля 1958 года Сирия предложила войти в состав Объединённой Арабской Республики под руководством Насера, надеясь создать государство, достаточно сильное, чтобы сдерживать Израиль.

Это могло стать ядром огромной арабской федерации.

Но Насер немедленно распустил в Сирии все политические партии и поставил египетского генерала управлять «северной провинцией».

Королевства Иордания и Саудовская Аравия редко сходились во мнениях.

Но объединение Сирии и Египта встревожило их настолько, что они забыли прежнюю вражду.

Обе страны поддержали сирийский военный переворот сентября 1961 года, восстановивший независимость Сирии.

Следующий сирийский переворот — 8 марта 1963 года — имел совершенно иной характер.

Власть захватила группа молодых офицеров сирийской армии — членов Баас, происходивших из небогатых семей и сохранявших верность Насеру.

Они начали серию социальных и экономических реформ, лишив старую сирийскую знать — несколько тысяч взаимосвязанных суннитских семей — огромных земельных владений, веками обеспечивавших их элитарное положение.

Революция встретила сопротивление.

В июле того же года на улицах Дамаска шли перестрелки с насеристами.

Год спустя против светского баасистского режима восстала Хама.

Это заставляло власть становиться всё более радикальной.

За 4 года после переворота 1963 года из армии была вычищена примерно треть офицерского корпуса.

Похожий процесс происходил в Ираке, где власть также перешла к военным, благосклонным к Баас.

Как часто бывает, семейные и клановые связи оказались самым надёжным способом защитить положение нового режима.

В Сирии власть постепенно кристаллизовалась вокруг алавитов.

Прежде эта община находилась почти на самом дне социальной лестницы.

Алавиты традиционно работали пастухами, солдатами и слугами, после чего возвращались к свободе и простоте родных гор.

Им было легче доверять друг другу.

Их объединяла унаследованная неприязнь к традиционной городской суннитской элите, и потому Баас привлекал их особенно сильно.

В 1966 году 2 алавитских офицера — исключительно серьёзные и неутомимые Салах Джадид и Хафез Асад — стали признанными хозяевами сирийской политики.

В следующие 30 лет их режим добился впечатляющего развития базовой инфраструктуры.

Огромные плотины на Евфрате обеспечили деревни водой и электричеством.

Земельная реформа создала новый слой зажиточных крестьян.

Система образования и здравоохранения росла стремительно.

Дорожная сеть увеличилась в 5 раз.

Около 700 000 получавших государственное жалованье чиновников были включены в структуру партии Баас.

Однако непрерывные чистки офицерского корпуса после переворота 1963 года мало подготовили армию к неожиданной войне.

5 июня 1967 года Израиль нанёс внезапный удар по Египту и Сирии и примерно за 1 час уничтожил на земле военно-воздушные силы обеих стран.

Удар был тщательно спланирован и носил наступательный характер.

Однако, если быть справедливым к израильскому руководству, агрессивные заявления Насера на границе могли создать впечатление, что конфликт становится неизбежным.

Сегодня мы знаем, что его угрозы в значительной степени были блефом — попыткой сохранить за собой положение главного лидера арабского мира, сильного человека Ближнего Востока.

Насер вовсе не собирался нападать на Израиль.

Но Шестидневная война окончательно утвердила военное превосходство Израиля.

Он победил на всех фронтах, захватил у Иордании Западный берег, а у Сирии — Голанские высоты, причём последние уже после прекращения огня 8 июня.

Это 2-е унижительное поражение арабов от Израиля ещё сильнее радикализировало и милитаризовало сирийское общество.

Одновременно усилилась Организация освобождения Палестины — ООП, которую с энтузиазмом поддерживали все радикальные государства Ближнего Востока.

К 1970 году Иордания оказалась на грани гражданской войны.

Казалось, ООП вот-вот возьмёт власть.

Во время событий, вошедших в историю как «Чёрный сентябрь», сирийский лидер Салах Джадид приказал подразделениям сирийской армии — правда, переодетым в форму ООП — перейти границу и помочь палестинцам против иорданской армии.

На некоторое время возникла угроза, что конфликт охватит весь Ближний Восток и Израиль с США вмешаются на стороне Иордании.

Однако сирийский министр обороны Хафез Асад не захотел втягивать страну в войну, к которой она не была готова.

Он отменил приказ, по которому части сирийской бронетанковой бригады должны были вступить в бой.

Это позволило иорданской армии разгромить ООП.

В октябре того же года Салах Джадид на съезде Баас обвинил Хафеза Асада в пораженчестве и потребовал исключить его из партии и правительства.

Но Асад нанёс ответный удар.

Поскольку его младший брат занимал пост министра внутренних дел, позиции Хафеза оказались практически неуязвимы.

Так называемое «Исправительное движение» сделало Хафеза Асада единоличным правителем Сирии.

Войну Судного дня 1973 года — внезапное совместное нападение Египта и Сирии на Израиль — можно рассматривать как оправдание захвата власти Асадом.

Вместо того чтобы втягиваться в путаную междоусобицу иорданской гражданской войны, Асад теперь вместе с Египтом возглавлял арабский мир в смелой фронтальной атаке на настоящего врага.

Войну Судного дня часто называют своего рода победой арабских армий.

Но цена была огромна.

Сирия потеряла 870 танков и 3 000 солдат.

В конечном счёте самым эффективным оружием арабов оказались не танки и не боевые самолёты, а нефтяное эмбарго, организованное Королевством Саудовская Аравия.

Оно оказалось достаточно мощным, чтобы Соединённые Штаты всерьёз занялись установлением мира на Ближнем Востоке.

Сирия едва успела оправиться от ран войны Судного дня, когда в марте 1975 года в Ливане разгорелась гражданская война.

Эта война была невероятно сложной.

Но в центре конфликта находилась борьба между вооружёнными ополчениями ливанских христиан-маронитов и ООП.

После изгнания из Иордании в 1970 году ООП всё активнее использовала сеть лагерей беженцев и военных баз в Ливане.

Палестинцы стремились усилить влияние в стране, чтобы совершать пограничные рейды и ракетные обстрелы Израиля.

Ливанские хозяева опасались, что ООП собирается захватить себе новую родину.

В конфликт вмешивалось множество других факторов.

Это была и классовая борьба старой богатой элиты против городской бедноты.

И часть противостояния холодной войны.

В то время Ливан был финансовым, образовательным, социальным, торговым, дипломатическим и медийным центром арабского мира.

Поэтому у каждого арабского государства имелись там собственные интересы и союзники.

Вновь оживило вековое соперничество элементов ливанской этнической мозаики.

Христиане, сунниты, друзы и шииты боролись за преимущество.

К этому добавлялись политические расколы и бандитское соперничество внутри самих общин.

Сирийская армия вошла в Ливан осенью 1978 года в составе общеарабских миротворческих сил.

Однако Израиль считал, что сирийцы не способны сдерживать ООП, и решил вмешаться самостоятельно.

Летом 1982 года израильская армия с хирургической лёгкостью прошла через холмистый юг Ливана и осадила контролируемый ООП Западный Бейрут.

В ходе кампании погибли около 10 000 человек.

Она принесла Израилю и крупнейшую репутационную катастрофу — массовые убийства в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила.

Непосредственно убийства совершали маронитские фалангисты, мстившие ООП за недавнее убийство своего командира Башира Жмайеля.

Израильская армия лишь контролировала периметр 2 лагерей.

Но это стало беспощадным и горьким эпилогом вторжения, тем более что ООП уже начала уходить из Бейрута.

Казалось, кровь была на руках у всех.

Тогда в Ливан в составе новых миротворческих сил вошла американская армия.

Но её присутствие продлилось недолго: казармы морской пехоты были уничтожены смертниками.

Именно в этот момент на юге и востоке Ливана начала подниматься «Хезболла» — организованное, дисциплинированное вооружённое движение.

Первоначально оно создавалось для защиты шиитских деревень.

Бойцов обучали иранские Стражи исламской революции.

Будучи шиитами, они стали естественными союзниками Хафеза Асада, самого происходившего из алавитской шиитской среды.

«Хезболла» оказалась упорным противником израильской армии, которая после ухода из Бейрута сохраняла оккупационную буферную зону на юге Ливана.

Вооружённое сопротивление режиму Асада внутри Сирии складывалось из недовольных ответвлений ООП, стремившихся отомстить за «Чёрный сентябрь» и изгнание из Бейрута, озлобленных представителей старой суннитской знати и «Братьев-мусульман».

«Братья-мусульмане» возникли в Египте, однако после обретения независимости широко распространились по сирийским городам.

Первым известным случаем вооружённого сопротивления режиму Асада стал расстрел 32 курсантов военного училища в июне 1979 года.

Год спустя, в июне 1980-го, было предпринято покушение на президента.

Асад оказался под перекрёстным огнём 2 пулемётов, одновременно в него бросили 2 гранаты.

Одну он сам отшвырнул ногой, а вторую накрыл своим телом охранник.

Вскоре после этого младший брат президента, министр внутренних дел, приказал убить всех членов «Братьев-мусульман», находившихся в тюрьме Тадмор возле руин Пальмиры.

Позднее за эту резню отомстили убийством 70 баасистов в их домах в Хаме в феврале 1982 года.

После этого город фактически очистился от сторонников режима, и группа исламистских боевиков, называвшая себя «Боевой авангард», захватила старую часть Хамы.

Густая сеть узких переулков и традиционные дома с внутренними дворами, чьи крыши соединялись друг с другом, превращали Хаму в естественный лабиринт для городского сопротивления.

Режим Асада утверждал, что перед контратакой всех мирных жителей эвакуировали.

Другие свидетельства говорят, что правительственные силы сначала были отброшены, после чего город окружили, подвергли артиллерийскому обстрелу и атаковали танками.

Оценки числа погибших колеблются от 3 000 исламистских боевиков, павших в уличных боях, до 40 000 жителей, погребённых под руинами разрушенного города.

Во многих отношениях сирийская гражданская война, основные боевые действия которой пришлись на 2011–2017 годы, стала продолжением восстания в Хаме 1982 года.

Хотя сирийский режим одновременно воевал на 2 фронтах — в Ливане и Хаме, — сложная международная ситуация постепенно начала играть ему на руку.

Мирный договор между Египтом и Израилем 1979 года привёл к исключению Египта из Лиги арабских государств.

Сирия осталась единственным арабским пограничным государством, которое отказывалось подписывать мир с Израилем без одновременного решения палестинского вопроса.

Ирано-иракская война устранила угрозу вмешательства Ирака в сирийские дела.

Твёрдая поддержка Ирана в течение тех 8 тяжёлых лет почти полной международной изоляции заложила основу долговременного сирийско-иранского союза.

Медленный распад Советского Союза после 1989 года первоначально оказал на Ближний Восток успокаивающее воздействие.

Исчез дополнительный слой противостояния холодной войны, накладывавшийся на и без того сложную сеть регионального соперничества.

Возрастающая демонизация Саддама Хусейна Соединёнными Штатами также отвлекла внимание от Сирии, которая в лучшие свои годы укрывала десятки террористических групп и поддерживала многочисленные теракты.

Главными волнениями на поверхности сирийской политики становились теперь дворцовые слухи:

кто вероятнее наследует Хафезу Асаду — его младший брат Рифат или старший сын Басиль;

какой двоюродный брат или племянник контролирует ту или иную отрасль экономики;

кто распоряжается конкретным подразделением спецслужб.

Словно в классической трагедии, брат Рифат слишком решительно приблизился к президентскому креслу, когда Хафез Асад заболел.

За эту полу-попытку дворцового переворота его простили, но прежнего положения он уже никогда не вернул.

Затем самоуверенный, блистательный наследник Басиль погиб в автомобильной аварии.

Поэтому после смерти Хафеза Асада в 2000 году во дворец в Дамаске пришлось срочно вызвать младшего сына — Башара, который в Лондоне учился на офтальмолога.

Башару Асаду было всего 34 года.

Он был не единственным наследником революционной республики по крови.

В те годы существовало немало подобных кандидатов в безупречных итальянских костюмах.

В Ливии, Ираке и Египте образованные в университетах, прекрасно говорившие сыновья старых жестоких диктаторов выглядели вполне готовыми однажды унаследовать власть.

А пока они извлекали огромные прибыли из лицензий на мобильную связь и импорт автомобилей.

Правление Башара Асада первоначально казалось медленной дугой реформ.

Старый аскетический режим баасистской Сирии действительно нуждался в некоторой финансовой и социальной либерализации.

Страна оставалась скована социалистической командной системой.

Огромные бюджеты уходили министерствам обороны и безопасности.

Политическая культура почти полностью лишилась торговой и предпринимательской инициативы.

Башар стремился также уменьшить зависимость режима от алавитских клановых связей.

Суннитских торговцев и христианских финансистов начали включать в государственные структуры.

Он ловко избежал конфронтации между светскими и исламистами по поводу женского головного убора, оставив выбор самим женщинам.

«Разнообразие» и «терпимость» стали ключевыми словами, которыми миру объясняли уникальность Сирии.

«Дамасская весна» Башара вывела на поверхность новое поколение сирийских активистов.

Но уже чуть более чем через год многие из тех, кто называл себя реформаторами, оказались в тюрьмах.

Новости о них затмили события 11 сентября.

На пути либерализации появились и другие неожиданные препятствия.

Самым громким стал взрыв 100-тонной бомбы, убившей в феврале 2005 года бывшего премьер-министра Ливана Рафика Харири.

Он раздражал сирийский режим тем, что отказывался поддержать продление президентского срока Эмиля Лахуда.

Сирийцы доверяли Лахуду — христианину-марониту с долгой военной карьерой — как своему человеку в Бейруте.

Но убийство породило массовое уличное движение — так называемую Кедровую революцию.

Около миллиона ливанцев вышли с требованием положить конец сирийской военной оккупации.

К концу апреля 2005 года 14 000 сирийских солдат, полицейских и сотрудников разведки покинули свои позиции в Ливане.

Однако уже через год, в июле 2006-го, политические часы словно повернули назад.

Началась война Таммуза — 34-дневное сражение «Хезболлы» против израильского вторжения в южный Ливан.

Упорное сопротивление превратило «Хезболлу» в героев не только Ливана, но и всего арабского мира.

Для Израиля война стала новой международной репутационной катастрофой.

Все восстановительные проекты, созданные в Ливане после гражданской войны, подверглись ударам такой силы, которую остальной мир уже не мог понять.

Победа «Хезболлы» была прежде всего моральной, а не тактической.

Она пережила израильский натиск и, несмотря на большие потери, продолжила сопротивление.

Одновременно движение всё активнее включалось в ливанскую демократическую систему при всех её конституционных несовершенствах.

Шииты Ливана получили около 2 десятков депутатов в 128-местном парламенте, а в последних коалиционных правительствах обычно занимали 2–3 министерских поста.

Сирийские танки покинули ливанские сады.

Но ближайшие союзники Сирии теперь прочно встроились в саму структуру власти.

Признание шиитского меньшинства частью правящего устройства Ливана не нравилось Саудовской Аравии.

В той или иной форме саудовцы щедро финансировали восстановление Бейрута после разрушений гражданской войны.

Теперь Эр-Рияд хотел ослабить позиции «Хезболлы».

Но сделать это означало бы удалить одну из основных опор, на которых держался послевоенный Ливан.

Вода — точнее, её отсутствие — один из многих ключей к пониманию Арабской весны в Сирии.

Продолжительная засуха 2006–2010 годов в сочетании с десятилетиями чрезмерного выкачивания подземных вод обнищала и постепенно razорила десятки тысяч мелких крестьянских хозяйств — тех самых, которые режим Баас на протяжении 30 лет представлял как одно из главных своих достижений.

Сельский подённый труд исчезал.

Города наполнялись бедными, раздражёнными и лишёнными перспектив молодыми людьми.

Но было и нечто иное — особое настроение, которое время от времени охватывает целое поколение и заставляет людей поверить:

перемены возможны.

В 1979 году подобный порыв уже преобразил Ближний Восток.

Теперь он возвращался.

Мобильные телефоны и интернет сделали общение проще и — именно в тот момент — труднее контролируемым государством.

Избрание первого афроамериканского президента США в январе 2009 года также создало новую атмосферу надежды.

Можно утверждать, что всё началось в Иране.

Так называемая Зелёная революция вывела на улицы Тегерана протестующих против результатов президентских выборов июня 2009 года.

Затем зимой 2010 года самосожжение молодого тунисского уличного торговца перед зданием губернатора Сиди-Бу-Зида запустило цепь протестов.

В январе 2011 года они свергли диктатуру президента Туниса Бен Али.

Тунисская Жасминовая революция распространилась на Египет, где пал Мубарак; на Ливию, где при военной помощи Запада был свергнут Каддафи; на Бахрейн и Сирию.

Правители Саудовской Аравии, Ирана и Израиля смотрели на происходящее с тревогой.

Возможность народной демократии на исламском Ближнем Востоке пугала их всех.

В Сирию Арабская весна пришла в марте 2011 года.

Началась она не в благополучных мегаполисах, а в небольших городах, наиболее пострадавших от засухи.

В Дараа, возле иорданской границы, полиция арестовала нескольких подростков, писавших на стене политические граффити.

Началась демонстрация с требованием освободить детей.

Людьми двигала простая, искренняя тревога:

вытащить подростков из полицейских камер и уберечь от привычных унижений со стороны служб безопасности.

После того как 4 демонстранта были застрелены, на следующий день на улицы вышли 20 000 человек.

Атаке подверглись 3 символа государственной власти:

резиденция губернатора;

штаб-квартира партии Баас;

казармы службы безопасности.

23 марта силовики перешли в контратаку и штурмовали мечеть, использовавшуюся как временный госпиталь для раненых во время протестов.

В ходе рейда погибли 15 человек.

После этого волнения распространились по всей Сирии.

30 марта 2011 года Башар Асад выступил перед сирийским парламентом.

Не было ни извинений, ни обещаний реформ.

Вместо этого депутаты — и вся страна — услышали долгую, насыщенную фактами лекцию о трудностях управления Сирией в течение предыдущего десятилетия.

Страна окружена опасными, хищными и агрессивными внешними державами.

Повсюду заговоры, шпионы, интриги.

Асад напомнил о том, как события последних лет разрушили Ирак, Ливан и Афганистан.

Всё это было правдой.

Но протесты лишь усиливались, особенно по пятницам после полуденной молитвы.

Если какое-либо одно событие и зажгло искру гражданской войны, им, вероятно, стал арест в апреле во время демонстрации в Дараа 13-летнего Хамзы аль-Хатыба.

Через месяц семье вернули его искалеченное, носившее следы пыток тело.

К концу июля число погибших достигло 2 000.

Отдельные части сирийской армии начали переходить на сторону восстания и сформировали Свободную сирийскую армию, объявившую своей задачей защиту революции от режима.

Первые 12 месяцев гражданской войны были кровавыми и чрезвычайно запутанными.

Во многих районах создавались местные вооружённые группы, первоначально предназначенные лишь для защиты собственной общины от насилия и грабежей.

Но вскоре им приходилось выбирать:

революция или режим.

Города и деревни раскалывались пополам.

Центр Дамаска оставался за властью.

Окраины переходили к революции.

Силы режима и повстанцев некоторое время были почти равны.

Однако демократическую составляющую Арабской весны вскоре заслонили воинствующие исламисты.

Саудовская Аравия и США поддерживали разные исламистские группировки.

Другие получали помощь от Турции и Катара.

Вероятно, только за 1-й год общая сумма поддержки достигла примерно 100 миллионов долларов.

Режиму помогали добровольцы из Ирана и «Хезболлы».

Численно их присутствие, возможно, не было решающим.

Но они помогали удерживать жизненно важные дороги, связывавшие Дамаск с портами Бейрута и Латакии.

К 2014 году, после 2 лет войны, погибли около 200 000 человек.

3 миллиона сирийцев бежали за границу:

600 000 — в соседнюю Иорданию;

1,2 миллиона — в Ливан.

Ещё около 6 миллионов покинули свои дома, став внутренне перемещёнными лицами.

Возникновение ИГИЛ, впервые заявившего о себе из контролируемой повстанцами Ракки в апреле 2013 года, полностью изменило уравнение войны.

ИГИЛ был экстремален во всём:

в провозглашении нового халифата;

во всемирном призыве, на который откликнулись не менее 20 000 иностранных добровольцев;

в чудовищной жестокости и демонстративности публичных казней.

Захваченных езидских женщин обращали в рабынь-наложниц.

Шиитских военнопленных расстреливали.

Иностранцев обвиняли в шпионаже и обезглавливали.

Самой глупой ошибкой стало нападение на курдов вместо попытки сохранить их нейтралитет.

Любитель исторических деталей не мог не заметить, что самодельные чёрно-белые знамена ИГИЛ удивительно напоминали знамёна саудовских ихванов 1920-х годов.

Сходным оказался и выбор жертв.

На фоне ИГИЛ баасистский режим Асада внезапно стал выглядеть умеренной стороной.

Присутствие более 2 000 добровольцев с Кавказа в рядах ИГИЛ стало одним из факторов, убедивших Россию вступить в войну непосредственно.

К сентябрю 2015 года российские силы специального назначения уже действовали в Сирии, наводя авиацию на точечные удары.

Россия не собиралась повторять Афганистан.

Потери оставались сравнительно небольшими — не более 200 военнослужащих, погибших при исполнении боевых задач.

При поддержке российской авиации — холм за холмом, деревня за деревней — повстанческие силы оттеснялись назад.

В конце концов, после серии перемирий, они оказались сосредоточены в последнем крупном оплоте — Идлибе между Алеппо и турецкой границей.

Американцы и их западные союзники также вступили в войну, поддерживав курдов.

Те создали на северо-востоке Сирии собственное государственное образование и показали себя эффективной силой против ИГИЛ.

Но здесь всё становилось ещё сложнее.

Союзниками сирийских курдов были не столько иракские курды, сколько курдские силы юго-восточной Турции.

Поэтому поддерживать их для Анкары означало размахивать перед Турецкой Республикой красной тряпкой.

Турция и без того была разгневана тем, что поддерживаемые ею исламистские союзники¹ отступали.

Издалека сирийская гражданская война выглядит классическим конфликтом шиитов и суннитов.

¹ «Ан-Нусра» стала ведущей коалицией сирийских суннитских исламистских бойцов, получавшей поддержку Турции и Катара. Она отличалась резко антишиитской позицией, но постепенно дистанцировалась как от «Аль-Каиды», так и от глобального джихадизма ИГИЛ, при этом сохраняя близкую ваххабитско-салафитскую идеологию.

С одной стороны:

шиитская «Хезболла»;

алавитско-шиитский режим Асада;

подразделения иранского Корпуса стражей исламской революции.

С другой:

различные суннитские исламистские вооружённые группировки;

поддерживавшие их Саудовская Аравия, Турция, ОАЭ и Катар.

Но стоит копнуть глубже — и схема перестаёт работать.

Сирийский режим является баасистским.

Это последний приверженец идеи светского панарабского единства на всём Ближнем Востоке.

Он отнюдь не естественный политический союзник Исламской Республики Иран, где духовенство занимает конституционно закреплённое место у власти.

Кроме того, суннитские государства, вмешивавшиеся в сирийскую войну, сами расколоты на 2 враждующих лагеря:

Саудовская Аравия и эмираты Персидского залива — с одной стороны;

Катар, «Братья-мусульмане» и Турецкая Республика — с другой.

Если смотреть через призму истории, и Турция, и Саудовская Аравия имеют длинную предысторию собственных амбиций, вмешательства и соперничества в этом регионе.

Все согласны, что если бы завтра в Сирии состоялись действительно свободные и честные выборы, партия, опирающаяся на традиционный суннитский ислам, скорее всего, одержала бы убедительную победу.

Но ключевые региональные силы — например, Саудовская Аравия и её союзники в Персидском заливе, а также военный режим Египта — были бы категорически против такого исхода.

Им хотелось победить в вооружённой гражданской войне, а не открыть дорогу исламской демократии — именно той политической силе, которая потенциально способна свергнуть их самих.

Не следует забывать и решающую роль мировых держав.

США и европейские союзники отказались вмешиваться в сирийскую гражданскую войну столь же мощным и решительным ударом авиации, каким они уничтожили государство Каддафи в Ливии.

Именно это невмешательство в значительной степени позволило сирийскому режиму выжить — особенно после того, как Россия решила вступить в войну в сентябре 2015 года.

Через 2 года война была фактически выиграна.

Но существуют пределы тому, насколько далеко может зайти союз Сирии с «Хезболлой» и Ираном.

Большинство населения Сирии — сунниты.

Рано или поздно это большинство придётся включить в управление страной, если Сирия рассчитывает на долговременную стабильность.

Одновременно было бы наивно ожидать, что баасистско-асадовский режим, победивший в жестокой, долгой и крайне тяжёлой гражданской войне, добровольно отдаст существенную часть политической власти.

Российское влияние, почти несомненно, сохранится, несмотря на масштаб обязательств России в войне против Украины.

И если Башар Асад погибнет, например, в результате взрыва, вероятным преемником может стать его младший брат Махер — закалённый в боях и один из наиболее эффективных военных командиров режима.

Ни Саудовская Аравия, ни Израиль, вероятно, не обрадовались бы превращению Сирии в свободное государство с самостоятельно избранным суннитским исламистским правительством.

Если же подобное всё-таки произойдёт, Турция охотно выступит в роли старшего брата и покровителя.

Саудовскую Аравию уже беспокоит положение, которое шиитская «Хезболла» заняла в Ливане.

Однако шииты составляют лишь около пятой части ливанского населения и, чтобы удержать влияние, вынуждены сотрудничать с другими религиозными общинами.

Маловероятно, что Иран сумеет превратить Ливан в далёкую провинцию некой шиитской Персидской империи с военно-морской базой на Средиземном море.

Сохранится ли почти независимый курдский кантон на северо-востоке Сирии вопреки враждебности Турецкой Республики и постепенно восстанавливающейся власти центрального сирийского государства — покажет время.

Этот кантон проявил большую доблесть как база операций против ИГИЛ.

Но история верности Соединённых Штатов своим временным союзникам на Ближнем Востоке не внушает особого оптимизма.

Глава 23

Ирак на чаше весов

Ключевой конфликт Ближнего Востока между шиитами и суннитами

Ирак находится в самом центре исламского мира и любой расстановки сил в регионе. Несколько часов езды от его столицы Багдада — и вы окажетесь у границ Иордании, Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Сирии и Кувейта. У Ирака есть нефть, есть вода, есть сельское хозяйство, есть культура — и слишком много истории. Есть у Ирака и люди: около 40 миллионов человек, из которых три четверти — арабы и одна четверть — курды. Арабское население делится примерно на 60 процентов шиитов и 40 процентов суннитов. Среди арабов и курдов рассеяны меньшинства — езиды, ассирийцы и туркмены.

Судьбу страны всегда определяла ее первозданная география. Слово «Ирак» выводят как из шумерского слова со значением «город», так и из арабского слова «берег», то есть берег реки; подобно тому как для античного мира Ирак был Месопотамией — «землей между реками». Течение двух великих рек, Тигра и Евфрата, определяло судьбу иракских городов. Это одна из колыбелей человечества — здесь изобрели колесо и письменность, здесь впервые преподавали астрономию и арифметику, здесь возникли первые города, а затем благодаря каналам они разрослись до невиданных размеров.

Евфрат берет начало в горах Анатолии, на территории современной Турции, затем широким потоком проходит через восточную Сирию и устремляется на юг. Вдоль этой реки нет естественной географической границы, и многочисленные полуразрушенные стены и крепости были лишь неудачными попытками создать политический рубеж: верхний Евфрат служит плодородной пуповиной, связывающей Ирак, Сирию и южную Турцию — как сегодня, так и в прошлом. Тигр также начинается в Анатолии, но его питают еще пять притоков, стекающих с иранских гор, тесно связывая Ирак с горными культурами к востоку. Ирак никогда не стоял особняком, как Египет, где Нил прокладывает долгий путь через негостеприимную Сахару. Напротив, это место всегда притягивало людей и культуры, а речные пути позволяли ему разрастаться — то до империи, то до поля битвы.

Там, где Евфрат и Тигр почти сходятся в центре Ирака, расположены два естественных узла власти — современные Багдад и Басра. На протяжении тысячи лет они были ключевыми центрами, управлявшими отдельными провинциями, тогда как третья, северная провинция управлялась из Мосула. Это трехчастное деление удивительным образом соответствует современному

разделению на суннитов, шиитов и курдов. Даже в древности эти три области были соперничающими царствами — Ассирией, Вавилонией и Шумером.

Если помнить о столь долгой истории региона, то уже не кажется удивительным, что покойный президент Ирака Саддам Хусейн, происходивший из суннитского ядра страны в ее географическом центре, вел военные кампании на севере против курдов и в южных болотах против шиитов, стремясь утвердить свою власть. Когда он вторгнулся в другие страны — в Иран в 1980 году и в Кувейт в 1991 году, — он действовал по причинам, которые были бы сразу понятны любому правителю Ирака за последние 5 тысяч лет. Он стремился утвердить единство географической Месопотамии, которая, если рассуждать в этих категориях, включает и Хузестан в Иране, и Кувейт. И уж наверняка он хотел укрепить ахиллесову пяту страны — Шатт-эль-Араб, крайне узкий выход Ирака к морю в Персидском заливе, по которому вынужден проходить каждый иракский торговый корабль и каждый нефтяной танкер. Западный берег Шатт-эль-Араба контролирует Кувейт, восточный — Иран.

Любому правителю Ирака эти геополитические границы кажутся двумя руками, сжимающими горло Месопотамии. На востоке находится населенный арабами Хузестан на юго-западе Ирана, на западе — небольшое арабское государство, эмират Кувейт. Многие иракские историки считают, что Кувейт отплыл от материнской земли вследствие махинаций Британской Ост-Индской компании в XVIII веке, навязавшей свою волю городу, наполненному изгнанниками из иракского торгового центра Басры, который в то время находился в осаде.

И вот одна из загадок новейшей истории Ирака. Иракское вторжение в Иран в 1980 году через Хузестан — с целью овладеть восточным берегом Шатт-эль-Араба и некоторыми полезными нефтяными месторождениями — получило поддержку большей части мира, включая Саудовскую Аравию, государства Персидского залива и США. Однако иракское вторжение в Кувейт в 1990 году — ради захвата западной стороны Шатт-эль-Араба и некоторых полезных нефтяных месторождений — вызвало сопротивление тех же держав и привело к тому, что США и их европейские союзники начали Первую войну в Персидском заливе.

Мотивы Второй войны в Персидском заливе 2003 года, пожалуй, еще труднее понять — с какой бы моральной или геополитической точки зрения мы ни смотрели. В этой войне США во второй раз разгромили иракские вооруженные силы, а затем завоевали и оккупировали Ирак. Это была демонстрация всему миру — возможно, последняя — подавляющей мощи американской военной машины; британцы играли при этом второстепенную роль. Все происходило как

реакция на американскую травму 11 сентября. И все же войну начали против не той страны.

Но прежде напомним несколько важных эпизодов из ранней новой истории Ирака. Как мы уже видели, высокоразвитая столица Аббасидов — Багдад — была разграблена монголами в 1258 году. Сначала воды реки покраснели от крови четверти миллиона мирных жителей, затем почернели от чернил, когда в нее выбросили содержимое городских библиотек. Следующие 250 лет пастбища Ирака становились предметом борьбы между соперничающими тюркскими военачальниками; среди них были и кровавые завоевания Тимура, сознательно шедшего по следам монголов. А затем началась двухсотлетняя война между турками-османами и персами-Сефевидами.

Для мирного населения эта война была ничуть не менее беспощадной, чем прежние конфликты. Сефевиды, когда брали верх, могли вырезать целые суннитские города, тогда как их суннитский противник — Османская империя — поступал так же с шиитскими городами. Османский султан Селим Грозный «очищал» путь своего войска от шиитов, а шах Исмаил, захватив Багдад, уничтожил там все суннитское население. Усыпальницы суннитских ученых стали своего рода архитектурной лакмусовой бумажкой власти. Мечеть, связанную с гробницей Ибн Ханбала, шииты разрушили в 1508 году; османский султан Сулейман Великолепный, лично приведший свою армию в Ирак, восстановил ее во всем великолепии, а в 1624 году шах Аббас вновь уничтожил. В целом османы были не столь свирепо разрушительны, как Сефевиды. Будучи суннитами основного течения, они почитали святость семьи Пророка, поэтому гробницы имама Али в Наджафе и имама Хусейна в Кербеле украшались дарами, а не разрушались. В 1639 году по Зухабскому договору Сефевиды окончательно уступили Ирак османам, после чего почти 300 лет страна управлялась из Стамбула.

Во время османо-сефевидских войн городское население Ирака сократилось. Местные евреи и христиане нередко переживали смуты легче своих мусульманских соседей, поскольку занимались торговлей и городскими ремеслами. Другими великими выжившими оказались арабские племена сельской местности. Если ваше богатство измерялось стадами, а жилище было соткано из ткани и легко переносилось с места на место, шансы уйти от вторгающейся армии и сборщиков дани возрастали многократно. Арабские племена были нужны и самим завоевателям — не только как конница для войск, но и как гарантия безопасности пустынных дорог. В сельских областях власть племенных шейхов была непререкаема.

Османы разделили Ирак на традиционные три провинции и назначали губернаторов — пашей или вали — в Мосул, Багдад и Басру. Губернатор был

крупной публичной фигурой. Он правил, опираясь на постоянный гарнизон янычар — молодых иностранных солдат, присылаемых из далекой столицы. Жалованье им платили серебряными монетами с именем правящего султана, имя которого почтительно упоминалось и в пятничной молитве. Однако в иракской политике существовало любопытное встречное течение: хотя Ирак официально был провинцией Османской империи, на практике многие его связи с внешним миром — торговля, миграция и огромный ежегодный поток шиитских паломников — были направлены на восток, в Иран. На всем протяжении этого периода примерно четверть населения Багдада составляли евреи, и город был центром еврейской учености и финансов. Купцы Басры были в основном суннитами. Их торговый горизонт был чрезвычайно широк: Китай, Индия и Британская Ост-Индская компания.

В середине XIX века Ирак ощутил преимущества резкого роста административной эффективности, когда Османская империя реформировала саму себя. Из существовавших исламских благотворительных фондов выросли новые школы, библиотеки и больницы, создавая инфраструктуру, которой желали сами городские общины, которую они оплачивали и о которой заботились. В этот же период появились первые печатные газеты — «Аз-Завра», «Аль-Маусиль», «Аль-Басра», — что способствовало росту грамотности и одновременно продолжало отражать трехчастную природу Ирака. Появились и осторожные шаги в сторону политического представительства. К 1908 году в 275-местном османском парламенте в Стамбуле заседали 60 арабских депутатов, а арабских офицеров в османской армии было уже достаточно, чтобы они создали собственный клуб. В целом шииты юга Ирака оставались равнодушны к этим связям с реформирующейся Османской империей, считая османского султана узурпатором в его притязаниях на титул халифа. Поэтому карьеры в османской армии и места в парламенте доставались главным образом арабам-суннитам, курдам и туркменам центрального Ирака.

Когда в 1913 году в результате военного переворота к власти в Османской империи пришли трое резких и честолюбивых турецких националистов, британцы испугались, что их господствующее положение в Персидском заливе окажется под угрозой. В первые месяцы Первой мировой войны, в октябре 1914 года, они оккупировали Басру. Перед лицом этой агрессии старые распри внутри Ирака были забыты. Арабские племена сельской местности поддержали 6-ю османскую армию, а шиитские богословы встали рядом с суннитской улемой и поддержали призыв к всемирному джихаду против британцев.

Однако арабские шейхи пришли в ужас от жестокости современной войны, когда в апреле 1915 года в битве при Шуайбе их молодых воинов косили британские пулеметы и гаубицы. После этой победы британская армия решила

взять Багдад, но вместо этого оказалась отрезанной в Куте. Капитуляция британских войск в апреле 1916 года, последовавшая за провалом высадки в Галлиполи, стала одной из низших точек британского военного престижа. Арабское восстание под руководством хашимитских шейхов, союзных с британцами, действовавшими из Египта, поддержки в Ираке не получило. Тем не менее в конце концов британцы победили и в марте 1917 года заняли Багдад. На следующий год 6-я османская армия в Ираке была уничтожена как эффективная боевая сила. В мае 1918 года был занят и северный Киркук.

Когда османская власть исчезла, наружу выступила внутренняя политика самого Ирака. На крайнем юге после ухода османской армии возник шиитский эмират. В северных горах племенной вождь шейх Махмуд Барзанджи провозгласил независимое курдское государство. В центре Ирака британцев в 1918 году встречали как освободителей: они обещали самоопределение и независимость. Но после двух лет военной оккупации стало ясно, что Ирак намерены присоединить к огромной Британской Индийской империи.

В 1920 году одновременно вспыхнули два восстания. Одно возглавили суннитские арабские племена среднего Евфрата, второе, совершенно отдельное, возникло на шиитском юге при поддержке старших шиитских богословов. На заднем плане маячили возможные региональные игроки: например, эмир Кувейта Мубаррак ас-Сабах, который, похоже, был не прочь отхватить кусок Ирака. Тем временем шейх Хазаиль из Мухаммары строил планы создания независимого эмирата Хузестан из арабоязычной южной провинции Ирана.

Британцы сосредоточили силы против суннитского арабского восстания на среднем Евфрате, бомбили деревни с воздуха и убивали иракских воинов пулеметами, установленными на бронеавтомобилях. Затем они выдвинули хашимитского эмира Фейсала, командовавшего северной армией Арабского восстания, кандидатом на иракский престол. Со времени падения Багдада в 1258 году страна не знала независимости, и перспектива казалась захватывающей. Фейсал происходил из рода Пророка, а потому, хотя и не был шиитом, по крайней мере считался сейидом. Курды, желавшие собственного независимого государства, не любили его как арабского принца; большинство суннитских арабских нотаблей считало его чужаком-карьеристом, явившимся с Красного моря. Но Фейсал был умен и имел некоторый политический опыт: он служил арабским депутатом в старом османском парламенте. Он усердно ездил по стране, беседуя со всеми общинами об их возможностях. Он объяснял, что британскую военную оккупацию Ирака, быть может, никто никогда не полюбит, но британцы все же лучше французов, которые только что вторглись в Сирию. Кроме того, Ираку тогда был нужен сильный военный союзник: к северу находились турки, к востоку — персы, а с юга совершали набеги саудовские

ихваны. Британцы организовали референдум 1921 года, на котором король Фейсал получил 96 процентов голосов.

У Фейсала были планы. Ядром безопасности его Иракского королевства должны были стать 600 иракских солдат — ветеранов Османской империи, некоторые из которых служили под его началом во время Арабского восстания. Они происходили не из семей племенных шейхов, а из образованного городского среднего класса и в подавляющем большинстве были суннитами. Они понимали необходимость единства и подчинения и сравнительно легко перенесли свою верность с османского султана на хашимитского короля. Вместе с ними появился и командующий — Джафар аль-Аскари.

Джафар, огромный, быкоподобный мужчина, уроженец Мосула и сын арабского полковника османской армии, участвовал в победоносной османской кампании в Галлиполи. Но казнь в 1916 году 21 видного арабского интеллектуала по приказу турецкого губернатора Сирии подтолкнула его решительно перейти на сторону Хашимитов. Фейсал сильно рисковал, доверяя столь большую ответственность кадровому османскому офицеру, но Джафар оправдал доверие. Его шурин Нури ас-Саид, также офицер османской армии, тоже сменил сторону и стал начальником Генерального штаба.

Фейсал, Джафар аль-Аскари и Нури ас-Саид оказались весьма сильной командой. Они умели позволять другим людям на время выходить на первый план и не стремились монополизировать государственные должности, предпочитая управлять делами в долгосрочной перспективе. Нури ас-Саид с перерывами оставался опорой иракской политики вплоть до 1958 года.

Перед иракским режимом стояло множество проблем. Самой острой было то, что Фейсал и его министры признавали необходимость тесного военного союза с британцами, тогда как этот неокOLONиальный протекторат, оформленный мандатом Лиги Наций, был фантастически непопулярен среди населения. Другим великим вопросом — тем, что определяет иракскую политику до сих пор, — была судьба курдского севера и шиитского юга.

В 1921 году население Ирака составляло около 3 миллионов человек: 52 процента — арабы-шииты, 20 процентов — курды, 20 процентов — арабы-сунниты, а оставшиеся 8 процентов — евреи, ассирийские и халдейские христиане, туркмены и езиды. Новый режим прежде всего добился лояльности арабов-суннитов, привлекая шейхов крупнейших арабских племен традиционными дарами — землей, административными должностями и 40 процентами мест в парламенте.

Тем временем на севере британцы маневрировали, пытаясь нейтрализовать турецкие притязания на Курдистан, чтобы заполучить нефтяные месторождения Киркука в провинции Мосул. Британцы выпустили курдского лидера шейха

Ахмеда Барзани из тюрьмы, куда сами же его и посадили, и назначили губернатором Сулеймании. Затем они пообещали курдам самоуправление и попросили Лигу Наций направить комиссию, которая должна была задним числом одобрить уже созданное на земле положение. Турецкая Республика так и не простила Британии похищения богатой нефтью провинции Мосул, и до сих пор этот район остается одной из пороховых бочек Ближнего Востока.

Османскую нефтяную компанию Мосула переименовали в Иракскую нефтяную компанию и зарегистрировали как британскую. Французы получили 23,75 процента, США — еще 23,75 процента, разделенные между Mobil и Standard Oil, а Royal Dutch Shell и Anglo-Persian — корпоративный предок BP — получили по 23,75 процента каждая. 5 процентов отвели армянину Калусту Гюльбенкяну, посреднику, помогавшему заключить сделку. 20-процентная доля, которую на раннем этапе переговоров предполагалось передать Ираку, к моменту завершения сделки испарилась. Однако нефтяные роялти обеспечили иракскому правительству полезный поток доходов, который к 1941 году позволил увеличить армию до 43 тысяч человек.

Иракскую армию обучали и вооружали британцы, а поддержку ей обеспечивали две авиабазы Королевских ВВС. Очень скоро армия получила дело. Как только вопрос Мосула был улажен, идею курдского самоуправления тихо убрали в сторону, а ВВС и иракскую армию бросили против курдов. В июле 1924 года шейх Махмуд Барзанджи укрылся в Иране, откуда руководил вооруженной борьбой до 1931 года. В 1932 году шейх был вынужден искать убежище в Турции, где его арестовали. Такая пограничная война в курдских горах вполне устраивала британцев: новая армия получала занятие и врага, а Британия могла выглядеть полезным союзником иракского режима, а не только его кукловодом.

Шиитские ученые юга Ирака объявили всю мандатную конструкцию фикцией, созданной исключительно в интересах британцев. И они были правы. Даже после того как в 1932 году Британия предоставила Королевству Ирак независимость, она сохранила за собой право поставлять и продавать оружие, использовать авиабазы Королевских ВВС как суверенную территорию, оккупировать Ирак в военное время и контролировать всю внешнюю политику. Поэтому шиитские богословы советовали своим людям не участвовать в выборах: участие означало бы молчаливое признание марионеточного режима.

Угрюмая враждебность переросла в насилие летом 1927 года, когда иракская армия открыла огонь по шиитскому шествию. Офицера, руководившего этой расправой, не наказали — его повысили. Положение усугубил государственный служащий, опубликовавший книгу, высмеивавшую шиитские традиции. Поэтому шиитское большинство стремилось избегать службы в национальной

армии. Езиды и ассирийцы столь же неохотно отдавали молодых людей на воинскую повинность. Это давало амбициозным молодым суннитским арабским офицерам возможность подавлять провинциальные восстания и все сильнее распаляться праведным гневом против «предателей».

Внутри нового правящего слоя суннитских арабских офицеров шли споры о будущем направлении Ирака. Ватанийя — «люди нации» — были иракскими националистами. Их занимало великое месопотамское прошлое, и они сознавали, какую роль — и хорошую, и дурную — сыграли Персия и Турция в становлении современного Ирака. Поэтому в их видении находилось место и курдам, и шиитам, и христианам. Кавмийя — сторонники «арабского единства» — не меньше гордились Ираком, но видели свою страну естественным центром куда более мощной независимой империи арабских народов. Они черпали вдохновение в Аббасидском халифате и одновременно смотрели вперед — к арабскому интеллектуальному возрождению. Единство или тесный союз с арабской Сирией и арабской Иорданией входили в эту картину; заодно такой союз превратил бы арабов-суннитов внутри Ирака из меньшинства в большинство.

Эти два интеллектуальных течения переплетались с другими лояльностями — социалистическими и коммунистическими, — но всех объединяла ненависть к британскому протекторату. Руку Британии, манипулировавшей арабской политикой ради собственных узких интересов, можно было проследить прямо на карте — вдоль нефтепровода, по которому британцы выкачивали нефть из Киркука и гнали ее через сирийскую пустыню в палестинский порт Хайфа, где она становилась топливом для британского флота в Средиземном море.

Как и всегда, всех иракских патриотов объединяла ситуация на южной границе. Если Ирак определялся своей арабской природой, разве арабы Кувейта и арабы Хузестана не были частью той же нации? Если Ирак определялся естественными географическими границами, разве Месопотамия не должна была включать Кувейт и Хузестан? Здесь ватанийя и кавмийя мыслили одинаково.

Король Гази, унаследовавший трон после смерти Фейсала в 1933 году, не обладал опытом отца. Зато он был гораздо популярнее в народе, поскольку открыто критиковал британское правление в Палестине и заявлял, что Кувейт — утраченная провинция Ирака. Его гибель в автокатастрофе в 1939 году в народе считали делом рук британских тайных агентов.

Первый из многих военных переворотов был подготовлен в 1936 году генералом Бакром Сидки, вероятно, при поддержке короля Гази. Бакр Сидки ориентировался на пример Турции и Ирана, которые тогда превращались в современные национальные государства под авторитарным руководством

военного лидера. Он хотел столь же решительно модернизировать Ирак. Во внутренних военных кампаниях — сначала против христиан-ассирийцев в 1933 году, затем против шиитов юга в 1935-м — он показал себя жестоким и эффективным генералом. Будучи наполовину арабом, наполовину курдом и опираясь на сеть туркменских офицеров и солдат, генерал казался живым воплощением нового Ирака, выкованного из всех его общин. Возможно, он и мог бы им стать, но в августе 1937 года его застрелили по приказу группы из семи старших офицеров, опасавшихся, что он слишком активно продвигает своих туркменских и курдских сторонников.

Во время Второй мировой войны группа молодых иракских офицеров, известная как «Золотой квадрат», попыталась избавиться от ненавистных британцев. В апреле 1941 года они поддержали переворот во главе со старым генералом Рашидом Али и призвали к джихаду против Британской империи. Но хотя в этот момент Британия казалась близкой к поражению, союзники заговорщиков по Оси находились слишком далеко и были слишком заняты на других фронтах, чтобы оказать действенную помощь. В Мосул действительно прибыло 30 самолетов с оружием, однако британцы действовали решительно и подавили переворот. Больше всех от этого 30-дневного кризиса пострадала древняя еврейская община Багдада: два дня грабежей и убийств, вошедшие в историю как Фархуд, унесли жизни 180 иракских евреев, сотни были ранены. Заблудший гнев толпы подпитывался тревогой за судьбу арабской Палестины, восстание которой 1936–1939 годов британцы также только что подавили.

Курдская дипломатия вынуждена течь сразу во многих направлениях: курды ищут любого союзника, способного помочь их борьбе за независимость. Особенно это проявилось во время Второй мировой войны, когда русские по соглашению с британцами оккупировали север Ирана. Советская оккупация привела к созданию социалистической республики на северо-западе Ирана, что вдохновило курдское восстание в северном Ираке в 1945 году под руководством Мустафы Барзани, младшего брата лидера курдского сопротивления шейха Ахмеда Барзани. Иракская армия подавила восстание, и курдские бойцы были вынуждены отойти обратно через горы в занятую Советами часть Ирана, где поддержали недолговечную Курдскую Республику Мехабад. Летом 1947 года и она была разгромлена, однако Советский Союз продолжал поддерживать этих курдских повстанцев до 1958 года. Союз был маловероятный: горный племенной вождь сотрудничал со сталинскими начальниками советской Средней Азии.¹

¹ Эта история могла бы показаться отвлекающей сноской в истории Ближнего Востока, если бы не имела важных последствий. Курдское движение сопротивления — ДПК — в период изгнания в Советском Союзе политически радикализировалось. К 1951

Как мы уже видели, после окончания Второй мировой войны французские войска покинули Сирию в 1946 году, и это вновь породило надежды на ту или иную форму арабского союза. Надежды усилились, когда в 1948 году было широко объявлено о выводе британских войск с части их баз в Ираке. Однако после раскрытия секретных военных статей стало ясно, что британское военное влияние сохраняется. Вспыхнули массовые уличные протесты, власти ввели военное положение, а затем страсти еще сильнее разожгла арабо-израильская война 1948–1949 годов. Ирак отправил 15 тысяч солдат на помощь арабским братьям в Палестине, но действенного руководства им так и не обеспечили.

Нури ас-Саид, иракский политический тяжеловес всего этого периода, предвидел многие вероятные проблемы арабо-израильской войны и позаботился о том, чтобы на тот момент не занимать государственный пост. Так он ловко уклонился от ответственности за арабское поражение и послевоенные взаимные обвинения между политическим руководством Иордании, Сирии и Египта. И все же, несмотря на репутацию прозападного и антикоммунистического лидера, он заслужил уважение как политик, вернувший Ираку контроль над нефтяной промышленностью. Между 1951 и 1958 годами добыча нефти в Ираке выросла на 400 процентов, а государственные доходы — на 600 процентов. Нури ас-Саид обещал направлять 70 процентов новых поступлений на долгосрочные инфраструктурные и развивающие проекты. Одновременно он терпеливо вовлекал южные две трети страны в занятость в школах, больницах и министерствах. Это отражалось и в его кабинете, половину которого составляли шииты. К тому времени возник достаточно многочисленный грамотный средний класс, чтобы могла работать многопартийная демократия. К лету 1954 года Ирак был платежеспособной и независимой страной с конституционной монархией, живой прессой и почти свободной избирательной системой. В ретроспективе именно эти годы оказались золотой эпохой свободы и свободы слова в Ираке.

Военный переворот в Египте в июле 1952 года, свергнувший короля Фарука и создавший республику под руководством полковника Насера, с огромным интересом наблюдали молодые иракские офицеры, видевшие, насколько популярен этот переворот на улицах Багдада. Четыре года спустя, во время Суэцкого кризиса, Насер стал героем всего арабского мира. За этим последовало стихийное объединение Сирии с Египтом, а затем и Йеменом, в недолговечную Объединенную Арабскую Республику. Насер и его панарабская идея шли

году оно уже требовало земельной реформы и прав рабочих и крестьян, что подталкивало арабские военные элиты Ближнего Востока сохранять прежние западные союзы.

вразрез с терпеливыми попытками Нури ас-Саида выстроить сильную национальную идентичность Ирака, способную объединить людей разных вер и этнического происхождения. Решение Нури включить Ирак в Багдадский пакт — антисоветский военный союз Турции, Ирана, Пакистана и Британии — было ненавистно иракцам, воспринимавшим его как направленный против Насера. Когда части иракской армии направили для защиты Ливана и Иордании, возникло впечатление, что Ирак открыто выступает прислужником ненавистной Британии против арабов во главе с Насером.

Политическое давление, накапливавшееся десятилетиями, больше невозможно было сдерживать. 14 июля 1958 года военный переворот обрушился на иракский режим. Он явно был создан по образцу переворота Насера в Египте.

Насилие иракской революции стало потрясающим свидетельством того, сколько ярости накопилось под тонкой оболочкой конституционной монархии, которой манипулировали британцы. В Египте хедива проводили до корабля, отдали ему честь и отправили в изгнание. В Ираке престарелого принца-регента, молодого короля Фейсала II и старого Нури ас-Саида расстреляли, их тела волокли по улицам, над ними издевались и вывешивали как бесформенные туши. Патриотическая ярость, копившаяся за долгие годы британского господства, наконец нашла выход.

Абд аль-Карим Касем, бригадный генерал, стоявший за переворотом 1958 года, демократом не был. Он хотел править как популистский сильный лидер наподобие Насера и называл себя аз-Заим аль-Аухад — «единственным вождем». Отец Касема был бедным арабом-суннитом, земледельцем к югу от Багдада, мать — шииткой-курдянкой. Как многие диктаторы, он вырос без отца.¹

В деревне разгорелась социальная революция, призывавшая крестьян восстать против трех тысяч землевладельцев, которым принадлежала половина сельскохозяйственных земель. Потоки нефтяных доходов позволили Касему финансировать впечатляющее расширение жилищного строительства и создание новых школ для бедных. Касем заключал союзы с радикальными силами арабского мира и пригласил в режим как Иракскую коммунистическую партию, так и партию Баас.

Партия Баас, влиятельная во всем арабском мире, как мы уже видели, обычно привлекала молодых профессиональных арабов, поднявшихся благодаря собственным способностям и выступавших против монополизации власти и богатства старыми землевладельческими семьями, связанными с купцами и племенными вождями. Баасисты были светскими интеллектуалами и

¹ Саддам Хусейн также рос без отца — под опекой своего дяди, убежденного сторонника партии Баас.

социалистами, но одновременно оставались политическими плюралистами и не исповедовали доктринерского атеизма, свойственного Коммунистической партии. Одной из самых впечатляющих особенностей Баас было то, что партия преодолевала религиозные разделения Ближнего Востока — не только между суннитами и шиитами, но и между мусульманами и арабскими христианами.

9 февраля 1963 года баасистская фракция иракской армии совершила успешный переворот. Касем пережил столько покушений, что к этому времени спал на походной кровати прямо в своем кабинете в Министерстве обороны. Его изрешеченное пулями тело показали по телевидению, чтобы доказать: харизматичный правитель последних пяти лет действительно мертв. Его соратник по перевороту 1958 года Абд ас-Салам Ариф теперь вышел вперед как генерал-президент.

Партии Баас, оказавшейся на подъеме, разрешили расширять собственную милицию, численность которой достигла 30 тысяч человек. Для того чтобы как-то примирить расколы, схизмы и соперничества, расплзавшиеся по арабскому миру, возникало почти оруэлловское двоемыслие. На улице все могли соглашаться с лозунгом «Арабская свобода, арабское единство и арабский социализм», но чем именно политическое кредо насериста отличалось от баасиста? Какова была точная доктринальная причина, расколовшая сирийскую и иракскую партии Баас в 1966 году? И если Насер по-прежнему правил Египтом, а Баас уже находился у власти и в Сирии, и в Ираке, почему не возникала Объединенная Арабская Республика?

Ответы были написаны на самой карте Ближнего Востока. Ирак находился на восточной окраине Аравии, Египет — на западной. Ни один из них географически не выглядел естественным центром возникающей пан-Аравии. Поэтому чистки и утренние аресты продолжались, а за отсутствием ясных политических ответов произошел возврат к современной форме племенного уклада. Президенту Ирака оказалось удобно назначить представителя собственного племени аль-Джумайла командующим элитной Республиканской гвардией, а тот, в свою очередь, сделал свое племя главным источником набора. Точно так же летом 1964 года генерал и вице-президент Ахмед Хасан аль-Бакр позаботился о том, чтобы его молодой двоюродный брат Саддам Хусейн стал новым секретарем партии Баас и присматривал за командирами милиции.

Партия Баас из младшего партнера превратилась в хозяина власти. С Коммунистической партией поначалу заигрывали, но это оказалось лишь приемом, позволившим выявить ее реальный состав; после этого коммунистов вычистили из государственных учреждений и арестовали. Под удар попадали и соперничающие фракции баасистов, насеристов, марксистов и коммунистов — с показательными процессами и публичными повешениями «шпионов»,

«террористов» и «предателей». В 1966 году Баас раскололась на соперничающие сирийскую и иракскую фракции, которые затем продолжали сводить счеты на улицах Ливана, в лагерях палестинских беженцев и среди арабской диаспоры Парижа и Лондона.

На севере Ирака новый режим действовал по уже отработанной политической формуле. Сначала провозглашался мир с курдами и начинались переговоры на безопасные темы вроде федерализма и кантонального самоуправления. Но как только речь заходила о том, кто будет держать оружие и кому достанутся нефтяные деньги, переговоры захлебывались. Затем режим пытался расколоть курдов, создавая проправительственную фракцию. Боевые действия возобновлялись. Весной 1969 года курдская милиция Барзани нанесла удар по жизненно важным нефтяным месторождениям Киркука. После летней кампании, вернувшей иракской армии контроль на земле, Саддам Хусейн — уже одна из важнейших фигур в стране, хотя еще не президент — сел за тайные переговоры. Он согласился на четырехлетнее перемирие, которое должно было завершиться референдумом об окончательном статусе независимого Курдистана. Барзани разрешалось сохранить командование своей милицией, но он соглашался отвести ее в безопасный Иран. Решение казалось рабочим. Однако, чтобы результат в ключевом вопросе был гарантирован, Саддам организовал переселение лояльных арабов-суннитов на нефтяные промыслы Киркука, чтобы те при любых обстоятельствах оставались частью Ирака.

На юге режим продолжал традиционное иракское вмешательство в дела Арабистана — так в Ираке называли иранскую провинцию Хузестан с ее преимущественно арабским населением. Это раздражало шаха, который решил занять жесткую позицию по точному прохождению иранской границы вдоль Шатт-эль-Араба. В ответ иракский режим попытался заставить местное шиитское руководство опубликовать официальное осуждение внешней политики Ирана. Но шиитские ученые отказались вмешиваться в спор вокруг линий на карте. Тогда режим чрезмерно резко отреагировал на традиционную независимость шиитской ученой среды и в апреле 1969 года выслал из университетского и паломнического Наджафа 20 тысяч шиитов, объявив их по своей лояльности иранцами, а не иракцами.

Так по югу Ирака были катастрофически проведены линии двух конфликтующих лояльностей. Партия Баас, сотрудничая со многими светски настроенными шиитами, теперь попыталась уничтожить влияние духовенства; сами же шиитские богословы объявили фетву против членства в партии. Но массовые высылки и произвольные аресты породили на юге особое настроение, которое привело нового шиитского аятоллу Ирака Мухаммада Бакира ас-Садра к более вызывающей политической позиции. Он родился в Багдаде, и его

невозможно было представить как иностранного ученого, вмешивающегося из Ирана.

В других вопросах режим действовал тоньше. В 1972 году он грамотно провел национализацию иракской нефтяной промышленности, и к 1975 году государство получало 8 миллиардов долларов нефтяных доходов в год. Около 40 процентов расходов уходило на армию и безопасность, но оставалось более чем достаточно, чтобы государство обеспечивало городских рабочих и бедных крестьян продовольствием, жильем и медицинской помощью. Саддам Хусейн также энергично продвигал программы образования и занятости женщин.

В 1972 году был подписан договор с Советским Союзом. Он не только положил конец давней внутренней вражде между баасистами и коммунистами в Ираке, но и гарантировал надежный источник вооружений и прочно включил Ирак в международный союз прогрессивных социалистических государств. Неудавшийся внутренний переворот летом 1973 года дал Саддаму Хусейну — его пожилой двоюродный брат тогда еще был президентом — возможность провести чистку служб безопасности и поставить на ключевые позиции собственных людей, среди них своего единоутробного брата Барзана ат-Тикрити. Клан ат-Тикрити численностью около 20 тысяч человек все теснее связывался с властью. Несколько лет спустя высокие должности получили и двоюродный брат, и шурин Саддама.

Если считать уничтоженные танки и самолеты, арабо-израильская война Судного дня 1973 года кажется критически важным конфликтом. Но с исторической дистанции куда важнее не сами бои, а перемирие, навязанное нефтяным эмбарго во главе с Саудовской Аравией. Внезапно арабы обнаружили оружие, которое действительно работало, и одновременно завершили долгую борьбу за владение собственной нефтяной промышленностью. Это же ознаменовало выход Саудовской Аравии на позицию нового стержня ближневосточной политики. Египет утратил репутацию независимого лидера арабов после мира с Израилем в Кэмп-Дэвиде в 1978 году и превратился в оплачиваемого союзника США. Стремление и Ирака, и Сирии занять место Насера, умершего в 1970 году, — еще один ключ к пониманию ожесточенного регионального соперничества двух арабских государств.

Как мы уже видели, 1979 год был переломным для Ближнего Востока. Именно тогда родилась наша запутанная современная эпоха; в том же году Саддам Хусейн формально сменил двоюродного брата на посту президента Ирака, хотя фактически распоряжался властью как заместитель правителя еще со времени переворота 1968 года. Панарабское дело продолжала отстаивать партия Баас, но во всем остальном Саддам последовательно придерживался месопотамской повестки. Его часто изображали в военной форме, но на деле он

был одним из немногих правителей Ирака, не прошедших военную карьеру. Вся его дорога к власти лежала внутри партии Баас, пусть и в ее аппарате безопасности.

Восхождение Саддама Хусейна к власти уже давало кровавые намеки на будущее. Его пожилой двоюродный брат, президент Хасан аль-Бакр, собирался положить конец соперничеству баасистских режимов Сирии и Ирака, подписав договор об объединении. Но Саддам был решительно настроен править сам и поспешно вынудил старого родственника уйти в отставку, после чего арестовал и подверг пыткам Абдель Хасана, постоянного секретаря Совета революционного командования. В телевизионной сцене, напоминавшей сталинскую Великую чистку Коммунистической партии 1937 года, сломленный пытками Абдель Хасан обвинил 60 членов Баас в якобы существовавшем «сирийском заговоре». Когда их имена зачитывали вслух, телекамера ловила их растерянность, тревогу и судорожные движения: люди поспешно поднимались и покидали зал заседаний. Убили не всех, но помилованных поощряли доносить на других членов партии и формировать добровольные расстрельные команды. Эта кровавая партийная чистка завершилась 500 казнями.

Воодушевленное успехом исламской революции в Иране, шиитское духовенство юга Ирака в июне 1979 года отреагировало на государственные репрессии с необычной уверенностью и организованностью. Уличные протесты вышли далеко за пределы шиитского ядра священных городов Наджафа и Кербелы и охватили южные предместья самого Багдада. Власти ответили 5 тысячами арестов. К октябрю 1979 года ведущие представители шиитского духовенства уже начали мыслить в категориях решительного оппозиционного движения против режима Саддама Хусейна. Штаб-квартира партии «Ад-Дава», созданной в 1957 году как шиитская политическая партия и давно подвергавшейся государственным преследованиям, официально находилась в Тегеране.

3 апреля 1980 года в Багдаде агент из Ирана бросил гранату, пытаясь убить заместителя премьер-министра Тарика Азиза. Покушение не удалось. 5 апреля был арестован ведущий шиитский ученый аятолла Мухаммад Бакир ас-Садр, а вслед за ним его сестра Бинт аль-Худа. Их увезли из домов в Наджафе на допрос в здания Министерства обороны в Багдаде, пытаясь доказать прямую цепочку управления от шиитского духовенства Ирака через партию «Ад-Дава» в изгнании в Иране к террористической атаке с гранатой. Согласно некоторым эмоционально окрашенным рассказам, Саддам Хусейн лично участвовал в расследовании; Бинт аль-Худу изнасиловали на глазах у брата, затем ему вбили в череп железный гвоздь, после чего расстреляли. Для человека, воспитанного в шиитской традиции, такое жестокое мученичество от рук «Власти» не

покажется чем-то неожиданным. Эти двое известны как мученики 9 апреля — даты, которая по иронии судьбы 23 года спустя стала днем падения Саддама Хусейна. Ни один западный лидер не осудил Ирак за эти убийства; вслед за ними с юга страны выслали 40 тысяч шиитов, которых объявили иранцами, а не иракцами.

Саддам Хусейн начал вторжение в Иран в сентябре 1980 года. И он сам, и большинство иракцев понимали эту войну не как столкновение суннитов с шиитами, а как попытку расширить узкий выход страны к морю через Шатт-эль-Араб. Возможно, Саддам мечтал присоединить к Ираку и богатые нефтяные месторождения Хузестана с его преимущественно арабским населением, однако он должен был понимать цену: шиитское большинство в Ираке стало бы еще больше, поскольку практически все 4 миллиона арабов Хузестана — шииты.

Иранские вооруженные силы долго считались лучше всего обученными и оснащенными на всем Ближнем Востоке, но после революции офицерский корпус был обезглавлен арестами, эмиграцией и политическими чистками. Саддам Хусейн имел основания считать, что Иран ослабил сам себя. Он никогда не служил в армии, и теперь ему, должно быть, представился великолепный шанс проявить себя военным вождем. План предполагал короткое и решительное вторжение: занять значительную часть иранской территории, заключить перемирие, а затем перейти к мирным переговорам, итогом которых должен был стать контроль Ирака над Шатт-эль-Арабом.

Как уже рассказывалось, все произошло иначе. Неожиданное нападение внешнего врага мгновенно оживило боевой дух иранских вооруженных сил. Иран остановил иракское наступление, а затем перешел в контратаку.

В 1980 году Ирак имел резервы в 30 миллиардов долларов. После трех лет войны все они были истрачены и сменились внешним долгом в 25 миллиардов. Катастрофические военные расходы усугубило падение цен на нефть — с 26 долларов за баррель в 1980 году до 9 долларов в 1982-м. Ирак смог продолжать войну только благодаря поддержке Саудовской Аравии и эмиратов Персидского залива, которые всегда настороженно относились к силе Ирана, а после Иранской революции тревожились особенно сильно. Так ирано-иракская война, начавшаяся как спор о территории, приобрела новое измерение: вокруг Саддама Хусейна стал складываться союз суннитских арабских государств.

Катастрофические разрушения этой войны почти не освещались на Западе. США вяло поддерживали Ирак лишь потому, что еще сильнее ненавидели клерикальный режим Ирана; это настроение выразила печально известная фраза Киссинджера: «Жаль, что проиграть не могут обе стороны». Но одно несомненно: крупнейшие индустриальные державы наживали состояния на продаже военных материалов, часто обеим сторонам, особенно после того как

противники начали обстреливать друг друга дальнобойными ракетами. К 1988 году долг Ирака достиг 80 миллиардов долларов. Иран столкнулся с аналогичным финансовым крахом, и стороны неохотно согласились на прекращение огня.

В ходе войны выяснились два факта. Арабы-шииты Ирана сохранили верность Ирану, а шииты Ирака — своей стране. Национальная идентичность оказалась сильнее этнических и религиозных различий. Однако курдская ДПК под руководством Барзани встала на сторону Ирана, и Саддам Хусейн объявил ее предателями. Когда война сошла на нет, вся тяжесть его закаленной в боях армии обрушилась на северные горы в кровавой кампании «Аль-Анфаль». Цифры оспариваются, но, возможно, погибло до 100 тысяч курдов, а 80 процентов курдских деревень, связанных с сопротивлением, были стерты с лица земли. Курдским бойцам пришлось искать убежище где только возможно — даже в Турецкой Республике.

Хотя во время войны шиитских восстаний в Ираке не произошло, именно тогда в Иране возникла бригада «Аль-Бадр», набранная из десятков тысяч шиитов, высланных в 1969 и 1980 годах. Эти иракские беженцы, уже пострадавшие за свою веру, стали благодатной почвой для вербовки. Их численность и профессионализм выросли благодаря военным добровольцам из числа десятков тысяч иракских солдат, попавших в плен. После войны эти люди не могли вернуться в Ирак — как предателей их там почти наверняка расстреляли бы. Они остались в Иране, сохранив тесные личные связи со многими руководителями Иранской революции. Однако в Ирак они вернутся гораздо раньше, чем мог предположить любой наблюдатель.

После окончания ирано-иракской войны перед Саддамом Хусейном возникла новая задача: как удержать власть над четвертой по величине армией мира после военного поражения и как вновь внушить нации веру в свое лидерство. Захват Кувейта казался очевидным решением. Как уже отмечалось, это было давней политической целью иракских правителей, а расширение в сторону Кувейта одновременно решало для Саддама несколько внутренних задач: он мог предстать динамичным создателем все более великой Месопотамии и баасистским вождем, строящим панарабское сверхгосударство. Кроме того, у него оставались военные долги, а аннексия кувейтских нефтяных месторождений и списание иракского долга Кувейту быстро решали финансовую проблему.

Отношения США с Саддамом Хусейном тогда были близкими, и когда иракские войска начали сосредотачиваться у южной границы с Кувейтом, к нему приехала делегация из пяти влиятельных сенаторов. Затем, 25 июля, посол США Эйприл Гласпи сказала Саддаму: «У нас нет мнения по поводу межарабских

конфликтов вроде вашего пограничного спора с Кувейтом». В США сенатор Джон Келли, входивший в делегацию, подтвердил, что у Соединенных Штатов нет договора о совместной обороне с Кувейтом. Решение Саддама вторгнуться в Кувейт, возможно, и не получило от США зеленого света, но эти заявления выглядели скорее желтым сигналом, чем красным.

И вот 2 августа 1990 года иракские танки пересекли границу. Это была ставка, которая едва не сыграла. Международные СМИ и политическое руководство находились на каникулах, и поначалу казалось, что президент Джордж Г. У. Буш не хочет наземной войны. Но два ключевых союзника США помогли изменить его мнение: король Саудовской Аравии Фахд и британский премьер-министр Маргарет Тэтчер оба убеждали его в опасности безнаказанности диктаторов, запугивающих соседей. Они утверждали, что уход русских из Афганистана в 1989 году и аргентинцев с Фолклендских островов в 1982-м заложил образец для мирового порядка, в котором диктаторам, бряцающим оружием, следует противостоять. Буш воевал в молодости, возглавлял ЦРУ, был послом и вице-президентом, а потому знал весь набор вариантов не понаслышке. К 12 августа Саддам начал понимать, что его ставка не сработала. Он попытался прикрыть провал образом арабского героя и предложил уйти из Кувейта, если Израиль уйдет с Западного берега.

Сделки не получилось. Тем летом президент Буш терпеливо собирал дипломатическую коалицию, ставшую вершиной американской роли мирового полицейского. Он заручился поддержкой ООН и мог наглядно представить свои действия как ответ на просьбу о помощи от независимого Королевства Саудовская Аравия. К 31 октября в Персидском заливе была развернута союзная армия численностью 400 тысяч человек из 30 государств — арабских монархий и западных демократий. 29 ноября ООН разрешила применение вооруженной силы, установив дипломатический срок до 15 января. Это был славный день нового мирового порядка, дирижируемого всемирной ассамблеей Организации Объединенных Наций. Но до этого Саддам Хусейн успел выпустить по Израилю 42 ракеты «Скад» — ход, принесший ему популярность на арабской улице, где он изображал себя воином вроде Саладина, защитником палестинских арабов. Возможно, Саддам надеялся, что Израиль быстро ответит ударом по Ираку и тем самым расколет союз арабских государств с США. План не сработал, но в процессе Саддам нажил себе могущественных врагов, которые уже никогда не простят и не забудут эту атаку.

Победа на земле была достигнута за первые 100 часов, а прекращение огня объявили всего через 42 дня конфликта. Шииты юга и курды севера Ирака воспользовались поражением Саддама Хусейна и подняли восстания. В апреле 1991 года резолюция ООН № 688 изменила правила игры в Курдистане, создав

бесполетную зону севернее 36-й параллели. Ее активно патрулировали военно-воздушные силы США и западных союзников. Хотя 2 миллиона курдов бежали через границы Ирана и Турции, спасаясь от боев, исключение авиации из военного уравнения изменило ситуацию. К октябрю 1991 года иракская армия ушла из самых северных курдских провинций. В мае 1992 года прошли свободные местные выборы, где голоса почти поровну разделились между двумя соперничающими курдскими партиями — ДПК и ПСК. ДПК — Демократическая партия Курдистана — и ее милиция пешмерга возглавляются семьей Барзани: Масудом, сыном Мустафы, и его племянником Нечирваном; у партии исторические связи с Турецкой Республикой и вражда с курдским сопротивлением РПК в Турции. ПСК — Патриотический союз Курдистана — ориентировался на Иран и время от времени получал поддержку бригады «Аль-Бадр». Эти силы установили контроль над разными пограничными переходами и занялись прибыльной контрабандой нефти, которую порой вели совместно со своими прежними врагами из иракского режима. В 1996 году курдское региональное правительство заключило соглашение с иракским государством, получив 13 процентов национальных нефтяных продаж.

И ДПК, и ПСК опирались на вооруженные формирования численностью до 80 тысяч человек каждая, но сумели сохранить перемирие и не скатиться к полномасштабной курдской гражданской войне. В 2005 году разные временные договоренности были закреплены новой конституцией, создавшей Региональное правительство Курдистана, фактически разделенное на два отдельных эмирата, каждый со своим международным аэропортом. Попытка присоединить нефтяные месторождения Киркука и объявить полную независимость потерпела поражение, но и это было лучшим соглашением, какого когда-либо добивалась курдская община. Для курдов Сирии, Турции и Ирана оно может служить возможной моделью. Однако всякий, кто говорит о независимом едином Курдистане, должен помнить: даже курды Ирака разделены надвое. Два курдских образования северного Ирака поддерживают тесные рабочие отношения с Ираном и Турцией. В прошлом они соперничали с курдами юго-восточной Турции, которые, в свою очередь, союзны курдам северной Сирии.

Менее заметное долговременное последствие Первой войны в Персидском заливе вызревало в Саудовской Аравии. Группы молодых саудовских военных добровольцев, вернувшихся после победы над русскими в Афганистане, предложили охранять границы родины и, если потребуется, помочь освободить Кувейт от вторжения светского баасистского режима Ирака. Не было, по их мнению, никакой нужды обращаться к ненавистным западным державам: они сами справятся, как их деды, служившие в ихванах.

Саудовская Аравия была одной из очень немногих арабских — и вообще мусульманских — стран, которые никогда не были колонизированы, завоеваны или оккупированы западной армией и не жили под протекторатом. Как родина Пророка Мухаммада и двух священных городов — Медины и Мекки, — она, по мнению этих молодых людей, испытывала особое унижение, нуждаясь теперь в помощи Запада для защиты от арабского соседа. Но горячие предложения добровольцев были не столько отвергнуты, сколько попросту оставлены без ответа: в восточную половину Саудовской Аравии хлынули сотни тысяч американских солдат.

Молодые воины, многие из которых выросли в городских семьях среднего класса, ожесточились и начали отстраняться от дел окружающего мира, чтобы строить планы нового исламского государства. Их лидер Усама бен Ладен, тихо говоривший саудовец из хорошей семьи, провел время в Афганистане, помогая моджахедам бороться с Советами. В 1992 году он покинул родину и поселился в Судане, а затем вернулся к старым соратникам в Афганистан, став эмоциональным центром, связывающим единомышленников и группы под знаменем «Аль-Каиды». Главной притягательной силой была возможность для мужчин воевать за то, что они считали благородным делом, быть частью старой традиции, сочетавшей арабскую гордость, ваххабитский милитаризм и салафитское богословие, но теперь дополненной новой разновидностью интернационализма, которую сделали возможной и вдохновили Интернет и мобильный телефон.

План «Аль-Каиды» состоял в том, чтобы обострить «столкновение цивилизаций», атакуя Америку и ее всемирную сеть военных баз. 7 августа 1998 года взрывы разрушили два посольства США в Восточной Африке, а в октябре у берегов Йемена был атакован эсминец USS Cole. Затем последовало 11 сентября, когда ячейка из 19 террористов «Аль-Каиды» захватила четыре внутренних пассажирских самолета США и направила их в башни-близнецы Нью-Йорка и Пентагон. 15 террористов были гражданами Саудовской Аравии, двое прибыли из стран Персидского залива, один из Египта и один из Ливана. Ни одного иракца или иранца среди них не было, как не существовало и организационной связи с Ираком или Ираном. Как позднее признал Джордж У. Буш, сын Джорджа Г. У. Буша и тогдашний президент США: «Одна из самых трудных частей моей работы — связать Ирак с войной против террора».

Тем не менее Вторая война в Персидском заливе была прямым следствием 11 сентября — так вскоре стали повсеместно называть террористические атаки. В 1990-е Америка тихо гордилась своей ролью миротворца мира, но за одну ночь небольшие международные войны, которые она вела в дальних странах, переселились на ее собственную территорию — столь неожиданно и жестоко,

обрушившись на мирный торговый город и его ничего не подозревавших жителей.

Реакция Америки на это посягательство на внутреннюю неприкосновенность, на военный, политический, дипломатический и финансовый суверенитет неизбежно должна была быть сложной. В конечном счете действия США оказались столь же эмоциональными, сколь и стратегическими. Вторжение в Афганистан менее чем через месяц после 11 сентября было рациональным: нужно было найти и уничтожить людей, организовавших террористическое нападение на американских мирных граждан. Желание атаковать Ирак понять сложнее. Среди участников 11 сентября не было ни одного гражданина Ирака. Почему же произошла Вторая война в Персидском заливе? Похоже, США хотели отомстить еще кому-то, а иракский режим уже числился врагом. Возможно, существовала и эмоциональная связь между ракетами «Скад», выпущенными Саддамом Хусейном по Израилю в 1991 году, и событиями 11 сентября десять лет спустя: и то и другое весь мир видел в прямом телеэфире.

История, использованная западными спецслужбами для оправдания этой войны, — будто Саддам Хусейн скрывает оружие массового поражения, — была ложью, но ложью, умело задевавшей память о его ракетных ударах «Скадами» для нагнетания страха.

Во Второй войне в Персидском заливе США и их союзники во второй раз разгромили иракские силы, затем завоевали и оккупировали Ирак. Это было демонстрацией всему миру подавляющей силы американской военной машины. Сто тысяч жертв в Ираке, не говоря уже о хаосе, выпущенном войной на свободу, оказались ценой, которую кому-то пришлось заплатить «за пробуждение спящего гиганта, исполненного страшной решимости». Жаль лишь, что наказали не тех людей.

Американская внешняя политика взяла на вооружение мантру смены режима и при этом странным образом ориентировалась на неподходящий пример. В 1945 году США сумели построить либеральные, свободно торгующие национальные государства по собственному образцу из самого, казалось бы, неблагоприятного материала — нацистской Германии и империалистической Японии. Поэтому одной из главных целей стало хирургически вырезать партию Баас из политического тела Ирака. Решение было странным: во многих отношениях Баас — с ее идеей арабского интеллектуального возрождения, энтузиазмом в отношении женского образования, терпимостью к разным религиям и мечтой о «Соединенных Штатах Аравии» — имела немало общего с «американской мечтой».

Проводя послевоенную политику, США фактически уничтожили существовавшие полицию, армию, государственную службу, систему образования и разведку. Ирак оказался перед угрозой анархии. Тогда американцы попытались навязать новый режим, который ненавидел бы Баас, но обладал внутренней дисциплиной. Бригада «Аль-Бадр» казалась подходящей, и ее ветерана-лидера Джабра Баяна выбрали новым министром внутренних дел. Впервые Ираком должны были править представители шиитского большинства. Но существовали две проблемы. Во-первых, сама природа этой силы — в ирано-иракской войне она воевала по другую сторону фронта — означала, что новые хозяева будут ненавистны даже самому умеренному арабу-сунниту. Во-вторых, бригада «Аль-Бадр» почитала руководство Ирана. Ее бойцы служили тем самым людям, которые теперь руководили милицией и разведслужбами — подлинными источниками власти в Иране. Одним ударом США передали долгосрочное будущее Ирака своему еще более крупному врагу — Исламской Республике Иран. Это был самый решительный сдвиг баланса сил на Ближнем Востоке со времен 1979 года.

Однако далеко не все иракские шииты были столь естественно настроены в унисон с иранским руководством, как члены бригады «Аль-Бадр». В Наджафе всегда существовала тихая, интеллектуальная шиитская традиция, сторонящаяся политики. Многие считают, что именно она хранит подлинную линию шиитского богословия, а аятолла Хомейни отступил от нее, вовлекшись в политическое управление. Такие иракские аятоллы, как ас-Систани и аль-Хои, и их интеллектуальные наследники, возможно, однажды помогут реформировать Исламскую Республику Иран — вывести духовенство из кабинетов министров и вернуть в мечети.

Другую линию шиитского интеллектуального лидерства в Ираке представлял Муктада ас-Садр, чья печально знаменитая милиция «Армия Махди» выступала против американской оккупации. Муктада унаследовал необычайный ореол уважения от своего отца и ученой тети, ставших мучениками при Саддаме Хусейне. Его «Армия Махди» выросла из вакуума власти после американского завоевания, когда улицы охватили грабежи. Началось все как группа взаимопомощи из 500 молодых ученых, защищавших шиитские общины Багдада, но вскоре она разрослась в государство внутри государства. Муктада ас-Садр явно показал себя политически честлюбивым человеком, поэтому часть уважения, которое принесло мученичество его благочестивого отца, начала исчезать — особенно по мере того, как он стал сотрудничать с Ираном.

Помимо смены режима американская военная оккупация принесла первые за 50 лет свободные выборы. Они дали подавляющее большинство шиитам, в основном разделенным между двумя уже описанными политическими силами:

ветеранами бригады «Аль-Бадр» и партией, представлявшей Муктаду ас-Садра и его союзников. Старая суннитская баасистская элита в правительстве, армии, полиции и спецслужбах оказалась выброшена на улицу, лишившись работы, пенсий и прежнего уважения. Ее заменили шиитские политики, опирающиеся на шиитскую милицию и шиитского министра внутренних дел.

Практически неизбежно должен был последовать ответный удар со стороны арабов-суннитов, которым требовалась поддержка более широкого суннитского мира. Одной из первых горячих точек стало восстание в Фаллудже в 2004 году, поддержанное международными добровольцами; оно помогает понять последующее появление ИГИЛ, которое летом 2014 года с поразительной скоростью взлетело к власти и установило контроль над такими крупными городами, как Мосул, Тикрит, Ракка и Дейр-эз-Зор. ИГИЛ представляло собой союз суннитских исламистов с профессиональными военными и сотрудниками безопасности, уволенными из старого баасистского аппарата. Оно также легко находило местных союзников среди суннитских арабских сил, сражавшихся в сирийской гражданской войне, начавшейся в 2011 году вслед за Арабской весной.

Одной из самых интригующих черт ИГИЛ был масштаб международной поддержки. До половины его бойцов составляли неоплачиваемые иностранные добровольцы — около 30 тысяч человек, из которых, вероятно, примерно половина могла одновременно находиться в строю. Их вербовала новаторская международная пропагандистская кампания в Интернете. Как и все исламистские движения, ИГИЛ сосредоточивало теоретическое внимание на самом раннем периоде ислама и на современности. Предполагалось возвращение к повседневной жизни халифата: их лидер Абу Бакр аль-Багдади носил имя первого суннитского халифа, должна была существовать единая золотая монета — динар — и возрождаться такие обычаи, как обращение захваченных в плен женщин врага в наложниц.

ИГИЛ проявляло особый интерес к миллениаристским пророчествам о «Конце дней» и таинственным преданиям о приходе Махди, который возвестит Судный день. Название их интернет-журнала «Дабик», выпустившего 15 номеров с июля 2014 по июль 2016 года, само отсылало к этим событиям: Мардж-Дабик в северной Сирии исторически считался одним из возможных мест последней битвы в конце света. Здесь использовался один из хадисов, согласно которому «Последний час не наступит, пока румы [западные воины] не займут Дабик. Тогда против них из Медины выступит войско, состоящее из лучших людей земли того времени».

Новобранцы ИГИЛ могли приносить клятву повиновения в онлайн-интервью. Наградой им служили жестокие видеозаписи: казни шиитских

военнопленных, убийства мужчин-езидов и обращение женщин-езидок в рабство, сожжение заживо иорданского военного летчика и казни нескольких иностранных журналистов и сотрудников гуманитарных организаций, обвиненных в шпионаже. Руководителей западного мира эти фильмы приводили в ужас и отвращение, но среди молодых интернет-сторонников ИГИЛ они были популярны; их создатели ссылались на салафитскую ученость и на действия Абу Бакра, первого халифа, в войнах Ридда.

Тысячи добровольцев приезжали из Чечни и других регионов бывшего Советского Союза; к ним добавлялись новобранцы из внешне умеренных мусульманских стран — Турции, Туниса, Иордании и Марокко — а также из Европы. Такая интернационализация уже была характерна для добровольцев, поддерживавших борьбу моджахедов в Афганистане. Поначалу в бою они были неэффективны, зато годились для гарнизонной службы, пропаганды, городского патрулирования и сбора средств.

Поразительная скорость и успешность, с которой ИГИЛ создало новое государство в долине верхнего Евфрата по обе стороны сирийско-иракской границы, вызвала уникальный ответ. Возник действующий союз, включавший США и их партнеров по НАТО, Россию, различные шиитские и иранские милиции, курдских бойцов за свободу и несколько суннитских государств, включая Иорданию и Пакистан. Турция в основном держалась в стороне, не способная ни помочь курдской милиции северной Сирии, ни отказаться от исламистских союзников в сирийской гражданской войне. Российские силы сосредоточились в Сирии, пакистанская армия охраняла саудовскую границу, а США осуществляли не менее 80 процентов точечных авиаударов по позициям ИГИЛ при поддержке западных союзников — Франции и Британии.¹

Наземную разведку обеспечивали небольшие группы спецназа, работавшие с курдскими и шиитскими формированиями. После трех лет авиаударов ИГИЛ как географическое государство было уничтожено. Самопровозглашенный халиф, уроженец Ирака Абу Бакр аль-Багдади, был убит 27 октября 2019 года на севере Сирии. После его гибели стало ясно, насколько многие из эффективных военных руководителей ИГИЛ вышли из разгромленной партии Баас и старых иракских спецслужб. Существовало и ядро из суннитских туркмен северного Ирака — именно тех людей, чьи деды вполне могли служить в армии османского султана, а затем занимать должности при Фейсале. Таковы непредвиденные последствия смены режима.

¹ Франция решительно выступала против Второй войны в Персидском заливе, в отличие от Британии, которая при премьер-министре Тони Блэре полностью поддержала войну и предоставила войска для вторжения и последующей оккупации.

Возникновение ИГИЛ было прямым следствием установления шиитской власти в Ираке. Было бы очевидно разумно предоставить суннитскому арабскому населению северо-центральных провинций Ирака некоторую форму регионального самоуправления — по образцу того, которое получили курды, — чтобы предотвратить появление новой версии ИГИЛ. Но, оглядываясь на современную историю Ирака, трудно найти много примеров того, чтобы старая суннитская правящая элита проявляла сколько-нибудь сострадания к шиитам.

Одним из побочных эффектов правления шиитского большинства в Ираке стало воодушевление шиитских меньшинств в эмиратах Персидского залива и восточных провинциях Саудовской Аравии. Это усилило напряжение в уже существующем соперничестве Саудовской Аравии с Исламской Республикой Иран и привело к преследованиям этих шиитских меньшинств. Оптимисты смотрят в далекое будущее и надеются на появление нового поколения, уставшего от коррумпированных режимов стариков. И, возможно, имея дружеский Ирак в своем активе, лидеры Ирана станут менее изолированными, а иракская тихая традиция шиитского богословия подтолкнет иранских духовных лиц вернуться из кабинетов власти в религиозные школы. Возможно.

Глава 24

Два Йемена

Древняя родина Аравии — и поле её сражений

Йемен — подлинная родина всего того, что особенно дорого арабской культуре: будь то поэзия, архитектура или уходящая в глубину веков родословная вашей любимой буланой кобылицы. Это удивительная, прекрасная земля, где суровые, безрадостные горы вздымаются одна за другой величественными террасами, а на краю всей этой монументальной декорации раскинулась необъятная песчаная пустыня, которую вдруг, совершенно неожиданно, прорезают ярко-зелёные долины оазисов.

И всё же столько красоты, столько радушного гостеприимства, столько бедности и гордости здесь веками соседствуют с жестокими войнами.

Нынешний виток боевых действий начался в 2014 году как гражданская война, но со временем превратился в опосредованное противостояние между возглавляемой Саудовской Аравией суннитской военной коалицией и шиитским Ираном. За последнее десятилетие в нём погибли 50 000 военнослужащих и по меньшей мере 6 000 мирных жителей. Если мы ищем современную линию разлома между суннитами и шиитами, Йемен имеет особое значение.

Самое простое объяснение этого конфликта состоит в том, что Саудовская Аравия опасается возникновения в Йемене шиитского государства, которое превратилось бы в зависимого союзника Ирана на её юго-западной границе. Суннитская коалиция, которую саудиты вооружают и поддерживают, заявляет, что стремится восстановить законное правительство Йемена — ныне находящееся в изгнании в Адене, — изгнанное из столицы Саны в результате шиитского восстания движения хуситов, именующего себя «Ансар Аллах» — «Сторонники Бога».

Сами хуситы утверждают, что представляют собой исламское национальное восстание, борющееся за права шиитов-зейдитов, и что именно они в 2012 году помогли свергнуть коррумпированный режим президента Али Абдаллы Салеха, который, как сообщалось, за 2 десятилетия правления разграбил Йемен на сумму от 30 до 60 миллиардов долларов.

Возникновение шиитского Йемена может показаться очередным расширением полумесяца шиитских государств и частью постоянно меняющейся свои очертания зоны суннито-шиитской войны: сначала Ливан, затем Ирак, Сирия и теперь Йемен. Сперва медленное расширение влияния шиитов, а затем суннитское контрнаступление.

Некоторые обозреватели видят в этом очередной раунд ближневосточной войны, которая сперва разорвёт регион на части, а затем охватит весь мир.

Но возможен и менее тревожный взгляд на происходящее. Ведь Йемен не впервые раскалывается надвое, не впервые переживает гражданскую войну и не впервые свергает режим посредством убийства, переворота или заговора. Всё это случалось здесь неоднократно. Это земля, где племенная и клановая принадлежность по-прежнему важнее политической или религиозной.

А чтобы окончательно запутать картину, достаточно вспомнить, что всего 30 лет назад Королевство Саудовская Аравия поддерживало те самые племена, которые теперь подвергает нападениям.

Если оглянуться примерно на последние полвека, политическая история Йемена начинается с социалистического переворота против монархии имама в 1962 году, за которым последовало Аденское восстание 1963–1967 годов, изгнавшее британцев. Затем были краткая пограничная война между двумя Йеменами в 1972 году; переворот 1974 года; убийства 2 президентов; короткая гражданская война 1979 года; объединение в 1990 году; восстание 2004 года; приграничное столкновение 2009 года; Арабская весна 2011 года и подстроенные выборы 2012 года.

Всё это переплеталось с восстанием хуситов на севере, выдержавшим натиск 6 правительственных военных кампаний, прежде чем в сентябре 2014 года они наконец овладели столицей Саной.

За этим последовала гражданская война — новый виток странных союзов, — а затем, в марте 2015 года, вмешательство возглавляемой Саудовской Аравией военной коалиции в рамках операции «Буря решимости». Вначале это была опосредованная война, которую вели пилоты истребителей, пограничные подразделения и морские перехватчики, однако затем конфликт обострился, и суннитский альянс высадил морскую пехоту для занятия красноморского порта Ходейда.

В этой кампании Саудовская Аравия утверждала, что поддерживает «официальное правительство» президента Хади — генерала, который был единственным кандидатом на выборах 2012 года. Саудиты и их суннитские арабские союзники¹ заявляли, что Иран создаёт в Йемене подконтрольное ему шиитское государство, откуда уже начали наноситься ракетные удары по саудовским городам.

Если взглянуть на военную карту Йемена и деление страны на зоны влияния, нетрудно заметить, что оно почти в точности повторяет старую

¹ Сообщалось, что в состав саудовских сил входила авиация Египта, Марокко, Иордании, Судана, Кувейта, Объединённых Арабских Эмиратов, Катара и Бахрейна.

границу между Северным Йеменом со столицей в Сане и Южным Йеменом, центром которого был порт Аден.

Хуситы контролируют север. Хади якобы контролирует юг — хотя в действительности тот разделён между 2 группировками, — тогда как другие силы владеют частями Хадрамаута на востоке.

Эта гражданская война уже вынудила 2 миллиона йеменцев покинуть свои дома, а ещё четверть миллиона бежали из страны. ВВП государства сократился вдвое, государственные доходы подорваны. Ещё до войны средний доход составлял около 2 500 долларов — по сравнению с 21 000 долларов в соседней Саудовской Аравии.

От голода и полного разорения Йемен спасает лишь верность его эмигрантов. Уже сотни лет существует обширная йеменская диаспора: моряки, учёные и торговцы отправлялись искать счастья в Британию, Калифорнию, Малайзию, Индонезию и страны Персидского залива. Ежегодно эта диаспора посылает на родину около 3,5 миллиарда долларов, чтобы поддержать родственников, стариков и саму отчизну и не дать ей окончательно погибнуть. Помогают и гуманитарные организации.

Племена йеменского нагорья добровольно приняли ислам ещё при жизни Пророка. В последующие столетия политическая власть здесь неоднократно переходила из рук в руки: прибрежные районы, куда легко мог добраться любой завоеватель, отделялись от гор; юг отпадал от северного нагорья; восточный Хадрамаут заявлял о своей независимости.

Бывали и времена, когда под властью одного правителя возникал Великий Йемен, распространявший своё господство вдоль побережья Красного моря. В XI веке правители династии Сулайхидов назначили своего наместника в Мекку. В Йемене память об этом жива до сих пор и веками находила выражение в ежегодном йеменском караване хаджа в Мекку, который возглавлял *махаль* — верблюд без всадника, несший богато украшенный паланкин в дар священному, но подвластному городу.

Но самым устойчивым элементом Йемена остаются племена.

Хашид и Бакиль северного нагорья обладают самосознанием, история которого уходит по меньшей мере на 1 000 лет в эпоху до того, как проповедь Али обратила их в ислам. Именно эти племена в 893 году приняли у себя молодого принца-беженца и учёного и признали его первым зейдитским имамом.

Так возникло особое религиозно-политическое самосознание, основанное на глубоком чувстве справедливости и неприятии продажных правителей, — и оно сохраняет силу в Йемене до сегодняшнего дня.

Зейдитскую традицию в исламе принято относить к шиизму, хотя по ряду вопросов она занимает промежуточное положение между шиитскими и суннитскими воззрениями. Зейдиты с уважением относятся к деяниям халифов Абу Бакра и Омара и не проклинаяют их, хотя считают допустимым задаваться вопросом, каким образом эти 2 первых халифа получили власть вместо Али.

Зейдиты также не признают строгой наследственной линии правителей исламского мира, при которой духовная власть непременно передаётся от отца к сыну. Напротив, они считают род Мухаммада и Али естественным источником достойных руководителей мусульманского мира, однако именно община должна выбирать того, кто проявил наибольшую доблесть и является «самым сведущим из людей в Священной Книге Бога».

Зейдитов иногда называют «пятеричниками»: почитая весь род Пророка — Али, его сыновей Хасана и Хусейна, а также единственного пережившего Кербелу сына Хусейна, Али ибн Хусейна Зайн аль-Абидина, — они особенно чтут избранного ими 5-го имама Зейда ибн Али.¹

Зейд ибн Али родился в 695 году в Медине и был потомком Пророка в 4-м поколении через Али и Фатиму. Он вырос среди рассказов о мученической гибели членов своего рода, прежде всего своего деда Хусейна при Кербеле, произошедшей всего за 15 лет до его рождения.

Он не мог безучастно смотреть, как община сбивается с истинного пути, и в 740 году отправился на восток, в Куфу, откликнувшись на призыв возглавить людей как справедливый человек.

Но, как прежде произошло с его дедом, те, кто призывал его, рассеялись. Как рассказывают, причиной их недовольства стал отказ Зейда претендовать на сакральную царскую власть.

Самому Зейду было достаточно чести принадлежать к дому Пророка и славы «самого сведущего из людей».

Подобно своему деду Хусейну, он вынес чистоту своих убеждений на поле боя в Южном Ираке. Там его сразила стрела, после чего его обезглавили и распяли.

На протяжении столетий различные ветви потомков первого зейдитского имама Йемена то возвышались, то исчезали. Некоторые создавали абсолютные

¹ Зейдитские общины существовали также в Восточной Аравии, мусульманской Андалусии и Марокко при династиях Идрисидов, Саадитов и Алауитов. Во многих отношениях зейдиты отличаются от шиитов-двунадесятников Ирана и, по существу, ближе к суннитам шафиитского мазхаба, составляющим большинство суннитского населения Йемена.

монархии, другие ограничивались тем, что служили своим общинам, наставляя их в вопросах религии.

В години опасности племена Хашид и Бакиль прославляли как «2 крыла имамата», хотя в иные времена правящий зейдитский имам обнаруживал, что внешняя, публичная верность этих 2 племён прекрасно сочетается с столь же непреклонным стремлением оставаться свободными.

В минуты опасности оба племени вновь и вновь становились героическим авангардом йеменской самобытности.

Когда в XI веке шиитская династия Фатимидов, правившая из Каира, попыталась утвердить свою власть над Йеменом, зейдитский имамат северных гор так и не покорился, несмотря на то что оба государства были шиитскими.

Столетие спустя другая империя с центром в Египте — суннитские Айюбиды — попыталась завоевать весь Йемен. Они добились господства над большей частью страны, но северные горы им не подчинились.

В XVI веке суннитская Османская империя направила туда армаду из 90 кораблей, опасаясь, что если она не захватит Йемен, это сделает португальская крестовосная армия. Победа далась чудовищной ценой: при взятии и удержании Саны османы потеряли 70 000 солдат. И всё же эффективно подчинить северное нагорье им вновь не удалось.

Через 200 лет турецкая Османская империя предприняла ещё одну попытку овладеть Йеменом. Армия высадилась там в 1849 году, и лишь через 25 лет османам удалось окончательно взять Сану под контроль.

Соппротивление хорошо оснащённой современной армии возглавили племена Хашид и Бакиль северных гор. Они подняли общенациональные восстания против турецкого гарнизона в 1876 и вновь в 1890 году.

К 1904 году они восстановили власть зейдитского имама — Яхьи Мухаммада Хамида ад-Дина аль-Мутаваккиля.

Его государство с теократическими основаниями сумело провести Йемен сквозь бурные воды XX века: в 1911 году был заключён мир с Османской империей, в 1926 году — с итальянцами, захватившими Эритрею и вторгавшимися в Эфиопию, а в 1934 году — с Саудовской Аравией.

Единственной державой, которую имам отказывался признавать, оставались британцы в Адене, хотя на практике — если не в принципе — ещё в 1904 году между сторонами установилась фактически признанная граница.

Зейдитский имам сочетал твёрдую власть внутри Йемена с политикой отправки талантливых юношей учиться в такие центры арабской культуры, как Багдад и Бейрут. Предполагалось, что затем они вернутся домой и помогут модернизировать страну.

Такова была теория.

На практике же выпускники возвращались, видели, что их предложения о реформах игнорируются, и превращались в революционеров.

Имам Яхья был убит в 1948 году. Это побудило его преемника, имама Ахмеда ибн Яхью, изолировать Йемен от всяких контактов с внешним миром.

После смерти имама Ахмеда — в собственной постели — зейдитский имамат унаследовал его сын Мухаммад аль-Бадр, но почти сразу столкнулся с переворотом 1962 года.

Заговор был организован египетским поверенным в делах Насера Абд аль-Вахамом как часть мечты о создании Объединённой Арабской Республики с центром в Египте.

Следующие 8 лет в горах Северного Йемена шла гражданская война, о которой за пределами страны почти не сообщалось.

Дело имама поддерживали Иордания и Саудовская Аравия при военной помощи Британии. Премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан хотел, чтобы участие британцев можно было официально отрицать, поэтому значительную часть работы поручили группе бывших офицеров SAS. Важнейшей их задачей было снабжение роялистских сил оружием посредством воздушных сбросов и караванов верблюдов.

Во время этой войны йеменским роялистам разрешалось набирать добровольцев в Асире — 3 юго-западных провинциях Саудовского королевства, населённых преимущественно племенами, верными зейдитской традиции.

Они служили под началом своих племенных старейшин, которые, в свою очередь, подчинились дядьям имама Бадра — принцу Хасану, принцу Абдалле и принцу Мухаммаду бин Мухсину.

Насер поддерживал республиканских союзников в Йемене — покорно просивших принять их в Объединённую Арабскую Республику — гарнизоном численностью 70 000 египетских солдат.

После сокрушительной победы Израиля над арабскими государствами в Шестидневной войне 1967 года Насер начал понимать, насколько йеменская кампания отвлекла Египет от угрозы со стороны Израиля.

На встрече в Хартуме король Саудовской Аравии и президент Египта рукопожатием положили конец йеменской гражданской войне, после чего оба руководителя согласились бросить своих местных союзников.

Последний имам Йемена Мухаммад аль-Бадр продолжал воевать ещё 2 года, после чего удалился в небольшой дом в графстве Кент в Великобритании и посвятил остаток жизни благочестию.

Абд ар-Рахман аль-Ирьяни — принципиальный судья, имевший порядочность выступить и против самодержавного правления старого имама, и

против жестокого переворота республиканцев, — в 1967 году стал новым президентом Йемена.

Будучи человеком достойным, он содействовал заключению мира между Саудовской Аравией и коммунистическим Южным Йеменом, однако в 1974 году сам был свергнут в результате переворота.

С 2 его преемниками расправились — с одним пулей, с другим взрывным портфелем, — а затем власть перешла к президенту Али Абдалле Салеху.

Его долгое правление Йеменом в 1978–2012 годах отчасти объясняется племенными союзами. Его поддерживал шейх Абдалла аль-Ахмар — многолетний председатель парламента и вождь племени Хашид.

Лидерство в зейдитской общине перешло к партии «Аль-Хакк» — «Истина», и прежде всего к красноречивому депутату парламента шейху Хусейну Бадр ад-Дину аль-Хуси, одному из 8 сыновей зейдитского учёного Бадр ад-Дина.

Хусейн аль-Хуси обладал мужеством критиковать коррупцию режима президента Али Абдаллы Салеха ещё в 1990-е годы, задолго до появления общенационального согласия по этому вопросу.

А затем, летом 2004 года, после ареста 604 сторонников хуситов возле мечети и гибели ещё 25 человек, начались боевые действия.

В сентябре шейх Хусейн был убит. Его тело похоронили на территории государственной тюрьмы, чтобы не допустить возникновения культа вокруг его могилы.

Вооружённое сопротивление движения хуситов теперь возглавили 2 брата Хусейна — Абдель-Малик и Яхья.

Движение поддержало демонстрации Арабской весны 2011 года, которые, казалось, вот-вот свергнут президента Али Абдаллу Салеха и его режим, ставший столь же непопулярным, как Мубарак в Египте, Каддафи в Ливии и Асад в Сирии.

Арабская весна также стремилась к нравственной внешней политике, при которой свободно избранное исламское руководство могло бы открыто говорить правду о Палестине и других проблемах.

Хуситское движение переросло из протеста в общенациональное дело.

Даже свергнутый Салех летом 2015 года попытался заключить союз с хуситами, рассчитывая с их помощью вернуться к власти. В декабре 2017 года его убили, обвинив в заговоре с Саудовской Аравией против своих новых союзников.

К этому времени саудиты уже видели в восстании хуситов значительный иранский шиитский след. Возможно, их опасения были преувеличены.

Судя по всему, Иран — возможно, через ливанскую «Хезболлу» — действительно содействовал обучению за рубежом части хуситского ополчения,

а в 2018 году из Северного Йемена по территории Саудовской Аравии было выпущено несколько ракет. Но эти удары, возможно, носили скорее символический характер.

Первоначальным источником оружия для хуситов, скорее всего, стал внушительный арсенал, накопленный Салехом в ходе проводившейся им — или изображавшейся им — «войны с террором» от имени Соединённых Штатов.

Салех был искусным игроком.

Он поощрял недовольные племена во внутренних районах Йемена предоставлять убежище террористическим группировкам, напомиавшим «Аль-Каиду», исключительно для того, чтобы получать от США оружие и техническое оборудование якобы для их «подавления».

Время от времени действительно происходили теракты, после чего правительство наносило ответные удары.

По всей видимости, Салех также использовал исламистских наёмных убийц для устранения политических соперников из старого социалистическо-коммунистического режима Южного Йемена.

Одна из многих любопытных черт хуситского движения состоит в том, что оно не питает особой страсти к политическому единству Северного и Южного Йемена.

Хуситы признают необходимость федерации, способной мирно связать 2 Йемена, однако в достаточной степени осознают различия между ними и потому предпочитают двигаться к этому медленно и осторожно.

Нынешняя гражданская война, обострённая военными действиями суннитско-арабского альянса, снова разделила страну надвое.

Территория, добровольно признающая зейдитский ислам, который отстаивают хуситы, в значительной степени совпадает со старыми границами имамата.

Часть Йемена, признающая правительство президента Хади, представляет собой территорию, прежде известную как Южный Йемен, главный город которого — порт Аден.

Но и внутри Южного Йемена действуют сепаратистские движения и ячейки «Аль-Каиды».

Аден — Южный Йемен — на протяжении 6 поколений находился под властью Британии.

Эту власть никогда не любили, хотя несколько британцев — Бертрам Томас, Гарольд и Дорин Ингрэмс¹ — сумели снискать уважение благодаря своим знаниям и любви к этому краю.

Британцы пришли в Йемен как чужеземные завоеватели, однако намерения их были весьма скромными: контролировать стратегический порт на морском пути между Британскими островами и Британской империей в Индии.

В 1839 году королевские морские пехотинцы высадились в Адене и захватили порт у местного правителя — султана Лахеджа.

Чтобы прикрыть подобное преступление покровом общественной добродетели, британские оккупанты объявили, будто борются с пиратством.

Но уже через несколько месяцев они продемонстрировали намерение остаться, с неистовым усердием уничтожив военную колонну, которую султан направил вернуть себе древний йеменский порт.

Для империи, основанной на господстве над морями, Аден был исключительно удобным перевалочным пунктом — примерно посередине пути между Суэцем и Бомбеем.

Британцы превратили его в угольную станцию — в ту эпоху один корабль мог сжечь за рейс 700 тонн угля — и в военно-морскую базу Индийского океана.

Аден превратился также в беспошлинный порт, где открыто продавались алкоголь, опиум, серебряные монеты и оружие и где закупами кофе.

Это был город бурного роста, подобный другим торговым перевалочным пунктам Британской империи — Гонконгу и Сингапуру.

Одновременно британцы уничтожили торговлю всех остальных старых портовых городов Йемена.

В 1960 году Аден был 2-м в мире по загруженности портом для дозаправки судов.

Британцы не стремились распространять власть на внутренние районы и удерживали порт Аден гарнизоном из 15 000 военнослужащих.

Сеть отдельных мирных договоров с 9 племенными правителями — подкреплённых скромными ежегодными выплатами золотой монетой — более или менее позволяла контролировать окрестные территории.

Это был одновременно способ содержать империю с минимальными расходами и классическое воплощение принципа «разделяй и властвуй».

Южная часть Йемена, которую иногда называли Аденским протекторатом, включала султана Лахеджа, эмира Бейхана, эмира Дали, Фадлийский султанат и султанаты Вахиди-Хабан, Яфа, Аулаки и Вахиди-Балхаф.

¹ Дорин Ингрэмс называли «последней и величайшей из женщин-путешественниц имперской эпохи в Аравии и первопроходцем постимпериализма».

Позднее в качестве зонтичной организации этих княжеств возникла Федерация Южной Аравии.

Она весьма напоминала мозаику эмиратов вдоль побережья Персидского залива — будущие ОАЭ, — где Британия также обладала преобладающим влиянием.

Главное различие между эмирами Персидского залива и правителями Южного Йемена заключалось в том, что у последних не было нефти, которая могла бы укрепить молодые государства.

Другим важным отличием стал бурно развивавшийся город-порт Аден, создавший идеальную среду для арабского национализма.

Город не принадлежал ни одному султанату, но был связан со всеми центрами арабской культуры.

У него имелся рабочий класс портовых грузчиков и образованная элита, преимущественно выпускники 2 витрин западной академической культуры на Ближнем Востоке — Американского университета в Каире и Американского университета в Бейруте.

Арабская община Адена вдохновлялась Насером и получила суровую политическую школу, наблюдая за кровавым развитием арабских национально-освободительных движений в Алжире и Палестине.

Они понимали необходимость дисциплины, конспирации и повиновения.

Привлекая к себе как местных коммунистов, так и баасистов, они создали в Адене отряд из 500 арабских националистов.

Настроены они были воинственно.

Им хотелось не просто получить независимость, но на глазах у всего мира разгромить и унизить британцев.

Они стремились изгнать Британию посредством кровавой вооружённой борьбы, а затем, укрепившись благодаря этой победе, свергнуть режим имама в Северном Йемене.

Однако у них имелся местный соперник — более умеренная группа, связанная с профсоюзным движением и именовавшаяся Народной социалистической партией — PSP.

На протяжении 1962 года последние элементы будущей национально-революционной борьбы против британского режима и его феодальных союзников в Южном Йемене окончательно встали на свои места.

Был создан Национальный фронт освобождения — зонтичная организация, объединившая более дюжины отдельных группировок для предстоящей борьбы.

Переворот 1962 года в Северном Йемене уничтожил имамат, и теперь у националистов появился местный союзник, способный снабжать их оружием и предоставлять безопасные военные базы.

Аденские арабские националисты также начали использовать клановые связи, чтобы радикализировать племена во внутренних районах страны.

Аденское восстание 1963 года началось с нападения с гранатой в аэропорту Адена и традиционного восстания племени Радфан на границе Южного и Северного Йемена.

К 1965 году националисты создали во внутренних районах 6 командных центров и организовали свыше 1 372 вооружённых инцидентов, призванных ослабить британскую военную оккупацию.

Для националистов потенциально слабым местом оставался Аден, поскольку это была единственная часть страны, которую британцы действительно хотели сохранить.

Если бы Британия применила столь же жестокие методы государственного террора, какие французы довели до совершенства при подавлении города Алжира во время войны за независимость, она могла бы нанести серьёзный удар по небольшому ядру из 500 арабских националистов.

Но националисты ударили первыми.

Их мишенями стали Особый отдел полиции, немногочисленные арабские полицейские, остававшиеся верными британцам, и наиболее опытные британские офицеры, владевшие арабским языком.

Устранив этих людей, националисты приступили к запугиванию и радикализации местной арабской администрации, постепенно распространив влияние на 15-тысячную армию Федерации Южной Аравии и полицию Адена.

В самом городе-порту эта тактика оказалась чрезвычайно эффективной.

Одновременно британцам пришлось столкнуться с приливной волной страстного арабского национализма по всему сельскому Южному Йемену.

Британские силы были ослаблены и утратой имперской решимости.

Процесс этот начался с получения независимости Индией, резко ускорился после катастрофы Суэцкой войны и завершился знаменитой речью премьер-министра Гарольда Макмиллана о «ветре перемен», произнесённой в Африке в 1960 году, после чего десятки британских колоний и протекторатов по всему континенту стремительно двинулись к независимости.

К 1966 году Насер начал подозрительно относиться к самостоятельности арабских националистов Адена и создал FLOSY — Фронт освобождения оккупированного Южного Йемена.

Предполагалось, что он будет более умеренным и более послушным египетской политике.

Тем временем сами арабские националисты раскололись на 2 ожесточённо враждующих крыла: правое, где господствовала партия Баас, мечтавшая о

панарабском единстве, и левое, видевшее в арабском национализме лишь первый удар в будущей классовой борьбе.

К 1967 году внутренние противоречия переросли в открытое противостояние: за контроль над Аденом развернулись уличные бои.

Затем произошла катастрофа Шестидневной войны, в которой Израиль разгромил все 3 арабских государства передовой линии.

После 1967 года Насер стал отходить от своего тяжеловесного вмешательства в дела Йемена.

А затем, словно для того чтобы ещё больше запутать ситуацию, полиция Адена фактически объявила забастовку, тем самым продемонстрировав британцам истинную глубину своих симпатий к арабскому национализму.

Перед лицом надвигающейся гражданской войны арабские офицеры якобы пробританской армии Федерации Южной Аравии объявили о подчинении невидимому руководству арабского националистического движения в Адене.

Именно эти офицеры стали посредниками обеих сторон на тайных переговорах, завершившихся односторонним провозглашением Народной Республики Южного Йемена 30 ноября 1967 года.

Аденское восстание достигло своей цели: за 4 года национальной борьбы британская власть была унижительно уничтожена.

Этот конфликт нередко ставят в один ряд с Алжиром и Вьетнамом как один из поворотных моментов постколониальной истории.

Но по сравнению с этими войнами потери были относительно невелики: погибли 227 британских солдат и 2 000 арабских бойцов сопротивления.

Однако выиграть мир оказалось куда труднее, чем войну.

Закрытие Суэцкого канала в ходе Шестидневной войны фактически вдвое сократило грузооборот порта Аден, а закрытие британской военной базы после обретения независимости лишило работы 20 000 йеменцев.

Прекратилось и поступление 60 миллионов фунтов стерлингов, которые Британия ежегодно вливала в национальную экономику.

За следующие 2 года из Адена уехали 80 000 квалифицированных работников, а экономика сжалась.

Продолжал работать лишь нефтеперерабатывающий завод ВР — вопиющий символ западного капитализма, но одновременно жизненно важный остаток былого благополучия.

Новое правительство Народной Республики Южного Йемена отличалось яростным радикализмом.

Оно с неукротимым пылом поддерживало палестинскую борьбу и небольшие ячейки арабских националистов, действовавшие в государствах Персидского залива.

Оно искало союза с Китаем и Россией и стремилось к тесным отношениям с Кубой, Кореей и Вьетнамом.

Армейские полки получили новые названия — «Первое мая», «Че Гевара», «Хо Ши Мин», — в армию начали принимать женщин.

Историк Абд аль-Фаттах Исмаил перелопатил многовековую историю Йемена, отыскивая в ней левых героев и правых преступников-реакционеров, чтобы на этой основе создать новую школьную программу.

Режим оставался резко враждебен Египту Насера — не говоря уже о таких классовых врагах, как арабские монархии Иордании и Саудовской Аравии.

Он пытался также подорвать влияние исламского духовенства, добиться для женщин социального и политического равноправия и уничтожить власть племенных шейхов.

Шейхов, сотрудничавших с британцами, изгоняли из страны — если прежде не линчевали, — а землевладельческим семьям законом разрешалось сохранять не более 20 акров орошаемой земли. Излишки передавались крестьянам, которые прежде её обрабатывали.

Это была необыкновенная эпоха бурных перемен, в конечном счёте создавших в той или иной форме бесплатное светское образование, государственное здравоохранение и систему социальной помощи.

Южный Йемен оставался бедным, но в этот период отличался фанатичной целеустремлённостью и поразительной неподкупностью.

Одним из самых впечатляющих достижений стала кампания по ликвидации неграмотности.

Студентов призывали во время долгих летних каникул делиться полученными знаниями и обучить грамоте по 5 человек.

Был даже период уличных протестов, когда люди требовали от правительства сократить зарплаты, чтобы направить больше средств на строительство колледжей.

Но режим одновременно был поглощён внутренними спорами о достоинствах маоизма и марксизма-ленинизма и проводил агрессивную внешнюю политику.

Британия была готова сохранять хотя бы минимальную помощь, но не в том случае, если деньги будут расходоваться на экспорт революции в союзные ей государства Персидского залива.

Южный Йемен становился всё беднее — хотя при этом разница в образе жизни между рабочим и министром правительства оставалась удивительно небольшой.

При ином руководстве Южный Йемен мог бы превратиться в Сингапур Аравии или, по крайней мере, стать соперником Бейрута и Кувейта.

В действительности же Аден выжил лишь благодаря превращению в советскую военно-морскую базу.

Южный Йемен способствовал дальнейшей поляризации всей политики Аравии.

Прибытие десятков тысяч беженцев из среднего класса, рассказывавших о разрушении своих древних домов и культуры, оказало огромное влияние на окружающий мир.

В Северном Йемене это, вероятно, содействовало массовой расправе республиканцев над левыми после их победы над роялистами в долгой партизанской войне 1968 года.

Судьба прежних королевских семей Южного Йемена, несомненно, укрепила решимость других арабских монархий бороться с наступающей волной социализма.

Режим действительно пытался экспортировать революцию и поддерживал Фронт освобождения Дофара на восточной границе.

Первые искры Дофарского восстания вспыхнули летом 1965 года; через год последовало покушение на старого султана во время инспекции войск.

Но с 1967 по 1970 год восстание, поддерживаемое Южным Йеменом и его союзниками, наступало по всем направлениям.

К 1970 году власть старого султана Маската и Омана¹ Саида бин Таймура оказалась фактически запертой внутри ограждённого колючей проволокой пространства вокруг региональной столицы Салалы.

Дофар — особый мир.

Если бы ветры истории дули в иную сторону, он вполне мог бы стать самостоятельным эмиратом, возможно, в союзе с Хадрамаутом, с которым его многое связывает.

В культурном отношении Дофар, подобно 3 йеменским провинциям, находящимся сегодня в составе Саудовской Аравии, следует считать частью исторического «Великого Йемена».

Дофар — это библейский Офир, а местный арабский диалект сохраняет прямые связи с языком древнего Химьяритского царства Йемена.

Региональная политика определяется племенами Кара и Касир — точнее, отдельными группировками и кланами внутри них.

Казалось, что революция в Дофаре развивается успешно, пока в 1970 году принц Кабус не сверг своего отца в бескровном дворцовом перевороте.

¹ В XIX веке Дофар оказался под властью султаната Маскат и Оман, хотя между 2 областями лежало около 500 миль пустыни.

Кабус прошёл подготовку в британском военном училище Сандхерст и понимал, что войну необходимо выиграть прежде всего на земле.

Его мать была родом из Дофара, что позволило ему немедленно использовать свои родственные связи с местными племенами и привлечь новых союзников к осаждённым правительственным силам.

У него также имелись достаточные нефтяные доходы для ведения долгой войны — и деньги вместе с личной харизмой, позволявшие превращать старых врагов в союзников.

Несмотря на многочисленные тактические ошибки британцев во время Аденского восстания, Кабус не отказался от их помощи.

В следующие 10 лет он использовал около 1 000 британских офицеров и прикомандированное подразделение SAS для обучения — а поначалу и непосредственного руководства — новой национальной армией.

Наряду с ними служили офицеры из Пакистана, а солдат вербовали среди белуджских племён. Белуджистан расположен по другую сторону Персидского залива от Омана и занимает бедный пограничный регион между Ираном, Пакистаном и Афганистаном.

По меньшей мере однажды — зимой 1973 года — на земле воевал также иранский полк, хорошо обеспеченный вертолётами.

Племенное ядро Дофарского восстания постепенно отрезали от поддержки Южного Йемена.

Первым шагом новой оманской армии стало обеспечение собственных линий коммуникации.

Затем создавались безопасные зоны, где племена брались под контроль и постепенно склонялись на сторону правительства с помощью здравоохранения, образования и рабочих мест.

Третий этап этой методичной кампании состоял в терпеливом наблюдении, а затем в перерезании линий снабжения повстанцев, чтобы изолировать их и вынудить вступить в обычное сражение.

Помогало и то, что северная граница была закрыта для мятежников пустыней Руб-эль-Хали — Пустой четвертью — и Королевством Саудовская Аравия.

Это была долгая война, продолжавшаяся с 1970 по 1978 год.

Оглядываясь назад, победа султана Кабуса может казаться неизбежной, однако в то время всё выглядело куда менее определённо: в других странах — Египте, Ираке, Ливии — монархии уже пали под высокой волной социалистической революции.

Дофарская война окончательно обанкротила и без того испытывавшую недостаток средств Народную Республику Южного Йемена.

Чтобы финансово выжить, ей отчаянно требовалось завладеть каким-нибудь богатым нефтью королевством.

Абд аль-Фаттах Исмаил, известный как аль-Факих, возглавлял режим после внутреннего переворота 1969 года.

Он был глубоко предан идее вооружённой борьбы и поддерживал как восстание в Дофаре, так и проникновение коммунистических групп в Северный Йемен.

К 1980 году эта дорогостоящая игра в шпионов и повстанцев закончилась.

Советские союзники уговорили его отправиться в Россию — якобы по состоянию здоровья, — что позволило Али Насиру Мухаммаду сосредоточиться на внутренних делах.

Когда в 1986 году Абд аль-Фаттах Исмаил вернулся в Йемен, в аэропорту его должен был приветствовать Али Насир Мухаммад.

Но буквально за мгновение до того, как 2 руководителя успели по традиции поцеловать друг друга в щёки, их телохранители открыли огонь.

Это стало лишь началом кровавых перестрелок того года, в которых погибло до 10 000 человек, а 60 000 бежали из страны.

События практически не поддавались политическому объяснению.

Южному Йемену грозило скатиться из гражданской войны в состояние несостоявшегося государства — подобно Сомали, расположенной по другую сторону Красного моря.

К 1990 году исчезло и соперничество времён холодной войны, позволявшее получать иностранную помощь: Советский Союз сам оказался разорён.

К тому же было открыто небольшое нефтяное месторождение, залегавшее по обе стороны границы Северного и Южного Йемена.

Объединение 2 Йеменов в 1990 году, возможно, стало тем единственным шагом, который в конечном счёте спас Южный Йемен.

Но цена оказалась высокой — господство северян, на которых южане привыкли смотреть свысока как на необразованных и реакционных горцев.

Обида тлела годами и время от времени прорывалась убийствами, неудавшимися переворотами и новыми гражданскими войнами.

Южный Йемен и поныне колеблется между банкротством и ощущением собственной всемирной миссии, между региональной анархией — временами словно возрождающей старые границы прежних султанатов — и стремлением к единому Великому Йемену.

Он также гордится своими ветшающими, но вполне реальными социальными, культурными и образовательными достижениями.

На протяжении десятилетий здесь ведётся культурная война против племенного строя, однако ни один анализ гражданских войн и переворотов не имеет смысла без понимания кланового соперничества внутри элиты.

Даже этот беглый взгляд на йеменские события ясно показывает, насколько ошибочно считать Южный Йемен оплотом суннитской ортодоксии, а Северный — шиитским протекторатом Ирана.

Не менее трудно указать хоть на какое-нибудь правительство как на подлинно законное выражение воли народа.

Поэтому племя и семья остаются единственными институтами, с которыми человек способен иметь дело и которым может доверять.

То, что именно Йемен оказался одним из полей сражения суннитского арабского альянса против шиитского Ирана, выглядело бы нелепостью — если бы история уже столько раз не показывала нам, как часто именно Йемен выбирали своей ареной самые разные империи.

Примечания к главе 24

1. Сообщалось, что в состав саудовских сил входила авиация Египта, Марокко, Иордании, Судана, Кувейта, Объединённых Арабских Эмиратов, Катара и Бахрейна.
2. Зейдитские общины существовали также в Восточной Аравии, мусульманской Андалусии и Марокко при династиях Идрисидов, Саадитов и Алауитов. Во многих отношениях зейдиты отличаются от шиитов-двунадесятников Ирана и, по существу, ближе к суннитам шафиитского мазхаба, составляющим большинство суннитского населения Йемена.
3. Дорин Ингрэмс называли «последней и величайшей из женщин-путешественниц имперской эпохи в Аравии и первопроходцем постимпериализма».
4. В XIX веке Дофар оказался под властью султаната Маскат и Оман, хотя между 2 областями лежало около 500 миль пустыни.

Часть седьмая

Враг моего врага: Египет, Израиль, США и Катар

Ещё 3 важнейших игрока на Ближнем Востоке, без поддержки которых невозможен прочный мир, — Египет, Израиль и Катар.

Некоторые их действия уже вплетались в повествование предыдущих глав; теперь же мы рассмотрим историю каждого из них с его собственной точки зрения.

Все 3 искусно управляют рычагами влияния: опасаются одних соседей, стремятся воздействовать на других и создают по всему региону сложную сеть тактических союзов.

Суннито-шиитский раскол не является главным фактором в их политических расчётах, однако каждый чрезвычайно внимательно следит за балансом сил между 3 региональными державами — Ираном, Турцией и Саудовской Аравией.

У Египта есть население.

У Израиля — военная мощь и безоговорочная поддержка Соединённых Штатов.

У Катара — деньги и умение разговаривать со всеми.

Они не действуют сообща, но уважают интересы друг друга.

Египет, хотя и финансируется Саудовской Аравией, государствами Персидского залива и США,¹ сохраняет самостоятельность как культурный эпицентр арабского мира.

Катар опасается попасть под контроль Саудовской Аравии и потому предпочитает держать дверь открытой для всех возможных союзников — будь то Турция, Иран или Соединённые Штаты.

Израиль — чрезвычайно близкий союзник США и в настоящее время пытается выстроить рабочие отношения с Саудовской Аравией и государствами Персидского залива, объединёнными враждебностью к шиитскому Ирану — единственной ближневосточной державе, которая одновременно независима и обладает серьёзной военной силой.

¹ После Второй мировой войны 960 миллиардов долларов — четверть всей иностранной помощи США — получили 5 государств: Израиль — 312,5 миллиарда долларов; бывший Южный Вьетнам — 184,5 миллиарда; Египет — 183,7 миллиарда; Афганистан — 158,9 миллиарда; Южная Корея — 120,7 миллиарда.

Резко антииранская внешняя политика Израиля — и представление ядерного Ирана как экзистенциальной угрозы — кажется сегодня чем-то неизменным, однако она не является ни неизбежной, ни стратегически необходимой.

Во время ирано-иракской войны Иран и Израиль были негласными союзниками.

Глава 25

Некогда лидер: Египет

Взгляд с берегов Нила

«Есть лишь одна вещь, которая могла бы вновь заставить Египет вступить в войну, — вода».

Так говорил Анвар Садат, 3-й президент Египта и одна из главных фигур страны со времён участия в свержении короля Фарука вместе с Насером.

Это звучит как клише, однако Нил действительно является центральным фактом египетской жизни и египетского самосознания.

С земли его буйная, зелёная долина кажется несокрушимым источником жизни, местом, где можно выращивать что угодно в любое время года.

С воздуха она выглядит чудом природы: тонкая ярко-зелёная лента рассекает жёлтые пески, чёрные горы и красные скалы бескрайней Сахары.

Долина Нила позволяет Египту прокормить население в 100 миллионов человек — в 4 раза больше совокупного населения Саудовской Аравии и государств Персидского залива.

В арабском мире египетские певцы, писатели, кинематографисты и художники неизменно были самыми новаторскими и самыми любимыми.

Египет служит также культурным маяком для арабоязычной Северной Африки — Ливии, Туниса, Алжира и Марокко — к западу от него.

На юге его роль сложнее: там культурное превосходство Египта переплетается с тысячелетиями имперского господства — порой просвещённого, порой хищнического — над Суданом, Эфиопией и Восточной Африкой.

Египет — суннитская страна, обогащённая сохранившейся коренной общиной христиан-коптов, составляющих около 10% населения и напрямую связанных с блистательным древним прошлым страны.

Копты — необыкновенно интересная община, наследующая религиозную традицию столь же древнюю, как православная и католическая церкви, однако политически почти лишённая влияния.

Египет остаётся великой державой уже 4 000 лет, хотя переживал и периоды господства чужеземных сил — 300 лет под властью турок, затем 70 лет под властью британцев.

Это создало сложнейший исторический фон, причём недавнее прошлое страны в значительной степени определялось борьбой против колониального угнетения.

Но если копнуть глубже, обнаруживаются мощные пласты гордости, уверенности в себе и решимости.

Египетское королевство — известное также как хедиват, самостоятельная династия, глубоко проникнутая османской культурой, — процветало с 1805 по 1952 год и временами казалось готовым стать главной державой Ближнего Востока.¹

В XIX веке его армии с замечательной эффективностью вели кампании в Аравии, Сирии, Греции, Анатолии и Судане, поэтому установление британского военного протектората в 1882–1956 годах вызвало яростное негодование.

В других главах этой книги уже говорилось об огромном влиянии полковника Гамаль Абдель Насера, правившего Египтом с 1956 по 1970 год и до сих пор остающегося величайшим героем современного арабского мира.

Именно Насер бросил вызов Британии и её союзникам — Франции и Израилю — во время Суэцкого кризиса 1956 года и сумел одержать верх.

В те мрачные дни, когда казалось, что вражеские силы могут прорваться от Суэцкого канала и двинуться на Каир, Насер обрёл свой настоящий голос — голос страстного египетского оратора.

Умение мгновенно реагировать он выработал ещё раньше.

26 октября 1954 года, пережив покушение, во время которого в него было выпущено 8 пуль, Насер, как известно, продолжил речь:

«Соотечественники! Моя кровь проливается за вас и за Египет. Я буду жить ради вас и умру ради вашей свободы и чести. Пусть они убьют меня — это не имеет значения, если я успел вселить в вас гордость, честь и свободу. Если Гамаль Абдель Насер умрёт — каждый из вас станет Гамалем Абдель Насером».

Насер сумел не только заставить весь Египет держаться твёрдо и не бояться. Он вдохновил весь арабский мир своими радиопередачами «Голос арабов», которые слушали беднейшие и почти неграмотные массы.

Технология играла ему на руку: именно в 1950-е годы появились первые дешёвые транзисторные радиоприёмники.

Портрет Насера с гордостью выставляли по всему арабскому миру — от базаров Марракеша до переулков Мосула, от роскошных ливанских вилл до каменных башен Йемена.

¹ Мухаммад Али основал государство в 1805 году, однако османский султан официально пожаловал ему лишь титул *вали* — наместника. Сам он предпочитал титул *хедива* — «вице-короля», но официально его получили лишь наследники. В 1914 году хедиват утратил свой необычный полуавтономный статус в составе Османской империи и по воле британцев превратился в королевство.

Его красноречивый призыв к арабскому единству постепенно оформился в целую политическую программу.

Она сочетала неприятие коммунизма и его тотальной земельной реформы с сохранением свободного рынка, поддерживаемого сильным государственным социализмом, направляющим индустриальные проекты и строительство новых городов.

Казалось, Насер прокладывает для Ближнего Востока особый путь — «3-й путь», уважающий исламское и арабское наследие и одновременно сохраняющий дружескую дистанцию и от удушающих объятий Советского Союза, и от Соединённых Штатов.

Помогало и то, что политическим выступлениям Насера часто предшествовали духовно насыщенные песни о любви обожаемой египтянами певицы Умм Кульсум, разделявшей его политические устремления.

Вместе они составляли необыкновенный дуэт — один говорил на языке власти, другая на языке сердца, и оба умели одновременно обращаться и к архаической возвышенности классического арабского, и к интимной близости уличной речи.

Сила их влияния была такова, что жители Сирии добровольно решили распустить собственное национальное государство и в 1958 году объединиться с Египтом в Объединённую Арабскую Республику — ОАР.

Когда в феврале Насер приехал в Дамаск, сотни тысяч сирийцев стихийно вышли на улицы встречать его и, как рассказывают, несли его на плечах прямо вместе с официальным лимузином.

Позднее жители Северного Йемена обратились с просьбой принять их в ОАР, а такие недавно получившие независимость арабские республики, как Ливия при полковнике Каддафи и Алжир при Бен Белле, с восторгом признавали Абдель Насера своим наставником и лидером.

После поражения арабских государств передовой линии в Шестидневной войне 1967 года, начавшейся с уничтожения египетской авиации прямо на аэродромах, Насер сперва оказался не в состоянии сообщить своему народу горькую правду.

Только через 4 дня, 9 июня, он официально объявил по радио о катастрофе, а на следующий день подал в отставку перед народом.

Ответом стали переполненные улицы Каира: египтяне потребовали, чтобы он остался их лидером — даже после унижительного поражения.

Это был момент одновременно величия и смирения.

В последние годы жизни, когда ОАР уже распалась — Сирия и Йемен восстановили независимость, — Насер направил всю энергию на деятельность Лиги арабских государств.

Он умер в 1970 году после заседания саммита, который сам председательствовал.

5 миллионов египтян провожали его тело к могиле.

Через 3 года его преемник Анвар Садат попытался искупить поражение 1967 года внезапным нападением на Израиль совместно с Сирией — так началась Война Судного дня в октябре 1973 года.

Со времён Насера Египет утратил былое величие и десятилетия бесспорного лидерства в арабском мире.

Теперь он всё больше играет роль бедного родственника, которого доброжелательные состоятельные родственники терпеливо и постоянно выручают деньгами.

Ежегодные субсидии США — около 1,3 миллиарда долларов — и помощь богатых нефтью арабских стран позволяют хоть как-то сводить государственный бюджет, изнемогающий под огромной горой долгов.¹

Когда в 2013 году был свергнут радикально настроенный президент — выходец из «Братьев-мусульман» Мухаммад Мурси, Саудовская Аравия и Кувейт вознаградили новый военный режим ежегодными грантами в размере 4 миллиардов долларов.

Однако Египет действительно заслуживает такой поддержки: по численности населения и широте культурного влияния он по-прежнему остаётся сердцем арабоязычного мира.

Университет Аль-Азхар в историческом центре Каира и поныне считается главным мировым центром суннитской исламской учёности.

Нельзя забывать и о влиянии суфийских братств, к которым принадлежит примерно треть египетских мужчин-мусульман.

Ежегодно в Египте проводится от 40 до 80 крупных суфийских празднеств, некоторые из которых собирают больше последователей, чем ежегодный хадж.

То, что происходит в Египте, позднее происходит и на всём остальном Ближнем Востоке.

Именно так было с Арабской весной.

Хотя зародилась она в Тунисе, самой бурной и публичной формой она проявилась в Египте, когда народ занял каирскую площадь Тахрир.

¹ Государственный долг Египта составлял 282 миллиарда долларов и продолжал расти по спирали, поскольку государство ежегодно расходовало 58 миллиардов долларов при доходах всего 37 миллиардов. Государственный долг превышал 100% ВВП. В мирное время финансовые тревожные сигналы обычно начинают звучать уже при превышении уровня 60%.

Этому способствовали относительная бедность и высокая плотность населения Каира: в отличие от растянутых вдоль автомагистралей пригородов богатых нефтью арабских стран здесь 400 000 обеспокоенных граждан находились в пределах пешего марша от центра.

Демонстрации поддерживались рабочим союзом городских либералов и влиятельных исламистских организаций вроде «Братьев-мусульман», но стали возможны лишь благодаря аполитичной позиции армии, разочаровавшейся в президенте Мубараке.

Мубарак был командующим военно-воздушными силами и после 1967 года сыграл важную роль в восстановлении египетской авиации, благодаря чему она смогла эффективно действовать в Войне Судного дня 1973 года.

Затем он стал заместителем президента Анвара Садата, помог сформировать новый союз с Саудовской Аравией и США и порвать с Сирией и Советским Союзом.

Главной ошибкой Мубарака стало то, что он не подготовил себе политического преемника, кроме собственного сына Гамалея.

Эта болезнь — любить семью, доверять ей и покровительствовать ей без меры — слишком часто губила в остальном вполне способных арабских политиков.

После падения Мубарака в 2012 году состоялись выборы, на которых победили «Братья-мусульмане».

Это были первые демократические выборы после конца монархии.

С небольшим перевесом победил Мухаммад Мурси, ставший первым президентом республики, не вышедшим из военной среды.

За рубежом у Мурси были страстные сторонники, прежде всего в Турции, которой в тот период также руководил свободно избранный гражданский политик-исламист Реджеп Тайип Эрдоган.

Катар с энтузиазмом финансировал новое правительство.

Во внешней политике Мурси открыто поддерживал долго угнетавшихся палестинцев и демонстрировал дружественное отношение к ХАМАС в Газе и «Хезболле» в Ливане, что тревожило государства, считавшие эти организации террористическими.

Мурси стремился также разговаривать с Ираном, а не просто присоединяться к возглавляемому Саудовской Аравией суннитско-арабскому альянсу.

Он представлял современный универсальный ислам, который не был бы заперт внутри 2 враждующих лагерей.

Мурси гордился тем, что возвысился благодаря образованию: его отец, бедный крестьянин, возил его в школу на спине осла.

Он хорошо знал и Америку, где прожил 3 года, завершая в Калифорнии подготовку по специальности инженера ракетно-космической техники.

Правительство Мурси, против которого выступали Саудовская Аравия, эмираты Персидского залива, Израиль и США, постепенно становилось всё более авторитарным.

В июле 2013 года массовые демонстрации были использованы египетской армией как повод для переворота.

К власти в качестве президента пришёл генерал Абдель Фаттах ас-Сиси, прежде занимавший должности начальника военной разведки и министра обороны.

Он работал в Саудовской Аравии, Великобритании и США — союзники могли считать его надёжным человеком.

Режим Сиси финансируется Саудовской Аравией, эмиратами Персидского залива и Соединёнными Штатами.

Он выработал более тонкую, ориентированную прежде всего на египетские интересы внешнюю политику и сопротивлялся некоторым инициативам саудовских союзников, в частности вторжению в Йемен.

Однако масштабы саудовского влияния на Египет недооценивать нельзя.

По последним подсчётам, саудовские инвестиции достигают 27 миллиардов долларов и распределены между 2 900 проектами, не считая денежных переводов 3 миллионов египтян, работающих в Королевстве.¹

Если бы не действия египетской армии, почти наверняка «Братья-мусульмане» — вместе с другими исламистскими организациями сходного направления — стали бы господствующей политической силой в Египте.

«Братья-мусульмане» — *Аль-Ихван аль-Муслимун* — были основаны в марте 1928 года.

6 рабочих из города Исмаилия на Суэцком канале обратились к Хасану аль-Банне — образованному, харизматичному молодому учителю и религиозному деятелю — с просьбой помочь им лучше понять собственную культуру.

Их возмущали британское господство, космополитические левантийские нравы портового города и отстранённость исламской учёной элиты.

Хасан аль-Банна создал народную общину взаимопомощи: вечерние кружки чтения и молитв, практическая поддержка нуждающихся, интеллектуальные дискуссии.

¹ Сама египетская армия владеет и контролирует огромную долю инфраструктуры и бизнеса страны.

Она соединяла энергичность скаутского движения с ячеистой структурой, напоминавшей троцкистскую организацию, и традиционными практиками суфийского братства.

Члены «Братьев-мусульман» видели себя наследниками той первой эгалитарной мусульманской общины, что возникла в оазисе Медины.

Заинтересовавшийся сторонник мог сперва получить статус «примкнувшего», затем стать «организатором» и, наконец, принять пожизненное обязательство «деятельного брата».

Всего через 10 лет после основания насчитывалось уже 200 000 «Братьев-мусульман», а к 1948 году — 2 миллиона.

Решения принимал совет из 100 старших братьев, а осуществлял их внутренний комитет, возглавляемый верховным наставником.

«Братья-мусульмане» создали отделения и в других арабских странах Ближнего Востока, никогда при этом не утратив своей глубоко египетской природы.

Они помогали Палестинскому восстанию 1936–1939 годов против британского правления и участвовали в событиях «Чёрной субботы» 1952 года, когда ненавистное британское присутствие в Каире было буквально выжжено огнём: сгорело 700 зданий.

«Братья-мусульмане» однажды подошли к власти почти вплотную.

И Насер, и Садат в юности состояли в военизированном крыле организации — *Ат-Танзим аль-Хасс*, — прежде чем приблизительно между 1947 и 1950 годами отделились от движения.

Это была чрезвычайно запутанная политическая эпоха, когда и египетская монархия, и социалисты пытались внедрять своих людей в организацию, что вызвало волну убийств и ответных расправ.

Хасан аль-Банна был застрелен 2 вооружёнными людьми в 1949 году, после чего одним из влиятельнейших идеологов стал Сайид Кутб.

Это был необыкновенно сложный и интересный человек.

Во время учёбы по стипендии в Америке его глубоко потрясли сексуальная распущенность и жадность западного общества.

Но он же одним из первых сумел оценить гениальность египетского писателя Нагиба Махфуза.

Какое-то время казалось, что Сайид Кутб станет интеллектуальным вдохновителем революции Насера.

Но позднее он призвал к насильственному джихаду ради свержения египетского государства и в 1966 году был казнён в тюрьме.

Поэтому исламисты Египта — будь то сами «Братья-мусульмане» или близкие к ним круги — научились действовать осторожно и незаметно, часто

внутри благотворительных организаций, школ, больниц и различных институтов.

Особенно успешно движение развивалось среди представителей среднего класса и профессиональной интеллигенции в провинциальных городах.

Внешне они оставались аполитичными, были привержены семейной жизни — женщины носили покрывало или как минимум плотно облегающий голову платок — и продвигались в обществе благодаря образованию и упорному труду.

«Братья-мусульмане» всегда соперничали со светской партией Баас, правившей Сирией и Ираком, и одновременно с подозрением относились к ваххабитским богословам, находившимся под контролем саудовского государства.

Одним из ключевых деятелей движения был шейх Юсуф аль-Карадави (1926–2022).

Он родился в бедной семье в дельте Нила и в юности был вдохновлён проповедями Хасана аль-Банни, которого описывал как человека, «сиявшего необыкновенным светом, словно его слова были откровениями или живыми угольями света пророчества».

Шейх Юсуф имел редкую честь побывать в тюрьмах и при короле Фаруке, и при президенте Насере.

Он осуждал и саудовский ваххабизм, и автократическое правление Асада в Сирии и Каддафи в Ливии, и угнетение палестинцев Израилем.

Его передачи на телеканале Al Jazeera, посвящённые шариату и повседневной жизни, регулярно смотрели около 60 миллионов мусульман.

Когда в 2011 году Юсуф вернулся в Египет после долгого изгнания в Катаре, его встречал миллион сторонников, а затем он возглавил молитву, в которой приняли участие 2 миллиона человек.

В Соединённых Штатах и Европе его считали радикальным экстремистом.

Этой исламистской политической традиции в Египте противостоит армия, безжалостно подавляющая всякую оппозицию.

Наиболее ярким примером стала массовая расправа на площади Рабаа в 2013 году.

Однако было бы ошибкой называть египетскую армию светской — подобно армии Турции Ататюрка или партии Баас.

По своим убеждениям она всецело мусульманская, суннитская и арабская и определяет себя прежде всего как патриотическую силу.

Армия считает себя хранителем Египта — страны, которую последние 5 000 лет приходилось защищать от внешних врагов.

Глава 26

Израиль и антиишитские союзы

Оккупация Палестины и союз с суннитской Саудовской Аравией против ишитского Ирана

Однажды, бродя по холмам южной Сирии и пытаясь найти спуск к реке Ярмук — туда, где во время песчаной бури арабское войско разгромило византийские легионы, — я невольно услышал обрывок разговора между моим сирийским проводником и местным крестьянином. Тот пришёл предупредить нас, что мы подошли близко к спорной границе на Голанских высотах. Не показывая рукой, он лишь кивком головы указал на противоположную сторону долины и сказал: *tamlakat al-yahud* — «царство евреев». Те же слова могли бы прозвучать из уст ассирийца, селевкида или римлянина. В них признавалось место евреев в историческом ландшафте — пусть и произнесены они были с оттенком ненависти.

Древние еврейские царства Леванта были уничтожены Римской империей, однако на протяжении 1 400 лет еврейские общины продолжали существовать по всему исламскому Ближнему Востоку как терпимое меньшинство. Но энергия, необходимая для создания собственного нового государства в Израиле, исходила не от разрозненных мизрахимских общин, а от ашкеназских евреев Центральной Европы и России. Сионистское движение, подпитываемое памятью о многовековых преследованиях, было решительно настроено создать родину, где евреи могли бы чувствовать себя в безопасности. В середине XIX века 45 процентов мирового еврейского населения проживало в пределах Польши и России. Более состоятельные и давно укоренившиеся еврейские общины Лондона, Парижа, Вены и Берлина романтически сочувствовали этому предприятию, но куда охотнее жертвовали деньги, чем отправляли собственных детей работать поселенцами-земледельцами в Палестину. Поэтому с самого начала сионистское движение стало союзом хорошо финансируемых, умеющих убеждать интеллектуалов — нередко глубоко ассимилированных сефардов Западной Европы — с суровыми ашкеназскими поселенцами из России и Восточной Европы. Окончательно проект обрёл опору, когда в разгар Первой мировой войны у него появился могущественный покровитель.

Британские политики, чьё воображение разжигали библейские сюжеты, разделяли некоторые элементы сионистского видения, однако руководствовались прежде всего *realpolitik*. Им нужен был надёжный местный союзник в Леванте, способный защитить новый нефтепровод к Хайфе, который

мог снабжать топливом британский флот и укреплять контроль над Суэцким каналом. Сионисты были готовы сотрудничать с Британией, поскольку иных вариантов у них не было.

Британцы представляли себе еврейское государство как ещё один лояльный, самоуправляющийся белый доминион в составе Империи. Их «доминионы» — Канада, Австралия, Новая Зеландия — уже были созданы путём колониального присвоения земель коренных народов, поэтому вытеснение палестинских арабов с их древней родины воспринималось как обычная имперская практика. Стратегический интерес Британии был сосредоточен главным образом на побережье, и, пытаясь хоть немного уменьшить ненависть коренных арабов, в 1921 году британцы постановили, что восточная половина Палестины войдёт в новое арабское Королевство Иордания, созданное из южной Сирии.¹

Это решение заставило ненавидеть британцев уже не только арабов, но и сионистов. Ведь древнее царство Давида и Соломона, колыбель древнееврейской веры, находилось на холмах вокруг Иерусалима и в долине Иордана. Когда стало ясно, что британская политика не отдаст им эту древнюю отчизну, отдельные течения сионизма — прежде всего «Иргун», тогда считавшийся террористической организацией, — стали откалываться. Свои притязания они демонстрировали предельно ясно: на эмблеме «Иргуна» и Палестина, и Иордания были изображены как часть еврейской родины. «Лехи» (известная также как «банда Штерна») была ещё более воинственной сионистской организацией, позднее прославившейся громкими убийствами и акциями против британцев.¹

К концу Первой мировой войны к западу от реки Иордан в Палестине проживало 66 000 евреев и 573 000 мусульман и христиан-арабов. Между 1921 и 1936 годами благодаря иммиграции еврейское население увеличилось в 6 раз и достигло устойчивой численности в 370 000 человек. Корни большинства израильских руководителей — военных, политических и сотрудников служб безопасности — восходят к первому поколению межвоенных ашкеназских сионистов. Большинство еврейских поселенцев понимало необходимость активно поддерживать британскую военную администрацию, а свои эмоциональные симпатии к «Иргуну» и «Лехи» предпочитало держать при себе. Во время Арабского восстания 1936–1939 годов для поддержки британцев была создана еврейская военизированная армия «Хагана» — 10 000 бойцов при 40 000 резервистов.

¹Этот шаг был частичной попыткой загладить британское предательство обещаний, данных хашимитским шейхам в годы Первой мировой войны относительно создания независимой Аравии.

Сионистам никогда не доставало рвения, но их решимость добиться успеха ещё более укрепилась после ужасной судьбы, постигшей еврейские общины во Второй мировой войне, когда нацистский режим систематически уничтожил две трети всего европейского еврейства — 6 миллионов беззащитных мирных людей. Поэтому, когда ослабленная войной Британия начала демонтировать свою империю, она приняла решение в 1948 году уйти из Палестины и оставить две общины выяснять отношения между собой силой. Эта преступная безответственность не была особенностью Леванта: миллионы людей также пострадали при кровавом разделении Индии и Пакистана, а Британия отказалась и от ответственности за гражданскую войну в Греции, возникновению которой она сама отчасти способствовала. Как уже говорилось в главе о Сирии, Израиль возник как национальное государство в результате трёх этапов боёв 1948–1949 годов. Затем он выступил агрессором в двух войнах со своими арабскими соседями — в Суэцкой войне 1956 года и в Шестидневной войне июня 1967 года, — но в последнем великом испытании, войне Судного дня 1973 года, сам подвергся внезапному одновременному нападению Египта и Сирии.

В ходе этих войн и бесчисленных пограничных столкновений Израиль последовательно продвигал границы своего государства в глубь материка. И всё же даже после 70 лет завоеваний его территория на карте выглядит совсем небольшой. По площади она сопоставима с Уэльсом или Род-Айлендом; заметных минеральных ресурсов здесь нет, доступ к пресной воде ограничен. Однако всего за два поколения Израиль создал чрезвычайно эффективную армию и военную разведку, а также один из самых технологически развитых производственных центров мира, специализирующийся на вооружениях, компьютерах и телекоммуникациях. Но главным богатством Израиля стала неизменная дипломатическая, финансовая и военная поддержка США. Израиль получает поток американской помощи — 260 миллиардов долларов с 1946 по 2022 год — и с 1985 года пользуется беспошлинной торговлей. По мнению автора, этого удалось добиться настойчивой и искусной пропагандой. До Второй мировой войны политическая культура США была к еврейским вопросам безразлична, если не откровенно антисемитски настроена.

Национальным интересам Израиля всегда служили расколы внутри Ближнего Востока, который в противном случае мог бы объединиться против него. Как уже отмечалось, соперничество трёх королевских династий — Хашимитов Иордании и Ирака, Саудитов в Саудовской Аравии и египетской монархии — стало возможностью, которой Израиль умело воспользовался во время войны 1948–1949 годов. Затем последовало соперничество новых арабских социалистических республик с уцелевшими наследственными

монархиями, а позднее — вражда между баасистскими Сирией и Ираком, не позволявшая двум наиболее непримиримым противникам Израиля действовать вместе. В 1970 году Иорданию охватил кризис «Чёрного сентября», затем Ливан погрузился в гражданскую войну. Ирано-иракская война 1980–1988 годов, за ней вторжение в Кувейт, две войны в Ираке, гражданская война в Сирии, а теперь и соперничество Ирана и Саудовской Аравии, разыгрываемое на территории Йемена, — всё это отвлекало, разъединяло и ослабляло потенциальных врагов Израиля. Израильские службы безопасности и разведки славятся как мастера шпионажа и тайных операций, но им зачастую оставалось лишь наблюдать за саморазрушением арабских противников. Более того, Израиль нередко извлекал выгоду из продажи и скрытых поставок оружия различным силам в регионе.

Израиль не боится войны. Он родился как нация с оружием в руках. Национальная служба в Армии обороны Израиля стала одним из главных факторов, объединивших в одну нацию потоки иммигрантов-поселенцев со всех концов света. Израиль сумел возродить иврит как живой язык, но при этом остаётся прагматичной страной, где английский, арабский и русский используются на дорожных указателях, радио, телевидении и в торговле.

Оптимистично настроенные зарубежные миротворцы, а вместе с ними и несколько старых израильских генералов, мечтают ограничить Израиль границами до 1967 года, добавив к ним Иерусалим, в обмен на долгосрочный мир с арабскими соседями. Такой мечтой вполне мог бы поделиться патриотичный, светский гражданин Израиля второго или третьего поколения, дорожащий работой и пляжной жизнью Тель-Авива. Но подобный взгляд игнорирует притяжение исторического воображения, которое двигало всем сионистским проектом. Каждый новый поселенец знает: совершить «алию», переселиться на родину, — значит участвовать в возрождении древних царств Иудеи и Самарии. Израильский политик может это отсрочить или отрицать, но навсегда остановить стремление сионистов к еврейскому заселению Западного берега не способен. Решение отказаться от этой мечты ради долговременного мира с палестинцами грозит расколоть еврейское население надвое. Оно уже становилось причиной убийств премьер-министров и президентов.

«Ликуд», нынешняя правящая партия Израиля, является прямым политическим наследником жаботинского «Иргуна». Даже когда его сторонники представляли собой бессильную группу еврейских поселенцев, ощущавших угрозу со стороны арабских соседей, «Иргун» предпочёл бороться с британцами, а не принять перспективу, при которой Израиль не будет контролировать долину Иордана. С тех пор они провели полдюжины победоносных кампаний, и их решимость отнюдь не ослабла. И в момент, когда

я пишу эти строки, «Ликуд» правит Израилем в коалиции с ультраправыми и религиозными партиями.

Если отбросить политическую риторику и смотреть прагматически, идея подлинно независимого палестинского государства, по мнению автора, фактически мертва. Сохранившиеся палестинские общины Западного берега, похоже, обречены стать чем-то вроде индейских резерваций в США, а Газа — существовать в виде воинственного города-государства. В долгосрочной перспективе история ещё может опровергнуть нас, но в краткосрочной именно такая судьба, по всей видимости, воспринимается дипломатическими канцеляриями как данность. И всё же палестинская диаспора — люди, изгнанные из родовых деревень, от древних оливковых рощ, каменных особняков, лимонных и апельсиновых садов, — представляет собой блестящую, мобильную, красноречивую и творческую силу. Стоит заглянуть под поверхность многих арабских журналов, банков, художественных галерей или издательств, встретить составителя словаря, романиста, дальновидного дизайнера или человека, превратившего Al Jazeera в мировой феномен, — и вы обнаружите палестинца. Потеряв родину, эти люди направляют свою неутомимую энергию в труд и образование. У них должно быть будущее.

Нелегко понять, почему Израиль столь яростно настроен против Ирана, лежащего за тысячи километров к востоку. Если смотреть через очень длинную историческую перспективу, то когда-то они были союзниками против Ассирии, Вавилона, Рима и Византии. Да и в новейшее время у них существовал общий интерес — не допустить усиления какого-либо экспансионистского арабского государства. На протяжении большей части ирано-иракской войны именно продажа Израилем вооружений, технологий и запасных частей позволяла иранским военно-воздушным силам продолжать существование.

У Израиля, разумеется, есть основания для недовольства щедрой поддержкой, которую Иран оказывает ХАМАС — избранному исламистскому правительству палестинской Газы. ХАМАС подхватил знамя воинственного палестинского сопротивления в 1993 году, когда ООП подписала с Израилем соглашения в Осло. Другая претензия Израиля к Ирану связана с его логистической, финансовой и дипломатической поддержкой шиитской «Хезболлы». Иран, несомненно, является покровителем «Хезболлы» южного Ливана. Но израильские руководители знают, что истинной причиной возвышения «Хезболлы» стала прямая реакция на израильское вторжение в Ливан в июне 1982 года. В частных беседах они также признают, что укрепление «Хезболлы» в конечном счёте принесло стабильность и северной границе Израиля, и самому Ливану.

Поскольку Израиль уже располагает ядерным сдерживанием, его громкие обвинения в адрес ядерных амбиций Ирана, по мнению автора, во многом служат дипломатической повестке. Это удобный инструмент для раскола мусульманского мира и превращения Ирана — а не Израиля — в изгоя Ближнего Востока. Такая риторика хорошо работает и в США. Америка до сих пор испытывает чувство стыда из-за своих поражений в Иране. Падение шаха, последовавший захват заложников в Тегеране и неудачная военная операция по их освобождению случились всего через 4 года после унижительного краха Америки во Вьетнаме. Поэтому, когда израильский лидер объезжает мир, пытаясь создать коалицию союзников для каких-либо жёстких мер против Ирана, симпатия к Израилю в Америке лишь усиливается.

Антииранская риторика столь же привлекательна для богатых нефтью монархий арабского мира, с которыми Израиль в последнее время выстраивает новое взаимопонимание. Сочетание арабской щедрости и израильских технических знаний могло бы стать огромной силой. Мир, в котором Израиль чувствует себя менее уязвимым, а арабы направляют огромные доходы в собственную промышленность, региональную самодостаточность и внутреннюю инфраструктуру, вместо квартир в Лондоне и Нью-Йорке или вооружённых тренировочных лагерей в чужой пустыне, мог бы принести немало хорошего. Но на «арабской улице» такая политика крайне непопулярна: её воспринимают как предательство палестинцев циничными, богатыми нефтью арабами, что лишь усиливает привлекательность исламистских шейхов.

Признание Израйля арабскими странами позволило бы ему стать динамичной и полезной частью Ближнего Востока. Израиль даже мог бы постепенно избавиться от нездоровой зависимости от США. Вероятно, неуклонное стремление продвигать границы Израйля на восток сделает это невозможным. Но было бы глупо недооценивать единственный вопрос, который действительно сближает Израиль и арабские государства, — их взаимную неприязнь к шиитскому Ирану. Это ключевой элемент для понимания суннитско-шиитской напряжённости на Ближнем Востоке. Однако нападение ХАМАС на юг Израйля в октябре 2023 года, совершённое ровно через 50 лет после войны Судного дня, отбросит назад любые попытки выстроить союзы между Израилем и умеренными суннитскими арабскими государствами — что, вероятно, и входило в расчёт поддерживающего ХАМАС Ирана.¹

¹ Книга была отправлена в печать в октябре 2023 года, через неделю после нападений. См. послесловие на с. 306.

Глава 27

Америка на Ближнем Востоке

От партнёров нефтяной индустрии и союзников времён холодной войны — к сверхдержаве, развязывающей войны

Любое обсуждение динамики израильского влияния на Ближнем Востоке неизбежно переплетается с ролью его покровителя и гаранта — Соединённых Штатов. Для Ирана — и не только для него — Америка является «Большим сатаной», а Израиль — «Малым сатаной». Но так было не всегда. В первой половине XX века влияние США на Ближнем Востоке в целом было благожелательным, особенно в сравнении с Францией или Британией. Соединённые Штаты не участвовали в военных кампаниях на Ближнем Востоке во время Первой мировой войны и не принимали участия в колониальном разделе земель после распада Османской империи. Именно американские геологи Макс Стайнеке и Томас Баргер открыли арабскую нефть и положили начало её разработке в конце 1930-х — начале 1940-х годов; именно американские специалисты создали нефтяную промышленность Саудовской Аравии и стран Персидского залива.

После Суэцкого кризиса 1956 года США сменили Британию в роли доминирующей внешней силы на Ближнем Востоке. Это могло бы сыграть для региона положительную роль, если бы не навязчивое соперничество холодной войны с Советским Союзом. В результате с 1955 по 1990 год главное разделение между государствами Ближнего Востока проходило не по религиозной линии — шииты или сунниты — и не по этнической — арабы, турки или иранцы, — а по вопросу о том, кто поставляет им оружие и военных советников. Египет отдалился от США не из-за внутренней политики Насера, а потому, что решил покупать оружие у советского блока. В разгар холодной войны социалистические арабские республики — Египет, Сирия, Йемен, Сомали, Ливия, Алжир и Ирак — вооружались Советским Союзом, тогда как наследственные монархии Ирана, Саудовской Аравии, Омана, Иордании, Эфиопии, Марокко и эмиратов закупали оружие у США и их союзников. Турция торговала с обеими сторонами.

Израиль, по крайней мере поначалу, выбивался из привычной схемы союзов холодной войны. Во время войны 1948–1949 годов его поддерживали и СССР, и США; первоначально страной управляла социалистическая партия, во многом близкая Советскому Союзу, а многие первые сионистские поселенцы говорили по-русски. Опportunистический военный союз Израиля с французской и

британской колониальными империями во время Суэцкого кризиса 1956 года был осуждён и СССР, и США, так что в конце 1950-х дипломатическое поле ещё оставалось открытым.

Затем Египет, Сирия и Ирак стали союзниками Советского Союза и начали поддерживать революционные движения. Израиль ответил дипломатическим наступлением, в результате которого был заключён необычайно тесный союз с США. Сегодня он кажется почти неизбежным, но в 1950-е годы 5 миллионов американских евреев составляли лишь 1,5 процента населения США и не представляли собой крупной политической силы. Тем не менее прочная связь была создана и постепенно укреплялась благодаря политическому лоббированию АИРАС — Американско-израильского комитета по общественным связям. Свою роль сыграли и военные успехи. Американцев впечатляли израильские вооружённые силы — будь то Шестидневная война 1967 года или антитеррористический рейд в Энтеббе в 1976 году. Израильтяне всё больше казались естественными союзниками Америки.

Во время холодной войны США и СССР вели на Ближнем Востоке целую серию войн чужими руками, о чём свидетельствуют бойня гражданской войны в Ливане и ныне почти забытые кровавые кампании в горах Северного Йемена и в холмах Дофара в Омане. В 1970 году, прежде чем Египет перешёл в американский лагерь, на его территории находилось 20 000 советских военнослужащих, а на побережье Сирии, Сомали и Адена действовала цепочка советских военно-морских баз.

К 1979 году обе сверхдержавы начали утрачивать прежнюю хватку, но по-настоящему геополитическую карту изменила Исламская революция в Иране. Одним ударом США лишились одного из своих важнейших союзников и надёжных торговых партнёров на Ближнем Востоке. Впервые появилась мусульманская страна, решившая любой ценой не становиться зависимым союзником ни США, ни СССР. В ноябре 1979 года американская система союзов на Ближнем Востоке была дополнительно потрясена восстанием, едва не свергнувшим монархию Саудовской Аравии. А в самом конце 1979 года советская 40-я армия вошла в Афганистан. Американское руководство опасалось, что Пакистан, столь тесно связанный с Афганистаном, может перейти в советский блок, а русские создадут военно-морскую базу на восточной окраине Персидского залива. Вместо этого после 10 лет войны в Афганистане начал распадаться сам Советский Союз.

Освобождение Кувейта силами коалиции во главе с США в 1990 году после иракского вторжения, вторжение в Афганистан как наказание виновных в 11 сентября и вторжение в Ирак в 2002 году — «без всякой веской причины», по выражению автора, — продемонстрировали устрашающий размах и

возможности этой мировой державы с её «большой дубинкой». Режимы и армии можно было освободить или уничтожить за считанные недели — в огненном ливне управляемых ракет и высокоточного оружия. Куда менее очевидным оказалось другое: каждая из этих трёх решительных военных побед в конечном счёте принесла выгоду врагам Америки.

Сохранив независимость Кувейта и изгнав иракскую армию, американцы, к своему удивлению, обнаружили, что многие из тех арабов, которых они считали спасёнными, ненавидят их. Размещение американских военных баз вдоль побережья Персидского залива многие в Саудовской Аравии воспринимали как унижительную зависимость. И потому вышло парадоксально: именно ближайший арабский союзник Америки дал большинство молодых террористов, стремившихся атаковать символы американского могущества, кульминацией чего стало 11 сентября.

Наблюдая, как расходы на 10-летнюю войну в Афганистане помогли довести Советский Союз до банкротства, США, по мнению автора, странным образом решили навлечь на себя то же бедствие собственной военной оккупацией. Желание Америки отомстить за 11 сентября зрелищным кровопролитием было понятно, но если и существовала военная кампания, которую следовало провести по принципу «быстро вошли — быстро вышли», то именно эта. Вместо этого американцы увязли в стране на 20 лет.

Американское вмешательство в Ирак стало ещё более тяжёлой раной, нанесённой самим себе. Уничтожив иракское государство и поощрив демократические выборы, США обнаружили, что создали новую шиитскую страну, естественно тяготеющую к Ирану, тогда как суннитский остаток Ирака превратился в ИГИЛ — эксперимент патологически жестокого и реакционного ислама. Эти два соперника ненавидели друг друга с убийственной страстью, но в одном были едины: они хотели отеснить границы всемирной американской империи.

Как могли произойти столь крупные стратегические ошибки? У правительства США не менее 16 разведывательных ведомств, в которых работают 850 000 человек и на которые ежегодно тратится 50 миллиардов долларов. Но на президентском уровне решения по внешней политике слишком часто формулируются как отношение конкретной страны к Соединённым Штатам. Совет Билла Клинтона одному приезжему иностранному политику был прост: «Держитесь к нам поближе»; Джордж Буш-младший сформулировал это иначе: «Либо вы с нами, либо вы с террористами». Америка прежде всего требует лояльности, а её президенты редко способны видеть всю региональную картину. На Ближнем Востоке существует убеждение, что есть только один союзник, на которого США могут полностью положиться, — Израиль. Он

пользуется репутацией страны, которая умеет доводить дело до конца: быстро, эффективно и, если нужно, тихо.

Президенты-демократы, получающие большую часть традиционно либеральных голосов и влияния американских евреев, тщательно поддерживают публичные отношения с Государством Израиль. По крайней мере теоретически они должны оказывать на израильскую политику либеральное и сдерживающее влияние — хотя, по мнению автора, на нынешнее правительство Нетаньяху это влияет мало. У республиканцев более своеобразный электоральный фундамент: миллионы американских христиан-фундаменталистов, глубоко погружённых в библейские пророчества, горячо поддерживают израильскую оккупацию Западного берега. Они также всегда прислушиваются к интересам нефтяной, оборонной и авиационной промышленности, а потому безопасность Персидского залива — вместе с прибыльными рынками эмиратов и Саудовской Аравии — занимает несколько более высокое место в их политической повестке. Таким образом, в американской внешней политике на Ближнем Востоке существуют два незыблемых положения, разделяемых обеими партиями: безопасность Израиля и безопасность Персидского залива.

В прошлом внутренние споры об этой политике могли быть весьма ожесточёнными, поскольку затрагивали способность Америки сдерживать Советский Союз и угрозу мирового коммунизма. Одни аналитики утверждали, что именно американская поддержка Израиля толкнула половину арабских государств в объятия СССР; другие считали, что ещё эффективнее это сделала поддержка США богатых нефтью арабских монархий. Репутация Америки как лицемерной и двуличной державы, по мнению автора, во многом основана на фундаментальной несовместимости одновременной дружбы и с Израилем, и с арабами. Арабское нефтяное эмбарго 1974 года донесло этот урок особенно убедительно, настолько, что после него ситуацию стали менять на самом материальном уровне.

После 1974 года США начали масштабно инвестировать во внутреннюю добычу сланцевых углеводородов, что сделало Америку самодостаточной в нефти. Поэтому безопасность Персидского залива стала для американской внешней политики менее жизненно важной. Она по-прежнему важна, но уже не является вопросом, в котором противник держит «большой палец на яремной вене».

И здесь мы подходим к важнейшему факту для понимания проблем современного Ближнего Востока. Противостояние между возглавляемым Саудовской Аравией суннитским блоком и шиитским Ираном не противоречит ключевым интересам США. Более того, суннитско-шиитское соперничество способно дать американской дипломатии шанс «квадратуру круга»: сблизить

двух прежде враждебных друг другу союзников Вашингтона — Израиль и Саудовскую Аравию. Но с такой же лёгкостью это может взорваться у Америки в руках, закрепив ненависть шиитских Ирана и Ирака к США и увеличив вероятность исламистской революции в самом сердце суннитского арабского мира с падением последних арабских монархий, остающихся союзниками Америки.

Другой вариант? Протянуть руку дружбы Ирану и оказать умеренное давление на Израиль, добиваясь прочного мира с палестинцами.

Глава 28

Изолированный эмират: Катар

От жемчужного промысла — к мировой медиасети

Катар — маленькая, но сверкающая фигура на шахматной доске Ближнего Востока. Эмират сказочно богат: здесь один из самых высоких средних доходов в мире — 106 000 долларов в год, третьи по величине запасы газа и суверенный фонд благосостояния стоимостью свыше 100 миллиардов долларов. Ни один коренной катарец не платит налогов, а весь физический труд выполняют практически бесправные мигранты, составляющие около 90 процентов населения численностью примерно 2,5 миллиона человек. И всё же, несмотря на деньги, Катар осмеливается быть непохожим на других, следовать собственной линии, а не послушно идти в ногу с Королевством Саудовская Аравия, как его соседи по Заливу — Кувейт, Бахрейн и ОАЭ. Катар ведёт активную внешнюю политику и не боится покупать всё — и всех, — у кого есть цена.

В июне 2017 года суннитские арабские соседи предъявили Катару список из 13 требований. По сообщениям, среди них были: разорвать связи с «Братьями-мусульманами», «Хезболлой», «Аль-Каидой» и ИГИЛ, прекратить отношения с Ираном, закрыть турецкую военную базу и свернуть деятельность медиасети Al Jazeera. Катар отказался, отвергнув обвинения в финансировании террористических групп. После этого он оказался в изоляции: Саудовская Аравия, Египет и государства Залива разорвали с ним дипломатические отношения. Поговаривали даже, что саудовцы символически прорывают канал вдоль сухопутной границы и буквально «отпустят» проблемного соседа в море, отделив его от остальной Аравии. В действительности Катар исключили из региональных советов и подвергли культурной и экономической блокаде. Саудовцы делали и более экстравагантные заявления — например, будто внутреннюю безопасность катарских дворцов контролирует Корпус стражей исламской революции Ирана, хотя Катар является единственной другой арабской страной, официально исповедующей ваххабизм.

Главное «преступление» Катара заключалось в том, что он отказался присоединиться к возглавляемому Саудовской Аравией союзу против шиитского Ирана и вместо этого проводил собственную политику открытых дверей с могущественным северным соседом. Для этого есть сугубо прагматическая причина: обе страны делят Южный Парс/Северное месторождение — крупнейшее в мире газовое поле с запасами около 51

триллиона кубических метров. Вторым серьёзным «преступлением» в глазах соседей было то, что Катар последовательно поддерживал различные популистские исламистские партии по всему Ближнему Востоку, демократические протестные движения «арабской весны», «Братьев-мусульман» в Египте и исламистское руководство Эрдогана в Турции. Все эти избранные исламистские политики склонны дистанцироваться от конфессионального раскола на суннитов и шиитов и говорить о всемирной Умме верующих. В то же время они открыто критикуют режимы, поддерживаемые Западом, и громко выступают в поддержку палестинской борьбы против Израиля. Катар был готов финансировать избранное правительство «Братьев-мусульман» в Египте на сумму до 5 миллиардов долларов в год.

Катар также поддерживает те или иные отношения с большинством воинствующих исламистских групп — «Талибаном» в Афганистане, «Хезболлой» в южном Ливане и ХАМАС в Газе, то есть с организациями, представляющими едва ли не взаимоисключающий спектр исламских убеждений. Кроме того, Катар стал крупным спонсором отдельных исламистских вооружённых группировок в гражданских войнах Сирии и Ливии. Считается, что различным сирийским силам, противостоящим правительству, он предоставил свыше 3 миллиардов долларов. Аргумент Катара состоит в том, что дипломатическую дверь всегда необходимо держать открытой; его противники обвиняют эмират в безрассудном финансировании террора и разжигании гражданских войн. Впрочем, то же обвинение можно предъявить и Саудовской Аравии. Во многих боях в Сирии вооружённые группы, финансируемые Катаром, сражались против сил, финансируемых Саудовской Аравией.

Третья провинность Катара в глазах соседей — Al Jazeera. С 1996 года эмиры Катара финансируют этот откровенный и свободомыслящий телевизионный новостной канал, ставший, пожалуй, самым влиятельным формирователем общественного мнения на Ближнем Востоке. Al Jazeera перетянула глобальную аудиторию у BBC и CNN, не говоря уже о тяжеловесных, склонных к самоцензуре государственных телеканалах региона. Она охватывает аудиторию до миллиарда человек и располагает кино- и документальными подразделениями примерно в 80 зарубежных бюро. Началось всё почти случайно, как доброе дело: когда закрылась популярная арабская служба BBC World Service, правящий эмир Катара решил поддержать оставшихся без работы журналистов и предоставил им заём в 137 миллионов долларов.¹

¹ Вадах Ханфар, блестящий первый генеральный директор Al Jazeera, как и многие талантливые технократы, работающие в странах Залива, является беженцем из

Но если присмотреться к самому Катару, то становится ясно: эта открытость работает прежде всего как внешняя витрина. Катаром управляет не выборный орган, а автократическая монархия. Владелец суверенного трона меняется посредством скрытных дворцовых переворотов. Предыдущий эмир Хамад бин Халифа Аль Тани, правивший с 1995 по 2013 год, занял престол, свергнув собственного отца; тот, в свою очередь, получил власть в 1972 году в результате переворота против двоюродного брата, находившегося тогда на охоте в горах Ирана. Нынешний правитель, шейх Тамим бин Хамад Аль Тани, стал эмиром после внезапного отречения своего отца в 2013 году, объявленного в прямом эфире. Никто прежде не считал Тамима — получившего образование в Британии четвёртого сына от второй жены — вероятным наследником. По слухам, ходившим в странах Залива, престол достался ему потому, что «один брат слишком много развлекался, а другой слишком много молился».

Al Jazeera может свободно сообщать о проступках любого арабского монарха или президента, но никогда не критикует правящую в Катаре семью Аль Тани. И хотя во внешней политике Катар демонстрирует привлекательный, независимый срединный путь, в вопросах внутренней безопасности он вполне принадлежит к западному лагерю. Катар добровольно размещает на своей территории 2 американские базы.

Всё это кажется крайне запутанным, пока не заглянешь в историю и не поймёшь, что Катар — своего рода Золушка Персидского залива. Когда-то он был бедным центром жемчужного промысла, зависимым от островного эмирата Бахрейн. Его маленький полуостров состоял всего из 4 поселений, которые облагали данью и правители Бахрейна, и турецкий гарнизон в Басре, и набеги бедуинов-ваххабитов. Семья Аль Тани возвысилась благодаря скорости ума и умению лавировать между всеми этими угрозами.

Признанным основателем династии был шейх Джасим Аль Тани, правивший с 1840-х годов до своей смерти в 1913 году. Он переписывался со всеми 3 мусульманскими державами — османским султаном, персидским шахом из династии Каджаров и египетским хедивом, — одновременно плетя интриги с британцами ради независимости от эмиров Бахрейна. Ему наследовал Абдалла бин Джасим, его 5-й сын, одолевший 18 соперничавших братьев и сестёр. В 1915 году он воспользовался вынужденной эвакуацией турецкого гарнизона и стал хозяином в собственной стране. В разгар Первой мировой войны он рискнул подписать официальный договор с Британией; именно соглашение 1916 года

Палестины. Более половины палестинцев считают Al Jazeera своим главным телеканалом

стало учредительной хартией Катара как независимого эмирата — 9-го из Договорных государств.

Новое государство не выглядело привлекательным трофеем. На протяжении 5 000 лет основой его экономики служил жемчужный промысел, но Великая депрессия 1930-х годов и Вторая мировая война практически уничтожили эту торговлю. Зато в 1935–1938 годах в Катаре обнаружили нефть. На время войны скважины законсервировали, но Аль Тани сумели договориться с Англо-персидской нефтяной компанией о достойных роялти. Катар получил возможность обеспечивать себя на ближайшие 100 лет.

В политическом отношении конец 1950-х и начало 1960-х годов стали тяжёлым испытанием для шейхов Аль Тани: местные нефтяники, которых ещё не заменили рабочие-мигранты из Южной Азии, проникались идеями прогрессивного социализма, а партия Баас враждебно относилась к наследственному режиму, столь откровенно связанному с британцами. Однако Аль Тани выстояли — благодаря разделу нефтяных богатств с другими традиционными родами, тем самым привязанными к режиму, и жёсткому контролю над полицией и армией.

В 1970-е годы США сменили британцев: они начали использовать Аль-Удейд как авиабазу и превратили Катар в одну из 3 опорных баз 5-го флота США. Иностранные военные базы помогали Катару сохранять независимость от ОАЭ, которые как раз превращались в прообраз национального государства из феодальной мозаики Договорных эмиратов. Но катарцы понимали, что даже американская военная мощь не вечна, и начали страховаться, допустив небольшое турецкое военное присутствие. Это привело в ярость таких соседей, как Саудовская Аравия, со старой историей вражды с Османской империей. Зато кризис 2017 года с Саудовской Аравией неожиданно сделал нынешнего эмира популярным внутри страны. Уличный граффити-портрет правителя, известный сегодня как Tamim al Majd — «Тамим Великий», — превратился в национальный символ.

Все правители Катара знают: их эмират богат, желанен и уязвим, а защитить себя без внешних союзников он не способен. Только тончайшее дипломатическое маневрирование позволяет ему сохранять независимость, и именно этим катарцы занимаются уже сотни лет. Дипломатия и переговоры у них, можно сказать, в крови. Независимая внешняя политика помогает также объединять небольшое коренное население вокруг режима и даёт возможность занять потенциальных внутренних критиков престижной международной деятельностью — не в последнюю очередь организацией чемпионата мира по футболу 2022 года. Можно ли надеяться, что однажды принципы катарской внешней политики начнут влиять и на внутреннее устройство государства? Это

не невозможно. Катар всегда вынужден был договариваться с множеством соседей и понимать множество идентичностей. Мать нынешнего эмира — Моза бинт Нассер аль-Миснед, дочь прежнего лидера дворцовой оппозиции.

Можно одновременно восхищаться энергией и индивидуализмом Катара — и всё же понимать раздражение его соседей.

Часть восьмая

Дальние рубежи: Пакистан, Азербайджан, Чечня и Новый шёлковый путь Китая

На самых дальних рубежах того, что вообще можно назвать Ближним Востоком, существует группа мусульманских стран, чьи судьбы напрямую влияют на баланс сил в самом сердце региона. Мы уже видели, что Пакистан неоднократно служил военной опорой для укрепления власти различных суннитских арабских государств, а также играл заметную роль в войнах соседнего Афганистана. Но каковы его собственные потребности и устремления в этом сложном мире?

К северу, на Кавказе, Чечня и Азербайджан часто остаются в тени повествований о мусульманском мире. Они были завоёваны царской Россией, но до этого являлись дальними провинциями Большого Ирана. Их история, мало известная на Западе, важна для понимания недавних событий на Ближнем Востоке. Она, несомненно, имеет ключевое значение и для российской политики в регионе — с её представлением об угрозе со стороны чеченских исламистов. Именно это, наряду с возможностью сохранить старого союзника и военно-морскую базу в Средиземноморье, подтолкнуло Россию к военной поддержке Сирии в войне против ИГИЛ.

Наконец, мы обращаемся к стране, играющей всё более доминирующую роль на Ближнем Востоке. Китай, несмотря на огромную территорию, не располагает значительными собственными запасами нефти и газа и зависит от импорта как из Ирана, так и из стран Залива. И, подобно России, Китай опасается собственных внутренних исламистских движений, которые он подавляет в провинции Синьцзян.

Глава 29

Пакистан: оплот суннизма

От исламской государственности — к «Талибану»

Пакистан — один из главных оплотов суннитского исламского мира, связанный прочным партнёрством с Королевством Саудовская Аравия. У Пакистана есть людские ресурсы, армия и атомная бомба; у Саудовской Аравии — деньги и Мекка. Оба государства заявляют о приверженности распространению «чистого» ислама по всему миру, финансируя мечети, направляя имамов и экспортируя радикальный исламизм. Пакистан был основан на вере и задуман как безопасная родина для мусульманского меньшинства Индии после обретения независимости. Образ нации, объединённой верой, — само слово «Пакистан» буквально означает «страна чистых» — особенно активно продвигался в долгие периоды автократического правления генералов, превращавших себя в президентов, прежде всего Зия-уль-Хака (1977–1988) и Первеза Мушаррафа (1999–2008).

Вооружённые силы Пакистана — клей, скрепляющий нацию из 230 миллионов человек. Армия ассоциируется с добропорядочностью среднего класса и надёжной карьерой — в отличие от политических партий, где доминируют богатые землевладельческие кланы и коррумпированные клирики. Оборонный истеблишмент огромен: непосредственно в нём служат около 600 000 человек, не считая ополчения и добровольного резерва. Армия прошла испытание двумя пограничными войнами и бесчисленными столкновениями с Индией, а также операциями в собственных мятежных горных провинциях. В критические моменты эту военную силу фактически «нанимали» другие суннитские мусульманские государства: так, в 1979–1980 годах 40 000 пакистанских военнослужащих обеспечивали внутреннюю безопасность Саудовской Аравии. Пакистанские военные также участвовали в операциях по укреплению государственной власти в Омане, Иордании и Бахрейне. Всё это продолжает древнюю систему связей между южным берегом Персидского залива и северным — Белуджистаном.

Государственные финансы Пакистана поддерживаются внешней помощью, прежде всего со стороны США и Саудовской Аравии, и почти целиком направляются на содержание армии и государственного аппарата. Внутреннюю экономику подпирает огромная диаспора пакистанских специалистов, работающих «за кулисами» по всему миру. 4 миллиона «зарубежных пакистанцев» трудятся на Ближнем Востоке, 1,5 миллиона — в Великобритании

и около 500 000 перебрались в Северную Америку. Считается, что ежегодно домой переводится порядка 20 миллиардов долларов — на поддержку семей и образование молодых.

По существу — хотя на практике не всегда — Пакистан является крупнейшей мусульманской демократией мира. Он построил специально спроектированную современную столицу Исламабад, чтобы выйти за пределы древнего соперничества между могущественными провинциями Пенджаб и Синд. Население Пенджаба составляет около 110 миллионов человек — 60 процентов населения страны; южная провинция Синд добавляет ещё 47 миллионов. В Синде высока доля шиитов, поэтому в Пакистане насчитывается как минимум 40 миллионов мусульман-шиитов. Синд также традиционно поддерживает исламско-социалистическую реформистскую партию PPP, возглавляемую политической династией Бхутто. Поэтому государство, которое на первый взгляд может показаться монолитно суннитским, в действительности несёт в себе внутренний раскол: шиитское меньшинство связано не только с конкретным регионом, но и с радикальными политическими альтернативами.

Помимо этих 2 центральных провинций, Северо-Западная пограничная провинция является домом примерно для 35 миллионов пуштунов, а столь же суровый юго-западный Белуджистан — для 12 миллионов белуджей. Эти 2 пограничных региона можно одновременно воспринимать как героические образцы этнического самоуправления и как анархичные «дикие земли». Оба сохраняют сильные племенные традиции и в основном суннитские, но и здесь всё далеко не однозначно. Небольшая по численности и горная провинция Балтистан имеет шиитское большинство.

Зульфикар Али Бхутто — левый политик, шиит и уроженец Синда — пришёл к руководству Пакистаном в 1971 году после травматической войны и отделения Бангладеш. В духе господствовавших тогда социалистических идей он начал кампанию национализации. В конечном счёте она оказалась катастрофической, но поначалу выглядела вдохновляюще и сопровождалась земельной реформой, расширением прав профсоюзов и огромным ростом государственного образования. Однако социалистическая политика Бхутто сочеталась и с мрачными решениями. Он отправил армию в Белуджистан для подавления племенного восстания 1973 года, а чтобы укрепить свои исламские позиции среди избирателей, в том же году провозгласил Пакистан Исламской Республикой.

Судьбоносным оказалось и другое решение Бхутто: он поддержал вооружённых исламистов в пуштунском приграничье Афганистана, стремясь нейтрализовать кампанию президента Афганистана Дауда Хана за «Пуштунистан», предполагающую возвращение Северо-Западной пограничной

провинции Пакистана в состав афганской родины. Руководители пакистанских спецслужб тщательно выбрали новых афганских союзников — Гульбеддина Хекматияра и Ахмад Шаха Масуда. Спустя 20 лет эти 2 харизматичных лидера проявят себя как самые способные в военном и политическом отношении командиры афганских моджахедов. Примечательно, что они возглавляли вооружённое партизанское сопротивление собственному социалистическому правительству уже за 5 лет до советского вторжения. Пакистанская разведка заложила в отношения со своими 2 афганскими клиентами элемент политики «разделяй и властвуй»: Хекматияр был пуштуном, Масуд — таджиком. Оба учились инженерному делу в Кабульском университете и соперничали ещё тогда — пусть даже лишь на баскетбольной площадке.

К 1977 году сам Пакистан всё сильнее выходил из-под контроля. Экономическая политика Бхутто привела к сокращению экономики, а он сам становился всё более деспотичным — даже по отношению к политикам, разделявшим его социальные взгляды. В том же году его сверг военный переворот, организованный генералом Зия-уль-Хаком. Бхутто предстал перед судом по обвинению в убийстве политического соперника и был повешен в апреле 1979 года, несмотря на международные призывы к помилованию.

Никто не ожидал, что Зия — тяжеловесный и лишённый воображения генерал — надолго удержится у власти. По меркам пакистанской правящей элиты он воплощал среднеклассовую респектабельность. Даже будучи четырёхзвёздным генералом, он довольствовался скромным бунгало вместе с семьёй и гордился примером мусульманской порядочности своего отца — надёжного чиновника, работавшего на британских военных. Молодым офицером Зия служил рядом с британскими коллегами в джунглях Бирмы и Малайи. Он также проявил большую храбрость и находчивость, служа королю Иордании Хусейну во время «Чёрного сентября».

Но власть генерала Зии неизмеримо укрепили события 1979 года: падение шаха, восстание в Мекке и советское вторжение в Афганистан. Восстание в Мекке в 1979 году было подавлено при содействии нескольких пакистанских полков, что принесло генералу Зие благодарность всей королевской семьи Саудовской Аравии. Эту важную дружбу ещё сильнее укрепило советское вторжение в Афганистан. Внезапно Пакистан превратился в место встречи западного и исламского миров — в канал, через который Запад мог поддерживать борьбу афганских моджахедов против русского коммунизма.

Тонкий ручеёк помощи моджахедам, обещанный президентом Картером, при Рейгане превратился в поток; Саудовская Аравия и её союзники по Заливу сначала сопоставляли каждый американский доллар своим, а затем стали удваивать вклад. Все средства проходили через Пакистан — и на закупку оружия

для афганского сопротивления, и на поддержку миллионов афганских беженцев, покинувших страну из-за гражданской войны. Сложная племенная политика Северо-Западной пограничной провинции Пакистана становилась всё более лабиринтообразной: против русских воевали 14 различных группировок афганских моджахедов.

10 лет советской войны в Афганистане стали золотым периодом американо-саудовско-пакистанского союза. Тысячи искренне настроенных западных гуманитарных работников трудились в лагерях беженцев и штабах Пешавара, однако их численно превосходили около 30 000 иностранных мусульман, приехавших воевать на стороне афганского сопротивления. Одним из этих добровольцев был Усама бен Ладен. Один мой давний знакомый вспоминал, как вполне цивилизованно беседовал с ним за чашкой чая, пока они пытались придумать, как уберечь медицинские конвои от разграбления «бандитами, состоящими в сговоре с пакистанской разведкой». В этот же период из сети медресе — исламских школ — начал формироваться «Талибан». Эти школы воспитывали афганских и пакистанских сирот как будущих воинов веры, призванных продолжить путь своих героических отцов, павших от рук безбожных коммунистов. Само название движения произошло от слова talib — «учащийся», «студент» — этой сети медресе.

Генерал Зия также привлёк тысячи исламистов на государственную службу и ввёл при судебной системе шариатский совет, призванный обеспечивать применение хаддовых постановлений с их кораническими наказаниями за такие преступления, как zina — внебрачные половые отношения — и употребление алкоголя. Он также включил систему исламских медресе в структуру государства и ввёл целый ряд законов о богохульстве. Главной внутренней неудачей стало введение обязательного налога закят — 2,5-процентного «пожертвования», автоматически удерживаемого со всех банковских счетов в 1-й день Рамадана. Этот произвольный бюрократический шаг оказался катастрофой: добровольная исламская добродетель — милостыня — превратилась в статью государственного бюджета. Кроме того, решение вызвало крупнейшие шиитские демонстрации в политической истории Пакистана: в 1983 и вновь в 1984 году они прошли по улицам крупнейших городов. В конце концов Зия отступил и отказался от жёсткого навязывания этой «реформы», однако её долгосрочные последствия оказались разрушительными.

До этого шиитскому гражданину не было никакой юридической необходимости отличать себя от соседа-суннита. Теперь же шииты получили возможность официально регистрироваться, чтобы не платить дополнительные 2,5 процента и самостоятельно распоряжаться своим закятом. Это привело к

резкому росту официально обозначенного числа шиитов в Пакистане, что начало тревожить режим, ориентированный на суннитское большинство.

Государство стало опасаться и того, что шииты, вдохновлённые усилением соседнего Ирана, станут действовать всё увереннее. Чтобы воспрепятствовать этому, шиитское сообщество оказалось втянуто в ежегодный цикл взрывов, целевых убийств и погромов. Процессии во время шиитских праздников атаковали гранатами с поражающими элементами, мечети забрасывали зажигательными бомбами. Или где-нибудь на просёлочной дороге останавливали переполненный местный автобус, люди в масках выводили всех пассажиров, определяли среди них шиитов, отводили в сторону и убивали. К концу 1980-х годов появились 4 воинствующие суннитские исламистские организации, способные осуществлять подобное насилие: «Сипах-е-Сахаба», «Лашкар-е-Джангви», «Джаиш-е-Мухаммад» и «Лашкар-е-Тайба». Спустя 10 лет они раскололись более чем на 80 группировок «пенджабских талибов — одна психопатичнее другой», как выразился исламовед пакистанского происхождения Зияуддин Сардар. Службы безопасности воспринимались как структуры, которые почти ничего не делают для предотвращения подобных нападений, а иногда их и вовсе подозревали в причастности.

Одной из самых страшных расправ стала бойня в Гилгите в мае 1988 года, когда межобщинное насилие вспыхнуло из-за различий в определении времени Рамадана. Через 4 дня после того, как напряжённость вроде бы улеглась, пакистанский Herald писал: «Глеющее политическое соперничество и межконфессиональная напряжённость вспыхнули настоящей бойней, когда тысячи вооружённых соплеменников вторглись в Гилгит по Каракорумскому шоссе. Их никто не остановил. Они уничтожали посеы и дома, линчевали людей и сжигали их заживо в деревнях вокруг города Гилгит. Погибшие и раненые исчислялись сотнями. Но одни цифры ничего не говорят о жестокости вторгшихся орд и о леденящем душу следе, который они оставили в этих мирных долинах». Оценки потерь разнятся, но в провинции Гилгит-Балтистан было убито от 400 до 700 шиитов. По всему Пакистану начали возникать шиитские отряды самообороны.

8 августа 1988 года был убит лидер шиитской общины Ариф Хусейн Хусейни. А 17 августа военный самолёт, на борту которого находились президент Зия-уль-Хак, посол США, глава американской военной миссии и целая свита пакистанских генералов и помощников, разбился вскоре после взлёта. Никто не знает, кто был виновен в этой катастрофе, но ходили слухи, будто причиной стало внезапное решение пилота-шиита отомстить. Таким образом, даже в Пакистане — внешне одном из главных оплотов суннитской

ортодоксии — скрытый суннитско-шиитский раскол обладал способностью расколоть страну и превратиться в кровавую вражду.

Смерть Зия-уль-Хака позволила Пакистану вернуться к демократии, хотя значительная часть созданной Зией исламистской системы Nizam-e-Mustaf — «Правление Пророка» — сохранилась. Один из отобранных им молодых технократов, Наваз Шариф, стал центристской фигурой пакистанской политики следующего поколения и 3 раза занимал пост главы правительства страны — 4, если учитывать срок его младшего брата. Периоды правления Шарифа чередовались с пребыванием у власти Беназир Бхутто, харизматичной дочери Зульф리카ра Али Бхутто. Беназир выиграла всеобщие выборы 1988 года, Шариф — выборы 1990-го, но в 1993 году Беназир снова вернулась к власти.

Чтобы удерживать власть, Беназир понимала: на публике разумнее представлять себя сунниткой. Её 2 брата, Муртаза и Шахнаваз, напротив, стремились к более воинственной идентичности и участвовали в создании шиитской группы «Зульфикар», которую по крайней мере частично финансировала Ливия Каддафи. Шахнаваз умер в Париже — возможно, был отравлен, — а Муртаза в 1996 году погиб в перестрелке с полицией в Пакистане, что ударило по репутации его сестры. Рост политического насилия привёл к новому периоду военного правления — на этот раз под началом генерала-президента Мушаррафа (1997–2007), проводившего политику экономического либерализма, делавшую его популярным в США, но всё более изолированным внутри страны.

В преддверии выборов 2008 года Беназир Бхутто была убита. Её левая, опирающаяся на Синд PPP — Пакистанская народная партия — победила на выборах, а политические наследники Беназир попытались создать более либеральную и децентрализованную парламентскую демократию. Но в конечном счёте выигрышная формула пакистанской политики — трудолюбивый технократ или красивый герой крикета, действующий в тесном союзе с ведущей консервативной партией, представляющей суннитский политический ислам, и не покушающийся на огромную долю государственного бюджета, которая поддерживает армию. Поэтому, хотя старого генерала Зия-уль-Хака сегодня повсюду поносят, его политический отпечаток сохраняется.

Глава 30

Мусульманский Кавказ: Азербайджан и Чечня

Исламизм на Кавказе — и российская внешняя политика на Ближнем Востоке

Отношения России с немногочисленными мусульманскими народами, живущими среди Кавказских гор на её южной границе, играют небольшую, но важную роль в нынешней расстановке сил на Ближнем Востоке.

Кавказ — словно сложенная гармошкой череда горных хребтов между Чёрным и Каспийским морями — издавна был одной из пограничных областей исламского мира. На юге можно проследить путь горного ручья, который в конце концов сольётся с Тигром или Евфратом и понесёт свои воды к тёплому Персидскому заливу. На севере пастбища у подножия гор зовут всё дальше — к необозримым травяным океанам азиатской степи.

Это древняя земля, где некогда зародились виноделие и сыроделие и где, по преданию, после Потопа остановился Ноев ковчег. Вечное пограничье, за которое тысячелетиями сражались Персидская, Османская и Российская империи. И даже сегодня в его отрезанных от мира долинах обитает головокружительное множество народов, говорящих на собственных языках и диалектах.

В 1864–1867 годах Российская империя изгнала мусульманские народы из северо-западных областей Кавказа. Царский двор был серьёзно встревожен тем, что во время Крымской войны 1853–1856 годов французские и британские агенты налаживали здесь связи с местными союзниками. Спустя 10 лет после окончания войны Россия решила покончить с этой стратегической угрозой.

Операция продолжалась более 3 лет. По оценкам, в ходе насильственного изгнания погибло около 400 000 мусульман-черкесов, а возможно, до 1,5 миллиона человек были выдворены из своих древних горных селений и согнаны в поражённые болезнями лагеря на берегу Чёрного моря.

Затем корабли, переполненные обнищавшими беженцами, доставляли их на берега Османской империи, где со временем им выделяли землю для обработки. Одним из многих мест их поселения стал Амман — нынешняя столица Иордании.

Судьба мусульманского народа под властью христианской империи стала известна на всём Ближнем Востоке и в османских владениях на Балканах, напоминая о том, что некогда произошло с мусульманами Испании.

Чеченцы никогда не пользовались хорошей репутацией на Западе.

Этот многострадальный народ численностью около миллиона человек, кажется, дал непропорционально большое число непримиримых добровольцев самым разным проявлениям исламского джихадистского терроризма — будь то участие в афганском сопротивлении рядом с талибами, служба в ИГИЛ или печально известные террористические акции в российских городах.

Но невозможно понять сознание чеченского бойца, не осознав, насколько глубоко чеченская идентичность связана с историей разрушения Россией исламского мира к северу от Кавказских гор.

Чечня и соседний Дагестан расположились на вершинах северных склонов Кавказского хребта. Никогда ими не правил монарх, ибо они состоят более чем из 100 *тейпов* — кланов, каждый из которых «свободен и равен другим, подобно волкам».

Полностью ислам эти кланы приняли лишь в XVII–XVIII веках, когда русские армии теснили их к югу. Это было время, когда на далёких горизонтах шли сражения за контроль над югом России, а в 1818 году генерал Ермолов заложил на чеченской земле русскую крепость Грозную.

На протяжении всего XIX века сопротивление русским возглавляла череда образованных воинов-вождей, самым знаменитым из которых был имам Шамиль.

Эти люди сумели вывести сопротивление за пределы собственных кланов и создать общую кавказскую национальную идентичность. Организуя горцев на борьбу против православной имперской России, они сделали для обращения языческих горных общин в суннитский ислам больше, чем всё, что происходило здесь за предшествующую тысячу лет.

В 1859 году имам Шамиль был вынужден сдаться, однако к концу жизни ему разрешили совершить хадж. По всей Османской империи его встречали как героя.

Он умер в Мекке и был похоронен рядом с ранними мучениками ислама на кладбище, основанном во времена пророка Мухаммада.

На Кавказе ислам всегда был верой, связанной с благородной борьбой горских вождей против толпы пьющих христианских торговцев и их лихих союзников-казаков.

Недавняя череда русско-чеченских войн продолжила эту традицию после столетнего затишья, пришедшегося главным образом на советскую эпоху.

Войны 1990-х и 2000-х годов привели к исходу большинства русских славян, переселившихся в регион за предыдущее столетие.

Однако именно подавление чеченских террористических операций в России помогло президенту Путину утвердиться в образе патриотического лидера своей страны.

Теперь, по-видимому, ясно, что одним из главных мотивов столь решительного вмешательства российского руководства в гражданскую войну в Сирии были сведения о значительном числе чеченских бойцов, добровольно вступавших в ряды ИГИЛ.

Эхо изгнания мусульман царской Россией продолжает звучать на Ближнем Востоке и в XXI веке.

Азербайджан опровергает все стереотипы: это страна, одновременно тяготеющая к светскости и почти целиком шиитская.

Это одна из старейших нефтедобывающих и нефтяных экспортных стран мира, а также старейшая мусульманская демократия: женщины получили здесь избирательное право в 1919 году — раньше, чем в США и большинстве европейских государств, — хотя сегодня страна, по словам автора, оказалась под властью наследственного президентства Ильхама Алиева.

Ильхам представляет уже 3-е поколение семьи, возвысившейся ещё при сталинской военной администрации.

По своему этническому происхождению Азербайджан — тюркская страна, однако на протяжении тысячелетий он был глубоко укоренён в иранской культуре.

Он тесно связан с северо-западным Ираном, где проживает значительное азербайджанское население и где находится немало общих культурных героев и исторических памятников.

Так, крепость Бабека — одного из главных символов азербайджанского национального самосознания, возглавившего в IX веке восстание против Аббасидского халифата, — находится по другую сторону современной границы, в Иране.¹

Бабек — «Молодой отец» — говорил:

«Лучше прожить 1 день свободным правителем, чем 40 лет униженным рабом».

И, в лучших традициях шиитской мученической истории, он погиб страшной смертью за свои убеждения, после того как был предан и выдан аббасидскому полководцу.¹

Образ Бабека и сегодня сохраняет огромную силу в Азербайджане — стране, втянутой в многолетнее пограничное противостояние с христианской Арменией за контроль над горными долинами.

¹ Бабеку отсекали руки и ноги, после чего его зашили в коровью шкуру. По мере высыхания кожа постепенно сжималась и медленно душила изувеченного героя, пока его тело висело на виселице

Это крайне тяжёлый, сложный и жестокий конфликт, в ходе которого массовые убийства происходили по обе стороны границы.

Армению в этом конфликте поддерживает Россия, и можно было бы предположить, что Иран встанет на сторону своего шиитского соседа.

Однако прагматичный Иран, заинтересованный в сотрудничестве с Россией в других регионах мира, в том числе в Сирии, по-видимому, предпочитает наблюдать за нынешней неразберихой со стороны.

Возможно, Иран также опасается чрезмерного усиления Азербайджана, чтобы тот однажды не обратил взор на юг и не начал сближаться с азербайджанским населением северо-западных провинций самого Ирана.

Оказавшись в некотором смысле предоставленными самим себе и Россией, и Ираном, азербайджанцы естественным образом повернулись в сторону Турции.

Между 2 президентами существует прямая линия связи, а в публичном пространстве постоянно звучат слова о «2 государствах — 1 народе».

Этому способствует и вполне материальная логистика: SOCAR — Государственная нефтяная компания Азербайджана — транспортирует сырую нефть из Баку через восточную Турцию к портам для дальнейшей отправки.

Азербайджан развивает и торговые отношения с Великобританией, которая поставляет стране вооружение и фармацевтическую продукцию, а через ВР содействует новому этапу освоения морских нефтегазовых месторождений.

Россия, разумеется, представляет собой не столько страну, сколько целый континент даже в своём постсоветском виде.

Её территория составляет около 6 миллионов квадратных миль и охватывает 11 часовых поясов; по площади это примерно вдвое больше США или Китая, хотя население — 144 миллиона человек — составляет лишь половину американского и около одной десятой китайского.

Ещё до вторжения в Украину российская экономика была сравнительно скромной: по объёму мирового ВВП Россия занимала 12-е место и всё больше зависела от экспорта нефти и газа — единственных 2 товаров, в которых Ближний Восток совершенно не нуждается.

В годы расцвета Советского Союза, в 1970-е, его союзниками на Ближнем Востоке были Египет, Сирия, Алжир, Ливия, Ирак, Сомали и Южный Йемен.

Из всех этих отношений в прежнем виде сохранилась лишь связь с Сирией.

Поэтому с дипломатической точки зрения Россия поступила весьма расчётливо, столь решительно поддержав сирийский режим во 2-й фазе гражданской войны.

Это было дорого — хотя и не в смысле потерь российских военнослужащих, — но, похоже, принесло дивиденды.

Россия сохранила возможность пользоваться своим сирийским военноморским портом в восточном Средиземноморье и укрепила позиции в отношениях с Турцией, Саудовской Аравией и государствами Персидского залива, несмотря на то что те фактически поддерживали другие сирийские группировки.

В ходе войны удалось также выстроить прочное взаимопонимание с Ираном.

Глава 31

Новый Шёлковый путь: Китай и Ближний Восток

Новые глобальные союзы: Китай обращает взор на Запад

За последнее десятилетие мировые державы — США, Россия и Китай — укрепили отношения с ключевыми ближневосточными центрами силы: Саудовской Аравией, Турцией и Ираном.

Россия сегодня прочно связана с Сирией и Ираном и способна вести прямой диалог с Турцией, хотя в регионе они поддерживают разные стороны.

Соединённые Штаты сохраняют союз с Израилем, Саудовской Аравией и эмиратами Персидского залива и неизменно — а возможно, и иррационально — враждебны Ирану.

Китай же стремится торговать со всеми на Ближнем Востоке, прежде всего из-за собственной стратегической потребности в нефти.

Он хотел бы создать устойчивые рабочие отношения с Пакистаном, Ираном и, вероятно, Оманом, а возможно, также выработать общую политику с Россией и Ираном, чтобы сдерживать американское влияние.

Вскоре Китай станет крупнейшим в мире отдельным импортёром нефти, а потому безопасность морских путей Персидского залива будет всё сильнее затрагивать его интересы.¹

Таким образом, пока США говорят о постепенном отходе от роли мирового полицейского, Китай, вероятно, будет занимать всё более активную позицию.

Для Ближнего Востока это радикальная перемена, поскольку после Второй мировой войны Китай сознательно не допускался в регион вследствие активного противодействия сразу 2 сверхдержав — Советского Союза и США.

Поэтому исторически в отношениях Китая с Ближним Востоком имеется нечто вроде чистого листа.

Ему никогда не приходилось выбирать между Израилем и Палестиной или решать, следует ли торговать с богатыми монархиями либо поддерживать серьёзные социалистические республики с их 5-летними планами.

Китай хотел бы воспользоваться этой традицией и сохранить собственный неприсоединившийся «3-й путь», выступая сверхдержавой без врагов.

Но проблемы уже начинают накапливаться.

¹ В настоящее время Китай уступает США по размеру экономики: примерно 15 триллионов долларов против 18 триллионов. Однако американское превосходство, возможно, не продлится ещё одно десятилетие.

Около 50% нефти и газа Китай импортирует с Ближнего Востока, поэтому его отношения с Ираном, скорее всего, будут только укрепляться.

Иранскую нефть можно доставлять в Китай по суше, не завися от безопасности морских путей.

Кроме того, Иран является неотъемлемой частью Азии и в будущем может превратиться в полезного союзника, способного помочь Китаю поддерживать порядок на этом огромном континенте.

Как древняя цивилизация, Иран хранит горькие воспоминания об оккупации и давлении со стороны России и Британии, а затем о господстве США — опыт, во многом созвучный китайскому.

Обе страны полны решимости никогда больше не допустить подобного.

Чтобы понять внешнюю политику Китая на Ближнем Востоке, необходимо по-новому взглянуть на карту мира.

Мы можем представлять себе огромное китайское побережье, свободно выходящее в просторы Тихого океана, однако с точки зрения Пекина морские пути находятся под наблюдением цепи американских островных военных баз — Окинавы, Бонинских островов и Гуама — связанных с давними союзниками США: Японией, Южной Кореей, Тайванем и Филиппинами.

К югу ситуация выглядит ещё менее удовлетворительной.

Почти вся мировая морская торговля — особенно поставки ближневосточной нефти на Дальний Восток — проходит через Малаккский пролив, жизненно важную артерию китайской экономики, вновь окружённую сочетанием американских союзников — Сингапуром, Таиландом, Малайзией, Индонезией и Австралией.

Малаккский пролив — самый загруженный в мире: ежегодно через него проходит более 90 000 судов.

Он протянулся на 500 миль, при этом остаётся сравнительно узким и мелководным.

Именно поэтому Китай уже давно реализует проект возрождения древнего Шёлкового пути, используя возможности современной инженерии и инфраструктуры.

Пакистан — восточный сосед Ирана — является одним из главных выгодополучателей и партнёров в этой чрезвычайно амбициозной программе.

В 2015 году Китай объявил о проекте стоимостью 46 миллиардов долларов по строительству автомобильных и железных дорог, а также трубопровода, который соединит Китай с Гвадаром — огромным новым портом на южном побережье Пакистана, взятым Китаем в аренду на первоначальный срок 40 лет.

От периодических беспорядков в незаконном Белуджистане его должна защищать 25-тысячная служба безопасности.

Вероятно, Китай захочет создать ещё один безопасный порт — возможно, даже военно-морскую базу — ближе к Персидскому заливу.

Пекин будет осторожен с политическими осложнениями центральной части Ближнего Востока и, вероятно, проявит больше интереса к дружбе с небольшой страной, имеющей выход к Индийскому океану или Красному морю, — возможно, с Йеменом или Оманом, оба из которых ощущают давление могущественного соседа — Саудовской Аравии.

Пока же Китай предпочитает не складывать все яйца в одну корзину ни политически, ни географически и ведёт переговоры о партнёрстве сразу с 4 портами: Джибути, небольшим государством-портом; Дукмом в Омане; Джизаном в Саудовской Аравии и Айн-Сохной в Египте.

Растут и коммерческие связи Китая с ОАЭ, где сегодня живёт около 250 000 китайских работников, а двусторонняя торговля достигает примерно 60 миллиардов долларов.

В 2023 году стало казаться, что терпеливая китайская дипломатия на Ближнем Востоке наконец достигла зрелости: именно Китай выступил посредником в соглашении между шиитским Ираном и суннитской Саудовской Аравией, убедив их восстановить дипломатические отношения.

Это стала захватывающая и безусловно позитивная инициатива, способствовавшая снижению напряжённости на Ближнем Востоке.

И Иран, и Саудовская Аравия являются автократиями и едва ли захотят ставить Китай в неловкое положение по 2 вопросам, которые для него являются абсолютно запретными:

любое вмешательство в положение мусульман внутри Китая, прежде всего уйгуров в Синьцзяне — Китайском Туркестане, — и любые попытки связать Арабскую весну с резнёй на площади Тяньаньмэнь в 1989 году.

Лишь Турция, увлечённая далёкими мечтами о конфедерации тюркоязычных народов, открыто поддерживает стремление китайских уйгуров к самоопределению.

Однако Турция — сравнительно небольшой торговый партнёр Китая и почти ничего туда не экспортирует.

Маловероятно, что эти 2 страны станут близкими друзьями.

Тем, кто хотел бы вбить клин между Китаем и Ближним Востоком, не придётся долго искать подходящий повод.

Это судьба уйгуров — коренного мусульманского населения Китайского Туркестана.

Около 12 миллионов уйгуров составляют примерно 60% населения Синьцзяна.

Большинство из них — сунниты.

На протяжении последнего десятилетия их религиозная идентичность беспощадно подавлялась китайским государством.

Поэтому одной из исторических фигур недавнего прошлого, о которой, вероятно, ещё будут много говорить, станет Ма Буфан (1903–1958) — харизматичный китайский мусульманский генерал, чья семья целое поколение господствовала в регионе.

Во время Второй мировой войны он сдерживал Советский Союз, который поддерживал небольшую Восточно-Туркестанскую республику на советско-китайской границе.

Он противодействовал влиянию как Тибета, так и местных буддийских общин и отбил японское вторжение.

На вершине своего могущества Ма Буфан командовал преданной ему армией из 50 000 солдат, включая последнюю крупную, действительно боеспособную кавалерию, благодаря чему сумел сопротивляться победе коммунистов дольше, чем любой другой союзник Чан Кайши.

С 1950 по 1958 год Ма Буфан находился в изгнании, пытаясь найти деньги и союзников — проводил время в Египте и Саудовской Аравии, вёл переговоры с США, — чтобы поддержать тлевшее мусульманское восстание против коммунистов.

Китай заинтересован в мире на всём Ближнем Востоке, чтобы иметь возможность покупать необходимую ему нефть и газ по подходящей цене.

Войны и политическая нестабильность всегда повышают цены.

Сегодня у Китая на Ближнем Востоке нет врагов — любопытным образом это почти то же положение, в котором США находились здесь 100 лет назад.

Америка постепенно разрушила репутацию доверенного посредника, слишком сильно связав себя с Израилем — единственным региональным союзником, который, как считалось, разделял американское представление о политической демократии.

Китаю было бы разумно не повторять эту ошибку: не влюбляться ни в какую идею, религию или государство, а торговать со всеми и спокойно относиться к тем странам, которые хотят диверсифицировать поставщиков вооружений.

У Китая появится ещё одно огромное преимущество перед США, если он не станет читать своим региональным союзникам и торговым партнёрам лекции о свободе, прозрачности и справедливости — не говоря уже о демократии и иных либеральных свободах.

После Газы

Послесловие

Ближний Восток после войны в Газе

Я закончил последние правки этой книги в октябре 2023 года.

Предыдущие варианты рукописи были в 3 раза объёмнее; на написание книги ушло несколько лет, а на исследования и путешествия — многие десятилетия моей жизни.

После этого я отправился в Рим немного отдохнуть.

Новости тогда были почти целиком заняты войной России и Украины, а Ближний Восток, редкий случай, казался тихим.

7 октября я провёл день, осматривая руины древнего порта Остия, и там услышал первые известия о массовых убийствах, совершённых ХАМАС за пределами Газы.

К тому времени, когда я вернулся в Лондон, израильтяне уже начали ответную атаку на Газу, и Ближний Восток вновь был брошен в новый водоворот насилия.

Я сразу понял, что моя историческая книга одновременно стала необычайно актуальной и уже отчасти устаревшей.

Британский издатель добавил короткое примечание о том, что книга была отправлена в печать через неделю после первых событий в Газе.

Теперь, спустя 6 месяцев, я отправляю её в американскую печать, когда Ближний Восток охвачен потрясениями, а израильская война в Газе давно вышла за пределы Израиля и Палестины: происходят ракетные удары и точечные убийства в Ливане, Сирии и Ираке, а старые шрамы суннитско-шиитского раскола, о котором я писал как об истории, вновь раскрываются свежими ранами.

В западных СМИ в ходе нового ближневосточного кризиса Иран изображают во главе угрожающего шиитского союза, объединяющего Сирию, Ирак, хуситов Северного Йемена и «Хезболлу» Южного Ливана.

Все участники так называемой «Оси сопротивления» действительно находятся под влиянием Ирана, но при этом остаются самостоятельными политическими силами.

Каждый хочет считаться надёжным союзником палестинцев и доказать миру, что принадлежит к истинной мусульманской общине, защищающей бедных и угнетённых, невзирая на расходы.

Их противники, по смыслу этой риторики, оказываются «партией лицемеров», о которых так часто говорится в Коране.

Однако ничего здесь не бывает просто.

Палестинские бойцы в Газе — ХАМАС и «Исламский джихад» — по своим религиозным убеждениям подчеркнуто суннитские организации, тогда как активную поддержку им оказывают именно шиитские силы.

Суннитские арабские государства во главе с Саудовской Аравией и её союзниками в Персидском заливе, поддерживаемые внешним кругом таких стран, как Египет и Иордания, могут позволять себе крайне громкую риторику, но практически ничего военного не делают для поддержки палестинского сопротивления, опасаясь разгневать США и Израиль.

Конечно, у этих государств слишком многое поставлено на карту, а как близкие соседи Израиля они чрезвычайно уязвимы.

Израиль, получающий оружие и финансовую поддержку США, в случае прямого военного вмешательства Египта или Иордании способен уничтожить их военно-воздушные силы — подобно тому, как это произошло во время арабо-израильской Шестидневной войны 1967 года.

В стороне от этих 2 ближневосточных союзных блоков находится 3-я группа сил — Турецкая Республика, действующая в тесном взаимодействии с Катаром.

Обе страны открыты и Западу, и арабскому миру, а потому могут пытаться выступать посредниками в мирных переговорах и одновременно позволять себе жёсткую риторику в адрес Израиля и США.

Катар показал свою исключительную значимость во время перемирия в ноябре 2023 года, когда удалось освободить часть удерживаемых в Газе израильских заложников в обмен на палестинских заключённых.

На протяжении многих лет Катар также негласно выплачивал зарплаты учителям и врачам в Газе, поэтому имеет давнюю историю участия в палестинских делах, хотя его политика предоставления безопасного убежища руководителям ХАМАС вызывает куда больше споров.

По мере продолжения войны в Газе президент Турции Тайип Эрдоган выступал всё резче.

В совместном заявлении с президентом Палестины Махмудом Аббасом он утверждал, что «Нетаньяху и его обезумевшая администрация открыто осуществляют геноцид палестинского народа».

В начале войны глава турецкой разведки обратил внимание на очевидное отсутствие универсальных нравственных стандартов: те державы, которые

поддерживали Украину перед лицом российского военного вторжения, одновременно одобряли разрушение Газы Израилем.

Турция — краеугольный камень НАТО, поэтому время от времени она может позволить себе говорить вещи, к которым вынуждены прислушиваться.

Тем временем внимание мира привлекали и отдалённые взрывы — точечные израильские авиаудары по Сирии, Ливану и Ираку.

На короткое время ракетными ударами обменялись даже Иран и Пакистан.

Но сильнее всего мировое внимание привлекли нападения хуситов на судоходство в Красном море в поддержку Палестины, которые привели к ударам США и Великобритании по Северному Йемену.

Хуситы Северного Йемена придерживаются наиболее умеренного направления доктринального шиизма и только что пережили 9 лет нападений со стороны суннитской военной коалиции во главе с Саудовской Аравией и ОАЭ.

Поэтому западные ракеты, обрушившиеся на них, лишь укрепили моральный дух режима и сделали хуситов чрезвычайно популярными среди арабской общественности.

Теперь они выглядели по-настоящему принадлежащими к «партии Бога».

Но и здесь нужно заглянуть за завесу дыма.

До последней волны ракетных атак хуситы были близки к подписанию перемирия с Саудовской Аравией, а их силы не контролируют всё красноморское побережье Йемена.

Иран — страна, которую Израиль и США стараются представить главным виновником ближневосточных конфликтов, — в значительной мере оставался в стороне от прямого участия.

Однако загадочный обмен ракетными ударами между Ираном и Пакистаном снова продемонстрировал, насколько всё на Ближнем Востоке взаимосвязано.

Иран и Пакистан разделяет пустынная граница, проходящая через дикие пространства Белуджистана.

В иранском контексте Белуджистан — преимущественно суннитская область меньшинств, всегда несколько отчуждённая от шиитского большинства страны.

В Пакистане же Белуджистан — воинственно суннитская провинция, соседствующая с Синдом — богатой, политически радикальной областью с сильным шиитским присутствием.

В таких пограничных регионах, где религиозная или этническая идентичность вступает в противоречие с национальным большинством, возможностей для недоразумений и тайных операций более чем достаточно.

Нынешний конфликт между Израилем и Газой день за днём выглядит всё более ужасающим.

7 октября, когда 1 200 израильтян были убиты, а около 240 захвачены в заложники вооружёнными людьми, прорвавшимися из Газы, все на Ближнем Востоке понимали, что военный ответ Израиля будет подавляющим.

Однако мало кто мог ожидать, что месть Израиля Газе перерастёт в столь продолжительную тотальную войну, сравнивающую с землёй жилые дома, общественные здания и больницы, перемещающую, а затем доводящую до голода всё население.

За 5 месяцев войны в результате военных действий Израиля внутри Газы погибло более 32 000 палестинцев.

Это уже не «око за око и зуб за зуб» — скорее тридцатикратное возмездие.

Война в Газе глубоко потрясает, но не должна удивлять.

Большинство из 2,1 миллиона жителей сектора Газа происходят из семей, изгнанных из родных деревень во время войны 1948–1949 годов — Накбы, «Катастрофы», как её называют палестинцы.

Израильтяне знали, что эти палестинцы ненавидят их за захват земли, но надеялись, что со временем эта ненависть ослабнет, потому что «старики умрут, а молодые забудут».

С победы Израиля прошло уже 75 лет.

Но надежда на то, что палестинцы забудут утраченные дома и уедут искать лучшую жизнь в другие страны, оказалась напрасной.

Действительно, палестинская элита — образованный средний класс из Хайфы, Рамаллы и Иерусалима — стала талантливой диаспорой, рассеянной по всему миру.

Однако в таких местах, как Газа, произошло обратное.

Там из среды палестинского рабочего класса, лишённого прежней клановой принадлежности и деревенской идентичности, возник новый мощный национализм, всё более радикальный и ведомый собственными местными лидерами.

Для этих людей нынешняя война в Газе — всего лишь продолжение войны 1948–1949 годов, переживаемое уже 3-м поколением.

С 1949 года израильская армия вторгалась в Газу около дюжины раз и каждый раз старалась уничтожить очередную форму палестинского сопротивления — как бы она ни называлась: ФАТХ, ООП, НФОП, «Исламский джихад» или ХАМАС.

Идея решения конфликта путём создания 2 государств, столь любимая иностранными миротворцами, редко — а некоторые скажут, никогда — всерьёз не рассматривалась Израилем иначе как временное перемирие в долгом, медленном движении к созданию сионистской родины.

Некоторые наблюдатели считают более вероятным решение Израиль–Палестина в рамках 1 государства.

По этой логике, когда Израиль станет достаточно защищённым и уверенным в себе — благодаря масштабу военных побед, союзов, экономики и расширившихся границ, — он сможет включить коренное палестинское арабское население в жизнь единого демократического государства.

Мы все можем мечтать о том, что этот эффективный, хорошо управляемый Израиль, включающий всю историческую Палестину, со временем станет ядром зоны свободной торговли вместе с Иорданией, Ливаном и Сирией.

Однако насилие в Газе отодвинуло подобные оптимистические видения ещё на 1 или 2 поколения.

С дипломатической точки зрения самым заметным последствием войны в Газе стала фактическая смерть так называемых Авраамовых соглашений — организованной США попытки объединить Саудовскую Аравию, государства Персидского залива и суннитский блок с Израилем для противостояния Ирану и его демонизации.

Можно много говорить о различиях между шиитской «Осью сопротивления» и пассивными суннитскими государствами, но вторжение в Газу фактически объединило население всего Ближнего Востока в эмоциональном сочувствии палестинцам, одновременно усилив враждебность к Израилю и к США, которые делают его действия возможными.

Само по себе это уже исторический сдвиг.

В отличие от колониальных злодеев — Франции и Британии — в 1-й половине XX века именно США были «хорошей стороной» на Ближнем Востоке.

Во времена таких людей, как Эйзенхауэр, американское господство в свободном мире было абсолютным, а во 2-й половине XX века оно лишь укрепилось.

Но в 1960-е годы — из-за вмешательства на Кубе, во Вьетнаме, Южной и Центральной Америке и молчаливой поддержки Израиля в Шестидневной войне 1967 года — США во внешней политике стали прежде всего империей и лишь затем демократической республикой.

3 наиболее заметные недавние тактические победы США на Ближнем Востоке — освобождение Кувейта в 1991 году, вторжение в Афганистан в 2001-м и вторжение в Ирак в 2003-м — сегодня выглядят как высшая точка американской военной мощи.

Но каждый раз эти победы подрывались неспособностью Вашингтона услышать настроения и мнение улицы.

Тем временем новые реальности создаются возрождением 2 великих экономик древнего мира — Китая и Индии, усиленных рабочим союзом с Россией и Ираном.

Одновременно действует долгосрочная американская военная стратегия, которой придерживаются все политические руководители США: перенести главный акцент в Тихоокеанский регион и побуждать ведущие военные державы Европы — Германию, Францию и Великобританию — играть более активную роль.

Жестокость израильско-палестинского конфликта потрясает совесть мира и кажется столь первобытной, что способна поглотить всё наше внимание.

Однако, несмотря на то что об этом конфликте сообщают больше всего, в действительности он лишь один из примерно полудюжины очагов напряжённости на широком Ближнем Востоке.

По числу боевых потерь он значительно уступает тому, что происходило за последнее десятилетие в Йемене, не говоря уже о гражданских войнах, разорвавших Сирию, Ирак, Ливан и Афганистан, или о войне, которая сейчас бушует в Судане.

Чтобы увидеть медленные процессы, способные в будущем по-настоящему преобразить Ближний Восток, нужно смотреть глубже и дальше.

На то, как сирийский режим будет выстраивать отношения с суннитским большинством своей страны.

Сможет ли Ирак остаться верен собственным традициям или окончательно превратится в клиента Ирана.

Дадут ли эмираты Персидского залива своему среднему классу политический голос.

Выживут ли курдские образования, недавно возникшие в Северной Сирии и Северном Ираке.

И появится ли в Египте политический гений, способный разморозить противостояние между египетской армией и «Братьями-мусульманами».

Нельзя забывать и о том, что в центре всей картины неизменно останется политическая эволюция Ирана, Турции и Саудовской Аравии.

Каждая из этих стран прекрасно понимает: если не вести Большую игру с высочайшим мастерством, события в собственных пограничных областях — Хузестане, Курдистане и Эль-Хасе — могут привести к распаду самих государств.

Барнаби Роджерсон, апрель 2024 года